А • РЕДКАЯ КНИГА РЕДКАЯ КНИГА
КАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ
• РЕДКАЯ КНИГА РЕДКАЯ КНИГА

Отступая под ударами советских войск, немецкие изверги грабят население, жгут деревни, расстреливают стариков, женщин и детей.

Из сообщения Совинформбюро
15 апреля 1942 г.

На Харьковском направлении пять наших истребителей под командованием капитана Гусарова вступили в бой с семью вражескими самолетами и сбили четыре «Хейнкеля-113» и один «Мессершмитт-109». Все наши истребители благополучно вернулись на свой аэродром.

Из сообщения Совинформбюро
16 мая 1942 г.

В течение 21 июня на Севастопольском участке фронта наши войска отбивали неоднократные и ожесточенные атаки немецко-фашистских войск. Противнику ценой огромных жертв удалось вклиниться в нашу оборону.

Из сообщения Совинформбюро
21 июня 1942 г.

В течение 21 сентября наши войска вели ожесточенные бои с противником в районе Сталинграда и в районе Моздока.

Из сообщения Совинформбюро
21 сентября 1942 г.

Илья ЭРЕНБУРГ • ВОЙНА • Апрель 1942 — Март 1943

Илья ЭРЕНБУРГ

ВОЙНА

●

Апрель 1942 — Март 1943

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2002

ББК 84(2)7
Э76

Scan By Vitaliy Kali

Эренбург И.Г.

Э76 Война. Апрель 1942—март 1943. — М.: Воениздат, 2002. 288 с., ил. — (Редкая книга).

ISBN 5—203—01946—0

Очерки Ильи Эренбурга 1942—1943 годов остаются реликвией для ветеранов войны. Книга пронизана любовью к Родине, она замечательно передает атмосферу того времени, когда все помыслы людей были подчинены одной цели — одолеть ненавистного врага.

ББК 84(2)7

ISBN 5—203—01946—0

© Оформление. Воениздат, 2002

От редакции

Бывший фронтовик-разведчик Александр Чистяков привез с фронта домой вместе с наградами и другие реликвии. В их числе были книжки и брошюры военных лет, газетные вырезки.

«На фронте, — вспоминает А. Чистяков (Коллекция НГ. № 6. 6.06.2001), — мы до дыр зачитывали газеты, в которых находили статьи Ильи Эренбурга — до того они были пронизаны любовью к Родине, ненавистью к врагу, до того были яркими, убедительными. Говорят, Эренбург работал не покладая рук, писал порою по две большие статьи в сутки. Потом эти шедевры выходили отдельными изданиями...

Спустя сорок пять лет я встретился в пути (ехали к нефтяникам Тюмени) с бывшим фронтовиком. Разговорились. И он вдруг говорит: «А помнишь, была такая статья Эренбурга?» — и называет «Убей его!». Я раскрываю «дипломат» и показываю ему подлинник ... Перечитали несколько строк: «Немцы, погибая, хотят погубить весь мир. Они осатанели. Я видел, что они сделали с городами и селами Украины, Белоруссии. Зима, а дети на морозе. Коров перестреляли, срубили яблони. Взорвали дома, больницы, школы. Один немец — Вольфганг Пфальц — в письме хвастает: «Мы уничтожаем все, в этом еще раз сказался гений нашего народа ...»

Сейчас, дорогой читатель, ты держишь в руках одну из книг, которые составляют коллекцию фронтовика-разведчика Александра Чистякова. Это «Война: апрель 1942 — март 1943» Ильи Эренбурга. Она печаталась в 1943 году ОГИЗ Гослитиздатом на газетной бумаге тиражом 25 000 экземпляров и давно стала библиографи-

ческой редкостью. Дело в том, что И.Г. Эренбург (1891—1967) не включил эту книгу в собрание сочинений, а использовал при написании своих, получивших мировую известность мемуаров «Люди, годы, жизнь».

Надеемся, что этот сборник фронтовых статей, очерков, корреспонденций обретет вторую жизнь. Выпускается он к 50-летию тех событий, о которых идет речь. Книга интересна тем, что передает психологию, чувства, атмосферу того времени, когда все помыслы людей были подчинены единственной цели — одолеть ненавистного врага ...

НЕМЕЦ

ЧЕГО ГИТЛЕР ХОЧЕТ

1. ХОЧЕТ-ХЛЕБ У КРЕСТЬЯН ОТНЯТЬ

2. ХОЧЕТ ЗАВОДЫ БУРЖУЯМ ОТДАТЬ

3 ХОЧЕТ ЗЕМЛЮ УСЕЯТЬ ГРОБАМИ

4. ХОЧЕТ СВОБОДНЫХ СДЕЛАТЬ РАБАМИ

И ЧТО ОН ПОЛУЧИТ

ПОЛУЧИТ ВТРОЕ ЗА КАЖДЫЙ УДАР
ДЕСЯТКИ ПОЖАРОВ ЗА КАЖДЫЙ ПОЖАР

ПОЛУЧИТ-ШТЫК, ОГОНЬ И СВИНЕЦ
ПОЛУЧИТ-ФАШИЗМА БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ

Оправдание ненависти

Из всех русских писателей гитлеровские идеологи относятся наиболее снисходительно к Достоевскому. Гитлеровцам понравились сцены нравственного терзания, показанные великим русским писателем. Однако фашисты — плохие читатели, им не понять гения Достоевского, который, опускаясь в темные глубины души, озарял их светом сострадания и любви. Один из немецких «ценителей» Достоевского написал в журнальной статье: «Достоевский — это оправдание пыток». Глупые и мерзкие слова. Гитлеровцы пытаются оправдать Гиммлера Достоевским. Они не в силах понять жертвенности Сони, доброты Груни. Русская душа для них — запечатанная книга.

Русский человек по природе незлобив, он рубит в сердцах, легко отходит, способен понять и простить. Многие французские мемуаристы рассказывают, как русские солдаты, попав в Париж после падения Наполеона, помогали француженкам носить воду, играли с детьми, кормили солдатскими щами парижскую голытьбу. Даже в те черные годы, когда враг напал на Россию, русские хорошо обращались с пленными. Петр после Полтавы обласкал пленных шведов. Наполеоновский офицер Соваж в своих воспоминаниях, посвященных 1812 году, называет русских «добрыми детьми».

Лет десять тому назад я попал в трансильванский город Орадеа Маре. Меня удивило, что в магазинах, в кафе, в мастерских люди понимали по-русски. Оказалось, что многие жители этого города во время мировой войны попали в плен к русским. Все они трогательно вспоминали годы, проведенные в Сибири или в Центральной России, подолгу рассказывали о доброте и участливости русских. Еще в начале этой войны я не раз видел, как наши бойцы мирно калякали с пленными, делились с ними табаком и едой. Как случилось, что советский народ возненавидел немцев смертельной ненавистью?

Ненависть не лежала в душе русского человека. Она не свалилась с неба. Ее наш народ выстрадал. Вначале многие из нас дума-

ли, что это — война как война, что против нас такие же люди, только иначе одетые. Мы были воспитаны на великих идеях человеческого братства и солидарности. Мы верили в силу слова, и многие из нас не понимали, что перед нами не люди, а страшные, отвратительные существа, что человеческое братство диктует нам быть беспощадными к фашистам, что с гитлеровцами можно разговаривать только на языке снарядов и бомб.

«Волкодав — прав, а людоед — нет». Одно дело убить бешеного волка, другое — занести свою руку на человека. Теперь всякий советский человек знает, что на нас напала свора волков.

Дикарь может разбить изумительную статую, людоед может съесть величайшего ученого, попавшего на остров, населенный каннибалами. Немецкие фашисты — это образованные дикари и сознательные людоеды. Просматривая недавно дневники немецких солдат, я увидел, что один из них, принимавший участие в клинском погроме, был меломаном и любителем Чайковского. Оскверняя дом композитора, он знал, что он делает. Искалечив Новгород, немцы написали длинные изыскания об «архитектурных шедеврах Неугарда» (так они называют Новгород).

На трупе одного немца нашли детские штанишки, запачканные кровью, и фотографию детей. Он убил русского ребенка, но своих детей он, наверно, любил. Убийства для немцев — не проявление душевного разгула, но методическая деятельность. Убив тысячи детей в Киеве, один немец написал: «Мы убиваем маленьких представителей страшного племени».

Конечно, среди немцев имеются добрые и злые люди, но дело не в душевных свойствах того или иного гитлеровца. Немецкие добряки, те, что у себя дома сюсюкают, катают на спине детишек и кормят немецких кошек паечной колбасой, убивают русских детей с такой же педантичностью, как и злые. Они убивают, потому что они уверовали, что на земле достойны жить только люди немецкой крови.

В начале войны я показал пленному немцу листовку. Это была одна из наших первых листовок, в ней чувствовалась наивность человека, разбуженного среди ночи бомбами. В листовке было сказано, что немцы напали на нас и ведут несправедливую войну. Немец прочитал и пожал плечами: «Меня это не интересует». Его не интересовал вопрос о справедливости: он шел за украинским салом. Ему внушили, что разбойные войны — это заработок. Он шел добывать «жизненное пространство» для Германии и «трофейные» чулки для своей супруги.

В грабеже немцев нас поразили деловитость, аккуратность. Это не проделки отдельных мародеров, не бесчинства разнузданной солдатни, это — принцип, на котором построена гитлеровская армия. Каждый немецкий солдат материально заинтересован в раз-

бойном походе. Я написал бы для гитлеровских солдат очень короткую листовку, всего три слова: «Сала не будет». Это то, что они способны понять, и это то, что их действительно интересует.

В записных книжках немцев можно найти перечень награбленного; они считают, сколько кур съели, сколько отобрали одеял. В своем разбое они беззастенчивы, как будто они не раздевают живых людей, а собирают ягоды. Если женщина попытается не отдать немецкому солдату детское платьице, он ей пригрозит винтовкой, если она вздумает защищать свое добро, он ее убьет. Для него это не преступление: он убивает женщин, как ломают сучья в лесу — не задумываясь.

Отступая, гитлеровцы сжигают все: для немцев русское население такой же враг, как Красная Армия. Оставить русскую семью без крова для них военное достижение. У себя в Германии они ходят на цыпочках, не бросят на пол спички, не посмеют помять травинку в сквере. У нас они вытоптали целые области, загадили города, устроили в музеях уборные, превратили школы в конюшни. Это делают не только померанские землепашцы или тирольские пастухи, это делают приват-доценты, журналисты, доктора философии и магистры права.

Когда боец-колхозник увидел впервые деревню Московской или Тульской области, от которой остались только трубы да скворечницы, он вспомнил свою деревню на Волге или в Сибири. Он увидел в лютый мороз женщин и детей, раздетых, разутых немцами. И в нем родилась лютая ненависть.

Один немецкий генерал, приказав своим подчиненным безжалостно расправляться с населением, добавил: «Сейте страх!» Глупцы, они не знали русской души. Они посеяли не страх, но тот ветер, что рождает бурю. Первая виселица, сколоченная немцами на советской земле, решила многое.

Теперь все у нас поняли, что эта война не похожа на прежние войны. Впервые перед нашим народом оказались не люди, но злобные и мерзкие существа, дикари, снабженные всеми достижениями техники, изверги, действующие по уставу и ссылающиеся на науку, превратившие истребление грудных детей в последнее слово государственной мудрости.

Ненависть не далась нам легко. Мы ее оплатили городами и областями, сотнями тысяч человеческих жизней. Но теперь наша ненависть созрела, она уже не мутит голову, как молодое вино, она перешла в спокойную решимость. Мы поняли, что нам на земле с фашистами не жить. Мы поняли, что здесь нет места ни для уступок, ни для разговоров, что дело идет о самом простом: о праве дышать.

Ненавидя, наш народ не потерял своей исконной доброты. Нужно ли говорить о том, как испытания расширили сердце каждого?

Нельзя без волнения глядеть на многодетных матерей, которые в наше трудное время берут сирот и делятся с ними последним.

Я вспомнил девушку Любу Сосункевич, военного фельдшера. Она под огнем перевязывала раненых. Землянку окружили немцы. Тогда с револьвером в руке, одна против десятка немецких солдат, она отстояла раненых, спасла их от надругательства, от пыток.

Скромна работа другой русской девушки — Вари Смирновой: под минометным и ружейным огнем она как драгоценную ношу несет пачку с письмами на передовые позиции. Она мне сказала: «А как же иначе?.. Ведь все ждут писем, без письма скука съест...»

Но не только к своим живо участие в душе русского, он понимает горе других народов. Большая человеческая теплота чувствуется в обращении женщин многострадального Ленинграда к женщинам Лондона. Не раз бойцы меня расспрашивали о горе Парижа. Привелось мне присутствовать при том, как бойцы слушали заметку о голодной смерти, на которую гитлеровцы обрекли греков; и один боец, колхозник из Саратовской области, выслушав, сказал: «Вот ведь какая беда!.. И как бы скорей перебить этих фрицев, людям помочь?»

Наша ненависть к гитлеровцам продиктована любовью, любовью к родине, к человеку и к человечеству. В этом — сила нашей ненависти. В этом — ее оправдание. Сталкиваясь с гитлеровцами, мы видим, как слепая злоба опустошила душу Германии. Мы далеки от подобной злобы. Мы ненавидим каждого гитлеровца за то, что он — представитель человеконенавистнического начала, за то, что он — убежденный палач и принципиальный грабитель, за слезы вдов, за омраченное детство сирот, за тоскливые караваны беженцев, за вытоптанные поля, за уничтожение миллионов жизней.

Мы сражаемся не против людей, но против автоматов, которые выглядят как люди, но в которых не осталось ничего человеческого. Наша ненависть еще сильней оттого, что они с виду похожи на человека, что они могут смеяться, что они могут гладить коня или собаку, что они в дневниках занимаются самоанализом, что они замаскированы под людей и под культурных европейцев.

Мы часто употребляем слова, меняя их первоначальное значение. Не о низменной мести мечтают наши люди, призывая к отмщению. Не для того мы воспитали наших юношей, чтобы они снизошли до гитлеровских расправ. Никогда не станут красноармейцы убивать немецких детей, жечь дом Гете в Веймаре или книгохранилище Марбурга. Месть — это расплата той же монетой, разговор на том же языке. Но у нас нет общего языка с фашистами.

Мы тоскуем о справедливости. Мы хотим уничтожить гитлеровцев, чтобы на земле возродилось человеческое начало. Мы радуемся многообразию и сложности жизни, своеобразию народов и людей. Для всех найдется место на земле. Будет жить и немецкий

народ, очистившись от страшных преступлений гитлеровского десятилетия. Но есть пределы и у широты: я не хочу сейчас ни думать, ни говорить о грядущем счастье освобожденной от Гитлера Германии — мысли и слова неуместны и неискренни, пока на нашей земле бесчинствуют миллионы немцев.

Железо на сильном морозе обжигает. Ненависть, доведенная до конца, становится живительной любовью. «Смерть немецким оккупантам» — эти слова звучат как клятва любви, как присяга на верность жизни. Бойцы, которые несут смерть немцам, не жалеют своей жизни. Их вдохновляет большое, цельное чувство, и кто скажет, где кончается обида на бесчеловечного врага и где начинается кровная привязанность к своей родине? Смерть каждого немца встречается со вздохом облегчения миллионами людей. Смерть каждого немца — это залог того, что дети Поволжья не узнают горя и что оживут древние вольности Парижа. Смерть каждого немца — это живая вода, спасение мира.

Христианская легенда изображала витязя Георгия, который поражает копьем страшного дракона, чтобы освободить узницу. Так Красная Армия уничтожает гитлеровцев и тем самым несет свободу измученному человечеству. Суровая борьба и нелегкая судьба, но не было судьбы выше.

26 мая 1942 года

Им не жить

В маленькой капле отражается мир. В дневнике Ганса Хайля отражена история германской армии. Ганс Хайль — ефрейтор 25-го саперного батальона. Где он родился и когда — нам неизвестно, но умер он 12 февраля 1942 года на Брянском фронте.

Ганс Хайль начал поход исключительно бодро. 22 июня 1941 года он деловито отметил: «Вчера изрядно напились. Сегодня с 3 часов 15 утра начались военные действия». Он считал, что его танковая группа сразу проследует к Черному морю: «Это будет красивым путешествием». Кто-то посоветовал ефрейтору изучить русский язык, ему даже подарили карманный словарь; но он возмущенно отметил: «Изучить русский почти невозможно — сломаешь при этом язык».

Ефрейтор предпочитал ломать чужие головы. Мы часто видим теперь фрицев, которые, хныча и вытирая рукавом нос, бормочут: «Гитлер капут». Полезно восстановить образ наступающего немца. Вот что писал Ганс Хайль в июле 1941 года: «Русские — настоящие скоты. Приказ — в плен никого не брать. Любое средство для унич-

тожения противника правильно. Иначе нельзя справиться с этим сбродом». «Мы отрезали русским пленным подбородки, выкололи глаза, отрезали зады. Здесь существует один закон — беспощадное уничтожение. Все должно протекать без так называемой гуманности». «В городе каждую минуту раздаются выстрелы. Каждый выстрел означает, что еще одно человекоподобное русское животное отправлено куда следует». «Эта банда подлежит уничтожению. Мужчин и женщин нужно всех расстреливать».

Страшный июль, кровь русских женщин, трупы русских детей — мы все помним. Мы знаем, кто к нам пришел и зачем.

Приятели Ганса Хайля смеют говорить о христианстве, о милосердии, о человечности. Но снег декабря не смыл с них детской крови.

Снег декабря... Я не скажу, что Ганс Хайль в декабре стал человечней — таких не переделаешь. Но зимой Ганс Хайль многому научился. 28 сентября он еще писал: «Ходят слухи, что окружение Москвы закончится через месяц. Значит, в конце октября мы будем в Германии...» А месяц спустя он уже кое-что понял. Он жаловался: «У меня больше нет никакого желания о чем-то писать. Сидим десять дней в проклятой грязи. Жрать почти нечего. До чего я похудел — кожа да кости!»

30 октября «кожа да кости» мечтает: «Если бы попасть в Германию хоть зимой!..» Но направление сначала не то: ефрейтора шлют на Рязань. А 23 декабря Ганс Хайль пишет: «Внезапное отступление. Богородицыно сровняли с землей. Все деревни сожгли».

Проходит еще месяц. Вот запись 28 января: «Свинство, и, между прочим, большое! Вся четвертая рота состоит из людей 43—44 лет. Снаряжение недостаточное. Мы должны идти вперед как резерв. Безумие!..» И вот последняя запись — в феврале: «Есть нечего. Почты нет. Снег. Днем нет покоя. А ночью тревога и снова тревога. Нет покоя, нет сна. Из нашей 4-й роты почти все убиты или ранены. С нами покончено, полностью покончено...»

Кто на свете пожалеет такого Ганса? Кто не вспомнит об июле, когда он хвастал: «режем подбородки, выкалываем глаза»? В июле он был страшен. К февралю он стал омерзителен. Его дневник не напечатают в Германии, и «весенние солдаты» Гитлера не узнают о судьбе своих предшественников. Может быть, они придут к нам тоже бодрые, готовые резать подбородки? Мы проучим и этих.

3 апреля 1942 года

Их исправит могила

3 мая германская радиостанция Люксембург передала следующую характеристику гитлеровского солдата:

«Когда немцы начали борьбу против численно превосходящего противника, охваченного стремлением к разрушению, им пришлось задушить в себе культурное наследие нескольких веков. Немцам пришлось забыть все идеалы европейского рыцарского кодекса. Когда война кончится, немецкие жены столкнутся с задачей смягчить очерствевшие души немецких солдат, вернуть им веру в человечество».

Итак, мы осведомлены, почему немецкие солдаты убивают грудных детей, пытают раненых, насилуют девочек: они борются «против численно превосходящего противника». Они жгут наши города, они топчут наши поля, они рубят наши сады, потому что мы «охвачены стремлением к разрушению». За ровным голосом диктора чувствуется рев разнузданной солдатни, пьяной от водки и крови.

Они, видите ли, забыли рыцарский кодекс. Ложь. Эсэсовцы не рыцари, эсэсовцы — убийцы. Они не могут забыть о рыцарской чести: они о ней не слыхали. Они выращены как палачи, как погромщики, как истязатели. Они сдали первый экзамен на звание эсэсовца, убив до войны сотни еврейских детей. Они показали себя зрелыми, повесив тысячи поляков. Они стали маститыми, расстреляв десятки тысяч французских беженок. Они пришли к нам гордые уничтожением десяти стран, залитые детской кровью, с «рыцарским крестом» на груди и с отмычкой в кармане. О каких идеалах можно говорить с бандитами? Их идеалы — это кусок сала, это серьга, вырванная с мясом, это куртка, снятая с убитого ребенка.

Они жалуются: им пришлось задушить в себе культурное наследие прошлого. Ложь. У них нет культурного наследия. Они взяли у прошлого только технику, которую они обратили на уничтожение людей. Они взяли у прошлого только суеверия, орудия пыток и мрак чумных городов. Что общего между гитлеровским босяком и Гете? Между эсэсовцем и Шиллером? Между припадочным фюрером и Кантом? Они задушили культурное наследие в 1933 году. Они жгли тогда книги, потрошили музеи, калечили науку. Они вскормили беспризорников, которые сегодня жгут дом Пушкина в Михайловском и которые завтра сожгут дом Гете в Веймаре.

Их души очерствели? Ложь. У них нет души. Это — одноклеточные твари, микробы, бездушные существа, вооруженные автоматами и минометами. Они начали свою жизнь без мыслей, без чувств, без мечтаний, без порывов. Когда им весело, они отрыгивают. Ког-

да им плохо, они чешутся. У себя они кричат:«Хайль Гитлер», а попав в плен, восклицают: «Гитлер капут». Десять тысяч немцев перебывало в деревне Колицыно. К каждому из них в суровые зимние месяцы подходили русские женщины с замерзавшими детьми и просили: «Пусти ребенка в избу». И ни один из десяти тысяч не пустил. Очерствели? Нет. Такими пришли в Польшу. Такими топтали Францию. Такими резвились в Греции. Бездушные выродки, человеческое мясо с ржавым железом вместо сердца.

Их души после войны смягчат жены? Ложь. Жены не лучше. Жены из того же теста. Жены пишут своим мужьям: «Если детское платье в крови, ничего — я отмою»... Прежде говорили: «Горбатого могила исправит». Это было образом. Мы теперь говорим: фашиста исправит могила. И это не образ — это сухая справка.

10 мая 1942 года

Воровство — немецкое ремесло

Я спросил одного пленного, доволен ли он, что Гитлер послал его на войну. Немец посмотрел на меня стеклянными глазами и ответил: «А что бы я делал, если бы не было войны? Сгнил бы, как отец, на фабрике...»

Говорят, что воровство — последнее ремесло. Но для немцев воровство — единственное ремесло. Работать для них — это гнить. Жить для нить — это грабить.

Когда немцы захватили Норвегию, вся Германия ела копченую и соленую рыбу: «трофеи». Еще шли во Францию эшелоны со снарядами, а назад вагоны уже грузили красными шарами сыра. Съели голландский сыр, принялись за французскую колбасу, за сардины, за паштеты. Кончились паштеты, навалились на яйца: обобрали Болгарию. За болгарскими яйцами последовало сербское сало. «О Германия, бездонна твоя душа!» — восклицает рифмоплет в «Берлинер иллюстрирте». Насчет души сомнительно, но брюхо у Германии действительно бездонно.

Передо мной старая записная книжка немецкого ефрейтора. Вот запись: «15 июня 1940. Мы переживаем воистину исторические дни. Вчера немцы вошли в Париж. Орлеан разрушен. Обыски пленных и экскурсии в дома принесли кое-что и мне: 4 вечные ручки, швейцарские часы «Лонжин», бумажник из крокодиловой кожи, будильник. Поход продолжается...» Поход для немца — приход. «Исторические дни» и краденый будильник...

Зимой немцы приуныли: нечего было грабить. Они сидели в блиндаже, как зверь в норе: сосали лапу. Перед началом летнего

наступления они наслушались рассказов о богатствах Дона и Кубани. Они шли с раздраженным аппетитом. Музыка в пустом брюхе — вот их военный марш. В немецкой армейской газете «Фельдцуг» напечатана была статья «Ты знаешь ли тот край?». Автор рассказывал фрицам, что нет лучше пшеницы, чем на Кубани. «Там лучшие в мире яблоки и душистый виноград, который дает свежее, приятно веселящее вино. Там много крупного рогатого скота, который благодаря высоким кормам дает нежное сочное мясо. Там табачные плантации и большие запасы табака, не уступающего македонским табакам. Там есть и рис, который так любят наши добрые немецкие хозяйки. Там есть чай, напоминающий цейлонский. На побережье много курортов с хорошими и богато обставленными санаториями...»

На всем фронте немцы взволновались: фриц после зимней спячки хочет жрать. Он хочет грабить. Солдат 542-го полка Иосиф Гайер пишет родителям: «Питание достаточное — снабжаем сами себя. Забираем гуся, или кур, или свинью, или теленка и лопаем. Мы заботимся, чтобы живот был всегда набит». Воскресли «трофейные посылки» на родину. Как мухи весной, ожили голодные, жадные немки. Марта Трей пишет из Бреславля своему мужу: «Не забывай обо мне и о малышах. Мы тоже пережили тяжелую зиму. Я буду особенно благодарна за копченое сало и за мыло. Потом, хотя ты пишешь, что у вас тропическая жара, подумай о зиме — и о себе, и о нас, поищи что-нибудь шерстяное для меня и для малышей...»

Голодные крысы несутся по нашей земле. Интенданты вывозят остатки в Германию. Командир 387-й дивизии 16 июля 1942 года отдал приказ, в котором говорится: «Многие до сих пор претендуют на полное снабжение продовольствием за счет подвоза из тыла. При теперешнем напряженном продовольственном положении Германии такие суждения недопустимы. При каждой операции необходимо обеспечить всеми средствами снабжение частей за счет местных ресурсов». Сказано пышно — «за счет местных ресурсов», смысл ясен: за счет крестьян. Немецкая армия пасется на подножном корму: идут и грабят. Воровство для них — стратегия, и тактика, и отвага.

Воровство для Гитлера — государственная мудрость. У фрица в сумке и ветчина, и сало, и детский костюм, взятый в Армавире, а у Гитлера в кармане десять европейских государств. Немцы торгуют краденым и меняют краденое. Недавно они «продавали» заводы Днепропетровска и уцелевшие дома Харькова. Это немецкая торговля. Они отобрали у голландцев землю и послали голландцев в Кременчуг. Это немецкая мена.

Гитлеру нужны рабочие. Он торгуется с французами. «Утро» 12 июля 1942 года объявляет: «Германия согласна предоставить

жизненные блага Украины всем своим воюющим союзникам». Газета объясняет, что румыны, венгры, итальянцы, сражающиеся в России, а также уголовники из различных иностранных легионов получат землю на Украине. «Бери двадцать га, вшивый румын», — кричит Гитлер. «Получай тридцать га, пропойца мадьяр». Чужой землей расплачиваются немецкие воры со своими наемниками.

Гитлеру нужны рабочие. Он торгуется с французами. Гитлер говорит: «Дайте трех хороших рабочих, и я выпущу из плена одного француза». Человечиной торгует тирольский людоед. У него тариф: за одного французского добровольца, записавшегося в легион, Гитлер отпускает двух пленных, за одного пленного берет трех рабочих. Пленный — это денежная единица. Солдат стоит двоих пленных, а рабочему цена невелика — треть пленного.

В июне 1942 года Гитлер опубликовал приказ по войскам, озаглавленный: «Стоимость военнопленного». В приказе сказано: «Все ли солдаты, находящиеся на Восточном фронте, уяснили себе, что в каждом военнопленном они обретают хорошо применимую рабочую силу? Доказано, что русский человек может стать хорошо применимым рабочим. Теперь потребность в мужской рабочей силе велика. Германия, как известно, привлекла много миллионов иностранных рабочих, но, во-первых, этого недостаточно, во-вторых, при этом возникают известные трудности. Военнопленные не представляют никаких трудностей: это хорошо применимая и к тому же дешевая рабочая сила. Захватывая пленного, солдат приобретает рабочую силу для родины, а следовательно, для самого себя».

Итальянских и венгерских рабочих нужно кормить. С пленными легче: как говорит людоед, с пленными «нет трудностей». Немцы теперь идут в поход не только за курами и за пшеницей, они идут в поход за рабами. Немецкий лейтенант Отто Краузе острит в дневнике: «Русский казак с лошадью на немецком поле — это две лошадиные силы». Пленный солдат Гергард Каснер мне жалостливо докладывал: «Хозяйство у меня маленькое, судите сами — тридцать пять моргов земли, одна лошадь, четыре коровы, один бельгиец. Вот у соседа, у майора фон Унрауца в Рейсвальдау, у того хорошее хозяйство — пятнадцать русских».

Немцам нужна и женская сила. Захватывая город, село, станицу, они захватывают новых рабынь. Женщин раздают по рукам. В каждом немецком городке «биржа труда» раздает немцам и немкам русских рабынь. Здесь тоже имеются свои тарифы. Гедвига Земке пишет мужу из Гильдесхейма: «У нас не хотят русских девушек, потому что они очень дерзкие, и фрау Шиллер променяла двух русских на одну литовку. Я заказала украинку. Я сразу по глазам вижу, какие они — послушные или дерзкие».

Немецким солдатам Гитлер обещал не только кубанскую пшеницу, цымлянское вино и русских рабов, он обещал им землю.

Жадно глядят фрицы, привыкшие к плохой земле и к водянистой картошке, на русский чернозем. Вот пленный унтер-офицер, летчик-истребитель Фридрих Шмальфусс. Этот фриц парил в облаках, но думал он о земле. Я его спрашиваю: «Зачем воюете?» — «Нам нужна земля, а в России много хорошей земли». Я говорю: «Но ведь на этой земле живут люди». Он пожимает плечами: «Часть можно будет куда-нибудь переселить, часть будет работать у нас». Помолчав, он добавляет: «Да и вообще после этой войны народу у вас будет меньше».

Вот другой пленный, солдат Вернер Шлихтинг. Он — крестьянин из Мекленбурга. Жалуется, что в Мекленбурге земля плохая: «Приходится над ней много работать». Оживляясь, говорит: «А здесь, в России, много хорошей земли. Офицеры нам говорили, что каждому дадут по сорок га русской земли. Так что я лично рассчитывал остаться в России, хотел, как кончится война, выписать сюда мою невесту». Я спрашиваю: «А кто работал бы на вашей земле?» Вернер Шлихтинг самодовольно отвечает: «Русские под моим руководством. Я их научил бы...» Пленный Иоган Китцлер из 10-го мотополка хотел быть управляющим крупного имения. По его словам, лучшие колхозы станут собственностью германского рейха, управлять ими будут немцы, а работать — русские и украинцы.

Эти дураки поверили в сорок га. Сколько их уже лежит в русской земле! Жаден немец. Жаден он и на землю, не может успокоиться, пока его не накормят досыта, не набьют ему землей ненасытную пасть.

16 августа 1942 года

Орда на Дону

Пленного немца спросили: «Как вы могли изнасиловать тринадцатилетнюю девочку?» Немец равнодушно поморгал и ответил: «Для меня женщина — это уборная». У него были светлые курчавые волосы и голубые глаза.

Человек, обладающий знаниями, неизбежно скромен: он знает, что его познания — крохотная часть науки. Невежда самодоволен, ему кажется, что он умнее всех. Немец 1942 года — недоросль, невежда, самодовольный кретин.

«Красота Парижа — это только реклама. Каждый городок Баварии может с бóльшим правом претендовать на звание столицы Европы, нежели Париж» (газета «Аугсбургер цейтунг»).

«Почему нам в школе забивали голову рассказами о значении Древней Греции? Вокзал в Штутгарте величественней прославленного Парфенона» (дневник лейтенанта Ганса Эберта).

«Здесь весна и русские поля покрылись цветами. Впрочем, смешно называть цветами эти жалкие растения. Цветы, настоящие цветы цветут только у нас в Германии...» (письмо Генриха Зиммерта).

«В России нет ни искусства, ни театра. Столица России была построена немцами, и поэтому до большевиков называлась Петербургом. Школы в крупных городах были устроены немцами, и преподавание шло на немецком языке, за исключением катехизиса и русского языка — для связи между верхушкой страны и простонародьем. Об этом мне подробно рассказал доктор Краус, который учился в московской школе. Не помню ни одной книги, переведенной с русского, ни одной пьесы. Вот только в кино показывали за три года до войны «Анну Каренину», но, по-моему, и сценарий там был немецкий, и ставили картину немцы — русского в ней был один сюжет, к тому же глупый» (письмо ефрейтора Людвига Кортнера).

Немец может увидеть самые прекрасные цветы, но он обязательно подумает, что герань на подоконнике его фрау Хазе лучше. Если дать немцу перевод Толстого, он сначала скажет: «Ерунда». Прочитав, он ответит: «Глупая книга — сразу видно, что русский написал», или: «Хорошая книга — никогда не поверю, что автор — русский, наверное, Толстой — это псевдоним немецкого писателя».

Английский журналист Верт спросил немецкого военнопленного: «Как вам не стыдно так зверски обращаться с пленными красноармейцами?» Немец преспокойно ответил: «На то они русские...» Немец пишет своему брату: «Неправда, что мы убиваем детей. Ты знаешь, как в Германии любят ребят, в моей роте каждый поделится последним с ребенком. А если мы в России убиваем маленьких представителей страшного племени, это диктуется государственной необходимостью». Он чист перед собой: он ведь убивает русских детей, то есть не детей, а маленьких «представителей страшного племени».

Чванливые гады, они презирают всех, даже своих союзников. Один немец мне сказал: «Я никогда не поверю, чтобы немка могла сойтись с итальянцем, это все равно что жить с обезьяной». Солдат Вильгельм Шрейдер пишет своему брату из финского города Лахти: «За банку консервов здесь можно достать девушку в любое время дня и ночи. Я этим энергично занимаюсь после монашеской жизни в снегах. Но трудно назвать данных особ женщинами. Они все время молчат, как рыбы, и я предпочитаю последнюю немецкую потаскуху дочке здешнего врача. Иногда мне кажется, что я с ними вожусь в порядке самомучительства...»

Они грамотны. У них вечные ручки. Они анализируют свои чувства, но эти чувства — дрянь. Вечными ручками и без ошибок они записывают зловонные изречения.

Они не способны задумываться: они боятся мысли. Зимой немцы смутились, но не возмутились. Им было холодно, они сидели на сухарях, наши бойцы их истребляли. И немцы скулили. Но как только обер-фельдфебель скомандовал: «Эйн-цвай» — они пошли в атаку.

Ефрейтор Альберт Ротшмидт пишет: «Я почти уверен, что в 1943 году мы будем на Урале...»

Солдат Фриц Бретендер сообщает своей мамаше: «Варежки мне пригодятся, потому что зимовать мы будем, наверное, в Сибири...»

Солдат Ганс Главник, взятый в плен возле Воронежа, говорит: «Нас несколько миллионов. Победить нас нельзя. Мы всех победим».

Их нельзя переубедить, их можно только перебить.

Когда пленный начинает отпевать Гитлера, он подлизывается. Путаясь, он излагает содержание наших листовок. Поговорите с ним по душам, и он станет восхвалять Гитлера и ругать все народы, кроме немецкого. Я часто беседовал с пленными итальянцами. Берсальер сначала кричит: «Дуче! Муссолини! Фашизм!» Его хватает на три минуты, офицера — на четверть часа. А после сидит человек как человек и разговаривает о житейских вещах. Немец в плену сначала бубнит: «Гитлер просчитался... Все немцы против войны... Я не согласен с Герингом...» Но стоит ему успокоиться, отдышаться, как он начинает ворчать: «Что это за русские порядки? Пфуй, у нас в Германии все лучше... Гитлер обязательно победит...» У него фашизм не на рукаве, как у итальянца, а в кишках.

Конечно, есть и второсортные фрицы. Эти не то чтобы совестливей — они трусливей. Они кое-что поняли за зиму. Они стараются попасть во второй эшелон, а еще лучше — в лазарет. Они хотят, чтобы Гитлер побеждал без их участия. Но их гонят в атаку, и они идут. Немец не может бунтовать, самое большее, на что он способен, это всплакнуть и меланхолично высморкаться.

Немец Адольф Тотенберг недавно мне сказал: «В итоге Гитлер победит, но я боюсь, что, когда мы возьмем последний русский город, у нас будет из всей армии один полк. А ведь нам придется еще идти на Индию...» Сказав это, он всплакнул, высморкался, а потом спросил: «Я буду, по-вашему, жить?» Я удивленно ему ответил: «Конечно. Впрочем, вы можете умереть естественной смертью». Немец был, видимо, суеверным и, заикаясь, возмущенно крикнул: «Я не могу умереть естественной смертью — я абсолютно здоров». — «Тем лучше». Я ушел из избы. Адольф Тотенберг бросился мне вдогонку: « Я здоров, но я очень слаб, так что меня нельзя по-

сылать на трудную работу». Этот был один из самых сообразительных...

Другой «меланхолик», ефрейтор Людвиг Папе, пишет: «Будем надеяться, что теперь победы нам не обойдутся так дорого, как в прошлом году...»

Каждый кусок нашей земли теперь обходится немцам во сто крат дороже, чем прошлым летом. И все же Папе пришел к Дону, где наши бойцы его прикончили. И все же миллионы немецких солдат, повинуясь Гитлеру, продолжают рваться на восток. Надо перебить сто немцев, чтобы сто других задумались. Надо перебить тысячу немцев, чтобы сто задумавшихся заколебались. Надо перебить десять тысяч немцев, чтобы сто заколебавшихся сдались в плен. Это не стойкость, не упорство, это немецкая тупость, страх вора перед ответом.

Гитлеровского солдата не интересуют идеи. Он равнодушен к словам. Когда он сжигает чешские деревни, он считает, что это «революция». Когда он оправляется в парижском музее, он называет это «национализмом». Когда он убивает украинских колхозниц, а краденые рушники посылает своей фрау, он в восторге думает: «Немецкий социализм торжествует».

Теперь, когда дивизии Гитлера снова рвутся в глубь России, я должен повторить слова прошлого лета: «Всех перебить». Это не шалуны, которых можно высечь, это вооруженные до зубов убийцы. Они решили нас истребить, а нашу страну прикарманить. Во главе многомиллионной орды стоит бесноватый. Их нельзя перевоспитать, но их можно закопать. Это трудное дело. Много испытаний еще придется пережить нашей родине. Но Красная Армия спасет Россию: она перебьет немцев. Мы говорим это в трудные часы: на берегах Дона день и ночь не умолкает гроза.

Каждый убитый немец — это спасенная русская жизнь. Каждый убитый немец — это шаг к победе.

12 июля 1942 года

Скоты

На Карельском фронте наши бойцы захватили «Приказ о порядке обручения и вступления в брак СС». В этом документе описывается, как должны размножаться отборные солдаты Гитлера, так называемые СС. Привожу некоторые цитаты из приказа:

«Успехи животноводства учат, что в целях улучшения породы необходимо выполнять следующие основные правила:

1. Образцами должны служить наилучшие отборные экземпляры.

2. Лучшие экземпляры следует спаривать только с лучшими.

3. Все нежелательное должно быть уничтожено.

Мы не занимаемся экспериментами, когда ставим себе следующие задачи, вытекающие из вышеизложенного:

1. Наилучшим образцом для немецкого народа является преимущественно нордический человек.

2. Наивысшая деторождаемость является долгом полноценной части населения. Для этого должны быть созданы все необходимые предпосылки.

3. Нежелательная наследственность должна быть уничтожена... История показывает на многочисленных примерах, что народ только тогда может вести политику больших завоеваний, когда он имеет в своем распоряжении достаточные людские ресурсы. Прикрепление большей части нашего народа к земле, создание многочисленных крестьянских поселений в Остланде приведет в первую очередь к увеличению деторождаемости.

Каждый СС обязан добросовестно относиться к своим обязанностям, так как он — отборный из людей немецкой крови. Выбору супруги он должен придавать большое значение. Нашими учреждениями установлено, что только у 14% немецких женщин детородный орган вполне безупречен. Поэтому СС может вступать в брак только после получения разрешения.

«Насмешки, издевательства и ложное понимание нас не трогают» — эти слова имперского начальника СС позволяют нам рассмотреть отношение современников к указанным вопросам...»

Грязные животные. Бугаи, которые пишут циркуляры. Боровы, занятые параграфами законов. Что им Ромео и Джульетта? У них есть отборный СС и породистая самка. Они называют свой приказ «О порядке обручения». Нет, СС не обручаются, они случаются.

Неужели для того шумят наши березы и цветут наши луга, чтобы на них случались «нордические» немцы? Неужели для того писал стихи Пушкин, чтобы в селе Михайловском племенной фриц спаривался с немкой?

Они справедливо говорят, что их «не трогают насмешки или издевательства». Разве можно пронять иронией борова? Разве можно пристыдить бугая? Мы знаем, что их трогает: снаряды, мины, пули. И мы их растрогаем.

21 августа 1942 года

Убей

Вот отрывки из трех писем, найденных на убитых немцах.

Управляющий Рейнгардт пишет лейтенанту Отто фон Шираху:

«Французов от нас забрали на завод. Я выбрал шесть русских из Минского округа. Они гораздо выносливей французов. Только один из них умер, остальные продолжают работать в поле и на ферме. Содержание их ничего не стоит, и мы не должны страдать от того, что эти звери, дети которых, может быть, убивают наших солдат, едят наш хлеб. Вчера я подверг легкой экзекуции двух русских бестий, которые тайком пожрали снятое молоко, предназначавшееся для свиных маток...»

Матеас Цимлих пишет своему брату ефрейтору Генриху Цимлиху:

«В Лейдене имеется лагерь для русских, там можно их видеть. Оружия они не боятся, но мы с ними разговариваем хорошей плетью...»

Некто Отто Эссман пишет лейтенанту Гельмуту Вейганду:

«У нас здесь есть пленные русские. Эти типы пожирают дождевых червей на площадке аэродрома, они кидаются на помойное ведро. Я видел, как они ели сорную траву. И подумать, что это — люди!»

Рабовладельцы, они хотят превратить наш народ в рабов. Они вывозят русских к себе, издеваются, доводят их голодом до безумия, до того, что, умирая, люди едят траву и червей, а поганый немец с тухлой сигарой в зубах философствует: «Разве это люди?..»

Мы знаем все. Мы помним все. Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятье. Отныне слово «немец» разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. Он возьмет твоих близких и будет мучить их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. Если на твоем участке затишье, если ты ждешь боя, убей немца до боя. Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! — это просит старуха мать. Убей немца! — это молит тебя дитя. Убей немца! — это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!

24 июля 1942 года

Проклятое семя

Вот страница, написанная мной в 1916 году:

«Я видел, что сделали немцы с провинцией Суассонэ перед тем, как ее очистить. Это не разгул пьяных солдат, это расчетливая работа. Перед уходом немцы приказали жителям деревень переехать в города, а в городах собрали всех на окраинах. Специальные отряды поджигателей на велосипедах разъезжали, сжигая все на пути: заводы, поместья, фермы, крестьянские дома. Целые города — Бапом, Шони, Нель, Ам, сотни деревень выжжены дотла. Кругом пустыня на пятьдесят верст в глубину. За это отступление Гинденбург получил высочайшую благодарность. Верно, и поджигателям роздали Железные кресты за усердие. Проект умерщвления страны был хорошо разработан и тщательно, методически приведен в исполнение.

В апрельское утро в Шольне я глядел на плодовый сад. Меня поразили нетронутые цветущие деревья: немцы знают, что эта область славится грушами и сливами; уходя, они не оставили ни одного дерева — все срубили. А в Шольне стояли рассаженные шпалерами нежно розовеющие грушевые деревья. Я подошел ближе и увидел, что все деревья — более двухсот — подпилены. Рядом со мной стояли французские солдаты, крестьяне. Один из них сказал: «Сволочи! Ведь сколько трудиться надо, чтобы это вырастить...»

Я не изменил ни одного слова. Это написано двадцать шесть лет тому назад. Это было сделано немцами двадцать шесть лет тому назад. Но кто не вздрогнет, прочитав о Бапоме или о садах Шольна? Кто не вспомнит Истру и деревни на Можайском шоссе?

Они все те же. Нет, если угодно, они подучились. Тогда они были новичками. Они стали опытными поджигателями, маститыми грабителями, усовершенствовавшимися палачами. Двадцать шесть лет тому назад они жгли, разъезжая на велосипедах. Теперь им нужно много жечь, они торопятся, они несутся на мотоциклах.

Они были разбойниками. Они стали рецидивистами. Они обратили в пепелище цветущую Францию. Они жгут и терзают русскую землю. Поклянемся, что мы положим этому предел. Мы не допустим, чтобы каждые четверть века негодяи с Железными крестами на груди и с бидоном в руке обращали плоды высокого труда в гору пепла. Нам трудно теперь, очень трудно. Немцы на Дону. Но мы сегодня с особенной уверенностью говорим: мы покончим с потомственными поджигателями.

2 августа 1942 года

Справедливость

Есть на свете справедливость. Я думаю сейчас о судьбе германского летчика Морица Генца и его невесты Берты. Мориц Генц получил свой первый Железный крест за Варшаву и второй за Белград. За бомбардировку Ковентри он получил «серебряную пряжку». Он убивал женщин и детей. Тысячу дней он занимался истреблением «низших рас». В Любеке жила его невеста Берта, и Берта восхищалась карьерой своего жениха. Берта ему писала: «Бей русских свиней, как ты бил английских! Если бы каждый из твоих товарищей перебил столько русских, как ты, мой дорогой Мориц, русские уже не сопротивлялись бы и фюрер выиграл бы войну. Иногда мне становится страшно, что они могут тебя подбить, но нет, русские слишком глупы для этого...»

Так работал Мориц. Так умилялась его работой Берта. Но вот настал весенний день, когда перо дрогнуло в руке сентиментальной немки. Невеста написала жениху письмо в несколько другом стиле: «Я переехала с родителями в деревню. Англичане совершенно разрушили Любек. На нашей улице осталось всего несколько домов. Я не могу тебе описать, как все это выглядит. Ужасное несчастье! Нет ни света, ни газа, ни воды. Это ужасно! Мы все так убиты происшедшим, что не хочется ничего ни слышать, ни видеть».

Может быть, прочитав письмо Берты, Мориц вспомнил про Варшаву, про Белград, про Ковентри, про Гомель? Впрочем, у него не было времени для долгих размышлений: 25 мая советский летчик сбил самолет Морица Генца. Его Берта мечтала о третьем Железном кресте. Теперь ей приснится среди развалин Любека деревянный крест над мертвым Морицем. Есть на свете справедливость.

За Любеком — Росток. За Ростоком — Кельн. За Кельном — Эссен. За Эссеном — Бремен. Прежде англичане посылали десять самолетов с бомбами в 250 кило. Немцы тупы, и англичане начали посылать по тысяче самолетов с бомбами в тонну или в две тонны. Гитлерия взвыла. Помчались немецкие беженцы, как мчались поляки и бельгийцы, голландцы и греки. Кельн узнал судьбу Белграда. Эссен понял, что такое Роттердам. Прежде англичане объявляли: «Сегодня мы бомбили в 75-й раз Кельн». Теперь они решили бомбить немецкие города каждый по одному разу: Росток больше незачем бомбить — Ростока нет. Немецкие газеты визжат: «Неслыханное нападение на мирных жителей!» Мы помним все: и Лондон, и Белград, и Смоленск. Мы отвечаем: есть на свете справедливость.

Газета «Кельнише цейтунг» писала прошлой осенью: «Виселицы для русских партизан и партизанок — это деревья немецкой свободы». Хорошая фугаска угодила на редакцию висельников. В

Эссене прошлой осенью в «Ратскеллере» тузы города праздновали разрушение Киева. Солидная бомба разнесла их кабак.

В Германии было пять негодяев. По-русски их имена начинаются на букву Г — Гитлер, Геринг, Геббельс, Гиммлер, Гейдрих. Один из пяти уже гниет. Долго Гейдрих пытал, расстреливал, вешал. Он был выездным палачом. Он убивал в Осло и в Амстердаме, в Праге и в Париже. Говорят, что пуля дура, но пуля, которая пробила череп мясника Гейдриха, не только умная пуля, это справедливая пуля. В ответ испуганные палачи казнят сотни и сотни людей. Они казнили чешского писателя Ванчуру. Мне выпало счастье знать этого благородного и мужественного человека. Его кровь родит новых героев. За кем теперь черед: за тщедушным садистом Гиммлером или за пузатым Герингом? А Гейдрих уже гниет, и над его нечистым трупом мы скажем: есть на свете справедливость.

Мы истребили на нашей земле миллионы убийц. Крапива и чертополох выросли на многих могилах гитлеровцев, разрушивших Варшаву, разгромивших Париж, заливших кровью Прагу. Кто здесь зарыт? Летчик, бомбивший Ковентри. Эсэсовец, убивший в Нанте десять заложников. Ефрейтор, изнасиловавший в Греции восьмилетнюю девочку. Они шли на восток и на востоке узнали, что такое возмездие. А тем временем их жадные и злые невесты, их вороватые жены, мечтавшие о «трофейном» барахле, с истерическими воплями носятся по берегу Рейна. Газета «Националь цейтунг», выходящая в Эссене, еще недавно писала: «Днепр красный от русской крови». Какого теперь цвета Рейн? Есть на свете справедливость.

7 июня 1942 года

Третья годовщина

Три года тому назад Германия бесновалась. Немцы в серо-зеленых обновках маршировали по улицам немецких городов. Бесноватый фюрер сулил близкую победу. «Война» — это слово пьянило немцев. Война им представлялась веселым пикником, прогулкой за парижскими безделками и за английским табаком. Они думали, что воевать будут только они. По замыслу Гитлера противникам предоставлялось одно: капитулировать. Немцы хотели победить барабанами, речами Гитлера, военными парадами. Это была психическая атака против человечества.

Годы, предшествовавшие второй мировой войне, историк назовет годами позора. В злосчастной Испании немцы устроили первую репетицию завоевания мира. На Мадриде проверяли действие фу-

гасок. На Европе проверяли действие блефа. Сиплый лай Гитлера, по программе, должен был устрашить мир.

Малодушные тогда говорили: «Он нас еще не трогает. Зачем же нам лезть в драку?» На языке дипломатов это называлось «невмешательством». Когда военные корабли Германии преспокойно разгромили беззащитный испанский город Альмерию, тень свастики повисла над Европой.

В одном современном немецком романе герой говорит: «Женщин насилуют в том случае, если их нельзя заговорить». В Мюнхене заготовили хороший ужин, много солдатни, звонко шагавшей по улицам, и лист чистой бумаги. Насиловать не пришлось: Гитлер небрежно засунул в карман Чехословакию. Это было генеральной репетицией. Не прошло и года, как немцы начали войну.

Солдаты Гитлера ворвались в Польшу. Что могли сделать защитники Модлина и Вестерплатте? На них обрушилась вся военная машина Германии. Союзники Польши ждали. «Невмешательство» было, разумеется, военизировано. На него надели генеральский мундир и его называли стратегией. Бездействие теперь прикрывалось военной тайной. О нем говорили шепотом, как о хитром плане. Польша истекала кровью. А французская армия сидела за линией Мажино и ждала. Газеты уверяли, что она ждет накопления самолетов, прибытия на континент английских дивизий весны. На самом деле Франция ничего не ждала, она попросту утешалась отсрочкой. Освободившись, немецкие дивизии двинулись на запад. Весна пришла, но она оказалась совсем не той весной, о которой писали будущие сотрудники Абеца.

Гитлер в Компьенском лесу наступил ногой на грудь Франции. Англия ушла на остров. Первую годовщину войны немцы встретили весело: им мерещилась близкая победа. Правда, Лондон отвечал молчанием на немецкие серенады. Правда, были и в первую годовщину вдовы. Но они терялись среди счастливых жен, хвативших французскими духами. Вдовам немецкие газеты говорили: «Нет победы без жертв». И немцы верили, что солдаты, погибшие во Фландрии, — последние жертвы Германии. Это были ее первые жертвы. Германия примеряла бальное платье для парада. Никто ей не сказал, что бальное платье придется переделать на саван.

По-другому встретили немцы вторую годовщину войны. Они все еще упивались победами, но некоторые немцы уже соображали, что из ста побед не сделаешь одной настоящей победы. Многие немки еще утешались «трофеями»: не французскими духами (им было уже не до парфюмерии), а хорошей литовской полендвицей. Но вдов стало больше, их молчание часто покрывало хищный визг женщин, разворачивавших «трофейные» посылки. Газеты писали, что до рождества немцы захватят всю Россию, и тогда будет мир,

«настоящий немецкий мир». Но солдаты уже слали из России горькие письма: «Здесь настоящая война...»

Что произошло за второй год войны? Немцы захватили Балканы. Они поработили еще несколько стран. Они разрушили еще несколько английских городов. Но Лондон по-прежнему оставался глухим к серенадам. Гесс, приземлившись, бодро сказал: «Ударим по рукам». К его удивлению, ему даже не подали руки: на руках Гесса была кровь Лондона. Мюнхен еще не стал воспоминанием, но он перестал быть реальностью, он стал душевным подпольем Европы.

Напав на Россию, Германия впервые встретила отпор. Напрасно немецкие генералы вглядывались в просторы, поджидая парламентеров с хлебом и солью. В немецкие танки впивались бутылки с горючим, и крестьянки Белоруссии поджигали хаты, в которых спали немецкие обозники. Немцы продвигались вперед, но они дорого оплачивали каждый шаг. Историк отметит, что Луцк обошелся немцам дороже Парижа и что легче было взять все Балканы, чем один Смоленск.

Теперь Германия встречает третью годовщину войны. «Мы в Пятигорске!» — вопит Геббельс. Конечно, далеко от Берлина до Пятигорска, но куда дальше от Пятигорска до победы. Проделав тысячи верст, немцы не приблизились к победе.

Третий год был для Германии жестоким годом. В ноябре немцы ждали белых флажков капитуляции. Снег покрыл землю. Он принес не капитуляцию Москвы, но наступление Красной Армии. Олухи, привыкшие шагать вперед, побежали вприпрыжку от Ельца и Калинина. В Германию шли эшелоны с ранеными и обмороженными. Германию знобило от холода и страха. Редели немецкие дивизии. Пустели немецкие города.

Гитлер сделал все, чтобы отыграться. Он вырвал у своих вассалов десятки новых дивизий. Он снял с работы немецких рабочих, заменив их иностранными рабами. Он обшарил Германию, собрал всех подростков, всех стариков. Он повел наступление на Юге. Он одержал еще несколько побед. Он завоевал еще ряд городов. Но победа еще дальше от Гитлера. Он теперь не говорит о «близком мире». Он говорит о новой зимней кампании, и в августе немцы дрожат: они чуют новый декабрь.

«Наш Кельн теперь похож на Роттердам», — пишет один немецкий солдат. Германия начинает понимать, что такое война. Она думала убивать других. Но другие начали убивать немцев. Сопротивление России как бы переменило климат мира. Подобно глубоким подводным течениям, наступательный дух английского и американского народов требует выхода. Под тихой зыбью зреет буря. Мюнхенцев три года тому назад звали мудрецами. Год тому назад

они слыли осторожными. Теперь их называют малодушными. Вскоре их объявят дезертирами.

Покоренные Гитлером народы ждут развязки. Париж стал непроходимым для немцев, как горы Хорватии, как леса Польши. Народы требуют немецкой крови. Немецкой крови требует совесть мира.

Каждый живой человек Европы и Америки, каждый город, каждое дерево требуют теперь наступления. За невмешательство в судьбу соседней Испании ответили миллионы французов на Маасе и на Луаре. И вот пастух далекого Уругвая требует вмешательства: он знает, что на Кавказе идет бой не только за советскую нефть, но и за будущее человечества.

«Как встретим мы четвертую годовщину?» — размышляет меланхолик в немецкой газете «Франкфуртер цейтунг». Эти наглецы стали скромнее: в первую годовщину они не ломали себе головы над будущим. Они тогда пили французское шампанское и кроили карту Европы. Теперь они спрашивают: какой будет четвертая годовщина войны?

Русское мужество открыло глаза миру. После Компьена даже храбрые смутились. После немецкого разгрома под Москвой даже чрезмерно осторожные стали готовиться к наступлению. Довольно немцы разрушали и грабили Европу, довольно немецкие палачи превращали рощи в виселицы и города в кладбища. Приближается день расплаты.

К присяге приведут свидетелей. Париж скажет: «Германия, ты помнишь дорогу беженцев, расстрелянных женщин, ты помнишь казни заложников?» Норвежцы огласят списки расстрелянных, и глухо скажет Греция: «Мой народ немцы удушили голодом». Коротко отчеканит Англия: «Ты помнишь Ковентри?» Из пепла встанет Белград и спросит: «Помнишь?» Голландия напомнит о Роттердаме и Польша о Варшаве. «Лидице», — скажут чехи.

Длинный будет у нас список — от дворцов Ленинграда до хат Украины, от рва под Керчью до Истры. Пройдет к судейскому столу простая русская крестьянка из села Ламовы Горки и скажет: «Село сожгли, всех расстреляли — от мала до велика. Расстреляли Сеню Михайлова, ему было десять лет от роду, и младенца Анну Теплякову, трех месяцев от роду...» «Германия, ты помнишь муки России?» — спросим мы. Это будет четвертой годовщиной Германии.

27 августа 1942 года

Вавилон

За Полярным кругом в норвежском городке Тромзе сидят баварцы, пьют пиво и кричат «гох». На другом конце Европы, в солнечном Биаррице, пруссаки маршируют по улицам и поют свои песни. Кто на Крите? Умирающие с голоду греки и немцы. Немцы в Лапландии. Немцы в горах Кавказа. Немцы расползлись, как клопы. Они по ту сторону Средиземного моря — в Египте. Их лодки снуют у берегов Бразилии. Есть только одна страна, которая с каждым днем освобождается от немцев: Германия.

Швед, побывавший недавно в Дармштадте, рассказывает: «На вокзале носильщики — хорваты, с ними объясняются жестами. Ботинки мне чистил итальянец. В кафе два официанта — французы, третий — испанец. Рабочие чинили трамвайную линию; я подошел и услышал, что они говорят по-чешски. В том доме, где я жил, было две прислуги: одна полька, другая украинка. На заводах много венгров и чехов. В шести километрах от города — лагерь русских военнопленных, они работают на земляных работах. У огородников вокруг Дармштадта — русские женщины из Орла и Курска. Все вместе это напоминает вавилонское столпотворение».

Это описание иностранца, который наблюдал жизнь немецкого города со стороны. Но вот что пишет Анна Зиберт из Альтенштадта своему приятелю эсэсовцу Максу Бернарскому: «У нас семнадцатилетние подростки призваны в войска СС. Мы, девушки, сейчас обучаемся, вскоре мы будем использованы, по всей вероятности, в России. На прошлой неделе мы получили пять русских девушек. Наш Альтенштадт стал наполовину «интернациональным» государством: французы, поляки, украинцы, сербы, итальянцы. К этому, конечно, прибавятся англичане и американцы».

Бетти Шуммер пишет мужу из Вены: «Очень тяжело жить, так как в Вене теперь сплошь иностранцы. В трамвае слышишь только итальянцев, испанцев, венгров, чехов, словаков, греков, болгар, а жителей Вены совсем не видно».

Пленный Вальтер Шведлер рассказывает о большом химическом заводе «Ленна» в Мерзебурге: «Моего шурина не хотели отпускать, так как он единственный немец в бригаде. Остальные — итальянцы, венгры, хорваты, словом, вся Европа. Объясняются они только жестами. Они ничего не хотят делать. Едва удастся собрать и поставить на работу трех итальянцев, как нужно идти к чехам. Займешься чехами, а итальянцы уже не работают, так все время...»

Рабы не понимают своих господ, рабы не понимают друг друга. Вместо языка остались только жесты. Стоит немцу отвернуться,

как перестают работать итальянцы или венгры. Тюрьма велика: не хватает тюремщиков.

Напрасно блюстители расовой теории мечтали о «чистой немецкой породе». Несмотря на полицейские запреты, немки аккуратно спариваются с иностранцами. Арийские производители далеко — в блиндажах, а под боком рабы «низшей породы». Немки не привередничают. Итальянец Джиованни Вольпи пишет из немецкого города Куфштейна: «Я тебе прямо скажу — немки кидаются на шею. Они прямо обезумели. Мы разговариваем предпочтительно руками, так как я не знаю и десяти немецких слов. Вчера это было с женой парикмахера, ее муж в России. Одним словом, за последний месяц у меня было шестнадцать похождений». Ефрейтору Эриху Гоппе пишет мать: «К нам прислали словаков... Будь мужественным, мой сынок: Гильда плохая жена. Если она тебе редко пишет, это потому, что в ней остатки совести. Мария Мюллер пишет каждый день своему мужу, а здесь, не стесняясь, ходит со словаком под ручку...» Германия стала международным публичным домом...

Немногочисленные немцы, оставшиеся в Германии, насилуют иностранных рабынь. Газета «Шварце кор» пишет: «Особенного внимания заслуживает отношение к иностранным работницам. Мы не собираемся защищать их честь. Однако немецкий мужчина унижает достоинство немецкого народа, если он относится к иностранкам с уважением, как к немкам. Ведь это представительницы побежденных и воюющих с нами народов». Итак, насиловать можно, уважать нельзя. Впрочем, напрасно павианы из «Шварце кор» волнуются: насильники не склонны рыцарствовать.

О том, как живут рабы в Германии, мы можем судить по двум письмам.

Помещик Эрнст Вергау пишет сыну из Пиллау (Восточная Пруссия): «У меня работал на конюшне француз. Он уверял, что он студент, и капризничал. Ты видишь эти парижские штучки, как будто он — Клемансо. Я его поставил на место. Он не хотел есть еду, которую я даю всем пленным. Подумать, что они едят немецкий хлеб, эти свиньи! Тогда я ему сказал: «Жри лягушек, все знают, что французы — лягушатники». Он убежал; но его нашли — две полицейские собаки за ним гонялись до утра. Тогда я его привязал к столбу и написал: «Клемансо—негр—лягушатник».

Крестьянка Анна Геллер пишет мужу из Нейкирхена (Саксония): «Когда нужно было убирать хлеб, русская повесилась. Это не народ, а какая-то пакость. Я ей давала есть и дала даже передник. Сначала она кричала, что не хочет жить в сарае с Карлом. Я думаю, для такой дряни честь, если немец ею не брезгает... Потом она стащила сухари тети Минны. Когда я ее наказала, она повеси-

лась в сарае. У меня и так нервы не в порядке, а здесь еще такое зрелище. Можешь меня пожалеть...»

Мы не знаем имен затравленного француза и русской мученицы, но мы не забудем имен Вергау и Геллер.

Семь миллионов чужеземных рабов и рабынь томятся в Германии. Они говорят на разных языках, но они понимают друг друга: все они смертельно ненавидят немцев. Когда союзные армии подойдут к границам Германии, их восторженно встретят миллионы узников. Судить гитлеровцев будут не международные юристы в Гаагском трибунале, а французские, чешские, польские и украинские рабы в Дармштадте, в Мерзебурге, в Альтенштадте, в Пиллау, в Нейкирхене, — во всех германских городах и селах.

2 сентября 1942 года

Фриц-философ

Немецкий курсант Вольфганг Френтцель увлекался философией. На фронте он продолжал читать сочинения Платона, Шопенгауэра и Ницше. Он вел дневник, который написан в форме писем к некоей Генхен.

Записная книжка в переплете из коричневого дерматина — исповедь. Помимо философских книг, Вольфганг Френтцель любит войну, причем ему все равно, за что воевать и где. Он пишет 27 января, отправляясь на фронт: «Генхен, завтра выезжаем! Наконец! Наконец! Наконец! Все прекрасно». Месяц спустя он записывает: «Мне хотелось воевать давно — во время абиссинской кампании, во время испанской войны, когда наши войска ворвались в Австрию и в Чехословакию. Знаешь, я часто жалел о том, что мне не суждено было участвовать в мировой войне 1914—1918 годов. О, какое возвышенное чувство охватывало меня, когда я читал немецкие книги о войне!»

Попав в окоп возле Гжатска, фриц-философ отмечает: «О такой первобытной романтике войны я не смел мечтать даже в самых дерзких мечтах».

Ценитель Платона любит рассуждать о морали: «Высовываясь в окно вагона, видишь людей в лохмотьях. Женщины и дети хотят хлеба. Обычно в ответ им показывают дуло пистолета. В прифронтовой полосе разговор еще проще: пуля между ребрами. Между прочим, русские заслужили это, все без исключения — мужчины, женщины, дети... Я уже познакомился с моралью фронта, она сурова, но хороша». Вот для чего Вольфгангу Френце-

лю нужно было изучать Шопенгауэра: он называет убийство детей «суровой моралью».

Фриц-философ свободен от человеческих чувств. Он пишет своей Генхен: «Я не хочу любить ни одно человеческое существо... Любовь для меня самый большой враг... Говорит же Ницше по этому поводу: «Сильные повелители — это те, которые не любят»... Поэтому я и не хочу любить по-человечески... Но ты должна быть мне верной...»

Фриц-философ хотел быть «повелителем». Для начала он повелевал своей Генхен: он ее не любит, но она обязана быть ему верной. На восток этот захудалый ницшеанец отбыл, мечтая стать повелителем мира. Однако в Гжатске его ждало некоторое разочарование. Фриц-философ увидел обыкновенных фрицев, переживших зиму и хорошо знакомых с русской артиллерией. Вольфганг Френтцель жалел о том, что он родился на двадцать лет позже, чем следовало, и опоздал на Верден. Фрицы жалели совсем о другом: они говорили, что родились на двадцать лет раньше, чем следовало, и попали в Гжатск. Фриц-философ негодует: «У немецких солдат не осталось больше ничего святого, они все смешивают с грязью своими мерзкими замечаниями».

Ницшеанец страдает — он говорит: «Я хочу быть повелителем мира», а фрицы тоскливо почесываются. Он жаждет убивать русских детей, а рассеянные фрицы гоняются за курами. Он предвидит тридцатилетнюю войну и описывает, как Гитлер возьмет Южный полюс, а фрицы вздыхают: «Пора бы по домам...»

Фрица-философа убили. Наверное, даже Генхен облегченно вздохнет, узнав, что ее «повелитель» не может больше повелевать. Но, перелистывая коричневую книжку, изумляешься убожеству этих ученых людоедов. Для пыток им нужны философские цитаты. Возле виселиц они занимаются психоанализом. И хочется дважды убить фрица-философа: одна пуля за то, что он терзал русских детей, вторая — за то, что, прикончив ребенка, он читал Платона.

11 июня 1942 года

Фриц-Нарцисс

Некто Иоганн написал с фронта письмо своему приятелю обер-ефрейтору Генриху Рике. Иоганн пишет:

«Милый Генрих! Ты тоже находишься в этой проклятой стране. Я имею несчастье с самого начала воевать здесь. Ты сообщаешь, что твой брат Герхард погиб. Увы, та же участь постигла нашего общего друга Фрица Клейна. Мне ужасно жаль его, но, впрочем,

ничего не поделаешь. Мой брат Гилерт тоже в России, под Ленинградом. Я здесь недалеко — на Центральном фронте».

После элегического перечисления потерь Иоганн вспоминает, что он — ариец, потомок древних германцев и наперсник людоеда. Он пишет:

«Я скальпировал русских. Я отнес скальпы, как трофеи воина, к себе. Хо-хо, нож убивающего заговорил! Надеюсь, милый Генрих, тебе это понравится».

Им надоело вешать и вырезывать на груди звезды. Они решили поиграть в индейцев: они скальпируют. Иоганн кокетливо спрашивает, нравится ли Генриху такое времяпрепровождение Иоганна. Ответить Генрих не может: он убит под Ржевом, убит и зарыт. Но я не сомневаюсь, что Генриху понравилась идея Иоганна: все они одним миром мазаны.

А Иоганн продолжает письмо:

«Мое прежнее, покрытое мускулами и татуировкой спортивное тело находится уже совсем в другом состоянии. Когда я остаюсь один, я начинаю рассматривать мое нагое тело. Я вижу тонкие ноги, как у аиста, гусиная кожа покрыта тысячами пупырышек. Я продолжаю мои наблюдения, и я вынужден констатировать, что от моей когда-то пышной, мускулистой груди осталась одна татуировка».

Был в Греции юноша Нарцисс, который все время любовался собой. Боги его превратили в цветок. Надо надеяться, что не боги, а люди превратят самовлюбленного Иоганна с его гусиной кожей и скальпами в хороший чертополох.

24 сентября 1942 года

Изысканный фриц

Гренадер Гейнц Герлоф из 336-го батальона ландвера на первой странице дневника так определяет себя: «25 ноября мне исполнится 32 года. Я скорпион. Добро и зло одновременно уживаются в моем сердце. Я — человек, идущий напролом, но мне присущ также трезвый взгляд». Засим гренадер рисует свою жизнь накануне войны: «Год разнузданной жизни в поисках наслаждений остался позади. 1 января я провел с Ингой. В мои дни вмешались женщины. Когда я должен был жениться, я, видимо, еще не был зрелым мужчиной. Притом Грета в вопросах эротики была недостаточно опытна. В эти вопросы меня посвятила Кошка. Я оказался понятливым учеником, слишком понятливым. Я перерос на голову учительницу. Затем последовали менее значительные эпизоды и, нако-

нец, Инга. Она принесла мне ребенка. Между тем я вел лихорадочно беспокойную жизнь. Алкоголь, танцы, женщины заполняли мои дни и ночи. Любовь к Инге не остывала. Затем снова переживание: Рита! Я метался туда и сюда. Выбрал Ингу. Но Риту я не мог забыть. От нее у меня тоже ребенок. Это стопроцентная женщина... Вот мой последний день в Берлине. Танец на вулкане закончен».

Слов нет, Гейнц Герлоф блудлив, как кот. Недаром одну из своих жен он прозвал Кошкой. Жен у него много: Инга («принесла ребенка»), Рита («тоже ребенок»), Кошка (бездетная), Мук, Грета, Ариана. Это — фриц-многоженец. Кроме женщин он любит поэзию, вино, философию и карты. Воистину изысканный фриц. До января 1942 года он блаженствовал в Берлине, ходил от Инги к Рите и от Риты к Кошке, «танцевал на вулкане». Но с берлинским сибаритом приключилась неприятность: его отправили под Великие Луки.

Представитель высшей, нордической расы, утешитель Инги и гордость Кошки, гренадер Гейнц Герлоф оказался в стране «недочеловеков». Вот записи «сверхчеловека»:

«29 мая. Дикая стрельба — боевое крещение. Мы находимся в монастыре. Если бы не война, можно было бы назвать это идиллией. Читаю, пишу стихи. Что поделывает Инга с сыном? Как поживает Мук?

31 мая. Много комаров. Играл в карты и проиграл много денег.

4 июня. Русские женщины и дети должны строить для нас блиндажи.

8 июня. Утром искал вшей. Потом — спорт.

9 июня. Выкурил папиросу, выпил стакан чая, лег спать. Кругом — партизаны. Я чувствую себя, как в санатории, в подвалах которого динамит.

14 июня. Я люблю Мук, даже очень, но... Инга, милая жена, мать моего сынка, Дитриха. Боже, сохрани меня! Сегодня мы хорошо покушали.

22 июня. Куда делся мой оптимизм? Хочу в Германию!

23 июня. Мои товарищи слишком недружелюбны. Никаких товарищеских чувств. Все они отвратительны. Мы слишком истерзаны.

26 июня. Играл в карты. Нежные письма от Инги, от Кошки, от Мук.

28 июня. Хорошо кушали и пили. Почта. Инга снова стала ревнивой. Мук чрезвычайно мила.

3 июля. Боже, пошли победу! Получил очаровательное письмо от Мук.

4 июля. Бутерброды. Салат со сметаной. Очень вкусно. Случайностей не бывает. Бог управляет нашей судьбой.

15 июля. Большущая неприятность: ввиду обстрела мы должны ютиться в блиндаже. Сыро, темно, неуютно.

18 июля. Год тому назад мы праздновали день рождения Риты. Нежная, темпераментная женщина, могу ли я тебя забыть?

19 июля. Мой сын от Риты назван Лютц-Петер. Получил ревнивое письмо от Инги. Необходимо ее наказать, не буду ей больше писать. Мук я люблю больше чем когда-либо. Очень нежные письма от Кошки и от Арианы.

23 июля. Сегодня восемь недель, как я на фронте. Я снова в крестьянском доме. Сухо, тепло, уютно. Но опасно. Боже, я прошу тебя на коленях — прекрати войну!

26 июля. Кофе больше нет. Водки нет. Пудинга нет. Боже, дай мне немного оптимизма! Настоящее русское село. В домах книги: политика, технические вопросы. Удивительные у этих людей интересы!

2 августа. Не дурное ли это предзнаменование — сегодня утром я напустил в штаны?

17 августа. «Организуем». Огурцы, морковка, малина. Живем, как в санатории.

20 августа. Я стал министром продовольствия.

23 августа. Как хорошо было бы сейчас оказаться где-нибудь в Италии! А Мук меня разочаровала.

26 августа. Американцы и томми пытались высадиться во Франции. Неужели война еще продлится годы? Тогда мне придется все заводить заново. А денег у меня недостаточно. Тоскую об Инге. Питание все еще хорошее. Творог с сахаром. Очень вкусно. Но часто страдаю поносом...»

На этом дневник обрывается. Увидев разведчиков, изысканный фриц завизжал. Он забыл про свою миссию «сверхчеловека» и послушно поднял руки. Хорош скорпион! Ведь скорпион, окруженный врагами, убивает себя, а фриц теперь с восторгом жрет щи в плену.

Хорош «сверхчеловек»! Что его занимает? Шесть жен, карты, еда и деньги. Когда кончится война? Для него это связано не с тревогой за судьбу родины, не с гибелью людей, но с его убытками. Товарищей он не любит, как они не любят его: вместе грабят, но врозь ищут спасения.

Изысканный фриц на самом деле грубое животное. Он искренно удивлен, увидев книги в русских крестьянских домах. Он думал, что читает только он. В дневнике мы не находим никаких указаний на книги, которые читает Гейнц Герлоф. Но легко догадаться о вкусах этого фрица: он должен обожать романы из жизни берлинского света, где на каждую кошку пять котов, а на каждого кота десять кошек.

Чистокровный ариец труслив. Конечно, перед Ритой или Мук он «идет напролом». Но, услышав несколько выстрелов, он сразу «трезвеет» и вопит: «Хочу в Германию». Он и молится со страха. Наконец вот оно, высшее проявление мощного германского духа — тридцатидвухлетний детина напустил в штаны. Причем он впадает в мистицизм, он спрашивает себя: что значит это предзнаменование? Наверно, увидав русского разведчика, он в ужасе подумал: вот что означали мокрые штаны!

Гейнц Герлоф отметил, что русские женщины и дети строили для него блиндаж. Перед русскими детьми он был храбрым. Перед русскими девушками он был величественным. Негодяй в мокрых штанах, блудливый фриценок, он пришел к нам, чтобы нами править. Он сгонял наших жен, дочерей, детей, чтобы они строили для него блиндаж. Он был «министром продовольствия» — изысканный фриц, забыв про стихи, «организовывал» и жрал так, что его прохватывало («часто страдаю поносом»).

Боец, в трехстах шагах от тебя немцы. Велика твоя ненависть. Велико и твое презрение. В трехстах шагах от тебя сидит вот такой Гейнц Герлоф — не простой куроед, нет, изысканный фриц. Плюнь, убей и снова плюнь! Да, у них танки. Танки и мокрые штаны.

14 октября 1942 года

Фриц-биолог

В немецком журнале «Фельхаген унд Клазингс монатсхефте» за июнь месяц 1942 года напечатана статья доктора Генке из Гейдельберга под многообещающим заглавием: «Произошла ли обезьяна от человека?»

Как известно, теория Дарвина не нравится невежественным богомолкам: им обидно, что их далекие предки лазали по деревьям. Теперь против Дарвина выступает ариец Генке: он обижен за орангутанга — по мнению арийца, орангутанг куда совершенней человека.

Доктор Герман Генке говорит об анатомии, ссылается на биологов и прикидывается человеком науки. На самом деле доктор — обыкновенная немецкая обезьяна. Генке пишет, что «человек значительно консервативнее обезьяны. Обезьяна продолжает развиваться, у нее делается выдающийся подбородок и срезанный лоб». Доктор перечисляет другие преимущества обезьян: «Они ходят не только на задних лапах... У них цепкий хвост». Последнее, по мнению ученого гитлеровца, является еще одним доказательством

«прогрессивности обезьян». Правда, Генке отмечает, что у человека более развитый мозг, зато у обезьян хорошая шерсть. Вопросу о волосатости доктор Генке придает большое значение. Оказывается, обилие шерсти тоже знак прогресса. По сравнению с хорошей макакой человек, к тому же плешивый, «неполноценное явление». Бедный Муссолини, ведь он так старался попасть в полноценные фрицы! Подбородок у него подходящий, но кто знает, что дуче лыс, как колено...

Очевидно, Гитлеру нравится теория регресса. Обезьяна произошла от человека. Реки текут вспять. После двадцатого века наступает десятый. Были немцы, а стали скоты, которые почему-то ходят на задних лапах.

Прославление обезьян бесспорно привело в восторг первого павиана Германии — доктора Геббельса. Но что скажет о теории доктора Генке доктор Розенберг? Ведь остзейский немчик клянется, что германец — это сверхчеловек. А почитаешь труд доктора Генке, и станет ясным, что любая мартышка выше сверхчеловека.

На меня статья Генке произвела сильное и, скажу прямо, отрадное впечатление. Сколько раз я спрашивал себя, как могли немцы, когда-то насчитывавшие в своих рядах поэтов, философов, композиторов, ученых, стать породистыми фрицами? А доктор Генке все объяснил: фрицы — это обезьяны, которые произошли от людей.

Генке указывает, что развитие одного органа идет за счет другого. Одно из самых глупых млекопитающих — это броненосец. Его мозг примитивен. Зато его шкуре позавидует любой строитель танков. Очевидно, броненосец потерял на голове то, что приобрел на шкуре. Вот таким двуногим броненосцем и является фриц. Германия создала мощную армию и тупых, диких солдат.

Гитлеровцы мечтают о скошенном лбе, о выдающемся подбородке. Им хочется ходить на четырех лапах, обрасти густой шерстью и заслужить нечто более ценное, чем «рыцарский крест с дубовыми листьями», а именно «пятую конечность — развитой, подвижный и цепкий хвост».

Однако до хвоста фрицы не дотянут: эту породу мы уничтожим. А последнего фрица можно будет посадить в зоопарк с надписью: «Friz vulgarus, согласно трудам доктора Генке, происшедший от человека».

25 октября 1942 года

Осенние фрицы

Передо мной хороший густопсовый ариец, лейтенант Хорст Краусгрелль. Он сначала орал: «Гитлер капут», но сейчас он отдышался, успокоился и преспокойно говорит: «Нам, немцам, тесно, а у вас много земли». В немецкой газетке он прочитал, будто американцы решили оскопить всех немцев, и поэтому с опаской спрашивает: «А здесь нет американского доктора?» Он хочет остаться арийским производителем. Его схватили у Ржева, но он тупо повторяет: «Покончив с Россией, мы возьмемся за англичан...» Когда я ему говорю, что у него слишком длинные руки, он отвечает: «Нет, мы хотим для себя только Европу. Африку мы отдадим итальянцам...» Я забыл его спросить, кому от намерен отдать Патагонию — румынам или венграм?

Иозеф Винтерхаллен был семинаристом. Он изучал труды Фомы Аквинского. Однако он предпочитает им «Майн кампф» тирольского шпика. Этот неудавшийся священник говорит: «По свойствам нашей расы мы должны управлять миром». Я пробую ему напомнить: «А как же «несть эллина и иудея»?» Он пожимает плечами: «Это было сказано в другую эпоху. Наши ученые установили, что германская раса обладает исключительными качествами». Я гляжу на него: плюгавый, даже не фриц — фриценок, дурак, трус, который, когда его привели, визжал, как поросенок. Теперь он поел щей, понял, что его никто не собирается убивать, и обнаглел. Я перехожу от философии к курам: «Организовывали?» Он сразу притихает и скромно шепчет: «Нет». Он уверяет, что в России ни разу не попробовал курятины. «Может быть, вы предпочитаете гуся?» Фриц отвечает: «Я в России ел только диких гусей». Он подчеркивает слово «диких» — он, дескать, не вор, а охотник. Вероятно, вскоре фрицы начнут рассказывать, что они едят в наших деревнях диких кур.

Курт Штельбрехт рассказывает: «Нам обещали в России землю. У нас земля плохая, приходится тратить уйму на удобрения».

Эрвин Клуг уверяет, что он ни при чем, воюет будто бы один Гитлер, а девушек насилует непосредственно Геббельс, что касается его, ефрейтора Эрвина Клуга, он даже ни разу не выстрелил. Но в сумке у Эрвина Клуга женская кофта, а в кармане фотография красноармейца с надписью: «Братишке Пете». Я спрашиваю: «Откуда?» Он говорит: «Не помню. У меня вообще слабая память...»

Осенние мухи бывают злыми и скучными. Осенние фрицы, как прежде, жестоки, но они стали воистину скучными. Ржев их не развеселил. Ефрейтор Клаус Мюллерин рассказывает: «Прибыло пополнение пятьдесят душ, а в роте всего восемь человек. Мы спрашиваем: «Где же солдаты?» Фельдфебель отвечает: «У русских

есть такая пушка. Понятно?..» Несмотря на прирожденную тупость, фрицы поняли. Холодно теперь под Ржевом, по ночам заморозки, но Ганс Лупнель пишет жене: «Нам никогда еще не было так жарко. Русские на нас нажимают, некуда укрыться. Не знаю, удастся ли мне сохранить голову...»

За осенью следует зима. Фрицы это понимают. Я спрашиваю Германа Крамера: «Боитесь морозов?» Фриц качает головой: «Нет. Русских». Лейтенант Краусгрелль уточняет: «Зимой выходит из строя авиация и танки, значит, зимой русские будут сильнее нас».

Среди скучных осенних фрицев я нашел одного бодрячка. Это Карл Шрек, гроза колхозных коров, обер-ефрейтор и обер-куроед. Карл Шрек восторженно говорит: «С продовольствием у нас улучшилось... Питание, можно прямо сказать, исключительное. Дело в том, что получали мы на роту в таком составе, как до последних боев. А потери большие. Вот и выходило, что каждый ел за пятерых...» Вспоминая об этом, Карл Шрек облизывается. Он, наверное, жалеет об одном: его слишком рано взяли в плен, он не узнал высшего блаженства — жрать за всю роту. Таков фриц-оптимист.

Не следует думать, что осенние фрицы более человекоподобны, нежели зимние или летние. Фриц остается фрицем — об этом не следует забывать. Можно снять с себя шинель или гимнастерку, нельзя снять с себя кожу, а фашизм фрица — это не одежда, это его шкура. Я нашел в планшете одного немца серию любительских фотографий. Вот перечень: фриц, невеста фрица, голая девица неизвестной национальности, человек, привязанный к столбу, горящая изба, виселица с повешенными, два фрица в беседке, фрицы развлекаются — один в шутку вешает другого, убитая девушка в платочке, с обнаженной грудью. Разве такой способен стать человеком?

Ночи все длиннее, все холоднее. Осенью мухи сонные, их легче бить. Осенью легче бить и фрицев: дело идет к зиме.

10 октября 1942 года

Немец

Фридрих Шмидт был секретарем тайной полевой полиции 626-й группы при первой танковой армии германских вооруженных сил. Таково его звание. Секретарь вел дневник. Он начал его 22 февраля сего года, а закончил 5 мая. Дневник он вел в Буденновке, близ Мариуполя. Вот выдержки из дневника Фридриха Шмидта:

«25 февраля. Я не ожидал, что сегодняшний день будет одним из самых напряженных дней моей жизни...

Коммунистка Екатерина Скороедова за несколько дней до атаки русских на Буденновку знала об этом. Она отрицательно отзывалась о русских, которые с нами сотрудничают. Ее расстреляли в 12.00... Старик Савелий Петрович Степаненко и его жена из Самсоновки были также расстреляны... Уничтожен также четырехлетний ребенок любовницы Горавилина. Около 16.00 ко мне привели четырех восемнадцатилетних девушек, которые перешли по льду из Ейска... Нагайка сделала их более послушными. Все четверо студентки и красотки... В переполненных камерах кошмар...

26 февраля. События сегодняшнего дня превосходят все мною пережитое... Большой интерес вызвала красотка Тамара. Затем привели еще шесть парней и одну девушку. Не помогали никакие уговоры, никакие самые жестокие избиения нагайкой. Они вели себя чертовски! Девушка не проронила ни слезинки, она только скрежетала зубами... После беспощадного избиения моя рука перестала действовать... Я получил в наследство две бутылки коньяка, одну от лейтенанта Коха из штаба графа фон Ферстера, другую от румын. Я снова счастлив. Дует южный ветер, начинается оттепель. Первая рота полевой жандармерии в трех километрах севернее Буденновки поймала пять парней в возрасте семнадцати лет. Их привели ко мне... Началось избиение нагайкой. При этом я разбил рукоятку на мелкие куски. Мы избивали вдвоем... Однако они ни в чем не сознались... Ко мне привели двух красноармейцев... Их подвергли избиению. «Отделываю» сапожника из Буденновки, полагавшего, что он может себе позволить выпады против нашей армии. На правой руке у меня уже болят мускулы. Продолжается оттепель...

1 марта. Еще одно военное воскресенье... Получил содержание 105 марок 50 пфеннигов. Сегодня снова обедал у румын. Я замечательно пообедал... В 16.00 меня неожиданно пригласили на кофе к генералу фон Ферстеру...

2 марта. Мне не по себе. Внезапно у меня начался понос. Я вынужден лежать...

3 марта. Допрашивал лейтенанта Пономаренко, о котором мне доложили. Пономаренко был ранен 2 марта в голову, бежал в колхоз им. Розы Люксембург, там переоделся и скрывался. Семья, укрывшая Пономаренко, сначала лгала. Я, разумеется, избил их... Вечером снова ко мне привели пятерых из Ейска. Как обычно, это — подростки. Пользуясь своим уже оправдавшим себя упрощенным методом, я заставил их сознаться — я пустил, как всегда, в ход нагайку. Погода становится мягче.

4 марта. Прекрасная солнечная погода... Унтер-офицер Фойгт уже расстрелял сапожника Александра Якубенко. Его бросили в массовую могилу. У меня все время ужасно чешется тело.

6 марта. Я пожертвовал 40 марок в фонд «зимней помощи».

7 марта. Мы живем еще хорошо. Получаю масло, яйца, кур и молоко. Ем каждый день различные закуски... В 16.00 ко мне снова приводят четырех молоденьких партизан...

8 марта. Унтер-офицер Шпригвальд и фрау Рейдман вернулись из Мариуполя. Они привезли почту и письменный приказ Грошеку о расстреле... Сегодня я уже расстрелял шестерых... Мне сообщили, что из Веселого прибыла еще одна семнадцатилетняя.

9 марта. Как улыбается солнце, как сверкает снег, но даже золотое солнце не может меня развеселить. Сегодня трудный день. Я проснулся в три часа. Мне приснился страшный сон: это потому, что я должен сегодня укокошить тридцать захваченных подростков. Сегодня утром Мария мне приготовила аппетитный торт... В 10.00 ко мне снова привели двух девушек и шесть парней... Мне пришлось беспощадно избить их... Затем начались массовые расстрелы: вчера шестерых, сегодня тридцать три заблудших создания. Я не могу кушать. Горе, если они меня поймают. Я больше не могу себя чувствовать в безопасности в Буденновке. Бесспорно, что меня ненавидят. А я должен был так поступать. Если бы мои родные знали, какой трудный день я провел! Ров почти уже наполнен трупами. И как геройски умеет умирать эта большевистская молодежь! Что это такое — любовь к отечеству или коммунизм, проникший в их плоть и кровь? Некоторые из них, в особенности девушки, не проронили ни слезинки. Ведь это же доблесть. Им приказали раздеться догола (одежду нам надо продать)... Горе мне, если меня здесь поймают!

11 марта. Низшую расу можно воспитать только поркой. Рядом с моей квартирой я построил приличную уборную и повесил большую вывеску, что пользование уборной гражданским лицам воспрещается... Напротив моей спальни находится канцелярия бургомистра, куда утром приходят рабочие, занятые на земляных работах. Несмотря на объявления, они пользуются уборной. А как я их за это избиваю! Впредь я буду за это расстреливать.

13 марта. Вследствие чрезмерной работы я уже давно не писал домой. Собственно говоря, у меня и нет желания писать своим — они этого не заслужили... Затем я приказал избить русского, ему 57 лет, и его зятя за непочтительные выражения по адресу немцев. Затем я пошел к румынскому полковнику...

14 марта. Снова наступили сильные холода. У меня опять понос и боли в области сердца, я приказал позвать врача... Он поставил диагноз: расстройство желудка и невроз сердца... Сегодня я приказал расстрелять Людмилу Чуканову — 17 лет. Я должен убивать подростков, вероятно, поэтому у меня нервное состояние сердца.

17 марта. Моя первая работа с утра — приказал привезти на телеге из госпиталя пятого русского парашютиста и тут же перед

массовой могилой расстрелял его... После этого я мирно прожил день. После обеда совершил прогулку. Земля подмерзла.

19 марта. Я слег. Приказал пригласить нашего военного врача. Он выслушал и нашел, что у меня сердце в порядке. Он констатировал душевную депрессию. Против запора от дал мне пилюли, а против зуда мазь... У нас хорошая свинья. Мы заказали колбасы.

21 марта. Такого страшного дня в Буденновке мы еще не переживали. Вечером появился русский бомбардировщик, он сбросил осветительные ракеты, а затем двенадцать бомб. Окна в рамах звенели. Можно себе представить, какое у меня было чувство, когда я, лежа в кровати, слышал гудение самолета и разрывы...

23 марта. Сегодня я допрашивал одну женщину, которая обокрала мою переводчицу, фрау Рейдман. Мы ее высекли по голому заду. Даже фрау Рейдман плакала при виде этого. Потом я гулял по деревне и зашел к нашему мяснику, который готовит мне колбасы... Затем я допросил двух парнишек, которые пытались пройти по льду к Ростову. Их расстреляли как шпионов. Затем ко мне привели еще одного паренька, который несколько дней тому назад пришел по льду из Ейска... Между тем мне приносят ливерную колбасу. На вкус неплохо. Я хотел высечь одну комсомолку...

27 марта. Ночь прошла спокойно... Я допрашиваю двух четырнадцатилетних мальчиков, которые бродили в окрестностях. Приказал избить одну женщину за то, что она не зарегистрировалась.

28 марта. Пошел в гости к полковнику арбейтсфюреру Вейнеру. В 18.00 я приказал расстрелять мужчину и женщину, которые пытались пройти по льду...

1 апреля. Получил 108 марок в рублях — большая пачка денег. Валя снова массирует и купает меня...

10 апреля. Солнце печет. Когда утром Мария раскрывает окно, яркие лучи солнца освещают мою кровать. Теперь у меня вспух нос. Мария ищет на мне вшей. Лед прошел, и теперь нам угрожают только самолеты. Я снова подверг порке нескольких девушек и парней за то, что они пропустили регистрацию. Среди них дочь старосты. Неприятное чувство я испытываю, когда начинает темнеть — я тогда думаю о бомбардировщиках.

11 апреля. Все рады моему приходу. Со мной обращаются как с царем. Мы хорошо ужинаем и пьем водку...

12 апреля. Каждое утро я пью горячее молоко и кушаю омлет... Работы стало меньше... Мы теперь работаем только в местных масштабах. Наказания — или порка, или расстрел. Чаще всего я провожу порку по голым ягодицам.

16 апреля. Сегодня спокойный день. Разрешил только спор между старостой и начальником милиции, а потом избил трех мужчин и одну женщину, которые, несмотря на запрещение, при-

шли в Буденновку в поисках работы... Затем я избил еще одну бабу, военную, она призналась, что была санитаркой... От румын я получал несколько раз водку, папиросы и сахар. Я снова счастлив. Наконец-то Грошек дошел до того, чтобы представить меня к награждению крестом с мечами второго класса за военные заслуги, и я награжден.

17 апреля. Девушки (Мария, Анна, Вера) поют и играют возле моей кровати... Вечером пришли с новостью, пошел с переводчиком, чтобы выяснить дело на месте. Бабьи сплетни. Я высек двух девушек у меня на квартире по голым ягодицам...

18 апреля. Дождливый пасмурный день. Я вызвал много девушек, которые неодобрительно отзывались о тайной полевой полиции. Я их всех высек».

Я заканчиваю выдержки из дневника секретаря тайной полевой полиции Фридриха Шмидта. С трудом я переписывал страшные строки. Кажется, во всей мировой литературе нет такого страшного и презренного злодея. Он расстреливает подростков, и он боится самолета. Он не может вечером уснуть от мысли, что прилетят бомбардировщики. Ему не напрасно дали крест с мечами за военные заслуги — ведь он отважно истязал русских девушек. Он даже храбро убил четырехлетнего ребенка. Поганый трус, который мучается от мысли: «А вдруг поймают?» От страха у него делаются чесотка и понос. Педантичный немец, он записывает, сколько яиц он съел, сколько девушек расстрелял и как у него перемежаются запор с поносом. Грязная тварь, он хочет гадить в уборной для высшей расы. Это блудодей и садист, который восторженно признается: «Высек много девушек». У него нет человеческих чувств. Он не любит своих родных. Он даже не нашел ни одного теплого слова для своей проклятой Германии. Он пишет с восторгом только о колбасе, палач и колбасник. Он жадно считает деньги, которые он получает за свою работу палача, считает марки и пфенниги, рубли и копейки. На одну минуту что-то озаряет этого бешеного скота: он видит, с каким героизмом переносят пытки русские юноши и русские девушки, и он в страхе спрашивает: «Что это?» Зверь, ослепленный светом человеческого превосходства!

Дневник секретаря тайной полевой полиции — исключительно ценный документ. Правда, и прежде мы читали чудовищные приказы о расстрелах. Правда, и прежде в дневниках немецких солдат мы находили записи об убийствах и пытках. Но то были сухие справки. Здесь немец сам себя изобразил во весь рост. Здесь немец предстал пред миром таким, какой он есть.

Я прошу иностранных журналистов передать дневник секретаря тайной полиции во все газеты свободолюбивых стран. Пусть узнают о работе Фридриха Шмидта англичане и американцы. Пусть узнают о ней граждане нейтральных стран. Немец-завоеватель, ка-

валер креста с мечами, ближайший сотрудник графа фон Ферстера должен обойти земной шар.

Я прошу читателей, граждан нашей прекрасной, честной и чистой страны, внимательно прочитать записи немца. Пусть еще сильнее станет их ненависть к гнусным захватчикам. Эти строки не дадут уснуть ни одному советскому человеку. Он увидит перед собой палача с чесоткой, палача, который ломает рукоятку нагайки о нежное тело русской девушки, он увидит немца-колбасника, который торгует бельем расстрелянных, он увидит убийцу четырехлетнего ребенка. Рабочие, работницы, дайте больше снарядов, мин, пуль, бомб, больше самолетов, танков, орудий — миллионы немцев, таких же, как Фридрих Шмидт, рыщут по нашей земле, мучают и убивают наших близких.

Я прошу читателей, командиров и бойцов нашей доблестной Красной Армии, прочитать дневник немца Фридриха Шмидта. Друзья воины, помните, что перед вами Фридрих Шмидт. Ни слова больше, только — оружьем, только — насмерть. Прочитав о замученных в Буденновке братьях и сестрах, поклянемся: они не уйдут живыми — ни один, ни один!

13 октября 1942 года

Гретхен

Я видел немало бумажников фрицев. В одном отделении — голые девки и адреса борделей, в другом (фриц аккуратен, он не спутает) — фотография белокурой немки с круглыми фарфоровыми глазами. Это и есть супруга фрица, фрау Мюллер или фрау Шмидт. Иногда вместо жены у фрица есть невеста. У этой невесты может быть полдюжины детей, но, поскольку фриц с ней не обвенчался, он ее именует «невестой».

С виду гретхен — безобидная белобрысая дамочка. На деле это подлинная акула. Без гретхен фриц не знал бы, что ему делать в Париже, — гретхен его вдохновляла: «Грабь!» Гретхен — это муза разбоя. Фриц, который «организует» колбасу в Краснодаре, посвящает свою добычу гретхен. Когда Гитлер в мюнхенской пивнушке прославляет грабеж и хвастает тем, что немцы обобрали Украину, его устами говорит белокурая, рыхлая и ненасытная гретхен.

Кто знает, что снится какой-нибудь фрау Квачке в Свинемюнде? Письма немок полны самыми неожиданными просьбами. Одна дура, проживающая в Котбусе, пишет мужу: «Если можно, достань мне платье русской боярыни с бусами, — я видала в «Иллюстрирте», я его буду носить вместо капота». Другой понадобился

«башлык русского казака для нашего малютки». Они требуют птичьего молока, но они ничем не брезгуют, они восхищенно пишут: «Твоя посылочка была перевязана прекрасной веревкой, пожалуйста, всегда теперь перевязывай посылки хорошей русской веревкой».

Эти голубоглазые мечтательницы обладают сказочным аппетитом. Марта Зиммель пишет жениху: «Шоколад я оставила для малютки, а сало и мед съела в один присест, даже не заметив». Очаровательная тварь, которая способна, «даже не заметив», сожрать сало с медом!

Фрау Трей наставляет мужа: «Я тоже пережила трудную зиму. Хотя ты пишешь, что у вас тропическая жара, подумай о зиме, обо мне. Поищи для меня что-нибудь шерстяное». Что для такой самки война, кровь, смерть? Ее муж давно убит под Воронежем, а она все еще мечтает о шерстяной кофте. Другая гретхен, фрау Сальнетер, требовала, чтобы муж прислал ей из Сталинграда «изящный купальный костюмчик». Эта особа писала: «Фрау Кученройтер передала мне от тебя большую посылку. Там была резиновая тесьма. Я очень обрадовалась. Хорошо, что ты прислал сахарный песок, можно будет сделать торт. Имей в виду, что мне нужны летние туфли, размер 38. Посылку с серебряным кофейным прибором я получила и спрятала в шкап. Сегодня я надела новое платьице из русского материала и голубенькую соломенную шляпку. Вот перед тобой твоя маленькая женушка, которую ты находил такой прелестной...» Дура — ее муж гниет в русской земле, а она кокетливо пришептывает: платьице, шляпка, женушка. Ведь она еще рассчитывает на «изящный купальный костюмчик».

Они обожают сюсюкать. Гретхен называет фрица «муженек», «муженечек», «мое сокровище», «мое маленькое сокровище», себя она именует не иначе как «твоя крошка», «твоя женушка», «твоя куколка». За этими сладкими словами скрыта бездушная и жестокая тварь. Фрау Анна Зигер пишет из Прентилау: «Русских ты можешь убивать без всякого угрызения, да и детей, потому что из каждого русского малыша вырастет зверский большевик».

Немец Фридрих Шмидт в Буденновке терзал невинных людей и торговал одеждой расстрелянных. Жена Фридриха Шмидта, Христина, рассматривала «работу» мужа как доходное дело. Муж ее записывал, сколько девушек он замучил и сколько колбасы съел. Христина тоже вела счет: «Посылки за номерами 159, 160 и 161 мы получили. Большое за них спасибо, особенно за колбасу... Значит, посылки до № 161 получены, а следующих, до 166, еще нет. Надеемся, что скоро прибудут. Перечисляю номера посылок, которые не дошли: 69, 70, 71, 98, 125, 134, 139, 154, 155... Девочки ужасно рады, что получили ботинки...»

В Германии открылись специальные курсы «для подготовки руководительниц в Остланде». На курсах подготовляют немок для расправы с крестьянами Украины и Белоруссии. Официально в программе — невинные предметы: молочное хозяйство, уход за больными, садоводство. Но одна из грядущих «руководительниц», Гильда Гримм, пишет своему жениху: «Итак, через три недели я увижу загадочную Россию. Нам здесь многое объяснили. Всем со слабыми нервами там не место. Я знаю, что я справлюсь с моей задачей. Ничего, что мне двадцать лет и что для тебя я только твоя «бедная крошка», я хорошо стреляю, и русские, эти бородатые звери, будут передо мной трепетать».

Они никого не любят, даже своих фрицев. Герден Хапп пишет мужу: «Конечно, я не хочу тебя упрекать, но имей в виду: то, что я тебе послала, я отняла у себя. Ты, как муж, должен это знать». Нечего сказать — любовь! «Женушка» послала «муженьку», «сокровищу» три лепешки, и она спешит добавить: это я отняла у себя, — чтобы он ел и чувствовал все благородство фрау Хапп. Элла Мейер докладывает мужу: «Я скрыла от мамы, что получила посылку. Нечего их баловать!» А вот как гретхен отвечает на жалобы фрица: «Ты пишешь, что у вас настоящий ад. Ты всегда видишь только то, что касается тебя. У нас здесь тоже нелегко». Гитлер говорил, что он вырастил поколение немцев, похожих на молодых зверей, лишенных совести. Каковы фрицы, таковы и гретхен. Для этих себялюбивых, тупых самок не найдешь другого слова — бессовестные.

Конечно, они очень любят петь романсы о «немецкой любви» и «немецкой верности», но они сходятся с первым встречным. Немецкие газеты полны увещеваниями: «Нельзя забывать о чистоте германской расы». Но гретхен воспитали, как породистую корову, а мир еще не знал коровы, которая заботится о чистоте своей расы. Фрейлейн Густель Бонн пишет: «Да, мой дорогой, кто же был пригласивший твою Густель в такой поздний час на купание? Интересный железнодорожник, но не в моем вкусе». Эта гретхен еще привередничает, но солдат Ганс Клейн, побывавший в отпуску, сообщает своему приятелю: «У нас поспать с женой фронтовика — это самое плевое дело, не приходится даже угощать или уговаривать». Эсэсовец Вильфред Рабе, убитый под Ленинградом, узнал, что такое верность гретхен; незадолго до смерти он получил письмо от своего коллеги: «Твоя бывшая невеста сошлась с французом. Она заявила мне, что совершенно бессмысленно ждать немца, поскольку имеется лучший выход». Гретхен пишет из Кобленца ефрейтору Раугаусу: «Среди жен фронтовиков я знаю восемь беременных, причем одна сошлась с чиновником, который выдает пособия, а другая ухитрилась спутаться с двумя итальянцами, так что и сама не знает, кто отец».

Они те только блудливы, эти голубоглазые феи, они и трусливы. Они не видали ни вражеской армии, ни партизан, но все же они трясутся от страха. Кого они боятся? Безоружных пленных, иностранных рабов. Гильгерд, проживающая в Зихельберге, жалуется жениху: «Вчера я натерпелась страху. Ночью проснулась и слышу — кто-то ужасно кричит. Это был поляк... Вечером я никогда больше не буду выходить одна...» Эту Гильгерд даже не утешает, что в Зихельберге немцы повесили поляка. Она пишет, что не успела посмотреть на то, как вешали — «не было времени», и добавляет: «Опасно ходить по улице». Иоганна Рохе тоже боится: эта — не поляков, а русских. Она пишет из Вейсенфельса: «Каждую неделю здесь появляются беглые русские. Боязно даже сходить за сеном. Их поймали, и как их били резиновыми дубинками!.. Кроме того, сбежало двое русских детей восьми лет». И Иоганна повторяет: «Страшно». Да, эта дебелая и злая тварь боится восьмилетних детишек! А Эрика Кратцер вопит: «Сегодня три женщины пошли в лес за ягодами и увидали беглых русских. Женщины побежали за полицией... Одна женщина вечером пошла в сад, вдруг высунулась чья-то рука и схватила ее за ногу. Женщина от страха обезумела, бросила все и убежала...» Уж не привидения ли гоняются по ночам за немками, не тени ли замученных, в чье тряпье гретхен вырядились?

Легко себе представить, как ведут себя немки во время воздушных бомбардировок. Вот письмо вахмистру Гансу Линглингу от его супруги из Кельна: «Мое единственное, любимое, хорошее и верное сокровище! Я тебя прошу, любимый, не пугайся! Это действительно больше чем ужасно! Сокровище, это просто кошмар. Это последняя расплата! Я не могу поверить, что я вообще существую. Ты не поверишь, но, когда я думаю, я могу плакать, плакать и еще раз плакать. Мой дорогой муж, нельзя понять, как твоя женушка еще жива!.. Просто ужас, ты только представь, Ганзи, моя чернобурка стала жертвой войны! Также новый отрез, который находился у портнихи, сгорел... Да, мой дорогой муженек, так у нас обстоят дела! Если ты теперь приедешь, я не смогу тебя даже встретить на вокзале, потому что вокзала больше нет... Ах, сокровище, если ты бы мог быть здесь! Ведь мне приходится одной переживать такой ужас... Кто знает, может быть, ты скоро получишь от меня телеграмму, что я осталась без крова! Тогда ты обязательно приезжай. Да, мое сокровище, с такими вещами нужно считаться! Сейчас я довольна, что я спасла мою жизнь...» Так воет над погибшей чернобуркой среди развалин трусливая и себялюбивая сука.

Мы наконец-то увидели, как немки плачут. Они плачут не от горя — от страха. Немецкое радио молит гретхен: «Женщины должны уметь подавлять слезы, когда они появляются по той или иной причине. Злые языки утверждают, что женщина плачет тем

сильнее, чем меньше у нее на то причин. Известно, что крупные актрисы могут плакать в любой момент. Это говорит, что мы можем управлять нашими слезами. Немецкие женщины не должны плакать».

Дурной комедиант призывает гретхен не кривляться. Но гретхен и не кривляются. Они плачут, потому что никто больше не пришлет сала с медом. Они плачут, потому что возле дома раздались шаги неизвестного раба. Они скулят над сгоревшими платьями. Они ревут от ужаса, когда раздается рев сирены: своим ревом они покрывают сирены. Они теряют голову. Это не актрисы, это самки, которые кричат, потому что близится час расплаты.

Они смывали кровь с детских вещей. Они не смыли детскую кровь со своих рук — вдохновительницы воров, помощницы палачей, сожительницы гнусных убийц.

Женщина — великое слово. В нем нежность и гордость, в нем чистота девушки, в нем самоотверженность подруги, в нем подвиг матери. Можно ли назвать женщинами этих мерзких самок? Женщина ли фрау Шмидт с ее ста шестьюдесятью посылками? Нет, тварь. Таково возмездие истории: в Германии, создавшей армию палачей, армию грабителей, нет больше той возвышенной, благородной женщины, которая ждет друга, сражающегося за свободу.

Велика чистота русской женщины. Ее жертвенность, ее душевная сила воспеты нашими великими писателями. Таня Ларина, героини Тургенева, Анна Каренина, Груня — кто не влюблялся в эти возвышенные образы? Мы знаем смелость советской женщины, героизм Зои Космодемьянской, боевые дела наших партизанок, самозабвенные труды санитарок и связисток. За женскую честь мы сражаемся против гнусных немцев.

13 ноября 1942 года

Негасимый огонь

Когда о «новом порядке» Гитлера рассказывают русские, их могут заподозрить в пристрастии. Я предоставляю слово немцам. Говорят обер-ефрейторы 575-го полка 221-й дивизии Вальтер Вирт и Георг Фишер:

«Когда мы вступили в деревню Яшичи, мы увидали на дереве два трупа. Это были русские. Их повесили солдаты из полка «Великая Германия». Вешать — это специальность эсэсовцев. Мы не вешаем, мы расстреливаем.

В деревне Яшичи наш взвод расположился в школе. Мы там пробыли месяц — в ноябре — декабре 1941 года. Когда мы пришли в

Яшичи, лейтенант Хехт приказал старосте собрать все население. Около 20 человек мы расстреляли. У нас была формула: «Идем в комендатуру» — это мы говорили всякому, чье лицо нам не нравилось. Были тут и женщины, и старики, и дети. Задержанных обычно до комендатуры не доводили, их расстреливали в лесу возле деревни. Всего за месяц мы расстреляли в Яшичах свыше ста человек.

Лейтенант Фриц Гаан убивал людей хладнокровно. Если он кого-нибудь замечал, бедняге приходилось плохо: «Идем в комендатуру», выводил за деревню и расстреливал. Он убивал сразу. А вот ефрейтор Ганс Экснер любил издеваться над жертвой. В Рогачеве он избивал людей прикладом карабина, иногда палкой. Люди падали, а Экснер их бил. В Яшичах он расстреливал медленно: сначала прострелит одну руку, потом другую, потом выстрелит в спину и не спешит с последним выстрелом — в голову.

Обер-ефрейтор Ганс Пенкалла рассказывал, что он находит удовлетворение в расстрелах. Он хвастался числом расстрелянных и, возвращаясь после экзекуции, облегченно вздыхал: «Ну вот, еще одного прикончил».

Как-то в трех километрах от деревни Яшичи мы зашли в дом. Там была женщина лет тридцати пяти и ее дочка лет пятнадцати. Мы обыскали дом, но ничего не нашли. Однако лейтенант Хехт сказал, что эта русская может быть связана с партизанами. Мы повели женщину и ее дочку к яме, расстреляли и зарыли. В ту же ночь мы убили еще девять человек.

Когда мы стояли в районе Стародуба, нам указали на один дом. В доме жила женщина-врач. Мы ее расстреляли.

С июля по октябрь 1942 года мы пробыли в Людинове. Там мы делали то же, что и в Яшичах: придя, собрали всех и стали расстреливать».

Спокойно, обстоятельно созидатели «нового порядка» говорят о своих трудах. Они строго разделяют функции. Вальтер Вирт и Георг Фишер возмущены мыслью, что они вешали. Нет, вешали эсэсовцы. А солдаты 221-й дивизии только расстреливали. Обер-ефрейторы подчеркивают «гуманизм» лейтенанта Фрица Гаана, который убивал женщин и детей сразу, в то время как другой носитель «нового порядка», ефрейтор Ганс Экснер, растягивая наслаждение, расстреливал человека в несколько приемов.

Они вешают. Они пытают. Они бьют умирающих детей. Они медленно расстреливают старух. Пытки их пьянят. Ганс Пенкалла еще может обойтись без шнапса. Но он не может обойтись без детской крови. Замучив невинного, он, как выражаются коллеги, «облегченно вздыхает».

Им мало и этого. Они топчут тела русских. Они хотят вытоптать души. Гнусным колбасникам мало убить — они жаждут унизить. В

освобожденном селе Покровское Орловской области найден приказ бургомистра за номером 3 от 23 октября 1942 года:

«Цивильное население обязано приветствовать офицеров и солдат германской армии снятием головного убора и наклонением головы до пояса, произнося при этом приветственные слова на русском языке или с правильным произношением на немецком языке».

Женщины Яшичей, у которых немцы убили дочерей, должны кланяться в пояс своим палачам. Они должны говорить «доброе утро» убийце — ведь утром этот немец застрелил десять русских. Старик из Стародуба должен «с правильным произношением» восклицать «хайль Гитлер» — ведь мимо него идет немец, который только что убил женщину. Шапки ломать должны русские люди перед проклятыми колбасниками, сгибаться до земли перед кровожадными карлушками. Идет «новый порядок», идет ефрейтор с опушки леса, где он пытал невинных, — дорогу ему, кланяйтесь в пояс, приветствуйте палача.

Мы знаем судьбу наших близких, которые попали в лапы немцев. Мы знаем, что пережил Харьков. Мы знаем, что ему еще суждено пережить. День и ночь перед нашими глазами муки невинных. Мы знаем, что значит потерять город. Мы знаем, что значит освободить город. Не о кружке на карте мы думаем — о близких. О ребенке, попавшемся на глаза Гаану. О девушке, которую тащит в лес Экснер. Нет нам отдыха, нет нам сна, нет передышки, пока не скажем: освободили их от немцев, спасли. В нашем сердце незаживающая рана: боль за родину. В нашем сердце негасимый огонь: ненависть. На этом огне сгорели немцы, дошедшие до Сталинграда. Этот огонь не задуют ветры, его не погасят дожди. Он очистит нашу землю.

19 марта 1943 года

Палач в истерике

Немцы любят прикидываться «мощными варварами». Эти захолустные ницшеанцы говорят, что они — сверхчеловеки. На самом деле это — истерические людишки. Они не жалеют других, но себя они жалеют до слез. Они издеваются над беззащитными, но когда их берут за шировот, они визжат.

Два месяца тому назад Германия упивалась победами. Тылу перепала толика кубанской поживы. Немцы думали, что это — закуска. Это были последние крохи. Настала зима, и Германия увидела, что победы нет. Победы и не предвидится. На Кавказе

немцев бьют. Сталинград не взят. Роммель покрыл в десять дней тысячу километров. В Тунисе — американцы. Сверхчеловекам не по себе.

Редактору газеты «Дас шварце кор» предложили успокоить ницшеанцев, которые явно нервничают. «Дас шварце кор» — газета не для немецких институток. Это центральный орган эсэсовцев. Казалось бы, у палачей крепкие нервы. Однако палачи бьются в истерике. Передовая «Дас шварце кор» от 29 октября 1942 года должна приободрить немцев, объяснить им, почему победа отложена на неопределенный срок.

Автор признается, что немцы «разочарованы», что их смущают «продолжительность боев в Сталинграде и медленное продвижение на Кавказе». Эсэсовец пишет: «Большевистское командование никогда не прекращает борьбы по каким-либо возвышенным соображениям, нет, большевики наступают до полного истощения и обороняются до последнего патрона... Их солдаты сражаются иногда в исключительной обстановке, когда по человеческим понятиям это невозможно. Тяжело раненные стреляют в немцев из горы трупов несколько часов спустя после окончания боя. Ежедневно случается, что пленные в глубоком тылу, раздобыв оружие, подымают его против немцев и жертвуют своей жизнью. Сражение за Сталинград — небывалое сражение... В завоеванных кварталах, давно находящихся позади линии фронта, постоянно вспыхивают новые бои... Никто не мог думать, что подобные твари способны на такие подвиги. Ни количество людей, ни гигантский потенциал вооружения не объясняют силы большевистского сопротивления. Другой противник не перенес бы сражений 1941 года, даже при равном количестве людей и вооружения».

Вряд ли, прочитав это, немцы успокоятся. Они увидят, что даже палачей знобит от страха. Они поймут, что немецким колбасникам никогда не одолеть России: умирающие и те стреляют в захватчиков. Немцы поймут, что завоеванные кварталы Сталинграда не завоеваны: там продолжаются бои. Об этом говорят не русские, об этом говорит орган эсэсовцев. Перепуганный палач ругается: он называет героев «тварями». Но ругань в его устах — похвала: это визг раненого хищника.

Мы читаем дальше: «На востоке происходит ужасный танец смерти большевистского зверья. Это — зверская сила природы, освобожденная большевиками. Это — держава освобожденных неполноценных людей. Перед нами непостижимое явление: до сих пор народы сражались с народами, солдаты с солдатами, а здесь мы имеем дело не с людьми, но с проявлением темных инстинктов... Это уж не война, это — катастрофа природы».

Пожалуй, ознакомившись с передовой «Дас шварце кор», немецкие колбасники ударятся в мистицизм: «Танец смерти... катастрофа природы...» Колбасник привык воевать так: в шесть часов утра немцы бомбят город, где нет зениток, в двенадцать часов город капитулирует, в шесть часов отходит первый поезд с награбленным добром, а в полночь немцы устанавливают первую виселицу. Это «нормальная война» — «солдаты сражаются с солдатами». А защита Сталинграда — это «катастрофа природы». Сверхчеловеки, перепуганные до того, что они теряют способность членораздельно изъясняться, называют защитников Сталинграда «недочеловеками».

А журналист продолжает стращать: «Мы боремся против загадочных сил природы... Самая тупая, самая некультурная масса строит величайшие заводы, изготовляет самое большое количество тракторов, танков и самолетов, владеет утонченным механизмом радиосвязи...»

У колбасника пот на лбу. Он больше ничего не понимает: тупая масса и величайшие заводы! Видимо, русские заключили пакт с нечистой силой. И колбаснику неуютно. Но «Дас шварце кор» не унимается: «Наши солдаты сейчас решают вопрос — не закончится ли новый подъем нордической Европы резким диссонансом, не приблизились ли мы к пропасти, не свалимся ли мы снова в небытие?»

Когда в селе Буденновка Фридрих Шмидт терзал девушек и детей, это было «подъемом нордической расы». Когда сородич названного Шмидта в другом селе, Белополье, обогатил человечество новым изобретением — двухэтажной виселицей, это тоже было «подъемом нордической Европы». Так они «подымались» — по пожарищам, по трупам, и вот они — на краю пропасти. Они боятся «диссонансов». Ведь до сих пор все разыгрывалось по нотам: плакали дети, танки давили беженцев, автоматчики стреляли в старух, Гитлер лаял, и эсэсовцы вопили «хайль». В эту дивную для немецкого уха мелодию вмешался диссонанс: Сталинград.

У редактора «Дас шварце кор» плохие нервы. Нюх у него хороший. Он воет: «Нас ждет небытие». Палач изволит выражаться чересчур возвышенно: фрицев ждет мусорная яма истории. Откуда вышли эти ницшеанцы с кошелками для сала, эти висельники, снабженные докторскими дипломами? Из небытия? Нет, из грязи, из навоза, из мусора. Туда им дорога.

22 ноября 1942 года

Взвешено. Подсчитано. Отмерено

Десять лет тому назад, 30 января 1933 года, тирольский шпик стал властелином Германии. Десять лет тому назад в мутный январский вечер бесноватый Гитлер с балкона приветствовал берлинскую чернь. Он сулил немцам счастье. Он сулил им жирные окорока, тихие садики с сиренью, парчовые туфли для престарелой ведьмы и золотую соску для новорожденного фрица.

Сегодня бесноватому придется выступить с очередной речью. Волк снова залает. Но никогда еще Гитлеру не было так трудно разговаривать с немцами. Праздник людоедов сорвался. Десятилетие превратилось в панихиду по мертвым дивизиям. Богини мщения, эринии, уже проходят по улицам немецких городов. Они подсовывают под двери конверты: это письма фрицев. Эринии несут весть о разгроме немецких армий на Волге, на Дону, на Кубани, на Неве. Где то счастье, которое сулил бесноватый немцам? Десять лет он царил и правил. Пришел день ответа.

Маленький человек с усиками приказчика и с повадками кликуши взойдет на трибуну, как на эшафот. Конечно, его еще охраняют верные эсэсовцы. Конечно, крикуны еще орут «хайль». Конечно, ему еще аплодируют все воры Германии и его обожают все ведьмы Брокена. Но бесноватый корчится: к своим именинам он получил вместо пирога с десятью свечками десять поражений.

Он снова пролает: «Мы — немцы. Я — солдат. Большевики оказались сильнее, чем мы думали. Но мы — немцы. Но я — солдат. Зима оказалась страшнее, чем мы думали. Но мы — немцы. Но я —солдат. У меня еще есть резервы. Весной я еще наскребу дивизии. Я хочу победить». И чернь в ответ заревет «хайль».

Он продулся, этот шулер с усиками приказчика и с душой людоеда. Он промотал Германию. Он раскидал свои дивизии под Сталинградом, на горах Кавказа, в степях Калмыкии. Все, что немки породили, он способен проиграть за одну ночь. Он ведь не ест котлет, этот вегетарианец: ему нужны каждый день тысячи трупов. Он ведь не пьет вина, этот трезвенник: ему нужны каждый день тонны человеческой крови. Он ведь не курит, этот любитель чистого воздуха: ему нужны каждый день сожженные города.

Десять лет фрицы и гретхен превозносили Гитлера. Десять лет вместе с ним они убивали и грабили. Вместо кадильниц — пепелища. Вместо вина — кровь. Они жгли книги. Они травили мысль. Они придумывали новые казни. Они изобретали новые пытки. Они глумились над человеком, над добром, над свободой, над светом

простой человеческой жизни. Десять лет. Теперь идет год расплаты.

Есть библейское предание. Когда тиран Вавилона, поработивший окрестные народы, пировал в своем дворце, незримая рука написала на стене три слова: «Мене. Текел. Фарес» — «Взвешено. Подсчитано. Отмерено». В тот час армии мщения уже шли к Вавилону. Грехи тирана были взвешены. Его преступления подсчитаны. Возмездье отмерено.

Еще немцы топчут Европу. Еще немцы в Ростове, в Харькове, в Орле. Еще семь миллионов чужеземных рабов томятся в новом Вавилоне. Но уже на стенах дворца, где немецкий людоед запивает морковку бочками человеческой крови, рука истории пишет роковые слова: «Мене. Текел. Фарес».

Разбойников, которые забрались в Сталинград, бесноватый нагло называет «защитниками Сталинграда». Он пробует поднять на пьедестал палачей, которые лихо убивали беззащитных женщин Сталинграда и которые теперь, срывая с себя грязные подштанники, выкидывают белые флаги. Гитлер уверяет, что фрицы «героически сопротивлялись». Гитлер не говорит, что фон Паулюс грозил убить жен и матерей всех немцев, которые сдадутся в плен. Гитлер не говорит, что фрицы боятся сдаваться в плен, потому что фрицы никогда не видали людей: звери, они жили среди зверей. Один из окруженных фрицев по имени Вебер 22 декабря писал своей жене: «Вчера издан новый приказ — ни одного русского не брать в плен». Другой фриц, ефрейтор Хаман, 14 ноября доносил своей самке: «Пленных мы теперь не берем. Это звучит жестоко, но поверь мне — здесь приходится быть твердым». Вот разгадка немецкого «героизма»: они не верят, что могут быть на свете солдаты, которые не бьют лежачего. Но голод не тетка, и голод не Гитлер. Доев последних собак и кошек, фрицы все же подымают руки. Заикаясь, они лопочут: «Гитлер капут». Вот подарок фюреру к его десятилетию: стада немецких пленных с генералами за козлов и фрицами за баранов.

«Мене. Текел. Фарес» — эти роковые слова слышит сейчас вся Германия. Гитлер уже не может скрыть от немцев происшедшего. Наступление Красной Армии с каждым днем ширится. Растут валы. И немцы знают, что один из них будет девятым. Они пришли в Сталинград. Оттуда они не вышли. Они пришли на Кубань. Теперь они там мечутся. Они пришли в Воронеж. Тогда Касторное для них было только этапом. Теперь пускай ищут дорогу.

Гитлер пролает, что у него еще много резервов. Но почему он снимает дивизии из Франции, из Голландии, из Норвегии и шлет их на восток? Не от богатства тирольский Тришка латает свой кафтан. Почему немецкие самолеты, еще десять дней тому назад находившиеся в Сицилии, оказались над Сталинградом? Фриц обкра-

дывает другого фрица. А фон Паулюс обкрадывает фон Роммеля. Обнажен западный блок гитлерии. А весна не за горами, и вряд ли жители Южной и Западной Германии с большим восторгом думают об этой весне.

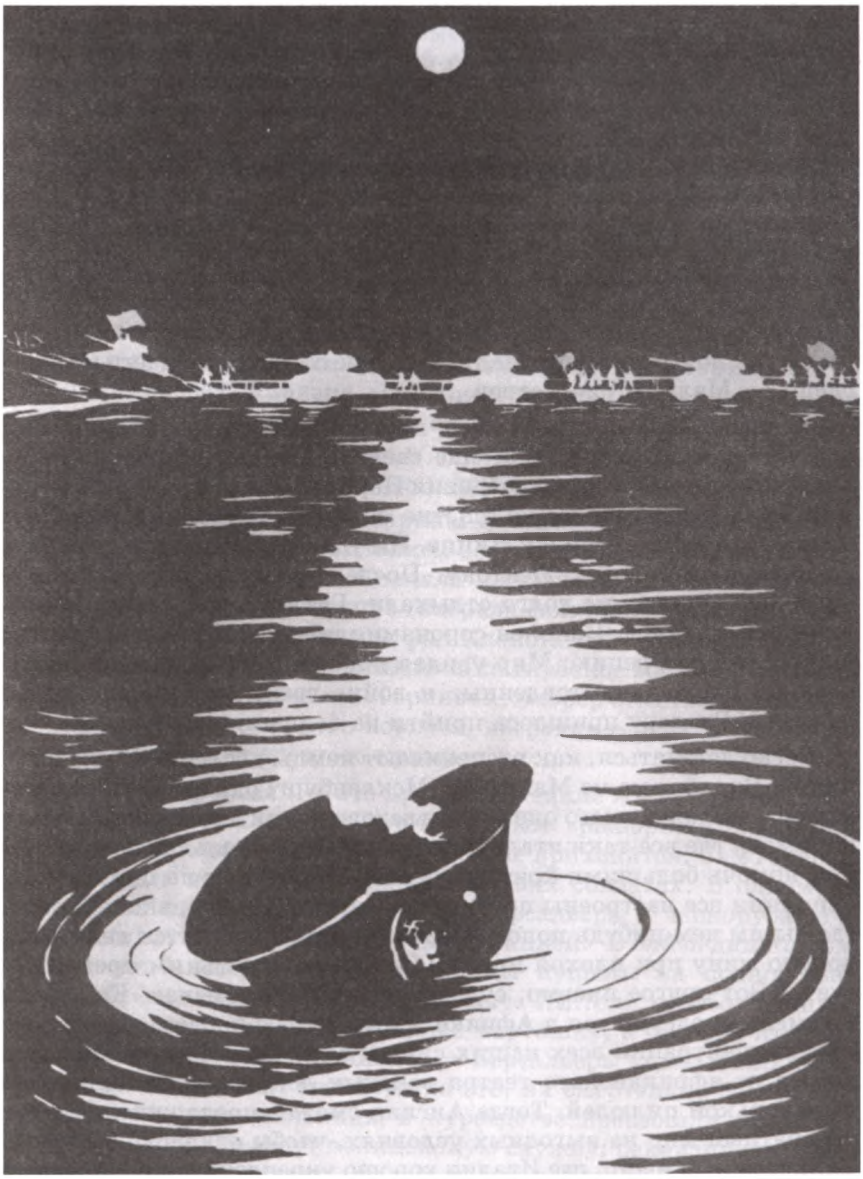
Ефрейтор 578-го полка 305-й германской дивизии записал в дневнике: «Я совершенно отчаялся. Долго ли это будет продолжаться? Раненых не уносят, они рядом. Как ужасна жизнь! Что плохого я сделал, что я теперь так наказан? Разве можно пережить такое? Ах, если бы можно было мирно жить! Я еще не могу примириться с мыслью о смерти». Это хорошая речь к десятилетию Гитлера. Ее нужно передать по всем волнам Германии. Ее нужно вывесить на всех стенах Берлина. Фриц взвыл: «Что я плохого сделал?» Он не говорил этого прежде. Нет, прежде он жил припеваючи во Франции. Он убивал французских беженцев, мародерствовал, измывался над людьми. Потом его послали в Россию. Девятнадцать месяцев он спокойно убивал, грабил и вешал. Теперь он взвыл: «За что?»

За то, что в Кисловодске мы нашли пятилетнюю девочку со вспоротым животом. За то, что в Калаче мы нашли трехлетнего мальчика с отрезанными ушами. За то, что в каждом городе немцы убивают невинных. За все казни. За все виселицы. Фриц воет: «Если бы можно было мирно жить!» Поздно вспомнил, проклятый. Кто тебя звал на нашу землю? Ты мог сидеть у себя с женой. Десять лет тому назад ты выбрал Гитлера. Ты пошел за людоедом. Ты пошел во Францию. Ты пошел к нам. Ты думал 30 января, получив двойную порцию шнапса, вешать русских. Ты встретишь этот день в могиле.

Десять лет людоеда. Немцам не до плошек, не до флагов. Они угрюмо слушают, как по снегу ступают воины и судьи. Скользят на лыжах эринии. Горят ракетами в небе роковые слова. На штыках Красной Армии, как огонь в ночи, горит и разгорается жизнь.

30 января 1943 года

СУДЬБА ШАКАЛОВ

Петушиные перья

Немецкие офицеры острят: «В 1943 году мы будем на Миссисипи, а Рим передаст очередную сводку: «Вчера мы в трехтысячный раз храбро бомбили Мальту». Итальянские офицеры отвечают на это следующим анекдотом: «Фюрер недавно позвонил дуче: «Почему вы так долго не берете Мальту?» Дуче ответил: «Ничего не поделаешь — Мальта тоже остров...»

Нанимая Муссолини, Гитлер, конечно, знал, кого он нанимает: память о Гвадалахаре была еще свежей. Италия объявила войну Франции за четыре дня до падения Парижа, когда французская армия была разгромлена, но тщетно солдаты Муссолини пытались прорваться к Шамбери и к Ницце. Им удалось всего-навсего занять пограничный городок Ментону. После этой воистину эпической «победы» итальянцы долго отдыхали. Гитлер торопил, но Муссолини отнекивался. Наконец сорокамиллионная Италия двинулась на крохотную Грецию. Мир увидел поучительное зрелище: необученные, плохо подготовленные к войне греки били итальянские дивизии. Гитлеру пришлось прийти на выручку итальянцам.

Легко догадаться, как расценивают немцы доблесть своих союзников. Вот письмо из Мальхова (Мекленбург) одного крупного инженера, выражающего оценку гитлеровской интеллигенции: «Я не понимаю, где все-таки итальянские солдаты? Итальянцы могли бы нам помочь большими контингентами, но они нам не помогают. В Германии все настроены против итальянцев. Они только и глядят, где бы им чем-нибудь попользоваться. Нам приходится делать хорошую мину при плохой игре. Но после войны мы им предъявим счет». Вот другое письмо, судовладельца из Бремена: «Как долго Роммель продержится в Африке — это вопрос подвоза. Если с целью концентрации всех наших сил на восточном фронте мы откажемся от африканского театра военных действий, это будет для дуче горькой пилюлей. Тогда Англия сможет предложить Италии сепаратный мир на выгодных условиях, чтобы отколоть ее от нас. Единственное место, где Италия хорошо укреплена и трудно уязви-

ма, — это Бреннер... А вы знаете, что такое «реальная политика»...»

Отзывы об итальянских частях немецких офицеров и солдат, взятых в плен на Украине, красочны. Офицеры говорят: «Итальянцы годны только для тыловой службы... Они не выдерживают артиллерийского огня... Они неизменно требуют от нас помощи...» Немецкие солдаты презрительно называют итальянцев «макаронщиками», а один немецкий ефрейтор заявил: «По-моему, итальянцы хуже румын, а уж румыны дерутся, как опытные зайцы...»

Однако пренебрежение к итальянской армии кажется Гитлеру недопустимым. Есть немецкая пословица: «Каков барин, таков и слуга». Позор чернорубашечников не придает лавров их немецким господам. И Гитлер решил прославить итальянский экспедиционный корпус, находящийся на Украине, — барин хочет доказать, что у него хороший слуга... Газета «Дейче Альгемейне цейтунг» опубликовала апологию итальянской армии: «Дивизии, отправленные в советскую Россию, носят славные имена: «Торино», «Посубио», «Челере». Дивизия «Посубио» прокладывала путь германским танкам и отражала вражеские атаки... Зимой, во время сильных морозов, берсальеры и чернорубашечники вместе с германской пехотой отражали ожесточенные атаки...»

Слуга польщен похвалой барина. Итальянцы теперь издают газету на немецком языке «Италиен беобахтер». В этом органе полковник Каневари пишет: «Сначала наш экспедиционный корпус находился в армейской группе генерала фон Макензена, затем перешел в бронетанковую армию фон Клейста. Вспоминается приказ генерала фон Макензена, выражающий глубокое восхищение блестящим поведением дивизии «Торино»... Фюрер отметил примерное поведение экспедиционного корпуса, наградив генерала Мессе рыцарским орденом Железного креста».

Орден Гитлер выдал — это правда. Но такие же «рыцарские ордена» Гитлер пожаловал и другим битым «рыцарям», например Антонеску. Так что гордиться орденом не приходится. Сам генерал Мессе отнюдь не высокого мнения о своих солдатах. В одном из приказов он откровенно говорит, что берсальеры и чернорубашечники занимаются на Украине спекуляцией. В экспедиционном корпусе нет интендантства: итальянцы пущены на подножный корм. Они научились грабить на славу. Жители освобожденных сел рассказывают: «Немец не нашел картошку, а пришел итальянец, понюхал и сразу стал копать...» Берсальеры ходят в шляпах с петушиными перьями; несмотря на это, их смертельно боятся все украинские куры: итальянцы в куроедстве превзошли даже немцев. Они исправно несут полицейскую службу: реквизируют, арестовывают, расстреливают, но в бою они показали себя классиче-

ски трусливыми — это родные братья фашистов, терявших штаны у Гвадалахары, в Ливии, под Корчей.

Итальянцев красноармейцы начали бить еще в октябре. Первой получила по носу дивизия «Челере». Два ее кавалерийских полка, «Савойя» и «Наварра», на подступах к городу Сталино были разгромлены. Из 1300 человек свыше 500 были выведены из строя. Оба полка пришлось отвести в тыл. В ноябре дивизию «Челере» направили к Горловке. Ей придали 63-й легион чернорубашечников. Но легионеры запоздали на один день. Дивизию «Челере» вторично разбили. Ее 3-й полк берсальеров потерял убитыми 500 человек и был обращен в бегство.

Затем пришел черед дивизии «Посубио». Ее 80-й полк, находившийся возле Горловки, был атакован нашими бойцами с тыла. Командование дивизии послало на выручку два батальона 79-го полка и две роты противотанковых пушек. Подкрепление... заблудилось. Солдаты 79-го полка были частью уничтожены, частью взяты в плен, а 80-й полк был разбит.

Не пощадили наши бойцы и дивизию «Торино»: ее 81-й полк был окружен и разгромлен. В декабре в районе Волынцево наши части разбили 82-й полк дивизии «Торино». Его должен был выручить 63-й легион чернорубашечников. На этот раз чернорубашечники не опоздали и не заблудились: их разбили под Ново-Орловкой.

С января итальянцы занимались грабежом и преследованием своих дезертиров. Лейтенант Леандро Коделуппи заявил: «Нашим солдатам опасно показывать противника, — как только они видят русских, они тотчас сдаются в плен». Очевидно, после этого Муссолини и выдал генералу Мессе крест «Савойского ордена», объявив: «Генерал Джованни Мессе дал новое подтверждение духа самопожертвования итальянского народа».

Плохие у немецкого барина слуги — правды не скроешь. Ордена орденами, синяки синяками. Петушиные перья на шляпах итальянских куроедов выглядят достаточно плачевно.

Итальянцы не трусы. В свое время «красные рубашки» Гарибальди поразили мир своей отвагой. Почему же итальянцы удирали в Ливии? Почему они опешили перед греками? Почему показали себя столь малодушными на Украине? Да потому, что итальянскому народу не по душе быть слугой немецкого барина. Муссолини, тот искренно служит Гитлеру: судьбы этих двух людей тесно связаны, — когда загорится господский дом, не спастись и дуче в его лакейской. Но итальянский народ — это не Муссолини. Рабочие Милана и Пьемонта, крестьяне Тосканы, Калабрии, Сицилии, виноделы и рыбаки, каменщики и штукатуры, трудолюбивые, веселые, простодушные люди Италии не хотят умирать за чужое и черное дело фашизма.

Что принес им Муссолини? Сначала парады, балаганные речи, жизнь впроголодь, а потом беспрерывные войны.

Уже девятый год, как Италия истекает кровью. Полтораста граммов хлеба в день — вот ее трофеи. Где былые макароны с маслом? Их едят прусские помещики и баварские пивовары. А итальянцы забыли, как выглядят макароны. Фашистская верхушка наживается на войне. Муссолини, хлопая себя по тучному брюху, еще рычит: «Мы боремся против плутократии!» Но Италия стала вотчиной плутократов, разжиревших на войне. Газета Муссолини «Пополо д'Италиа» пишет: «Мы ввели фашистов в правление акционерных обществ, этим мы связали прошлое с будущим. Вместо того чтобы фашизировать акционерные общества, мы превратили фашизм в крупное акционерное общество». Сказано достаточно ясно. Зачем же сицилийскому пастуху умирать за акционерное общество, именуемое фашизмом?

Самые крупные акционеры этого общества — немцы. Они хозяйничают в Италии, как в завоеванной стране: вывозят оливковое масло, вывозят рабочий скот — итальянских рабочих, вывозят пушечное мясо — все эти «Торино» и «Челере». Все чаще и чаще слышится в Италии клич эпохи освободительной войны: «Вон немцев!» Эти слова доходят и до итальянских горемык, привезенных немцами в Россию.

12 апреля 1942 года

Венгерский кур

В Будапеште торжественно провожали новую партию пушечного мяса. «Мясо» молчало. Говорил один из холопов Гитлера, венгерский министр Каллаи. Он сказал:

«Перед вами стоит задача, которая еще ни разу не стояла перед венгерским народом. За тысячелетие своего существования венгерский народ много раз воевал с врагами, подступавшими к границам Венгрии. Теперь, впервые в нашей истории, вам придется воевать далеко от родины».

Да, не раз приходилось венграм воевать против немцев: защищать свою родину. Теперь они превратились в жалких наемников: их посылают за тридевять земель добывать для Гитлера нефть, а для обер-лейтенантов — сало.

Венгрия, страна золотой пшеницы и тенистых дубрав, стала страной горя. Люди боятся уснуть. Они прислушиваются к каждому шороху: уж не за мной ли пришли?.. Рабочий Енэ пишет брату на фронт: «Мобилизация у нас не прекращается. Даже не знаешь,

что делать. Я не решаюсь жениться, так как меня могут забрать в свадебную ночь. Это уже приключилось со многими...»

Когда венгры сражались за свою независимость, они пели мужественные песни. Теперь они умирают в России, как скот на бойне, и перед смертью они поют песни отчаянья. Вот песня венгерских гонведов, ее записал солдат Кочиш Жигмонд:

В Эгерсете, в Эгерсете останавливается поезд.
Там велят входить в вагон венгерским парням.
Вхожу я, вхожу в вагон.
Поезд может отправляться.
Плачет навзрыд паровоз,
Плачет старушка мать.
На Украине, на Украине останавливается поезд.
Там велят венгерским парням выходить из вагона.
Выхожу я, выхожу из вагона,
И болит мое сердце-сирота.
Если умру, если умру,
Кто будет по мне убиваться?
Кто склонится над моей могилой?
Ржавый заступ будет по мне убиваться,
Над моей могилой склонится крапива.

Министр Каллаи в Будапеште прославляет «воинские доблести венгерской армии, сражающейся против России». Однако на месте виднее, и командир 3-го батальона 33-го венгерского стрелкового полка придерживается другого мнения. В своем рапорте этот командир пишет:

«В 16.00 батальон ушел в село Лукашенково под прикрытием 9-й роты. На ночлег в Лукашенково не останавливались. В 20.00 вышли в село Почаровку и расположились на отдых. Солдаты отказываются воевать. Есть нечего. Фуража для лошадей нет, дорога плохая; надо ехать назад, а лошади не везут. Партизаны сильно обстреливают. Шестнадцать солдат остались без винтовок. Была пушка и много снарядов. Когда мы возвращались, снаряды исчезли. Солдаты не сознались, куда они дели снаряды. Венгерские солдаты здесь не могут воевать, так как они не знакомы с местностью. Среди солдат много убитых и раненых, а у партизан, видимо, нет потерь».

Воистину, такое приключается раз в тысячелетие, как сказал министр Каллаи. Оказывается, что воевать гонведы не могут, так как не изучили местности. Солдаты теряют снаряды, как носовые платки. Лошади и те бастуют...

Каллаи соблазнили хорошим кушем. Немцы пробуют соблазнить и венгерских солдат. В записной книжке одного венгерского унтера я нашел украинский перевод некоторых особенно необходимых слов:

«Дайте. Гусь. Курочка. Куда пошел? Красивая девушка. Напрасно вы просите. Иди со мной спать. Молоко. Живей! Яйца. Иди туда, куда я скажу».

Этот гонвед сильно смахивает на обыкновенного фрица. Но венграм теперь не до гусей и не до девушек. Перед ними Красная Армия. Позади партизаны. Песнями делу не поможешь. Снаряды улетают, а красивые девушки идут на гонведов с вилами и с цепами.

Напрасно мадьярский унтер мечтал о курочке. Фрицы покрепче венгров, но даже фрицы забыли дорогу в курятник. Куда везут новые эшелоны венгров? На убой. Эти даже не поют. Эти молчат.

Глупый гонвед, ты тоже мечтал о курочке? Попал ты в Россию, как кур во щи.

19 мая 1942 года

Гад

В Финляндии женщинам запрещено носить траур. Но траур носит в сердце вся Финляндия — по солдатам, погибшим за Гитлера. Когда-то в Финляндии жили люди. Теперь в ней нет людей: осталось пушечное мясо. Когда-то Финляндия была маленькой страной. Теперь она стала большой немецкой скотобойней. В Финляндии голод, вдовы солдат мечтают о восьмушке хлеба. Едят в Финляндии только лакеи Гитлера: этим бросают кости с немецкого стола. И финские лакеи, наевшись в пустой и голодной стране, мечтают.

Финский фашист Карл Гадолин рассказал нам, о чем именно мечтают лакеи. Вот цитата из «сочинения» этого немецкого холопа, озаглавленного «Новый порядок и восток», изданного «Дагенсбеккер»:

«Предстоит объединение Европы под знаком германизма... Мы надеемся, что русская государственная традиция будет уничтожена. В Россию надо послать многочисленный руководящий слой немцев... Восточную Карелию нужно присоединить к Финляндии. Архангельская область должна быть присоединена к Германии как колония. Украина должна быть присоединена к великогерманскому государству... Крым станет популярным европейско-немецким курортом... Северный Кавказ, как мы надеемся, станет европейской колонией Германии. Остается важная деталь — Ленинград. Финляндия хотела бы, чтобы он был полностью разрушен, но вряд ли такое искусственное разрушение осуществимо... Скорей всего Ленинград будет «вольным» портом, вроде Данцига или Шанхая,

под немецким контролем. Преобладающим языком в Ленинграде будет, конечно, немецкий. От Урала до Москвы будет простираться своего рода русское генерал-губернаторство под германским управлением... Москва потеряет право на существование в качестве большого города... Германская администрация может избрать как резиденцию Горький или Рязань. Вокруг Казани и Астрахани возможно образование вассальных единиц. Сибирь постепенно будет оккупирована германскими войсками... Для обеспечения прочности нового порядка Германия должна будет наводнить немцами всю территорию между Финским заливом и Черным морем, германизировать все, вплоть до Волхова и верховьев Волги и Днепра...»

Пышно мечтает лакей. На бумаге он лихо кроит Россию. Финские солдаты умирают в Карелии. А бойкий Карл Гадолин уже подносит Гитлеру и Северный Кавказ, и Сибирь. Поднести на бумаге нетрудно, только вряд ли такая щедрость особенно обрадует немцев. Они, пожалуй, прикрикнут на размечтавшегося лакея: «Чем писать книги о превращении Сибири в немецкую колонию, иди лучше воевать!..»

Финский холоп понимает, что даже в самых дерзких мечтах нужно все отдавать барину, а себе вымаливать крохи. Карл Гадолин отдает немцам Россию, а себе просит только Восточную Карелию. И мимоходом мелкий гад Гадолин признается: хорошо бы уничтожить Ленинград.

Никогда не бывали в Ленинграде чужеземные войска, а из Петербурга русские диктовали мирные условия побежденному Берлину. За Ленинград сражается вся наша страна: и Сибирь, и Волга, и Кавказ, и Украина. Защитники Ленинграда, которые бьют каждый день немцев, не обойдут меткой пулей и финских холопов Гитлера. Они вспомнят о мечтах гада Гадолина, и с особенной яростью они бросятся на финскую челядь:

— Ты хотел снести с земли Ленинград? Получай!

А немцы действительно заселят пространство от Финского залива до Черного моря, но не на земле, а под землей.

16 июня 1942 года

Тайны мадридского двора

В начале войны немцы выписали из Испании «Голубую дивизию». Она состояла из породистых бездельников, безработных чистильщиков сапог и воришек. Наши части благополучно истребили свыше половины дивизии. Несколько тысяч окончательно разложившихся гидальго пришлось отправить в Испанию. Командую-

щий дивизией генерал Муньос Гранде получил из рук Гитлера высший орден. Однако немцы требовали в Мадриде новых «добровольцев». Шли длинные разговоры. Наконец в августе этого года двенадцать тысяч наемников были отправлены из Ируна в Новгород.

Легко понять, почему Гитлеру нужны гидальго. Труднее догадаться, почему пылким фалангистам захотелось воевать в России. Мы не говорим о чистильщиках сапог и о воришках: эти ищут — кто буханку солдатского хлеба, кто «трофеев». Но зачем понадобилось изнеженным испанским бездельникам мерзнуть среди снежных сугробов?

Разгадку мы находим в трех письмах, захваченных нашими разведчиками. Эти письма адресованы другу генерала Муньоса Гранде, графу Энрике Мальгару Гонсалесу. Как все испанские аристократы, названный граф страдает рассеянностью: он не спрятал в надежное место откровенные письма двух своих приятелей — дона Сальвадора и дона Альберта.

Дон Сальвадор лежит раненый в госпитале. Главное несчастье дона Сальвадора — чесотка. Несмотря на голубую кровь, дон Сальвадор завшивел, как самый вульгарный фриц. Он пишет сиятельному дону Энрике: «Ужасная экзема — следствие завшивленности и отсутствия всякого ухода в предыдущие дни — покрыла меня струпьями и грязью».

Однако дон Сальвадор не только чешется. Он занят важными политическими вопросами. Дон Сальвадор, как и дон Альберт, встревожен одним: испанская дивизия находится на фронте и несет потери. А по замыслу мадридских стратегов дивизия должна находиться на фронте и не иметь потерь. Это кажется парадоксальным, однако для гидальго это яснее ясного. Дивизия поехала в Россию не для того, чтобы воевать, а чтобы сделать себе рекламу. Фалангисты думали об артистическом турне испанского танца, а немцы не поняли этих тонкостей и послали гидальго на передний край, как самых заурядных фрицев. Дон Сальвадор пишет: «Поскольку фаланга создала такую значительную и трагическую силу, как эта дивизия, для достижения своих политических целей, мне кажется неправильным расходовать свою кровь... Эту силу необходимо сохранить, расходуя ее минимально, только постольку, поскольку это требуется хорошими взаимоотношениями... Надо ограничиваться самым необходимым, не увлекаясь веселой перспективой импровизированных боев, которая сейчас, видимо, соблазняет генерала».

Очевидно, зима, проведенная в России, остудила сердце завшивевшего дона Сальвадора. Он возмущен «воинственной трескотней» генерала Муньоса Гранде. Он говорит, что «цель заслоняется средствами». Какова же цель фалангистов? Ее формулирует дон

Альберт: «Имея за собой отдаленную славу русской кампании, дать в Испании широкое удовлетворение всем нашим фалангистским желаниям». Гидальго метят высоко. Дон Сальвадор мечтает: «Мы должны стать поставщиками раздора для заседаний совета министров».

Они хотят воевать, не воюя. Дон Сальвадор пишет: «Необходимо потребовать перевода на более спокойные позиции, добиться этого любым дипломатическим путем, а там ждать событий». Дон Сальвадор пишет далее, что генерал Муньос Гранде, беседуя с Гитлером, «не поставил важных вопросов», а именно: не указал, что гидальго для немцев только пушечное мясо. Все свои надежды дон Сальвадор возлагает на переговоры Франко с фюрером.

Впрочем, оба фалангиста не убеждены, что Гитлер окажется сговорчивым. Дон Сальвадор предлагает саботировать военные действия: «Этого можно достичь, только создав различного рода препятствия при вербовке новых добровольцев в Испании. Тогда наша дивизия, истощив свои небольшие резервы, станет небоеспособной для серьезного участка фронта».

Наконец дон Сальвадор откровенно говорит, что «боевое упрямство» генерала Муньоса Гранде, который хочет воевать не за страх, а за совесть, ставит фалангистов в «смешное положение»: «Ты сам понимаешь, что значит подмоченная репутация. Нас могут счесть оригиналами, способными умирать ни за что, ни про что. А за это немцы нам ничего больше не дадут. Это ты сам знаешь». Дон Альберт предвидит неудачу: «Мы вернемся в Испанию увенчанные славой, с ранцами, полными икон, но только с этим и с удрученным сердцем... Удобный случай будет упущен».

В последнем письме дон Сальвадор решительно протестует против посылки в дивизию пополнения. Он считает, что возвращение в Испанию мелкими группами невыгодно. Он хочет, чтобы вся дивизия отправилась домой: может быть, «удобный случай» еще не упущен? Вместе с тем дон Сальвадор понимает, что решает дело не граф Энрике Мальгар Гонсалес, а Гитлер: «Эту зиму нам придется провести здесь. Видимо, это уже наверно...»

Вторая зима чесоточному гидальго кажется весьма неутешительной. Он предлагает все же использовать зиму для рекламы: «Создать себе авторитет посредством ряда корреспонденций из Берлина». Он видит, что в Испании на «добровольцев» плюют даже фалангисты. Он заклинает: «Надо приблизиться к партии, поскольку она не приближается к нам».

Во время борьбы испанского народа против Наполеона сторонников последнего называли «афрансесадос» — «офранцуженный». Это слово стало синонимом отщепенца. Дон Сальвадор признается, что он, граф Мальгар и воришки из добровольческой дивизии — «афрансесадос, и только».

Как и следовало ожидать, победили не гидальго, а немцы: из Испании были посланы новые «добровольцы», среди которых половина — офицеры и солдаты испанской армии. Однако испанцы помнили еще прошлогодний снег. Тысячи испанских могил заставили многих призадуматься. Пошли только самые мизерные гидальго. Получилась эрзац-дивизия.

Боевое крещение новая дивизия получила во Франции, возле испанской границы: французы закидали камнями воинственных босяков. Дальнейшие боевые действия протекали в немецком городке Графенвере. Арийские блондины не очень-то жалуют гидальго, у которых и черные волосы и горбатые носы. Генеральное сражение разыгралось в Новгороде, где был устроен футбольный матч Германия — Испания. Забыв о воротах и мяче, обе стороны занялись взаимным избиением, причем одного немца пришлось направить в полевой лазарет.

Наконец 7 сентября испанская дивизия прибыла на Ленинградский фронт. Дня два спустя наши бойцы увидели первого гидальго, который шумно требовал, чтобы его незамедлительно взяли в плен. Перебежчики зачастили. Чистильщики сапог, конечно, не имеют понятия о переписке трех мадридских аристократов. Чистильщикам сапог просто неохота умирать. Они явно предпочитают плен.

Где же реклама? Где тот «авторитет», о котором мечтали дон Сальвадор и дон Альберт? Перебежчики и могилы, могилы и перебежчики — вот «слава» испанской дивизии. Дон Сальвадор лежит, чешется и вздыхает. Перед его глазами встают элегические видения: он возвращается домой с ранцем, набитым старыми новгородскими иконами... Русская кампания должна была принести этим честолюбивым бездельникам министерские портфели. А вместо этого предстоит еще одна зима. Неужели дон Сальвадор вернется домой только с чесоткой?..

Мы можем утешить злосчастного гидальго. Вряд ли он вернется домой. Немцы охотно нанимают. Отпускают они неохотно. У Гитлера теперь с пушечным мясом туго. У него теперь на счету каждый вшивый гидальго. Придется фалангистам разделить судьбу обыкновенных фрицев: умереть на чужой и далекой земле.

28 декабря 1942 года

Берсальер Бизони

В Италии жил дуче. Он жил припеваючи: немецких марок хватало, даже в трудное время, на макароны. В Италии также жил некто Бизони. У него была одна коза. Дуче кричал: «Средиземное

море наше»... Бизони скромно говорил: «Коза моя». Но пришел жандарм и описал козу за недоимки.

Впрочем, для Бизони горе было впереди. Дуче получил от Гитлера приказ: поставить в Россию десяток новых дивизий. Говорили, что Гитлер за это обещал дуче Корсику. Бизони не спросили, что он думает о Корсике и о Гитлере. Бизони посадили в вагон и повезли на восток.

Бизони обладал тетрадкой и карандашом. Он стал записывать каракулями с бесчисленными ошибками свои наблюдения и мысли. Вот выдержки из дневника солдата 24-й роты 3-го полка берсальеров Бизони:

«Февраль. Мне так тяжело, а не с кем отвести душу. Все офицеры обращаются с нами очень плохо. Нас заставили на свои деньги купить звездочки к петлицам... Унтер-офицеров совсем не занимает наша участь. Они нас наказывают без всякой жалости. Поэтому у солдат очень плохое настроение.

18 апреля. Прибыли в Краков... Это — польская территория. До какого состояния они дошли! Дети выходят на дорогу и плачут, просят кусочек хлеба. Страшно смотреть на все это.

19 апреля. Сейчас мы на Украине... Народ здесь попал в рабство. Немцы обращаются с ними хуже, чем с рабами. Они просто умирают с голоду, ходят в лохмотьях. На них страшно смотреть. Они выносят самые ужасные бедствия...

22 апреля. Меня вместе с пятью другими солдатами поместили в хате. Там проживают женщины и малые дети. Одна потеряла мужа и двоих сыновей. Она все время плачет и смотрит на нас с лютой ненавистью. По существу — она права...

21 мая. Теперь мы уже непосредственно на фронте. Проснувшись, мы прокричали: «Долой дуче!» В этом не было ничего преднамеренного. Но лейтенант услышал, доложил капитану Нарди Марио и сказал, что нас предадут военному трибуналу.

21 июня. Прибыл его сиятельство Мессе.

17 июля. Мы пришли в Ворошиловград. Один батальон вышел из строя — много убитых и раненых.

31 июля. Приказ — спасти 26-й батальон, который попал в окружение. Но, господи, сжалься надо мной!

1 августа. Целый час била русская артиллерия. Я оглянулся и увидел, что все бегут. Даже немцы бежали. Я тогда тоже пустился бежать, но не мог разбежаться — попал под артиллерийский огонь. В моей роте много убитых и раненых. Я был в панике и побросал ранец, противогаз, — словом, все, что было при мне... Капитан Нарди ранен. Наш полковник ранен. Другой полковник тоже ранен. Ранены многие офицеры. Многие офицеры убиты».

На этом записи обрываются. Бизони погиб, потому что параноик Гитлер, больной манией величия, возомнил себя «властителем мира».

Бизони был темным и забитым человеком. Но, когда его пригнали на фронт, он многое понял. Вместе с другими берсальерами, проснувшись, он закричал: «Долой дуче!» По заверению Бизони, берсальеры кричали «непреднамеренно», нет, слова вырвались невольно — от самого сердца.

Эти слова теперь можно услышать и в Италии. Ознакомившись с «четырехтонками» англичан, жители Генуи и Неаполя, Милана и Турина начинают «непреднамеренно» кричать: «Долой дуче!»

Берсальер Бизони понимал, что он делает низкое дело. Он видел, как немцы угнетают людей. Он видел, как немцы расстреливают советских военнопленных. Он видел глаза украинской крестьянки, полные лютой ненависти. Он молчал. Он подчинялся своим офицерам. Он подчинялся его сиятельству Мессе. Он подчинялся немцам. Он расплатился жизнью за свою покорность.

Он хотел спастись. Но и здесь немцы его перехитрили: немцы побежали, не предупредив Бизони. А ведь он, будучи хорошим итальянцем, только и мечтал, как бы побежать. Он поздно спохватился. Он перед смертью записал: «Я не успел разбежаться». Может быть, другие берсальеры извлекут урок из судьбы Бизони: они побегут за час до немцев, а побежав, возьмут должный разбег. Бежать так бежать — от злополучного Дона поближе к Тибру.

20 декабря 1942 года

Судьба шакалов

В старой индийской песне говорится: «Когда тигр идет на охоту, его сопровождают шакалы и даже птички. Когда тигр убегает от охотника, никто с тигром не знаком».

Тигр еще не убегает. Но некоторые перелетные птички уже улетели на юг. А разномастные шакалы начинают жалеть о дурных знакомствах.

Грабили они дружно. Правда, и в грабеже немцы соблюдали иерархию. Если немец брал корову, итальянцам доставалась курица. Если немец ел курятину, румын довольствовался яичком. Но у мастеров воровского дела всегда бывали подмастерья, и Муссолини понимал, что если Гитлеру — Франция, ему, дуче, — Ментона.

Были шакалы, которые прикидывались невинными. Конечно, у себя дома шюцкоровцы разговаривали с эсэсовцами на хорошем

блатном языке. У себя дома финны кричали, что Гитлер им обещал «Великую Финляндию» — этак до Урала. Но за границей они делали обиженную мину и сокрушенно вздыхали: они дорожили иностранными покровителями — ведь старые девы в штате Колорадо твердо верили, что финны ведут «строго оборонительную войну».

Южные шакалы не пробовали разыгрывать институток. Они не вздыхали, они громко глотали слюну при виде добычи и с шумом грызли кости, оставленные тигром.

«Новая Европа» — довольно своеобразное хозяйство. Гитлер часто оплачивает пушечное мясо поздравительными телеграммами. Муссолини или Антонеску не имеют ни твердого оклада, ни твердых обещаний: они живут чаевыми и надеждой. За Корсику Муссолини должен воевать на Дону, и замерзающим в русских степях берсальерам снится солнечная Ривьера. Ежемесячно Гитлер разыгрывает Трансильванию между румынами и венграми. Мелкие воришки ссорились друг с другом, иногда плакались, но все они верили в звезду обер-вора.

Ноябрь был бурным месяцем, он многое изменил. Некоторые перелетные птички поспешили променять опавшие платаны Виши на пышные пальмы. Некоторые чернорубашечники уже поговаривают, что американская овсянка куда питательнее эрзац-макарон.

Среди всех «крестоносцев» самыми живописными остаются румыны. Лет семь или восемь тому назад мне привелось повидать Румынию. Это нищая страна, в элегантном смокинге и в грязной, вшивой рубашке. Трудно себе представить жизнь, которую вели румынские бояре: разгульные празднества, подозрительный лоск, провинциальный, но ослепительный блеск. А рядом можно было увидеть в холодный день босых крестьянок. Неграмотная, невежественная страна. И этих грязных франтов, этих запуганных и голодных рабов Гитлер послал «защищать от большевиков европейскую культуру».

Пока румынам приходилось предпочтительно грабить, они исправно работали. Они загадили Одессу. Прекрасный город превращен в румынский кабак. Потом открылись новые просторы для грабежа. Румыны безобразничали в Крыму, в Анапе, на Дону. Они жгли школы, санатории и раскуривали книги, унесенные из библиотек. Конечно, и тогда румыны в душе обижались на немцев: кому вершки, а кому корешки. Но шакал знал свое место, и шакал не спорил.

Теперь тигр на Дону получил первый заряд с дробью. Тигр взвыл, и его румынский шакал стал нюхать воздух — не время ли откланяться, сказать, что румыны и не видали немцев, что в Россию они попали случайно, заблудившись по дороге из Бухареста в Трансильванию?

Румынские генералы еще пробуют образумить свою армию. В Бухаресте опубликовано живописное коммюнике: «Министр национальной обороны генерал Пантази по приказу маршала Антонеску инспектировал между 22 и 27 ноября румынские войска, оперирующие на Восточном фронте. Был установлен контакт между германским и румынским командованием. Штабы, офицеры и солдаты проявляют величайший героизм и самопожертвование. Ведутся операции, которые обеспечат наш контроль в данной стратегической обстановке, что стало возможным благодаря спайке германо-румынских сил. Зимнее обмундирование уже выдано войскам, и солдаты прекрасно экипированы».

Генерал Пантази прикидывается веселым, как будто его позвали играть на немецкой свадьбе. В действительности ему приходится присутствовать на румынских похоронах. Легко в Бухаресте говорить, что германо-румынские силы осуществляют «контроль» на Дону. На самом деле «контроль» принадлежит Красной Армии. О «контакте» между германским и румынским командованием нам рассказал пленный румынский полковник Чобану. «Контакт» состоит в том, что немецкий лейтенант командует, а румынский генерал выполняет его приказы. Насчет превосходного зимнего обмундирования генерал Пантази также соврал: румынские солдаты одеты, как классические фрицы, — в кофты, украденные у колхозниц. Но особенно забавны заверения министра Пантази о «спайке» между немецкими и румынскими солдатами. Мы можем сказать, что «спайка» означает ежедневные драки.

Вот приказ командующего 3-й румынской армией корпусного генерала Дмитреску: «Дабы избежать в дальнейшем некоторых неприятных инцидентов между румынскими и немецкими солдатами, предлагаю в любом населенном пункте, где находятся румынско-немецкие части, укреплять всеми средствами дружественные взаимоотношения. Для этого организовать совместные обеды, взаимные посещения, встречи на маленьких праздниках и т. д. Крайне необходимо избегать или в крайнем случае сократить количество конфликтов, которые могут привести к тяжелым последствиям и неблагоприятно отразиться на осуществлении наших притязаний в будущем».

Генерал Дмитреску обеспокоен, как бы тигр, разобидевшись, не отнял у Антонеску Одессу и не швырнул бы Трансильванию мадьярам. Генерал понимает, что «избежать конфликтов» между румынами и немцами невозможно, и он скромно молит своих подчиненных: деритесь пореже.

Начальник штаба 13-й румынской дивизии полковник Бодеску занят статистикой мордобоев. Полковник отдал следующий приказ: «О всяких конфликтах с германскими частями докладывать

командованию 7-го числа каждого месяца, начиная с 7 октября 1942 г.»

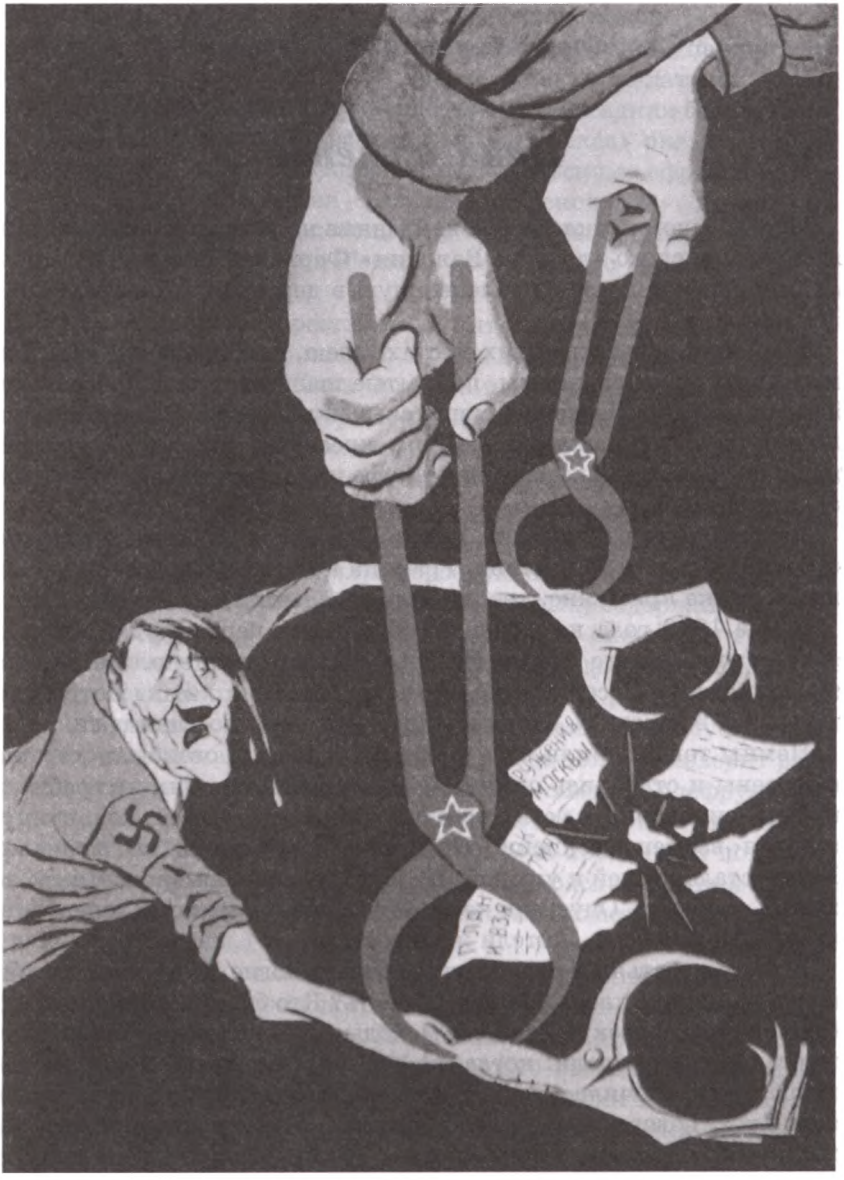
Напрасно Дмитреску предлагает организовывать совместные обеды: тигр гложет сухари. Ясно, что шакалы постятся. Кончилось время «маленьких праздников». Настало время великих бедствий. «Спайки» как не бывало: Гитлер плохой паяльщик, его «новая Европа» начинает распаиваться.

В лагерях для военнопленных румыны обеспокоены одним: как бы их не поселили вместе с немцами. Они ведь только маленькие шакалы, и они не знакомы с тигром...

Мы знаем, что румынские крестьяне не мечтали ни о Сталинграде, ни о Новороссийске. Страшна теперь жизнь в «великой Румынии». Немцы вывезли все. В стране голод. Письма из Румынии наполнены сообщениями о смерти стариков и детей. Немцы оставили румынским крестьянам по шестьдесят кило хлеба, остальное отобрали. Но мы знаем также, что сделали румыны с нашими городами и селами. Мы знаем, как они душили газами жителей Одессы, забравшихся в катакомбы. Мы знаем, как разоряли румыны казацкие станицы. Приходит час расплаты. Шакалы получат по заслугам. Они получат за то, что они пришли к нам. Но мы ни на минуту не забываем о тигре. Тигр получит за все — и за себя, и за шакалов, и за то, что он к нам пришел, и за то, что он привел с собой мелких жадных хищников.

12 декабря 1942 года

ЦЕНА ИЗМЕНЫ

Цена измены

Передо мной пачка писем, найденная на убитом наемнике, солдате бельгийского «легиона Валония» Фернанде Радаре. Эти письма раскрывают драму, происшедшую в деревушке Доссульс близ Намюра.

Я много раз бывал в этих местах, знаю, как там жили крестьяне. Кругом покатые холмы, покрытые шашечницей полей или дубовыми лесами. На домах сушится рыжий табак. Осенью воздух пахнет горелым можжевельником: крестьяне коптят на кострах окорока. В маленьких кафе пьют кофе или можжевеловую настойку, курят трубку.

Люди ездили во Францию, как в Намюр, — на базар, в магазин за ботинками или за шляпой. Граница не чувствовалась: те же деревни, те же крестьяне, тот же можжевельник.

В мае 1940 года на Арденны обрушился первый удар германской армии. Много домов Намюра было разрушено. Несколько дней крестьяне Доссульса прятались в ближних лесах. Потом они вернулись в деревню. Началась другая жизнь: под немцами.

Немцы тогда верили в свою близкую победу, они были хорошо настроены и старались прикинуться любезными. Они не грабили, но реквизировали, то есть отбирали у крестьян свиней, коз, птицу, выдавая взамен расписки. Крестьяне хмурились, но молчали. Жизнь стала нищей и унылой. Не было больше ярмарок. Никто не коптил окороков. Опустели кафе. Когда показывались в деревне серо-зеленые солдаты, жители ждали беды.

Было у крестьян и свое, личное горе: многие из молодых томились в немецком плену. Как здесь сеять? Кто будет собирать табак? Кто починит повозку? Ведь все молодые — в немецких лагерях. И крестьяне спрашивали: когда же вернутся пленные? Вот уже год прошел, как кончилась война, а немцы и не собираются отпускать пленных... Говорили об этом вполголоса. Немцев звали обидными кличками: «фрицы», «фридолины», «боши».

Летом 1941 года, после нападения на Советский Союз, немцы начали вербовать наемников. «Нам нужен не только бельгийский цикорий, нам нужны и бельгийские солдаты», — цинично сказал Дегрелю «германский губернатор Бельгии и Северной Франции» генерал фон Фалькенхаузен. Так Дегрель, в прошлом незадачливый скандалист, стал поставщиком пушечного мяса.

Дегрель до войны считался вожаком фашистской партии, носившей претенциозное название «рекс». «Рекс» по-латыни значит «король». Однако немцы, захватив Бельгию, посадили бельгийского короля под домашний арест, а вожаки «рекса» оказались преданными не бельгийскому королю, но тирольскому ефрейтору. Генерал фон Фалькенхаузен разрешил «рексистам» писать на заборах их лозунг: «Рекс победит», с тем чтобы они поставили несколько тысяч солдат для победы не абстрактного «рекса», а вполне конкретного Гитлера.

В деревне Доссульс крестьяне не интересовались ни «рексом», ни Дегрелем. Крестьян занимало то, что немцы наложили штраф в пять тысяч франков на Жана Фонтена и отобрали у него корову.

В Намюре проживал содержатель пивной, некто Годефруа. Этот кабатчик был знаком с Дегрелем. В его пивной не раз устраивались весьма малочисленные, но шумные собрания «рексистов». Когда пришли немцы, Годефруа встретил их восторженно. Потом его пыл несколько остыл. Во-первых, дела Годефруа шли плохо: зимой не было угля, и никто не заходил в морозную пивную. А летом, когда людей мучает жажда, исчезло пиво. Во-вторых, содержателя пивной огорчала судьба брата Раймонда, который сидел как военнопленный в немецком концлагере. Напрасно Годефруа написал на двери опустевшей пивной: «Рекс победит! Хайль Гитлер! Здесь говорят по-немецки», — его брата Раймонда немцы не отпускали.

Годефруа понимал, что дороги назад у него нет: кто поверит раскаявшемуся предателю? И, несмотря на все обиды, Годефруа продолжал восхвалять Гитлера. Он чувствовал себя в этом одиноким. Его письма полны жалобами: «Здесь то и дело происходят покушения, поджоги, как во Франции. Только у нас расправляются с бунтовщиками очень сурово». (Он стыдливо умалчивает, что расправами руководят немцы.)

Однако расправы не могут укротить бельгийский народ. Годефруа пишет: «Руки опускаются, до того Бельгия заражена. Не знаю, можно ли ее вылечить. Ты знаешь сам, в чем наша беда. Увы, это все не уменьшается... Необходимо взорвать политиков, саботажников, «аттантистов» (так зовут в Бельгии и во Франции людей, ожидающих победы врагов Гитлера) и прочих масонов. Здесь так и кишит этим...»

Кабатчик обрадовался, узнав о формировании «легиона Валония». Он надеялся, что наемники расправятся с бельгийскими патриотами. Уже дважды «аттантисты» били стекла в пивной Годефруа, и намюрский «рексист» жаждал покарать виновных. Он писал легионеру Радару: «Когда вы вернетесь, у вас будет немало дела — нужно очистить эти авгиевы конюшни...», «Я надеюсь только на возвращение легионеров... Бельгия нуждается в серьезной чистке...».

Дегрель поручил содержателю пивной набрать наемников. Годефруа направился в деревню Доссульс. По спискам там числились четыре «рексиста»: Эдуард, Берта, Роберт и Гиацинт. Последнего тотчас записали в легион. Берта, на ее счастье, — женщина, и Берту оставили в покое. Владелец лавочки Эдуард и помощник нотариуса Роберт оказались ловкачами: они предпочли остаться у себя дома. Они только пишут легионерам ободряющие письма, кончая их сакраментально: «Рекс победит», но они явно предпочитают, чтобы и «рекс» и Гитлер победили без их участия. Правда, Фернанд получил одно письмо, подписанное тремя именами — Бертой, Эдуардом и Робертом, в котором имеется следующий пассаж: «Гиацинт нам написал, что вы очень веселились на вечеринке, устроенной немецкими солдатами. Мы за вас очень радовались». Но Эдуард и Роберт люди независтливые: они согласны обойтись без немецких вечеринок и без русских пуль...

Итак, Гиацинт отправился в поход. Но Годефруа счел, что одного мало. Он стал обрабатывать крестьянина Фернанда Радара, человека, малоискушенного в политике. Он доказывал Радару, что стать солдатом Гитлера — священное дело. «Я счастлив, — пишет кабатчик, — что ты понимаешь значение крестового похода на восток. Это — не столько война, сколько колонизация, всепоглощающая и жестокая».

Фернанд явно ничего не понимал, но он чувствовал, что стать солдатом Гитлера — это значит стать предателем, и Фернанд упирался. Тогда содержатель пивной стал взывать к родственным чувствам Фернанда: «Ты спасешь твоих близких и осчастливишь сразу две семьи». Брат Фернанда Эрнест находился в немецком плену, а Фернанд и Эрнест крепко любили друг друга. Фернанд был привязан к своей жене, а ее брат Альберт, железнодорожник, тоже изнывал в немецком концлагере.

Гитлер торгует человеческим мясом: продает рабов, покупает смертников. Фернанд знал, что, согласно заявлению германской комендатуры, за каждого «добровольца» будет отпущен один пленный. А Годефруа, учитывая, до чего немцам нужно пушечное мясо, обещал Фернанду: «За тебя отпустят двоих...» И Фернанд согла-

сился. Он отправился на восток, оставив в Доссульсе двух маленьких детей и беременную жену.

Что касается Годефруа, то кабатчик не пошел в легион, хотя его брат Раймонд слал из немецкого лагеря жалостливые письма. Содержатель пивной знал, что «колонизация востока» — дело опасное, и предпочел остаться в Намюре. Он только написал дуралею Фернанду: «Если ты можешь что-либо предпринять для освобождения Раймонда, я тебе буду очень признателен. Вот его «гефангеннумер» — 665в...»

Пленные в Германии снабжены номерами, и, уезжая, Фернанд Радар попросил свою жену сообщить ему «номера» брата Эрнеста и шурина Альберта. Здесь начинается семейная драма. Жена пишет Фернанду: «Если ты еще не писал Эрнесту, лучше ему не пиши, потому что он написал родителям, что он тобой недоволен. А ведь он еще не знает, что ты записался. Ты ведь знаешь, у него другие идеи. Мама мне запретила послать тебе его номер. Ты лучше не пиши родителям и сестре. Они получили твое письмо, но мне не показали. Мама сказала, чтобы с ней не говорили о тебе, и твое письмо она сожгла, не прочитав...»

Сколько сурового величия в этой картине: старики крестьяне, которые любили Фернанда, отрекаются от изменника! Мать не хочет слышать о своем сыне.

Фернанд все же узнал номер Эрнеста и «выкупил» его. Эрнест сначала отказался от свободы: «Когда ему сказали, что он может ехать домой, он не хотел уезжать и заявил, что если это с помощью «рекса», то есть с твоей помощью, то он отказывается. Ему тогда сказали, что это приказ немецкого коменданта».

Эрнест вернулся в Доссульс. Он вернулся больной, изможденный. Жена Фернанда Элизабет описывает это событие: «Эрнест вернулся благодаря тебе, но, по-моему, — он этого не заслужил. Он недоволен происшедшим А мне они даже не сказали, что он приехал. Я это узнала от соседей. Они в воскресенье праздновали его возвращение домой и напекли блинов. Но меня они не позвали. Только твой отец принес блины детям, но со мной он не разговаривал».

В одном из следующих писем Элизабет сообщает: «Мне рассказали, что Эрнест был у врача и врач ему сказал, что он не выдержал бы еще одной зимы в плену, потому что у него болит грудь и он сильно кашляет. Но они все-таки не хотят тебя знать. Эрнест говорит, что он лучше сидел бы в плену, чем знать, что его брат пошел на такое дело. Ко мне иногда приходит твой отец, он играет с детьми, а со мной он молчит. Это настоящая пытка...»

Брат жены Альберт тоже вернулся в Доссульс. Он старается себя утешить: «Говорят, что меня освободили по просьбе администт-

рации железных дорог». Но Элизабет ему рассказывает, что его выкупил Фернанд. Элизабет три недели неустанно повторяет брату: «Ты обязан поблагодарить Фернанда...» Наконец Альберт садится и пишет письмо. Он не благодарит Фернанда, он только кратко замечает: «Мне очень тяжело, что ты уехал, но я надеюсь, что все это будет когда-нибудь предано забвению». Эрнест проклял изменника, снисходительный Альберт не нашел для предателя другого утешения, кроме слова «забвение».

Но народ ничего не забывает. Элизабет это почувствовала на себе. Она окружена презрением и ненавистью. Фернанд ее наивно спрашивает: какие новости в деревне? неужели люди все еще сердятся на немцев? Элизабет отвечает: «В деревне все тоже. Люди если и сердятся на англичан, то только за то, что англичане не наступают».

Элизабет бродит, как прокаженная. Жена Гиацинта, Альфонсина, поспешила отречься от отступника. Элизабет любит Фернанда, и она спрашивает мужа, почему на нее свалилась эта тяжесть: «Ты знаешь, здесь люди не понимают, почему ты и Гиацинт согласились? А я не знаю, что им ответить...»

Она поневоле прислушивается к наставлениям содержателя пивной Годефруа. Роберт и Эдуард куда-то уехали, Берта плохо разбирается в политике. Элизабет пишет мужу: «У нас все — англофилы. Они верят только лондонскому радио. Они говорят, что у немцев в России страшные потери, что Берлин разрушили и что немцы не могут победить. Я не знаю, куда мне пойти в воскресенье — все от меня отворачиваются. Ты знаешь, какую кличку мне дали? По твоей новой форме, — ты меня понял?..» Да, жену предателя зовут «бошкой» или «фридолинкой».

Она продолжает: «Рексисты теперь боятся показываться. Меня все обходят стороной». Она рассказывает о соседе: «Со мной он перестал разговаривать. Он сказал, что, когда кончится война, они сведут счеты».

Фернанд, встревоженный, спрашивает жену, не грозит ли ей опасность. Элизабет отвечает: «Они не начнут сводить счеты, пока страна еще оккупирована армией», — она не добавляет «немецкой», но она вставила слово «еще»: она понимает, что немцы не будут вечно править Бельгией.

Родился третий ребенок. Элизабет одна. Никто к ней не приходит. Она получила две тысячи обесцененных франков от немцев. Она купила картошки и полфунта масла. Она жалуется мужу: «Масло прогорклое, а ведь цена какая...» Она чувствует во рту горечь: это привкус измены. Она говорит: «а ведь цена какая» и не понимает, что это — цена измены.

Пришел старый крестьянин, отец Фернанда, поглядел на своего крохотного внука и ушел. Элизабет, описывая это, кончает так: «Он опять ничего не сказал мне и стоял ко мне спиной, но я видела, что у него мокрые глаза...»

Когда будут «сводиться счеты», когда народы будут судить палачей и предателей, они вспомнят не только могилы и развалины, они вспомнят и слезы старого крестьянина из деревни Доссульс над своим внуком, над сыном изменника.

Элизабет писала мужу: «Здесь нечего есть, все отбирают». Что делал Фернанд, прочитав такое письмо? Отбирал добро у крестьян Украины. Он воевал за Гитлера. Советская пуля закончила его недолгую, но дурную жизнь.

Читая эти листочки, думаешь не о нем, не о маленьком и глупом изменнике, нет, думаешь о большом сердце народа, о прекрасном чувстве, которое украшает и чахоточного Эрнеста, и старых родителей Фернанда, и его сестренку, и всех крестьян Доссульса, — о верности. Верность сделала простых людей героями.

27 июня 1942 года

Бывший француз

В Париже возле Порт-Сен-Дени много лет стоял на своем посту бородатый полицейский. Его длинная борода веселила парижан, и к ней привыкли, как к арке Сен-Дени. Когда Париж захватили немцы, бородатому полицейскому предложили встать на свое место. У него отобрали револьвер, но ему оставили белую палочку, чтобы регулировать уличное движение. Рядом поставили немца с револьвером. Бородатый полицейский оказался честным французом: он умер от обиды.

Престарелый маршал Петен не умер от обиды. У Петена был маршальский жезл: он получил его за отвагу защитников Вердена. Петен смекнул, что жезл маршала сможет сойти за палочку полицейского. Маршал стал на перекрестке Франции — без оружия, но в мундире и с палкой. А рядом с ним стал Штюльпнагель: немец при оружии.

Что делает глава марионеточного правительства бывшей Франции, бывший маршал бывшей армии? Он стал прислугой за все у генерала Штюльпнагеля. Петен поставляет немцам людей и оружие, хлеб и снаряды, Петен выдает гестаповцам французов, Петен посылает приветственные телеграммы уголовнику Павеличу и

вшивому Антонеску. Маршал Вердена стал коллегой босяка Квислинга. Немцы кричат: «Подавай!» — и старый лакей Петен отбирает у французских инвалидов последний кусок хлеба, вырывает у французских детей последний литр молока, — он все готов отдать немцам, лишь бы ему оставили эрзац-столицу в курорте Виши, справедливо прозванном Вишбаденом.

Петен поставляет пушечное мясо своим победителям. Петен призывает французов отправиться в Германию на каторжные работы. Петен заклинает французских военнопленных, которые третий год томятся в плену, «быть послушными». Бывший маршал захлебывается во французской крови. Он удушил голодом сотни тысяч французских детей. Он отправил в рабство сотни тысяч французов. Он погнал детей Франции на Волхов — умирать за поработителей родины. Он во стократ презренней Квислинга: у того позади только папка в полиции и скромный оклад мелкого шпиона; у Петена позади — слава Франции, Верден. Но дряхлый маршал охорашивается: он не только подает немцам котлеты из человечины, он при этом произносит речи.

Последнюю речь Петен произнес несколько дней тому назад, по поводу двухлетней годовщины «легиона бывших фронтовиков и добровольцев национальной революции». В Вишбадене бывший академик Боннар пересмотрел французский язык: «национальной революцией» теперь называется поражение Франции, а «легионом бывших фронтовиков и добровольцев» — объединение лакеев Германии.

Празднование второй годовщины в Жергови было обставлено торжественно. Немецкие шпионы приехали из разных городов — из Парижа, из Лиона, из Лилля, из Бордо. И каждый шпион привез с собой в ящике толику французской земли. Маршал Петен заявил шайке: «Сегодня утром вы доставили землю из всех наших провинций». Маршал лгал: не было «делегатов» от двух французских провинций, которые немцы официально присоединили к рейху: от Эльзаса и Лотарингии. Зато были «делегаты» от прочих провинций, захваченных немцами. Они принесли землю, запачканную немецким калом и немецкими плевками. Маршал восхищенно сказал, что из этой земли вырастет «крепкое, ветвистое дерево». Засим Петен прославил деятельность Пьера Лаваля.

Здесь стоит напомнить, что полтора года тому назад Петен, поссорившись с Лавалем, приказал его арестовать как «иностранного шпиона». Маршал тогда дал интервью американским журналистам, в котором заявил: «Нет француза, не испытывающего чувства брезгливости при одном упоминании имени Лаваля. Этого бесчестного индивидуума презирает вся Франция. Находясь во главе

моего правительства, он самовольно договаривался с немецкими властями и был агентом иностранной державы».

Что теперь говорит бывший Петен о Лавале? Он прославляет его «честность». Лаваль не изменился: Лаваль давно состоит немецким агентом. Но теперь в дворецкой — новый слуга. Петен носит свой маршальский мундир, как ливрею. Он окружен достойными коллегами. Конокрад Лаваль, первый вор Франции, на оккупационные марки покупает поместья. Почему дряхлый Боннар стал «министром просвещения» Вишбадена? Вероятно, потому, что Боннар — автор книги, озаглавленной «Похвала невежеству». Кто еще? «Министр» Поль Марион, который известен тем, что стащил у своего умиравшего отца бумажник и золотые часы. «Министр» барон Рене де Бенуа-Мешен, стащивший у американца Херста картины и у французских композиторов — манускрипты партитуры. Два жуликоватых банкира, как два столпа национальной революции: Леруа-Ледюри и Жак Барио. Немецкий шпион де Бриннон. Таково «правительство» Петена.

Маршал Петен в Жергови сказал: «Наш долг — служить». Он не договорил — кому. Впрочем, это ясно и без слов. Может быть, Гитлера, озабоченного ходом войны, несколько позабавит редкостное зрелище: маршал Франции служит, как цирковая собачка, служит, невзирая на возраст, служит, богомольно перебирая ветхими лапами и умильно посматривая, не бросят ли ему кусочек паечного сахара.

После английской разведывательной операции в Дьеппе бывший француз Петен отправил немцам поздравление. Вместе с англичанами сражались французы, солдаты де Голля. Нормандцы и бретонцы ступили на родную землю. Им говорили: «Уберите бескозырки с красными помпонами». Но матросы радовались, как дети: на несколько часов Франция пришла во Францию как символ, как напоминание, как предчувствие. И вот бывший француз Петен поздравляет немцев: они «очистили Дьепп» от французов.

Александр Дюма сказал об одной семидесятилетней кокетке: «Она не станет содержанкой румынского боярина или марсельского шулера — у невинности есть щит — возраст». Петен доказал, что можно стать проституткой на девятом десятке; соблазниться земными соблазнами, спускаясь в могилу, и предать жизнь за час до смерти.

3 сентября 1942 года

Анонимное общество

Однажды я сидел в парижском ресторане с журналистом-марсельцем. Вошел Пьер Лаваль, — конечно, в белоснежном галстуке, с неопрятными глазами заслуженного плута. «Здесь пахнет кухней», — раздраженно сказал Лаваль и прошел в соседнюю комнату. Журналист-марселец мне подмигнул: «Дегустаторы вина никогда не пьют кофе, чтобы сохранить чувствительность носа. А Лаваль не может слышать запаха лука: ведь ему нужно все время принюхиваться, — он слышит, как пахнут деньги».

Велика трагедия Франции. В Париже и в Лионе льется кровь. Немцы издеваются над реликвиями побежденной нации. Голодные дети умирают, лишенные молока и хлеба. Надвигается зима на раздетую и разутую страну. Уходят в Германию эшелоны с рабами, и напрасно француженки ложатся на рельсы, чтобы остановить паровоз. А плут с сальными глазами, плут в белоснежном галстуке водит большим угреватым носом: он слышит запах немецких марок. Этот оверньяк непривередлив. Он не настаивает на высокой валюте. Он брал взятки в жалких итальянских лирах. Он брал даже в румынских леях. Лишь бы давали, Лаваль возьмет. Немцы дают, и Лаваль судорожно водит носом.

Что такое политика «сотрудничества» Франции с Германией? Один мошенник сует другому пачку кредиток. Они завесились от добрых людей старым мундиром маршала Петена. Конечно, из занавески не сделаешь мундира, но почему бы мундиру не пойти на занавеску?

Лаваль был прежде адвокатом крупных акционерных обществ. Это хороший маклер для скверных сделок. Теперь Лаваль покрывает десятки сделок. Продают Францию, составляют баланс и выдают дивиденды. Газета «Паризер цейтунг» рассказывает о самой сути франко-германского сотрудничества. Французские фирмы «Эр ликид», «Роп полан», «Кюльман» объединились с немецкой фирмой «Фарбениндустри». Программа: для Германии — взрывчатые вещества, для Франции — могильный камень, для акционеров перечисленных фирм — дивиденды в оккупационных марках.

Можно зарабатывать на всем, в том числе и на горе народа. До завоевания Франции концерн «Кюльман» заработал за год 47 миллионов франков, после прихода немцев барыши концерна достигли 66 миллионов.

Во главе другой фирмы, а именно — «Эр ликид», стоит Жорж Клод. Этот человек с французской фамилией стал под-фрицем. Он заявил: «Я стою за новый порядок в Европе, который несет счастье

французскому народу». «Новый порядок» — это сапог немца, он принес Франции полмиллиона гробов, он принес герру Жоржу Клоду 11 миллионов чистоганом.

Так «объединилась» с немецкой химическая и алюминиевая промышленность Франции. Так четыре крупнейших банка Парижа превратились в филиалы германских банков. Маклер Лаваль бодро крутит своим поганым носом: днем и ночью его преследует аромат тридцати сребреников.

Немецкая фирма «Фарбениндустри» требует шесть тысяч французских рабочих. Директор завода «Кюльман» в Обервиле говорит немцам: «Берите». Но рабочие упираются. Тогда Пьер Лаваль превращается в народного трибуна. Он бьет себя кулаком в простреленную грудь, он показывает на то место, где у людей сердце, он даже кощунственно кричит о Франции. Он все пробует, но французы не едут в рабство. Лаваль шантажирует: «Пожалейте военнопленных! За каждого рабочего немцы отпустят одного пленного». Рабочие не двигаются с места. Лаваль продолжает: «Я хорошо знаю французов, они любят свободу и независимость. Но что делать — я снова обращаюсь к вашему сердцу: пожалейте жен пленных». Рабочие в ответ презрительно усмехаются: о каком сердце говорит Лаваль? Все знают, что у него вместо сердца чековая книжка. Лаваль начинает грозить: «В 1939 году французы, прочитав приказ о всеобщей мобилизации, не спорили, не обсуждали, они пошли на фронт. Почему же вы теперь обсуждаете мои слова?..»

Старая потаскуха прикидывается наивной девочкой: он, дескать, не понимает разницы, он не знает, что одно дело идти сражаться за свою родину, другое — рыть родине могилу. Но французы это хорошо знают, и на медовые речи Лаваля они отвечают поездами, которые не доходят до немецкой границы, станками «Рон полан», которые неожиданно останавливаются, ночными выстрелами и суровым молчанием.

Лаваль и его живая занавеска — полудохлый маршал, который командует, повязавшись слюнявкой, и пишет законы, стоя на четвереньках, выбрали для Франции скромное название: «Государство». Было когда-то французское королевство, французская империя, французская республика. Теперь Франция не королевство и не республика — «государство». Акционерное общество по-французски называется «Societé anonyme» — «Анонимное общество». Есть «Анонимное общество Эр ликид», есть и другое: «Анонимное общество Франция» во главе с продувшимся Лавалем.

Оверньяк, обмолвившись, сказал правду: французский народ действительно любит свободу и независимость. Два года французы

глядели на море и ждали погоды. Теперь их лица стали суровыми. Они глядят вокруг себя, на захудалых бошей, которые еще топчут французскую землю. Ножом, топором, руками, зубами — чем угодно — лишь бы убить проклятого боша! Вскоре ничто не сможет удержать огня, он вырвется из сердец, он обнимет всю Францию.

Вот уже полтораста лет, как Франция не знает виселиц. И все же я думаю, что Пьеру Лавалю окажут особую честь, ради него воскресят некоторые пережитки, — трудно его расстрелять, он непохож даже на шпиона. Он ведь только Лаваль, только иуда нашего века. Но осины могут расти спокойно. Пьер Лаваль не дурак, сам он никогда не повесится. Его вытащат из-под последней немецкой койки. У него отнимут последний немецкий пфенниг. А потом повесят на парижском фонаре, накинув, как петлю, белоснежный галстук.

24 октября 1942 года

ЗАРЕВО

на Москву! Хох!
«МОЛНИЕНОСНАЯ ВОЙНА»

от Москвы: ОХ!
«МОЛНИЕНОСНАЯ ВОЙНА»

Париж

Два года тому назад, 14 июня 1940 года, выйдя в Париже на улицу, я увидел немецких солдат. Они шли, не глядя по сторонам, и поспешно что-то ели. Рядом со мной стояла француженка. Когда немцы подошли к ней, она рукой закрыла глаза своему маленькому сынишке. В этом патетическом и беспомощном жесте была вся печаль Франции: не видеть случившегося, закрыть глаза детям, чтобы дети, когда они вырастут, не прокляли поколение тридцатых годов.

Задолго до рокового дня измена, как червь, точила сердце Франции. Это была измена не продажного шпиона, но сонного сибарита, беспечного рантье, человека, влюбленного в свой покой. Конечно, во Франции было немало немецких шпионов, но Францию погубили не шпионы, а бескорыстные изменники. Франция изменила себе, и продала она себя.

В романе французского писателя Андре Беклера, написанном незадолго до войны, один из героев восклицает: «Мы не хотим воевать! Если придут варвары, мы уступим. Мы постараемся приручить, воспитать немцев — это все же лучше, чем война...» Наивные обитатели французского рая, любители рыбной ловли и мемуарной литературы, они думали приручить гитлеровцев, воспитать фашистов. Это кажется невзыскательным юмором, но это было государственной политикой большой и славной страны.

Они шли по улицам Парижа, все эти ефрейторы и фельдфебели, гансы и франц, они шли по улицам, где парижский народ пел «Карманьолу», где в июньские дни инсургенты сражались за справедливость, где старые камни впитали в себя кровь Делеклюза и Домбровского. Дурацкие автоматы шли по городу четырех революций, шли и горланили постыдные песни о величии тирольского шпика и о ничтожестве человеческой мысли.

Они примчались в Париж голодные, как крысы. В две недели они сожрали все склады, все запасы. Я слышу до сих пор отрыжку отъевшейся немецкой солдатни, — это были победные марши «тре-

тьего рейха». Я вижу в знойный день на узкой улице рыжего ефрейтора, который пожирал из бочонка масло — без хлеба, торопясь, чтобы другие не подоспели, — жидкое, растаявшее на солнце масло. Потный ефрейтор на июньском солнце...

На улицу выбежала заплаканная лавочница и начала совать злому косому немцу шоколад. Оправдываясь, она приговаривала: «Надо их задобрить...» Она, конечно, не читала романов, но она тоже думала «приручить» косого убийцу. А тем временем в Бордо блудливый Лаваль уже готовился сунуть Гитлеру не плитку шоколада — две трети Франции.

«Стрелять в каждого, кто вздумает оказывать немецкой армии сопротивление». Кто отдал этот приказ? Немецкий жандарм? Нет, французский генерал. Его зовут Денц. Он дважды прославился: под Парижем он не захотел пролить немецкую кровь, год спустя в Сирии он пролил кровь французов.

Лавочницы и привратницы во Франции обычно кастрировали своих котов, чтобы коты не бегали по крышам. Коты сидели дома, жирные, гладкие, и мурлыкали. Когда пришли немцы, вместе с ними пришли крысы, город опустел, и крысы выползли из подвалов, из пустых складов. Они начали штурмовать немногие еще населенные дома. Тогда оказалось, что кастрированные коты удирают от крыс, и лавочницы стали мечтать об обыкновенных худых котах. Это очень поучительная история. Вспоминая о капитуляции, о правительстве в Бордо, о многих французских генералах, депутатах и писателях, мы можем с горечью ответить: они хорошо мурлыкали в доброе мирное время, а увидев гитлеровцев, они разбежались кто куда.

Где был Париж в те страшные дни? Он плелся по дорогам, уходя от немцев. Его расстреливали гитлеровские летчики на бреющем полете, и трупный запах окутывал предместья города, лес Фонтенбло, берега Марны и Луары вместо аромата глициний или роз. Париж уже не мог сопротивляться, но Париж не хотел примириться, и Париж уходил. Он закрывал себе глаза, как закрыла глаза француженка маленькому ребенку.

14 июня 1940 года улицы Парижа были идеально пусты. Дома были заколочены. Только топот немцев раздавался в мертвом городе.

Прошло два года. Немцы обжились в Париже. Они установили вывески на немецком языке. Они вывезли из Парижа все добро. Они привезли в Париж своих палачей, своих актеров, своих газетчиков. Они снесли памятник Вольтеру. Они разукрасили свастикой музеи и дворцы. Они превратили былую столицу Европы, город, о котором писали восторженные страницы Гейне и Белинский, Диккенс и Тургенев, Герцен и Андерсен, Марк Твен и Хемингуэй, Карамзин и Маяковский, в дом терпимости для своей

солдатни, в кафешантан для гитлеровских офицеров, в военную базу Германии. Тирольский шпик снялся на фоне Эйфелевой башни, и один за другим снимались немецкие генералы возле могилы Неизвестного солдата, под Триумфальной аркой, немой свидетельницей прусского позора.

Из великого города ушла его душа. Вылезли клопы и мокрицы; мелкий ренегат Дорио стал «трибуном», конокрад Лаваль превратился в диктатора, продажный журналист Марсель Деа, которого можно было купить дешевле, чем иную проститутку, — на одну ночь, на передовицу, — стал именоваться «совестью Франции», и плутоватый издатель Грассэ, ввиду отсутствия писателей, стал Виктором Гюго парижского гау.

На гербе прекрасного города изображен корабль: Париж плывет. Немцы сняли с корабля паруса, заковали гребцов. Но Париж — большой корабль, и Парижа не удержишь. Сорок тысяч экземпляров — таков тираж захваченной немцами самой крупной парижской газеты «Пари суар». Ее продают во всех киосках, но ее никто не покупает. Двести тысяч экземпляров — таков тираж подпольной парижской печати. За чтение ее расстреливают, но нет парижанина, который не читал бы «Юманите», «Пантагрюэля», «Комба», «Франс-Тирер». Стены Парижа покрыты пауками свастики, но под погаными знаками стоят пламенные слова: «Франция жива! Смерть бошам! Вперед, французы!»

Во Франции нет лесов, и негде во Франции укрыться партизану. Во Франции есть только один дремучий лес: узкие, кривые улицы старых кварталов Парижа. Они знали рождение «Марсельезы», отвагу июньских «блузников», восемь волн Народного фронта. Теперь они узнали мужество народных мстителей. Там по ночам патриоты убивают оккупантов и предателей. Так подымается девятая роковая волна. «Оружия!» — требуют женщины и подростки. «Оружия!» — кричат камни Парижа.

Парижский корреспондент фалангистской газеты «Арриба» рассказал недавно, как относятся парижане к налетам английской авиации: «Мы провели дурную ночь, и после нее все люди в метро и на улицах выглядели сонными. Но в шесть часов утра прилетели английские истребители, сопровождавшие самолеты-разведчики. Их приветствовали аплодисментами с балконов, из окон, — это были аплодисменты слепых и злобных французов, забывающих о своей собственной смерти». Нет, не слепы парижане. Они были слепыми, впустив в Париж немецких крыс. Теперь они прозрели. Они согласны умереть, лишь бы выгнать из Франции ненавистных оккупантов.

Генерал Штюльпнагель, палач Парижа, нервничает. Еще не успели похоронить французских заложников, расстрелянных в мае, как Штюльпнагель берет новых заложников. Генералу не дает

уснуть тень красногубого Гейдриха. Месяц тому назад Гейдрих пил шампанское в Париже. Теперь он гниет в земле.

Мечется Лаваль. Подстреленный и недостреленный вор боится за свою шкуру. Он заявил в газетном интервью: «Победа Англии и Советского Союза была бы несчастьем для Европы». Мошенник умеет выражаться. Какое ему дело до Европы? Он любит только одно: свои барыши. Он сам как-то признался: «Идеи опасны, они не дают людям жить». Идея Франции не дает жить Лавалю. Он еще недополучил свои тридцать сребреников. Он их и недополучит. «Лаваля на фонарь», — поют парижские ребята. Он, конечно, не будет светить, но когда его повесят, станет светлее и во Франции и в Европе.

Героически умирают патриоты Франции. О смерти одного из них рассказал корреспондент «Эссенер цейтунг»: «Это был рабочий, озлобленный фанатик. Перед казнью немецкий офицер сказал ему: «Вы мой противник, но вы смелый человек». На что безумец ответил: «Вы не противник, вы бош и палач».

Париж приподнял голову. Он знает, сколько его палачей истреблено на русских полях. Зарыты в землю мерзавцы, осквернившие древности Парижа, кутившие в монмартрских кабаках и подымавшие тосты на глазах у французов «за похороны Франции», убиты и зарыты — под Можайском, под Калинином, под Ростовом.

Париж не хочет принять свободу как милость. Он дорого заплатил за былые ошибки. Он рвется в бой. Есть позор, который смывается только кровью, и крови гитлеровцев требует Париж. Его горе мы поняли. Его надежда — эта наша надежда. Мы много сделали, чтобы помочь Франции освободиться: триста пятьдесят дней мы уничтожали ее палачей. Мы доведем это дело до конца. Россия любит Париж, и Россия его не забудет.

14 июня 1942 года

116

Трагедия Франции напоминает древнюю притчу: это история греха и кары, смерти и воскресения. Кто хочет сберечь себя, погибнет... Я помню страшную зиму 1939—40 года. Беспечно текла жизнь Франции. Диктор благодушно говорил: «На фронте без перемен», и сейчас же из репродуктора вырывались звуки танго. За столиками сорока тысяч кафе беззаботные люди пили рубиновые или изумрудные аперитивы. Солдатам посылали патефоны, футбольные мячи и полицейские романы, чтобы солдаты на фронте не скучали. «У нас линия Мажино, у нас колонии», — говорили друг

другу наивные стратеги. Когда разбился немецкий летчик, французские генералы хоронили его с помпой. Ненависть считалась дурным тоном, война — неприятной условностью. Жить, жить во что бы ни стало, ничем не рискуя, ничем не жертвуя! — такова была мудрость Франции накануне катастрофы.

Народ усыпили, как больного на операционном столе, и, когда до Парижа дошел далекий гул орудий, народ бросился бежать, еще не очнувшись, великий и несчастный, отважный и ничтожный. Правители Франции, сами перепуганные случившимся, повторяли: «Нужно сберечь Париж. Нужно сберечь Францию. Нужно сберечь народ!» Они не приняли боя, потому что они хотели «сберечь солдата». Они раскрыли перед немцами двери столицы, потому что они хотели «сберечь Париж». Они подписали подлое Компьенское перемирие, потому что они хотели «сберечь Францию». Народ, потрясенный, еще плохо понимая, что приключилось, молчал. Его обезоружили, сдали оружие немцам по тщательно проверенному инвентарю. Какие-то дуры пробовали лопотать, глядя на серо-зеленые шинели: «Но они вежливые. С ними можно жить...» А из щелей выползли мелкие предатели, галльские «старосты» и «бургомистры» Лютеции, отщепенцы, готовые свести счеты со своим народом, неудачники, дожившие до нечаянного счастья — терзать своих соотечественников, — ил и накипь Франции.

Настало время наказания. Французский народ узнал неслыханные муки. Где дымящиеся горшки добрых французских хозяек, прославленная снедь Франции, настойки для аппетита, гурманы? Кормовая репа стала мечтой. Восьмушка хлеба и детские гробы, съеденные кошки, суп из крапивы, могильщик, который, отощав, уже не может рыть могилы, — вот судьба народа. Его хотели «сберечь»...

Париж стал немецким штабом, немецким кабаком, немецким борделем, немецким арсеналом. В Париже готовят танки для немцев, их готовят французы, проклиная день, когда они родились. И Париж бомбят английские бомбардировщики, бомбят Гавр, Руан, Дьепп, Брест. Развалины — вот судьба городов. Их хотели «спасти». Разве не достойны античной трагедии рабочие Рено и «Гнома», которые приветствуют бомбардировщики, несущие им смерть? А Франция? Та Франция, которую они хотели «сберечь»? Франция, которой лицемерно клянется дряхлый Петен? Где она? Есть протекторат: «Франция Виши». Есть немцы, которые в Марселе и в Лионе распоряжаются ничуть не хуже, чем в Лилле и в Бордо. Есть гаулейтер Лаваль, обыкновенный немецкий чиновник с большими доходами и мелким положением. Они все хотели сберечь. Они все потеряли.

Они. Не народ. Один военнопленный лейтенант, тупой немец с квадратной головой и стеклянными глазами, сказал мне: «Во

Франции тепло. Мы там хорошо питались. Но я себя чувствовал плохо. Конечно, нападения на немецких солдат не носят массового характера. Но когда видишь глаза французов, становится не по себе. У них очень злые глаза...»

«К оружию, граждане!» — этот припев «Марсельезы» повторяли французы из поколения в поколение. Теперь они узнали, что значит отдать оружие врагу. Они ждали помощи. Они лихорадочно глядели на побережье. Им мерещились корабли. Они не ждали свободы, как подарка. Они ждали оружия. Но корабли не пришли. И Франция кидается на врага, безоружная, но грозная, вечная Франция, мать свободы.

Может быть, маршал Петен летом 1940 года и мечтал сохранить какой-то «нейтралитет», откупиться, выждать, пересидеть события. «С волками жить — по-волчьи выть». Теперь громче других раздается сиплый, простуженный вой старого онемеченного маршала. У него не больше независимости, чем у Павелича или Квислинга. Верден забыт. Осталось Виши.

В борьбе против немцев и немецких наместников наконец-то объединилась Франция. Солдатам, дрогнувшим перед лицом неприятеля, дается высокое право искупить свою вину на поле брани. Два года молчали люди, олицетворявшие Третью республику: председатель сената Жанненэ и председатель палаты Эррио. Они не приложили своей руки к позорному делу продажи Франции с торгов. Но они и не протестовали. Быть может, и в их сердцах тлела надежда: что-то спасти, переждать. И вот теперь, когда вся Франция кипит, Эррио и Жанненэ выступили с мужественными словами: «Невозможно, чтобы свобода умерла в той стране, где она родилась...»

Петен и Лаваль, выполняя приказ Гитлера, начали истреблять евреев. В стране «Декларации прав человека и гражданина» разыгрались страшные сцены. У матерей отбирали детей и говорили: «Вы их больше не увидите». Убегая от палачей, люди кидались в воду, кончали с собой. Совесть Франции возмутилась. Епископ Тулузы с амвона осудил презренного маршала. Священники требуют, чтобы в церквах воскресло «право убежища». Может быть, богомольный маршал, отправившись к обедне, увидит в церкви затравленных женщин и детей, которых охраняет священник?..

Лаваль обязался поставить немцам французских рабочих. Орудия Сталинграда откликнулись в Оверни, в Провансе. У немцев нет больше рабочих рук. Лаваль стал вербовщиком, первым прорабом Германии. Он долго уговаривал французов, долго и безуспешно. На площади Сен-Этьена старый токарь воскликнул: «Лучше пусть у меня отсохнут руки! На бошей я не стану работать». Напрасно Лаваль и его немецкие партнеры шантажировали: солидарность, человеколюбие – немцы отпустят умирающих военнопленных, по-

лучив трудоспособных рабов. Лаваль говорил француженкам: «Вы хотите обнять вашего сына, который томится в плену? Пошлите взамен другого». Но матери ответили: «Мы не хотим выкупа, мы хотим расплаты».

Франция готова тронуться, как река весной. Вот в Ренне разрушены станки на военном заводе. Вот в Бордо взрыв: ручные гранаты впились в скопище немцев. Вот в мнимо свободном Гренобле уничтожена плавильная печь. Вот в Шербуре забастовали рабочие. Вот в Мулене повреждены немецкие радиоустановки. Вот в Аржантей горят немецкие склады. Вот в Като летит с откоса немецкий эшелон. Вот в Бурже взлетают в воздух склады боеприпасов. Франция, как солдат, оправившийся от тяжелой контузии, снова вступает в бой.

Отсутствие Франции ощущается всеми народами как зияние, как ущерб, как большое общечеловеческое горе. Отсутствие доблестной французской армии облегчило немцам их задачи. Отсутствие Французской республики с ее благородными традициями отразилось на климате Европы. Что позволило Франции вступить в ряды сражающихся наций? Сопротивление России. Оно разжало уста и законникам-парламентариям и епископам. Оно подняло французский народ.

Французы не хотят сидеть у моря и ждать погоды, не для этого они осуществили четыре революции. Их тщетно уговаривают ждать. Напрасно им говорят, что на берегу Ла-Манша немцы, что между Кале и Дувром пролив, что в Вашингтоне сидит посол маршала Петена, мсье Анри. Французы слишком долго думали, что ждать — это значит победить. За эту лжемудрость они заплатили рабством, разорением, муками пленных, голодной смертью детей, расстрелянными заложниками. Теперь французы говорят: ждать — это значит погибнуть. С кораблями или без кораблей, с союзниками или без союзников, но Франция не может дольше ждать: бьет двенадцатый час.

Сегодня, 20 сентября 1942 года, исполняется стопятидесятая годовщина битвы при Вальми. Эту битву выиграла французская революция. Эту битву выиграла молодая Французская республика. Это была победа над немцами: победа Франции и победа свободы. Французский народ решил ознаменовать в этом году годовщину победы. Слово «Вальми» подымает душу, зовет в бой. Все знают эпопею буквы «В». Французы говорят: «В —как Вальми. В — как Верден». Бывший защитник Вердена, маршал, продавший свою шпагу, молчит. Что ему ответить? Неужто сказать: «В — как Виши?»

Сегодня получена короткая радиограмма из Парижа. Командующий немецкими оккупационными войсками во Франции палач фон Штюльпнагель по случаю годовщины Вальми расстрелял сто шестнадцать французских заложников.

Сто шестнадцать...

Кровью французских патриотов немецкий генерал думает погасить пожар. Но кровь мучеников разжигает огонь: это кровь, а не вода. История идет ко второму Вальми. Французская республика идет в бой против немцев и против предателей из Кобленца. Идет она со священными словами: «Свобода или смерть!»

Мы протягиваем через проклятую Германию руку французскому народу. Он много страдал, он искупил свою невольную вину, он достоин любви и уважения. Оружие защитников Сталинграда салютует над могилой ста шестнадцати. Мы говорим вам, французские друзья, в дыму и в горечи боя: «Мужайтесь! Им не убить Франции. Им не убить свободы».

20 сентября 1942 года

Ответ Франции

Мир не слышал голоса Франции: немцы зажали ей рот. Они сожгли французские города. Они вытоптали французские виноградники. Они ограбили французские музеи. Мир спрашивал: что думает Франция? Но у французов не было оружия, а немецкие тюремщики зорко сторожили ворота порабощенной страны.

Сегодня ночью Франция сказала свое слово: взрывы в Тулоне потрясли мир.

Что оставалось у Франции? Только флот. Еще недавно военные корабли были славой и гордостью Франции. Когда настали черные дни позора, эти корабли остались как последнее утешение. Они стояли грозные и бессильные: они тоже были узниками, их стерегли немцы.

Почему немцы, захватив Францию, оставили незанятым один Тулон? Они боялись неподвижных, скованных кораблей: в них жила душа побежденной, но непобедимой Франции. Немцы хотели взять корабли живыми. Обманом они взяли французскую армию. Обманом они надеялись взять и французский флот. Они уговаривали моряков. Они позволили французскому флагу развеваться над Тулоном. Они ждали, что корабли им отдадутся. Но корабли — это была Франция: все, что оставалось от французской земли и от французской свободы.

Немцы напали исподтишка. Ночью они ворвались в Тулон. Бомбардировщики повисли над гаванью, ракетами освещая корабли. Автоматчики взбирались в окна домов. К докам неслись немецкие танки. Боясь защитников кораблей, немцы сразу начали бомбить береговые батареи. Тогда раздался оглушительный взрыв: команда

линкора «Страсбург» первая взорвала корабль, лучший корабль французского флота.

Страсбург — это имя говорит о горе и гордости Франции. Полтораста лет тому назад в Страсбурге юный офицер республиканской армии написал бессмертную «Марсельезу». Теперь Страсбург «присоединен» к Германии. Город бесстрашного Клебера стал германским острогом. Сегодня ночью немцы захотели завладеть и другим «Страсбургом» — кораблем. На мостике стоял командир, он погиб вместе с кораблем. Это было сигналом. Один за другим опускались в черные воды ночи линкоры, крейсеры, эсминцы. Франция в 1940 году, обманутая и преданная, показала миру свою неукротимую душу. Некоторые корабли пытались выйти из порта, чтобы примкнуть к союзникам. Они вели бой с бомбардировщиками. Они взрывались на минах. Но ни один корабль не сдался. Ни один.

Сегодня ночью затонули не только французские корабли. Сегодня ночью затонула идея «Новой Европы» Гитлера. Два года немцы говорили миру о своем сотрудничестве с Виши. Два года они уверяли, что помирились с французским народом. Они повторяли: «Франция с нами». Франция ответила: лучше на дно моря, чем к Гитлеру, лучше смерть, чем бесчестье!

Матросы взорвали линкор «Дюнкерк». В 1940 году у города Дюнкерк Франция пережила беспримерную трагедию. Сегодня ночью корабль «Дюнкерк» одержал над немцами подлинную победу: он погиб на боевом посту. Народы, которые сражаются за свободу, услышали последний салют тонущих кораблей. Сегодня ночью вся Франция вступила в боевые ряды союзников. Взрывы в Тулоне услышат солдаты генерала де Голля, и они поклянутся отомстить немцам за мертвые корабли. Взрывы в Тулоне услышат союзники, и, потрясенные величием Франции, они ответят на гибель французского флота новыми победами. Взрывы в Тулоне дойдут до героев Сталинграда, которые уничтожают палачей Франции, и герои Сталинграда в дыму боя воскликнут: «Слава морякам Тулона! Слава свободе! Смерть немцам»

28 ноября 1942 года

Французы

Они шли по снегу в полушубках, в валенках. Я вздрогнул, услышав французскую речь. Это были механики авиационного соединения «Нормандия» Сражающейся Франции. Они приехали к нам, чтобы в русском небе сражаться за землю Франции.

Авиационные соединения армии генерала де Голля названы именами французских провинций. Так, группы «Бретань» и «Эльзас» сражаются в Африке, группа «Иль-де-Франс» — над Ла-Маншем, группа «Нормандия» — на нашем фронте. У летчиков и механиков на груди герб Нормандии — два льва. Нормандия захвачена немцами, древний Руан сожжен, изумрудные луга вытоптаны. Но солдаты Нормандии твердо верят, что они увидят освобожденную Нормандию. Некоторые приехали из Лондона. Неисповедимы пути людей и народов. Кто бы подумал, что путь из Дувра в Кале пройдет через поля далекой России?

«Нормандия» — это кусок Франции. Здесь люди разных провинций: белокурый нормандец и черный как смоль корсиканец, задумчивый, молчаливый бретонец и пылкий марселец, баск, лотарингец, парижане. Здесь люди различных социальных пластов: рабочий, студент, моряк торгового флота, молодой врач, сын коммерсанта — еще недавно баловень судьбы и сын бедняка. Их объединило одно: любовь к Франции. Эта любовь с невиданной силой проснулась в горькое лето 1940 года. Франция, коснувшись дна и узнав всю меру позора, выплыла. Она снова вступила в бой. Одни сражаются в самой Франции, в подполье. Другие стали солдатами де Голля.

Нелегко выбраться из Франции. Вот этот летчик был в Нормандии под немцами. Ночью он пробрался в тогда еще не оккупированную зону. А оттуда?.. «В Испании меня схватили. Сидел я в тюрьме. Убежал...»

Три приятеля. Их, шутя, зовут «три мушкетера». Они были в Алжире, в авиации Виши. Решили уйти к де Голлю: долететь на истребителях до Гибралтара. Но как улететь втроем? А если улетит один, другим не уйти: удвоят слежку. Они долго готовились. Наконец настал счастливый день. Им повезло. Но вот менее удачливый летчик: он приземлился вместо Гибралтара в испанском городе Ла Линеа, два километра от Гибралтара. Попал в руки к врагам. Что же, он убежал из Ла Линеа...

Врач убежал из Франции в Испанию. Его арестовали и после долгих мытарств выслали в Португалию. Здесь его вторично арестовали и хотели выслать в Испанию. Он пытался пробраться в Лондон. Вместо этого ему пришлось уехать на Кубу, оттуда в Соединенные Штаты, оттуда в Англию. Чтобы проехать из Парижа в Лондон, он исколесил полсвета.

Эпопея марсельца патетична и забавна. Летом 1941 года генерал Денц, командовавший войсками Виши в Сирии, капитулировал, оговорив право на возвращение во Францию офицеров и солдат, которые не пожелают примкнуть к генералу де Голлю. За сторонниками Петена были посланы из Марселя пароходы. А в Марселе люди ломали себе голову: как бы попасть на пароход, который уходит в Сирию? Марсельцев томила эта дверь, как бы приоткрывшаяся из тюрьмы на свободу. Студент становился кочегаром, худож-

ник клялся, что он старый матрос, а литограф прикидывался корабельным коком. Когда пароходы пришли в Бейрут, команде запретили сходить на берег. Люди бросились в воду и доплыли. А на пароходах сторонники Виши напрасно ждали кочегаров и матросов: экипажи ушли к де Голлю.

Майор прошел пешком из Дагомеи в Либерию — пятьсот километров девственными лесами. Сержант переплыл из Бретани в Англию на маленькой рыбацкой лодке. Был шторм. Сержант хотел доплыть, и он доплыл.

Их семьи остались там — под немецким игом. Вот почему парижанин без слов понимает лейтенанта-украинца. У них есть общий язык — ненависть. Парижанин говорит: «Бош, фриц» — и сжимает руками воздух. Украинец одобрительно вздыхает: «Так его!..»

Есть среди французов люди, которые не имели представления о нашей стране. До катастрофы они читали профашистские газеты, изо дня в день рассказывавшие, что Россия — это курные избы и национализированные женщины. С изумлением они увидали большие города, заводы, комфортабельные дома, семьи. Они только разводят руками: «Как наши газеты врали!..» Есть и другие, с восхищением следившие за мирным ростом нашей страны. Они пришли из разных социальных групп, из разных партий, но для всех Россия — сильный и отважный союзник. Французы знают, что Советский Союз хочет возрождения независимой и свободной Франции, и летчики «Нормандии» счастливы, что они «наконец-то попали на настоящую войну», как сказал мне один лейтенант.

Механик-сержант, парижский печатник, сражался в Испании против фашистов. Он хорошо знает врага: враг все тот же — враг Франции, враг Испании, враг России, враг свободы.

Корсиканец говорит: «У меня итальянцы убили брата. А мы на Корсике знаем, что такое священная месть. Я должен отомстить. Мне повезло, что я — здесь. Я отомщу...»

Летчик Дюран за одну неделю, когда французская армия воевала, сбил четыре вражеских самолета. Он говорит: «По мне скучает пятый бош... Скорее бы в бой...» В Египте и в Сирии многие сидели без дела, они стосковались по бою. Капитан-лотарингец, сбивший одиннадцать немецких машин, сурово поясняет: «Мы пошли за генералом де Голлем, чтобы воевать. Здесь мы сможем воевать».

Летчики довольны советскими машинами: они много лучше тех, на которых им приходилось воевать в Африке. Французские летчики быстро освоили наши самолеты. Механики обрадовались: во Франции они работали с моторами «Испано-Сюиза».

Непонятной кажется издалека Россия. Но вот приехали французы и сразу почувствовали себя как дома. Не видали они никогда валенок, а теперь не расстаются с ними. Не знали щей — понравились щи. Боялись русской зимы, но оказалось — не страшно. Ходят на лыжах. Уже знают много русских слов. А детишки кричат по-французски: «Бонжур!»

Когда передают «В последний час», французы сосредоточенно молчат, стараясь разобраться в чужих именах, в непонятных словах. Но вот раздается «немцы потеряли убитыми 175 тысяч солдат и офицеров», и французы улыбаются: уничтожены палачи Франции. В такую минуту понимаешь, что такое боевая дружба. А французский лейтенант жмет руку нашему летчику и ласково повторяет: «Карошо... Карошо!..»

6 января 1943 года

Зарево

Шведские аристократы считали Норвегию мужицкой страной. Датские свиноводы пренебрежительно поглядывали на бедных и чересчур беспокойных норвежцев. Иностранные туристы влюблялись в фиорды. Немецкие шпионы интересовались портами и химическими удобрениями. Норвегия была на окраине Европы, и казалось, что эта страна лежит не на пути истории. Но вот настали дни испытаний. Норвежцы не продали своего человеческого первородства за чечевичную похлебку «мирной оккупации». Норвежцы оказались не комбинаторами, не жонглерами, но суровыми и непримиримыми людьми. Может быть, это удивило многих, но я знал, что Норвегия — край взыскательных сердец. Это край, где много камня, много трудных дней и много человеческого участья. Маленькая страна, большая совесть.

Легко жить человеку где-нибудь в Италии. Он может ночевать под южными звездами. Он протягивает лениво руку и срывает плоды. Норвегия — это скалы и вода, вода и скалы. Но здесь, на далеком севере, люди создали свободную и прекрасную жизнь.

Кто не знает Ибсена? Его пьесы звучали и звучат в европейской ночи как сигнал тревоги: они будят беспечных, они стыдят малодушных. Норвежцы создали прекрасную литературу, замечательную живопись. Немецкие варвары тупо смотрят на фрески телеграфа, клиники, школы судоходства, ремесленной палаты Осло. Что они сделали, чтобы украсить захваченную страну? Они арестовали художника Пера Крога, картинами которого гордятся музеи всех цивилизованных стран.

Норвегия была страной демократии, здесь не знали ни титулов, ни раболепства, ни иссеченных на дуэлях студентов, ни местничества. Дети рыбаков и крестьян заполняли аудитории университета. Норвежцы читали больше других народов. На маленьком острове Ресте, среди свай, можно было встретить философа, влюбленного в Эпикура, и поэта, читавшего Данте или Китса. Норвежцы настоящие люди, и когда на них напали немецкие автоматы, норвежцы приняли неравный бой.

Человеческое достоинство — вот что ценится в Норвегии. Не генеалогия, не деньги и не комфорт. Задолго до войны в северный норвежский городок прибыли прохвосты с дирижабля «Италия», трусы, разыгрывавшие бесстрашных исследователей, фашисты, которые, за отсутствием макарон и абиссинцев, сожрали злосчастного чеха. На берегу стояли норвежцы, засунув пальцы в карманы. Итальянцы бросили канат. Никто не двинулся с места, никто не поднял каната. Может быть, немцы думали, что, прибыв как непрошеные завоеватели в Норвегию, они вызовут восторг? Они бросили канат — Квислинга. Но нет норвежца, который пожал бы руку презренного изменника.

Можно изготовлять на заводах танки и лженаучные теории, «мессершмитты» и «геополитику». Нельзя изготовить в Эссене или в Берлине мужество. Норвежцы рождаются героями. Кто побывал весной на Лофотенских островах, знает, что такое борьба. «Все — или ничего»,— говорил герой Ибсена. Может ли испугать норвежцев Гиммлер? Ведь они с детства знают, что такое штормы. Моряки и рыбаки, они выросли среди бурь, в детстве их баюкал прибой, их вдохновлял ветер, они давали клятвы любимым девушкам, уходя в дальнее плавание. В Норвегии много гостиниц, но Норвегия не гостиница. Норвегия — это близость полюса, это «все — или ничего», это свобода и это борьба.

Четыре тысячи норвежских офицеров и матросов плавают по всем морям под флагом свободной Норвегии. Шестьдесят три корабля, шестьдесят три блуждающих острова, на которых живет свобода. Когда подойдет первый из шестидесяти трех к норвежским берегам, с солдатами на борту, и когда матросы бросят канат, его подхватит вся Норвегия.

Весной норвежский пароход «Гальгезунд» вышел из Флеккефьер в Осло. Этот пароход не пришел в Осло, он пришел в английский порт: норвежцы не хотят возить немецких палачей; еще одним свободным островком стало больше.

Десять тысяч норвежских учителей отказались учить детей невежеству и скотскому послушанию. Десять тысяч учителей — это мозг Норвегии. Учителя восстали против танков. Они сказали детям и отцам: «Человек и свобода». Две тысячи учителей томятся в концлагерях. Германия пытается посадить свет за проволоку, но свет горит: его разжигают ветер и гордость.

Епископ Берграв в тюрьме. Шестьсот пасторов протестуют против немцев и Квислинга. Они не променяли Евангелие на злой бред Розенберга. Они не променяли тернии на тридцать сребреников.

Почему вспыхивают пожары в Тронхейме? Почему взлетают склады в Бергене? Почему падает, обливаясь кровью, предатель Кристиансен? Почему «исчезают» немецкие солдаты? Потому что Норвегия не постоялый двор для нацистских жеребцов, не тюрьма, не лакейская. Норвегия не сдается напрокат.

Рабочие Драммена, моряки Тромзе, рыбаки Свольвера, судостроители Лаксевога — все они стали солдатами одной незримой, но мощной армии; нет больше раздоров, дискуссий: есть захватчики и Норвегия, цепи и свобода. Квислинг и честь. Народ сделал выбор, и народ воюет.

На самом северном участке русско-немецкого фронта, за Полярным кругом, бойцы Красной Армии в тихую погоду слышат далекие взрывы, над Норвегией подымается едва заметное зарево. И русские говорят друг другу: «Ларсен!» Партизаны Ларсена — это те друзья, которые воюют не только на словах, и каждый русский, убивая врага в Карелии, знает: я убил врага России и врага Норвегии.

7 марта 1942 года

Эрнест Хемингуэй

Мадрид тех лет. Развалины домов на Пласа Дель Соль, мусор, яркие плакаты, столбы холодной пыли, детские трупы, ручные голуби, грохот снарядов и повсюду два слова: «No pasaran». Уже не призыв — заклинание.

Шумно было тогда на улице Гран Вия, где стоял небоскреб «Телефонного общества», облюбованный артиллерией Франко. Неподалеку от небоскреба находилась поврежденная фугаской гостиница «Флорида», некогда пышная и похожая в наступившем запустении на театральную бутафорию. В номерах стоял мороз, и большинство номеров пустовало, только один постоялец не хотел расстаться с «Флоридой»: Эрнест Хемингуэй на спиртовке варил кофе и писал любовную комедию. Он мог бы ее писать не в гостинице «Флорида», под бомбами и снарядами, но в земном раю, в настоящей Флориде. Почему предпочел он голодный, черный, разрушенный Мадрид? Что его привязало в те годы к Испании? Оружье. Оружье в чистой руке оскорбленного народа.

Декабрь 1937-го. На побережье цвели апельсины, а в горах не утихала метель. Я встретил Хемингуэя: он спешил к робкой, нечаянной победе; расспрашивал, как проехать к Теруэлю; боялся опоздать.

Мне привелось быть с ним у Гвадалахары. Глядя на брошенное итальянцами снаряжение, он бормотал: «Узнаю...» — он вспоминал Капоретто. Тогда он сердцем был с теми, кто бросал оружие. Теперь влюбленными глазами он смотрел на испанских солдат, которые вытаскивали из блиндажа красные гранаты итальянцев, похожие на крупную клубнику.

Он часто бывал на командном пункте двенадцатой бригады. Генерал Лукач, он же венгерский писатель Матэ Залка, объяснял Хе-

мингуэю план атаки, и Хемингуэй говорил: «Понимаю, товарищ генерал».

Может быть, кому-нибудь придет в голову суетное предположение: писатель собирал материал для будущего романа. Убожество, глубокое непонимание того, как рождаются книги, привычка обходиться эрзацами искусства. Можно пойти в лес за ягодами, нельзя пойти в жизнь за литературным материалом. Этот «материал» обычно приходит непрошеный, как личная драма, он вытесняет все чувства, все помыслы, он душит писателя, и писатель пишет, чтобы не задохнуться. Книгу нельзя задумать по плану, книгой нужно заболеть.

Не один раз война насильно завладевала Хемингуэем. Война стала основной темой его жизни. Большой, на вид здоровый человек, чудак, который в иную эпоху создал бы вымышленный мир ужасов и радостей, был рано застигнут войной. Война его искромсала. Так родился роман «Прощай, оружие!».

Я не знаю другой книги о войне, столь горькой. А в Европе после первой мировой войны было написано много горьких книг. Сущность Хемингуэя — то, что он показывает людей не только раздетых, но и освежеванных, короткие фразы диалога, которые бьют прямой наводкой, — все это совпало с темой войны.

Мастерство Хемингуэя органично, ему нельзя подражать. Это не литературная школа, это особенность голоса, глаз, сердца. Предельная детскость многих диалогов, на самом деле — зрелость ума и чувств. Нет здесь ничего фальшивого, никакой литературщины. Предсмертный бред, любовная записка, исповедь пьяного покажутся манерными и стилизованными по сравнению с разговорами персонажей Хемингуэя. Его книги производят впечатление безыскусственности: такова сила высокого искусства. Диалоги не только новы как явление литературы, они новы вообще, их не было — так люди не разговаривают. Но каждому ясно, что люди должны разговаривать именно так.

Однако не только обнаженность придает исключительную силу роману «Прощай, оружие!»: в этой книге человек противопоставлен войне, и роман Хемингуэя с бóльшим правом, чем многие другие прославленные книги, может быть назван исповедью поколения. В первой мировой войне карты были спутаны, праведники смешаны с грешниками, и совесть писателя страдала по обе стороны так называемой «ничьей земли». Герои Барбюса страдали в голубоватых шинелях, герои Ремарка и Ренна — в серо-зеленых, герои Олдингтона — в защитных. Как и в других книгах Хемингуэя, в романе «Прощай, оружие!» герой — американец среди европейцев. На Фреде Генри шинель итальянца. Но он, как и персонажи Ремарка или Барбюса, смятен, растерян. Им говорили о родине, а притягивала их ничья земля, некая третья правда. Оружие для них — кандалы.

Из всех героев литературы первой мировой войны Фред Генри не самый умный, отнюдь не самый храбрый, да и не самый совестливый, но он самый человечный. В первом романе Хемингуэя война — это машина, восставшая на человека, танк, ставший эпохой. Кругом итальянцы, народ живой и жизнерадостный, глубоко привязанный к простейшим и мудрейшим удовольствиям. Трудно подобрать для Фреда Генри партнеров лучше. Прибавьте к этому любовь, целомудренную и чувственную любовь англичанки Кэтрин, и Фред Генри прощается с оружием; он говорит: «Я решил забыть про войну. Я заключил сепаратный мир».

Легко сделать политические выводы: дезертир тех лет яростно сражался под Мадридом, яростно сражается теперь против фашистов, а командиры многих победоносных армий первой войны вторую начали как капитулянты и кончили ее как дезертиры. Но проблема проще и сложнее. Исповедь поколения продолжается, поскольку одному поколению достались две войны, не считая промежуточных войнушек.

С кем заключил сепаратный мир Фред Генри? Разумеется, не с двуединой монархией Габсбургов. Он думал: с жизнью; оказалось: со смертью. И смерть не насытилась первой победой. Она вскоре снова предстала перед Хемингуэем. Она предлагала ему капитуляцию на почетных условиях. Она снова соблазняла его жизнью. Хемингуэй обожает рыбную ловлю. У него есть маленький домик где-то в субтропическом парадизе. Это человек, привязанный к жизни, влюбленный в свое дело. Жить бы да жить! Разве не прожили поколения, оттеняя свое радостное существование хорошо придуманными трагедиями?

Но тема войны не отстает от Хемингуэя. Когда нет войны, смерть приходит к человеку на испанских аренах или в песках Африки, смерть ищет тореадоров или охотников. Это в паузе между двумя катаклизмами. О мировой войне в те годы начинают говорить пренебрежительно, как о далекой варварской эпохе, — она не повторится, человечество выросло.

А смерть занята примеркой. Сначала на скелет напяливается черная рубашка итальянских фашистов, — офицерики, удиравшие при Капоретто, берут приступом народные дома и рабочие клубы, а обнаглев, начинают героически травить ипритом абиссинских пастухов. Потом смерть надевает коричневую рубашку немецкого покроя. На черепе вырастают усики Адольфа Гитлера. С кем подписал сепаратный мир Фред Генри? С кем думал помириться Эрнест Хемингуэй?

Настают критические годы. Фашизм готовится истребить человечество. Три демократии Запада хотят отмолчаться: их не тронут, если они не закричат. Можно выпить со скелетом на брудершафт, можно объявить косу смерти мирным сельскохозяйственным орудием, можно принять самолет сына Муссолини, повисший над песками Эфиопии, за ангела мира. Так поступили многие. Отступили

многие. Отступничество стало насморком писателей, и отступничество в тридцатые годы нашего века перестали замечать, как в тридцатые годы прошлого века не замечали условностей романтики.

Хемингуэй — по природе художник, а не идеолог, — я не хочу поэтому останавливаться на ошибочности той или иной из его политических оценок. Я только укажу, что он сразу нашел мужество назвать смерть — смертью. В 1936 году он выступил против итальянского фашизма, напавшего на Абиссинию. Статья называлась «Крылья над Африкой». Хемингуэй любит итальянский народ, но еще сильнее он любит жизнь: он разглядел тень бомбардировщика над Аддис-Абебой. Зачем он прощался с оружием? Зачем люди кричали на узких улицах: «Viva la pace»?

И вот — Испания. Хемингуэй приехал в Мадрид. В первую осень он пережил с Испанией ее надежды, горе, отчаянье. Он писал в американские газеты очерки: как многие другие, он не хотел поверить в торжество отступничества. Потом, уже в Америке, он написал роман «По ком звонит колокол». Фред Генри стал Робертом Джорданом. Хемингуэй, развенчавший некогда героику, живет мужеством испанских партизан. Его поколение,— наше поколение, — двадцать лет тому назад распрощавшееся с оружием, приветствует и охотничье ружье кастильского пастуха, и танки свободы.

В чем сила нового романа Хемингуэя? Роберт Джордан не говорит: «Война», — война войне рознь. Он не заключает сепаратного мира. Он воюет против фашистов, — следовательно, против смерти. Роман — длинная повесть о нескольких днях во вражеском тылу. Американец Роберт Джордан и кучка испанских партизан взрывают мост, чтобы помешать фашистам подкинуть подкрепление. Есть в этом романе утверждение жизни. Любовь за день до смерти еще убедительней, еще телесней, еще глубже, чем в «Прощай, оружие!». Испанка Мария, горькая и нежная, как сьерра, еще отчетливее женщина, нежели нежная Кэтрин. Но Роберт Джордан ни за что не простится с оружием: знает, почему он воюет. Есть войны, которые чище и выше величайшего блага — мира. Хемингуэй сказал об этом накануне второй мировой войны, среди общего смятения умов и сердец. Нет сейчас иного пацифизма, кроме лакейской угодливости Жионо. Круг замкнут: писатель, написавший «Прощай, оружие!», пуще любви, пуще искусства благословляет ручной пулемет.

Я не знаю ничего оптимистичней последних страниц печального романа «По ком звонит колокол». Партизаны, взорвав мост, пробираются к республиканцам. Роберт Джордан лежит на дороге с раздробленной ногой. Он прощается с Марией — с любовью, с жизнью, он прощается с боевыми товарищами: «Идите. Спешите». Когда девушка упирается, он говорит: «Ты уйдешь за себя и за меня...» Он остается один. Он не хочет покончить жизнь самоубийством: ему предстоит еще один глубоко жизненный поступок — убить врага. Он пересиливает боль: пуще всего он боится потерять

сознание. С ручным пулеметом он ждет, когда покажется на дороге фашистский отряд, посланный вдогонку партизанам. Вот последняя страница этой изумительной книги: «Скорей бы они пришли, сказал он. Пришли бы сейчас, а то нога начинает болеть. Должно быть, распухает.

Все шло так хорошо, когда ударил этот снаряд, подумал он. Но это еще счастье, что он не ударил раньше, когда я был под мостом. Со временем все это у нас будет налажено лучше. Коротковолновые передатчики — вот что нам нужно. Да, нам много чего нужно. Мне бы, например, хорошо иметь запасную ногу.

Он с усилием улыбнулся на это, потому что нога теперь сильно болела в том месте, где был задет нерв. Ох, пусть идут, подумал он. Скорее бы они шли, сволочи, подумал он. Скорей бы. Скорей бы шли.

Нога теперь болела очень сильно. Боль появилась внезапно, после того как он перевернулся, и бедро стало распухать, и он подумал: может быть, я сейчас сделаю это. Я не очень хорошо умею переносить боль. Послушай, если я это сделаю сейчас, ты не поймешь превратно, а? Ты с кем говоришь? Ни с кем, сказал он. С дедушкой, что ли? Нет, ни с кем. Ох, к дьяволу, скорей бы уж они шли.

Послушай, а может быть, все-таки сделать это, потому что, если я потеряю сознание, я не смогу справиться и меня возьмут, и будут задавать мне вопросы, всякие вопросы, и делать всякие вещи, и это будет очень нехорошо. Лучше не допустить до этого. Так может быть, все-таки сделать это сейчас, и все будет кончено? А то, ох, слушай, да, слушай, пусть они идут скорей.

Плохо ты с этим справляешься, Джордан, сказал он. Плохо справляешься. А кто с этим хорошо справляется? Не знаю, да и знать не хочу. Но ты — плохо. Именно ты — совсем плохо. Совсем плохо, совсем. По-моему, пора сделать это. А по-твоему?

Нет, не пора. Потому что ты еще можешь делать дело. До тех пор пока ты знаешь, что́ это, ты должен делать дело. До тех пор пока ты еще помнишь, что это, ты должен ждать. Идите же! Пусть идут! Пусть идут! Пусть идут!

Ты думай о тех, которые ушли, сказал он. Думай, как они пробираются лесом. Думай, как они переходят ручей. Думай, как они едут в зарослях вереска. Думай, как они поднимаются по склону. Думай, как сегодня вечером им уже будет хорошо. Думай, как они едут всю ночь. Думай, как они завтра приедут в Гредос. Думай о них. К черту, к дьяволу, думай о них! Дальше Гредос я уже не могу о них думать, сказал он.

Думай про Монтану. Не могу. Думай про Мадрид. Не могу. Думай про глоток холодной воды. Хорошо. Вот так оно и будет. Как глоток холодной воды. Лжешь. Оно будет никак. Просто ничего не будет. Ничего. Тогда сделай это. Сделай. Вот сейчас сделай. Уже можно сделать это. Давай, давай. Нет, ты должен ждать. Ты знаешь сам. Вот и жди.

Я больше не могу ждать, сказал он. Если я подожду еще минуту, я потеряю сознание. Я знаю, потому что к этому уже три раза шло, и я удерживался. Я удерживался, и оно проходило. Но теперь я не знаю. Наверно, там, в ноге, внутреннее кровоизлияние, ведь эта кость все разодрала кругом. Когда поворачивался, тогда особенно. От этого и опухоль, и слабость, и начинаешь терять сознание. Теперь уже можно это сделать. Я тебе серьезно говорю, уже можно.

Но если ты дождешься и задержишь их хотя бы ненадолго или если тебе удастся убрать офицера, это может многое решить. Поступок, сделанный вовремя...

Ладно, сказал он. И он лежал совсем спокойный и старался удержать себя в себе, чувствуя, что ползет из себя, как иногда снег с горной вершины, и сказал теперь совсем спокойно: только бы мне додержаться, пока они придут.

Счастье Роберта Джордана не изменило ему, потому что в эту самую минуту кавалерийский отряд выехал из леса и пересек дорогу. Отряд остановился возле серой лошади и крикнул что-то офицеру, и офицер подъехал к нему. Он видел, как оба склонились над серой лошадью. Они, конечно, узнали ее. Этой лошади и ее хозяина недосчитывались в отряде со вчерашнего утра.

Роберт Джордан видел их на половине склона, совсем близко от него, а внизу он видел дорогу и мост, и длинную вереницу машин за мостом. Он теперь вполне владел собой и долгим, внимательным взглядом обвел все. Потом он посмотрел на небо. На небе были большие белые облака. Он потрогал ладонью сосновые иглы рядом на земле и потрогал кору дерева, за которым он лежал.

Потом он устроился как можно удобнее, облокотился на кучу хвойных игл, и дуло пулемета упер в сосну.

Рысью, поднимаясь вперед, по следам ушедших, офицер должен был проехать ярдов на двадцать ниже того места, где лежал Роберт Джордан. На таком расстоянии тут не было ничего трудного. Офицер был лейтенант Беррендо. Он только что вернулся из Ла-Гранхи, когда пришло известие о нападении на нижний дорожный пост, и ему было предписано выступить со своим отрядом туда. Они мчались во весь опор, но мост оказался взорванным, и они повернули назад, чтобы перевалить через гору и выйти к теснине кружным путем. Лошади их были все в мыле и даже рысью шли с трудом.

Лейтенант Беррендо поднимался по склону, приглядываясь к следам; его худое лицо было сосредоточенно и серьезно. Его автоматическая винтовка торчала поперек седла. Роберт Джордан лежал за деревом, сдерживая себя очень бережно и очень осторожно, чтобы не дрогнула рука. Он ждал, когда офицер выедет на освещенное солнцем место, где первые сосны леса выступали на зеленый склон. Он чувствовал, как его сердце бьется об устланную хвойными иглами лесную землю...»

* * *

Так умер Роберт Джордан, истребив перед смертью фашистский отряд. Так встретил писатель Эрнест Хемингуэй вторую мировую войну. Он сразу узнал врага. Он не колебался. Он приветствовал народы, поднявшие оружие для защиты жизни.

Сейчас мы думаем об этом прекрасном писателе в Москве, — в Москве, к которой зимой подходили фашисты, в Москве, которая не сдалась и не сдастся. Есть у Роберта Джордана русские братья и сестры. Вспомним двадцать восемь. Вспомним хрупкую девушку «Таню». Сколько русских перед смертью повторяли слова Роберта Джордана: «Если ты задержишь их хотя бы ненадолго или если тебе удастся убрать офицера, это может многое решить...» Не было и нет лучших читателей у Хемингуэя, чем народ, который показал миру таран и дал бойцов, взрывавших на себе немецкие танки.

Хотелось бы встретить Хемингуэя после большой, всеевропейской Гвадалахары фашизма. Мы защитим жизнь: в этом призвание нашего злосчастного и счастливого поколения. А если не удастся мне, многим из нас увидеть своими глазами торжество жизни, то кто не вспомнит в роковой час американца с разбитой ногой на кастильской дороге, маленький пулемет и большое сердце?

16 августа 1942 года

О морали

Передо мной статья, напечатанная 4 августа 1942 года в «Дейли мейл». Она рассказывает о параде, имевшем место в одном из немецких лагерей, где содержатся военнопленные англичане. Лейтенант Битти, командовавший десантной операцией в Сен-Назере, был взят немцами в плен. Английское командование наградило лейтенанта орденом Виктории. Немецкий комендант лагеря, выстроив пленных офицеров, огласил приказ о награждении Битти. По словам газеты, он даже «горячо зааплодировал». Описание церемонии кончается следующими словами: «Немецкий комендант поздравил Битти, что было джентльменским поступком».

Русских военнопленных немцы кормят отбросами, заставляют их руками собирать испражнения, подвергают их пыткам. Пленных поляков, французов, сербов немцы превратили в крепостных. Если немцы «джентельменски» обращаются с английскими пленными, то, конечно, не потому, что немцы — джентльмены, а потому, что Гитлер все еще не потерял надежды найти людей, которые жаждут быть обманутыми. Немцы всегда плохо разбирались в психологии других народов. Гитлер, видимо, решил, что один вечер в Мюнхене перечеркнул века английской истории, что наследники Питта превратились в наивных девушек, которых можно загово-

рить. Комендант лагеря, поздравивший Битти, — один из учеников злополучного Гесса.

Я рад, что английские военнопленные не разделяют мучений, которые выпадают на долю других союзных солдат, попавших в лапы к немцам. Статья «Дейли мейл» мне, однако, кажется печальной. Можно было бы ответить журналисту, написавшему о «джентльменском» поступке коменданта лагеря, что после сен-назерского рейда немцы замучили и расстреляли тысячи беззащитных французов. Но сейчас меня интересует не бестактность журналиста, а своеобразная концепция войны, которая сказывается в упомянутой статье.

Я принадлежу к поколению, которое пережило Верден, Сомму, Галицию. После первой мировой войны мы возненавидели войну. Все писатели, пережившие 1914 — 1918 года, написали книги, проникнутые гневом или скорбью, — от Барбюса до Ремарка, от Олдингтона до Хемингуэя. Мы приветствовали все, что казалось нам противодействием новой войне.

Как случилось, что вчерашние пацифисты благословили войну? Название романа Хемингуэя «Прощай, оружие!» было клятвой поколения. Десять лет спустя Хемингуэй прославил оружие в руках испанцев, отстаивавших свою свободу от Гитлера и Муссолини. В мире появилось нечто новое: фашизм, представляющий угрозу для жизни народов и людей, для человеческого достоинства, для свободы.

Мы отвергали и отвергаем войну как естественное явление, как рыцарский поединок, как кровавый матч. Мы убеждены, что танки не годятся для организации мировой экономики и что фугаски не решают идеологических споров. Есть единственное оправдание войны: бесчеловечность гитлеровской Германии, ее одичание, ее воля к уничтожению других народов. Статья «Дейли мейл» мне представляется аморальной. Если читатель согласится с оценкой поведения немецкого коменданта, он должен осудить войну: джентльмен с джентльменом держит пари, но не дерется.

Не раз говорили, что подход к войне как к спортивному матчу вреден для успешного ведения военных действий. Мне хочется добавить, что такой подход безнравствен и бесчеловечен. Для англичан, переживших Лондон и Ковентри, ненависть к низкому врагу — понятное чувство. Они знают, как знают это русские, что только большая ненависть оправдывает войну. До такой ненависти нужно созреть, ее нужно выстрадать. А война без ненависти — это нечто бесстыдное, как сожительство без любви.

Наш народ жил вне тумана национальной или расовой нетерпимости. Русские издавна уважали чужую культуру, жаловали и любили иностранцев. Не грех сейчас напомнить о том хлебе, который посылала отнюдь не богатая Россия немецким женщинам после мировой войны. Вчера я получил письмо от украинского лейтенанта Супруненко, он пишет: «Я не знал прежде, что можно кого-нибудь так ненавидеть. Я — артиллерист, и мне обидно, что я не могу

убить немца штыком или прикладом или задушить его своими руками». Священное чувство! Оно родилось от крови русских женщин и детей, замученных немцами, оно родилось на пожарищах наших городов.

Описание немецких зверств в России некоторые пуритане считают «безнравственным чтением». По-моему, в таком случае «безнравственны» сообщения о бомбардировках Кельна и Любека. За что бомбят немецкие города? — спросит наивный человек. Ведь ему не хотят показать, кого бомбят и за что бомбят.

Чех поймет с полслова муки Киева и Керчи: он знает Лидице. Норвежец разделит гнев каждого русского: норвежец видел Гиммлера не только на экране. Француз помнит расстрелы заложников, и француз скажет о письме Супруненко: «Это писал мой брат». Пусть Ла-Манш останется непроходимым для полчищ Гитлера, но пусть через эту узкую полоску воды перешагнут гнев и ненависть всей Европы.

13 августа 1942 года

Судьба Европы

Недавно мне пришлось побывать в Гжатском районе, освобожденном от немцев. Слово «пустыня» вряд ли может передать то зрелище катаклизма, величайшей катастрофы, которое встает перед глазами, как только попадаешь в места, где немцы хозяйничали семнадцать месяцев. Гжатский район был богатым и веселым. Оттуда шло в Москву молоко балованных щвицких коров. Оттуда приезжали в столицу искусные портные и швейки. Причудливо в нашей стране старое переплеталось с новым. Рядом с древним Казанским собором, рядом с маленькими деревянными домиками в Гжатске высились просторные, пронизанные светом здания — школа, клуб, больница. Были в Гжатске и переулочки с непролазной грязью и подростки, мечтавшие о полете в стратосферу. Теперь вместо города — уродливое нагромождение железных брусков, обгоревшего камня, щебня. Гжатск значится на карте, он значится и в сердцах, но его больше нет на земле. По последнему слову техники вандалы нашего века уничтожали город. Они взрывали толом ясли и церкви. Врываясь в дома, они выбивали оконные стекла, обливали стены горючим и радовались «бенгальскому огню»: Гжатск горел. В районе половина деревень сожжена, уцелели только те деревни, из которых немцы убирались впопыхах под натиском Красной Армии. Мало и людей осталось. Шесть тысяч русских немцы угнали из Гжатска в Германию. Встают видения темной древности, начала человеческой истории. Напрасно матери пытались спрятать своих детей от немецких работорговцев. Матери зарывали мальчишек в снег — и те замерза-

ли. Матери прикрывали девочек сеном, но немцы штыками прокалывали стога. По улицам города шли малыши двенадцати-тринадцати лет, подгоняемые прикладами: это немцы гнали детей в рабство. Порой угоняли целые семьи, целые села. Район опустел. Голод, сыпняк, дифтерит и застенки гестапо сделали свое дело. Но, может быть, не менее страшно, чем физическое истребление, моральное подавление человеческого достоинства. Когда попадаешь в город, освобожденный от немцев, пугают не только развалины и трупы, пугают и человеческие глаза, как бы отгоревшие. Люди говорят шепотом, вздрагивают при звуке шагов, шарахаются от тени. Я видел это в марте в Гжатске. Я видел это и в феврале в Курске. В начале войны газеты говорили о том, что́ несет миру фашизм. Теперь мы видим, что́ фашизм принес захваченным немцами областям. Слово «смерть» слишком входит в жизнь, оно здесь не на месте, лучше сказать: небытие, зияние, и права старая крестьянка, которая скорбно сказала мне о немцах: «хуже смерти».

Когда глядишь на запад, видишь страшные картины — где-то далеко есть такой же Курск и такой же Гжатск. Их называют сначала близкими нам именами — Минском или Черниговом. Потом имена меняются. Вот это пепелище было французским городом Аррасом. Вот эти расстрелянные вывезены из чешского города Табора. Крайний западный район Бретани, мыс Европы, обращенный к Новому Свету, французы называют «финистер» — «конец земли». От Гжатска до Бреста, до Финистера — та же ночь, то же запустение, те же картины издевательства, умерщвления, варварства. «Конец земли» стал концом великой европейской ночи.

Мы страстно любим свою землю, свои истоки, свою историю. Мы гордимся нашей славянской Элладой — Киевской Русью, стройностью Софии, плачем Ярославны, классической ясностью Андрея Рублева, гражданскими вольностями Новгорода, ратными делами Александра Невского и Дмитрия Донского. Но никогда мы не отделяли нашей культуры от европейской, мы связаны с ней не проводами, не рельсами, но кровеносными сосудами, извилинами мозга. Мы были и старательными учениками, и учителями Европы. Только неучи могут представлять Россию как дитя, двести лет тому назад допущенное в школу культуры. Заветы Древней Греции, этой колыбели европейского сознания, пришли к нам не через Рим завоевателей и законников, но через Византию философов и подвижников. Достаточно сравнить живопись Андрея Рублева с фресками мастеров раннего Возрождения — Чимабуэ или Джотто, чтобы увидеть, насколько ближе к духу Эллады, к ее ясности и веселью старое русское искусство. Когда в девятнадцатом веке Россия поразила мир высотами мысли и слова, это не было рождением, это было зрелостью. Кто скажет, что́ больше волновало Пушкина — стихи Байрона или сказки няни Арины? Передовые умы России в прошлом столетии разделяли страсти Европы, ее надежды, ее горе. Они внесли в европейское сознание русскую страст-

ность, правдивость, человечность. В «неистовстве» Белинского, в подвижничестве Чернышевского, в героизме русских революционеров видны не только дары Запада, наследие гуманизма и Французской революции, в них чувствуется и то искание правды, которое было историческим путем русской культуры: «взыскующие града». Вот почему Толстой, Достоевский и Чехов, Чайковский и Мусоргский обогатили любого культурного европейца, углубили и расширили само понятие Европы. Вот почему Ленин остается образцом и государственного гения России и вершиной всеевропейской и общечеловеческой мысли.

Мы понимаем горе Франции не только потому, что у нас есть Гжатск, Харьков, Минск, но и потому, что нам бесконечно дорога судьба европейской культуры. Мы помним, что декабристы вдохновлялись «Декларацией прав гражданина», что Тургенев был другом лучших писателей Франции. На трагедию Европы мы смотрим не со стороны.

Тысячу дней немцы топчут завоеванные ими страны Европы. Я повторяю: тысячу дней. Стал страшным еще недавно цветущий многообразный материк. Смерть монотонна. Достаточно увидеть Воронеж, Вязьму, Истру, чтобы представить себе множество европейских городов. Немцы или их ставленники не могут восстановить разрушенное: все их силы направлены на дальнейшее разрушение. Так, до сих пор испанский город Герника — пепелище, улицы Альмерии — мусор. За пять лет генерал Франко не сумел отстроить Барселону или Мадрид. Испанцы не могут заняться своим домом, они вынуждены обслуживать интендантство Германии и умирать за Берлин под Ленинградом. Развалины Роттердама похожи, как близнецы, на развалины Белграда. Север Франции, напоминавший каменный муравейник, где улицы одного города переходили в улицы другого, стал каменной пустыней. Города побережья Атлантики расщеплены и сожжены.

Что стало с людьми? Одна женщина в Гжатске, у которой немцы угнали четырех детей, а потом сожгли дом, сказала мне: «Дом — дело наживное. А без детей не прожить...» Немцы посягнули не только на древние камни Европы, они растоптали ее тело, ее молодость, ее детей. Люди лишены простейшего права: жить на своей земле. Подпольная французская газета «Вуа дю нор» сообщает, что в Лилле и Валансьене на каторжных работах работают профессора Киевского университета, студентки Харькова и Минска. А в городе Запорожье в военных мастерских изнывают французские инженеры и рабочие, привезенные немцами из Парижа. Гитлер торгует рабами. Так, он послал на лесные работы в Финляндию поляков и на земляные работы в Польшу — словенов. Эльзасцы отправлены на Украину — прокладывать немцам дороги. Бельгийские искусницы-кружевницы роют землю в Литве. На улицах французских городов происходят облавы: немцы ловят работоспособных и гонят рабов на восток. Каждый день из Франции вывозят

десять тысяч невольников. Плач матерей Гжатска, как эхо, раздается в Лионе, но это не эхо — это плачут матери Лиона.

«Только с годами чумы и мора в средневековье можно сравнить наше время», — пишет «Журналь де Женев». Когда-то один французский король сказал: «Я хотел, чтобы в горшке каждого моего подданного была курица». В Гжатском районе до прихода немцев было 37 тысяч кур. Осталось 110... Недавно я прочитал в немецком экономическом журнале обстоятельную статью: об исчезновении в Европе яиц. Какой-то «герр доктор» разбирал вопрос о месте, которое занимали яйца в международной торговле, и меланхолично заключал: «Для Дании, Франции, для протектората необходимо найти новые продукты экспорта». «Продукты экспорта» найдены: рабы. Но стоит отметить, что, обсуждая вопрос о причинах исчезновения яиц в Европе, немецкий «ученый» не отметил одной: солдат-куроедов.

Французы уже съели все запасы кормовой репы, съели ворон, съели воробьев. На юге едят траву, называя ее «салатом Лаваля», на севере едят желуди и толченую кору. В Греции обезумевшие от голода люди гложут кустарник. На улицах Афин бродят тени: это ученые и рабочие, художники и ремесленники. Их не берут на работу: они не в силах поднять лопату. Они просят милостыню, и немецкие солдаты их пихают ногами, как собак. А собак больше нет: съедены.

Страшные болезни косят тех, кого оставили в своей стране рабовладельцы. Немцы, как чумные крысы, принесли с собой заразу. В некогда сытой краснощекой Голландии, в стране какао «Ван-Гутена» рост туберкулеза принял угрожающие размеры. В одной Гааге за первые девять месяцев 1942 года отмечено 17 тысяч случаев заболевания острым туберкулезом. Во Франции, по данным подконтрольной газеты «Сет жур», насчитывается один миллион больных острой формой туберкулеза. Число больных сифилисом возросло в двенадцать раз, число больных кожными заболеваниями — в тридцать раз. Нет мыла. Нет лекарств. Нет хлеба. В Греции от голода и эпидемий погибла треть населения. Дифтерит обошел Польшу и Чехословакию, прививок нет, и смертность среди детей достигает 60 процентов.

Еще страшнее жизнь европейцев, выкорчеванных немцами. Полмиллиона французских рабов уже умерли в Германии, два миллиона ожидают смерти. «Мы живем в страшном бараке среди кала и вшей. Нас кормят похлебкой из картофельной кожуры. Нас бьют палками по спине», — рассказывает француз, убежавший из Германии («Ле Докюман», март 1943). Недавно немецкая газета «Данцигер форпостен» сообщила, что два серба были приговорены к тюрьме за «варварский поступок»: они съели котенка, принадлежавшего жительнице Данцига.

Европа заполнилась беспризорными. Корреспондент «Националь цейтунг» пишет, что во Франции ему приходится встречать

«толпы одичавших детей, которые с криком убегают при приближении к ним человека». В Париже в госпитале Сальпетьер находятся 286 девочек, в возрасте от 9 до 14 лет, больные сифилисом. В Марселе были арестованы два мальчика, один 8 лет, другой 11, обвиняемые в ряде убийств. В Сербии беспризорные дети бродят группами по 20—30. В Греции среди беспризорных детей отмечены случаи людоедства.

Нужно ли говорить о культурном одичании? Школы и университеты либо закрыты, либо обращены в рассадники гитлеровского невежества. В газете «Марсейез» описывается лекция «профессора» «Коллеж де Франс»: «Он долго объяснял, что неясно очерченный подбородок и волнистая линия овала свидетельствуют о нечистоте расы». Это происходит в тех самых аудиториях, где читали лекции математик Пуанкаре, химик Перрен, физик Ланжевен. Газета «Депеш де Тулуз» с грустью отмечает: «Среди юношей, сдавших выпускные экзамены, отмечена небывалая малограмотность». Книжный фонд чешских библиотек после гитлеровских «чисток» понизился на 70 процентов. Мне удалось повидать некоторые книги, изданные во Франции при немецкой оккупации. Я не стану говорить об идеях: даже книги, посвященные философии, полны скотоводческого пафоса, который обязателен в «нео-Европе». Я говорю о другом: эти книги написаны дикарями. Во Франции каждый школьник умел хорошо выражать свою мысль. Теперь во Франции даже «писатели» не умеют сказать того, что хотят. Тысяча дней — немалый срок. За тысячу дней можно многому научиться, можно и многому разучиться.

Институт заложников, зрелище казней и пыток деформируют души слабых. Дети видят виселицы. Подросткам говорят: «Если ты выдашь отца, ты получишь банку консервов и бутылку вина. Если ты скроешь отца, мы тебя поведем в гестапо, а там умеют загонять булавки под ногти». Террор деформирует людей. Некоторые становятся трусливыми. Некоторые — патологически жестокими. Исчезает норма поведения, колеблются основы любого общежития. Европа становится открытой для инфекции, для распада тканей, для анархии.

Европа не хочет умирать. Сражаются, обливаясь кровью, партизаны Франции и Югославии. Еще много непораженных клеток. Красные шарики борются с белокровием. Наследие веков, прекрасное прошлое Европы сопротивляются коричневой чуме. Можно спасти Европу. Но время не терпит. Наивно думать, что народы, выдержавшие тысячу дней, выдержат и другую тысячу. Этой весной перед защитниками жизни и культуры, перед всеми народами, воюющими против фашистской смерти, встает грозное слово: время!

Никто не сомневается в конечной победе антигитлеровской коалиции. Сталинград был блистательным началом. Красная Армия и поддерживающая ее страна показали духовную силу, решимость. Мы знаем, что вместе с союзниками мы нанесем последний удар

гитлеровской военной машине. Но спящую красавицу нужно освободить до того, как она станет мертвой красавицей — я говорю о плененной фашизмом Европе. Мало победить, нужно сохранить те живые силы, которые позволят виноградарям Бургундии снова насадить лозы, рыбакам Норвегии снова раскинуть сети, каменщикам Европы снова отстроить города и ученым донести до нового поколения полупогасший факел познания. Горькой будет победа, если во Франции не останется ни докторов, ни художников, ни виноделов, ни электротехников!..

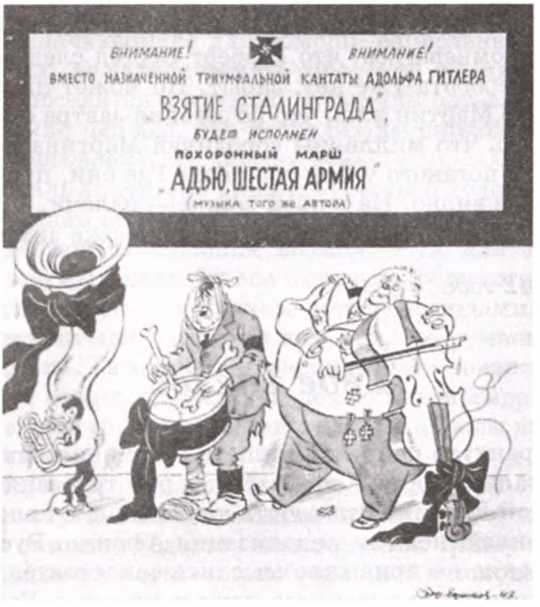
Я видел в Смоленской, Орловской, Курской областях деревни, которые сохранились: немцы не успели их сжечь. Красная Армия спасла много ценностей от разрушения. Она спасла от физической или моральной смерти миллионы людей. Армии антигитлеровской коалиции могут спасти Европу, ее людей, ее культуру, ее душу. Есть нечто дорогое всем врагам фашизма. Ученые Оксфорда и Ленинграда знают, что такое Сорбонна или институт Пастера. В Лондоне любят пьесы Чапека, но без живой и свободной Праги нет Чапека. Но без живой и свободной Франции американцы никогда не увидят картины Матисса или Марке. Как бы ни представлял себе тот или иной государственный мыслитель будущее европейских государств, оно может покоиться только на культуре, на нормах общежития, на человеческом достоинстве. Из камня можно строить дома самых разнообразных стилей. Но в пустыне нет камня, в пустыне песок, а из песка ничего не построишь.

Никогда еще весна так не томила старую Европу. Весна 1943 года встает перед Европой не только как смена времен года, как прилив космической жизни. Она встает как призыв к последней, решительной схватке, как начало воскресения.

19 марта 1943 года

НА НАШЕЙ ЗЕМЛЕ

На нашей земле

В библии рассказано о Содоме и Гоморре. В этих городах было много негодяев и несколько праведников. Бог гадал: не пощадить ли Содом и Гоморру ради сорока праведников? Об этом легко говорить, находясь на небе. Но мы на земле, и фрицы тоже на земле, фрицы притом на нашей земле.

Передо мною письмо унтер-офицера Мартина Бергеда брату Герберту Бергеду. Мартин находится в Германии, в городе Галле. Герберт еще недавно находился в России. Мартин пишет: «Присутствовал ли ты при массовых расстрелах? Это все-таки должно быть ужасно. Но как иначе поступать с этой сволочью? Самое простое заставить их вырыть себе могилы и затем — выстрел в затылок. Тогда по крайней мере эта шайка не будет пожирать наш хлеб».

Грабители едят наш хлеб и обсуждают, как лучше истребить русский народ, чтобы «эта шайка не пожирала их хлеба».

Можно ли сомневаться, что Герберт Бергед следовал наставлениям брата? Герберта уже нет: зарыт. Но может ли мириться совесть с тем, что Мартин жив, что не сегодня-завтра он прикатит из Галле в Россию, что миллионы сородичей Мартина поступают согласно советам поганого унтер-офицера? Где они, праведники? Их не слышно и не видно. На нашей земле — палачи.

Мы все поняли, и сердце наше теперь тверже зимней земли.

8 декабря 1942 года

Твое гнездо

Газета «Кракауер цейтунг» пишет: «Германия еще не возобновила колонизации Африки, но она ведет работу в занятых ею областях Восточной Европы. Эта работа аналогична с колонизацией, и она ответственней, нежели колонизация Африки. Русское и украинское население не привыкло мыслить самостоятельно, поэтому немцам приходится приказывать даже в мелочах. Боязливым лю-

дям на востоке нет места. В этой отсталой стране всегда будет трудно жить. Фюрер прав, считая, что фронтовики лучше всего приспособлены для колонизации бывшей России. Наши солдаты приобрели душевные свойства, необходимые для постоянной жизни на востоке. Немцы хотят, чтобы их дети пустили корни на почве, орошенной немецкой кровью. Сейчас немцы воюют, но после войны многие тысячи немцев смогут на востоке осуществить свои мечты. В бывшей России у немцев права, о которых они никогда не смели мечтать. На немцах лежит ответственность за поведение туземцев, которые не всегда относятся к немцам дружелюбно. Каждый немец внезапно стал колонизатором, начальником и господином».

Группенфюрер Гассе сообщает в газете «Гамбургер фремденблат», что колонизировать «бывшую Россию» будут штурмовики и дети штурмовиков. По словам Гассе, «штурмовиков теперь воспитывают в духе оседлости». Другая газета, «Данцигер форпост», пишет: «Каждого немецкого колониста будут обслуживать восемь—десять семейств. Помимо немецких крестьян, нам понадобятся немецкие врачи, инженеры, агрономы, учителя, ветеринары, ремесленники, коммерсанты с широким кругозором, администраторы. Принимая во внимание моральную отсталость не только русских, но и украинцев, мы должны считаться с тем, что нам придется держать в Остланде крупные полицейские силы. Наиболее разумным явилось бы создание дворов с крестьянами, проделавшими войну, вооруженными и способными держать в повиновении не только те семьи, которые будут их обслуживать, но и людей, предназначающихся для помощи ремесленникам, для различных рабочих, не зависящих от городской администрации. Немцы, которые поселятся в городах, будут опираться на гарнизоны и на полицейские центры, что позволит им спокойно заниматься ремеслами и торговлей».

Газета «Локаль анцейгер» пишет: «Говоря о колонизации востока, мы не забываем об интересах союзных народов. Если в Одессе румыны предоставили большие возможности для деятельности германских торговых фирм, то мы в свою очередь готовы распределить часть богатых земель Кавказа между народами, специально приспособленными для жизни на юге, как-то: румынами, венграми, итальянцами». Газета «Кракауер цейтунг» говорит, что «завоеванная Россия станет плавильной печью новой Европы» — здесь по замыслу немцев «будут расселены разные народы вплоть до голландцев и датчан».

Они все обдумали до мелочей. Народ Пушкина, народ Ленина они объявили «туземными племенами». Наглых и кровожадных штурмовиков они хотят сделать помещиками. Ведь у фронтовиков теперь «душевные свойства», приобретенные в походе: они научились грабить, пороть, вешать.

«Чей это дом?» — спросит корреспондент «Гамбургер фремденблат», показывая на усадьбу среди берез и цветников. Ему ответят: «Это поместье герра Швайнфюрера. У герра Швайнфюрера сто га пахотной земли, триста голов крупного скота и двести русских». Корреспондент поедет в город. Там герр доктор Квачке нумерует русских рабов — выдает им бирки с печатью, герр доктор Кнапп торжественно открывает публичный дом для старательных колонистов, а герр коммерцрат Карл фон Дрек развешивает в бывшем музее Толстого изображения арийских производителей. Вот что им снится, вот за что они воюют.

Они хотят взять не город и не область. Они хотят взять Россию, сделать из нее колонию. Они сами признаются: прежде им это и не снилось. Они обнаглели. Они вошли во вкус виселиц. Этим поганым пивоварам и колбасникам понравилось повелевать. Фриц желает, чтобы великий народ чесал ему пятки, чтобы Россия жила, как его, фрица, левая нога хочет. Он швыряет русскую землю вшивым румынам. Он дает венграм Ялту, Антонеску — Анапу. Он сулит итальянцам Сочи. Он обещает лахтырям Ленинград. Он уже набирает «специалистов»: «Ты будешь проверять мускулы русских. Ты будешь пересылать кавказских девушек в Гамбург. Ты будешь оскоплять казаков. Ты будешь составлять отряды из украинцев для завоевания Бразилии. Ты будешь учить татар немецкому языку и немецкому кнуту».

Доказывать немецкой свинье, что Россия не Африка, что народ Пушкина и Толстого не стереть с земли, что дети Октябрьской революции не станут гнуть спину перед погаными пивоварами? Свинья не поймет. Говорят — не мечи перед свиньей бисер. Мы мечем не бисер — гранаты, снаряды, бомбы. Недолго мерзкий Карлушка фон Дрек будет пить шнапс в Орле или в Новгороде. Мы его убьем. Они пишут, что хотят «пустить корни» на нашей земле. Глупые немецкие мечты! Их закопают. Из них вырастет лопух, крапива, чертополох. Они заявляют, что наша страна станет «плавильной печью». Она станет для немцев крематорием. В каждом из нас такая ненависть, что кажется, с ней не проживешь и дня. Она внутри — как огонь. Она не дает дышать. Она не дает уснуть. Она заряжает винтовки, кидает гранаты, она ведет нас в атаку. Разве мы знали, что можно кого-нибудь так ненавидеть?

Милое, любимое гнездо, родина, моя деревня, мой дом, белая хата или изба с резьбой, или сакля в ауле, вишенье или пламя рябины, или дом в городе — вот то окошко, что светилось медовым светом, за которым ждала дорогая девушка, сады, парки, дворцы, заводы, смуглое золото древней церквушки и баян, и бархат театра, милое, любимое гнездо, тебя хочет разорить немец. Злая кукушка хочет раскидать птенцов. Наше гнездо, наш дом, наших детей. Россия, на тебя замахнулся немец, на века истории, на

древности Кремля, на книги, на знамена. Поганый Карлушка посягнул на тебя — фриц-колонизатор, немец-вешатель. Они пришли. Надругались. Они распинают Россию и гогочут. Нет, не стерпит этого сердце!

За наше гнездо!

18 сентября 1942 года

Слово матери

В редакцию «Красной звезды» пришло следующее письмо:

«От Семеновой Елизаветы Ивановны.

Обида от сурового врага.

Когда появился к нам, в Козицыно, враг, у меня, у Семеновой, первую взяли корову. Потом взяли у меня гусей. Гусей я не хотела давать. Дали мне по щеке и затопали на меня: «Уйди!» Дети увидели, что дали мне по щеке, и закричали: «Уйди! Пускай враг жрет!» На другой день ко мне пришли брать последнюю овцу. Я стала плакать, не давать. А германский солдат затопал ногами и закричал: «Уйди, матка!» Когда я обернулась назад, он выстрелил. Я от ужаса упала в снег. А последнюю овцу все-таки взяли.

Когда они от нас отступали, сожгли мой хутор, сожгли избу, двор, сарай и амбар. При этом сожгли все мое крестьянское имущество, и осталась я без последствия с тремя детьми в чужой постройке.

Два мои сына в Красной Армии: Алексей Егорович, Георгий Егорович.

Сыновья мои, если вы живы, бейте врага без пощады! Бейте до последней капли крови! А мы будем вам помогать, чем только можно.

Калининская область, деревня Козицыно».

Эти простые, строгие слова хватают за сердце, в них обида на врага, в них горе матери, в них сила русской женщины: она благословляет своих сыновей на великий ратный подвиг.

Нет на запад от Москвы уцелевшего жилья. Нет на восток от Москвы семьи, где не ждали бы, затаив дыхание, письма от сына, мужа или брата. Наш народ пошел на все лишения, на муку, на испытания, только бы сохранить свободу и родину.

Алексей Егорович и Георгий Егорович, не забывайте о суровой обиде вашей матери из деревни Козицыно. Не забывайте об ее материнском наставлении: это говорит не только крестьянка Елизавета Ивановна Семенова — это говорит Россия.

17 апреля 1942 года

Глубокая Мокатыха

27 октября 1941 года немцы заняли хутор Глубокая Мокатыха Славянского района. 3 апреля 1942 года наши бойцы освободили хутор. Они увидели груды развалин. Повалены заборы, рассыпались домики, разметаны соломенные или черепичные крыши, вырублены сады, разрушена школа — пять месяцев здесь резвились гитлеровцы.

Хутору Глубокая Мокатыха полтораста лет. Вот здесь стояла первая хата Григория Савченко, прозванного «дедом-почтарем». Он возил почту из Славянска в Изюм. Дед-почтарь основал хутор, и до наших дней жителей Глубокой Мокатыхи звали «почтарями». Почти все они носят имя Савченко. Жили в хуторе рабочие. Жили хорошо. Были у них коровы, свиньи, овцы. Немцы все съели.

В холодную зиму немцы раздели и разули хуторян. Забрали валенки. Забрали теплые шапки. Немцы глумились над людьми. Иосифу Романовичу Савченко шестьдесят семь лет. Немцы пришли, говорят: «Лови, мальчик, куриц!» Он поймал трех своих кур, отдал немцам. Тогда один приставил к груди старика пистолет: «Мальчик, живо! Сделай еще три курицы...» Прасковью Трофимовну Савченко немцы избили до потери сознания. Старика Григория Лукича Савченко били по лицу плеткой. Пятнадцатилетнюю Тоню Савченко заставляли снимать вшей с голых немцев, а когда она упиралась, били ее смертным боем. Мальчик Ваня — ему шесть лет — засмеялся громко в хате. Немцы обиделись, избили мальчика на глазах у матери. Восьмилетний Петя Савченко не свернул с дороги, когда шли два немца. Они его повалили на снег и били сапогами.

Когда части Красной Армии стали подходить к хутору, немцы потребовали, чтобы жители ушли в Славянск. Они выгоняли женщин из домов. Кто не хотел идти, того избивали. Из 174 душ они угнали 110.

В марте немцами овладел страх. Они запрятались в погреба. Они заставляли женщин рыть окопы, рубить дрова, ходить за водой. Они посылали женщин под огонь. Немцы боялись темноты: ночью не выходили из нор. Говорили, что лай собак их выдает, и перебили всех собак. Жители рассказывают: «С нами они храбрые были, а как услышали выстрелы, не узнать — дрожат, паршивцы...»

Вот Ульяна Спиридоновна Савченко — ее муж командир Красной Армии. Она говорит: «Мужу напишу...» Иосиф Романович повторяет: «У меня сын в Красной Армии. Пусть знает...» Молодая жена красноармейца Наталья Арсеньевна Савченко рассказывает: «Выгнали меня голой из хаты, а хату взорвали... Товарищи мои родные, увидите мужа — скажите...»

Какое дело немецким грабителям до деда-почтаря и до самого хутора? Им все равно, что люди здесь работали, справляли свадьбы, нянчили детей. Для них наши девушки — забава на час. Для них наши дома — солдатский постой. Для них наши дети — мошкара. Наша земля для них чужое поле — вытоптал и ушел восвояси.

Что такое наступление для немцев? Еще тысяча сожженных деревень. Краденые одеяла. Краденые куры. А потом пуля в живот и могила на чужой стороне. Для нас наступление — это жизнь наших близких, это спасенные семьи, это счастливые слезы вырученных женщин, это благословение стариков и детворы, что весело верещит — русским, по-русски: «Дяденька, пришли!..»

13 мая 1942 года

Одесса

Кто раз видел Одессу, не забудет ее прелести. Солнечный город с прямыми улицами, он был окном России на юг. Море казалось частью города. Ветер как бы доносил вместе с запахами пряностей видения далеких стран, иных материков. Одесса рождала мореплавателей и поэтов. Это был веселый город — одесситы умели смеяться и смешить. Как любят свой родной город одесситы! Где бы они ни были, они повсюду тоскуют об Одессе. Пушкин в нашей литературе — олицетворение светлого, солнечного начала, и не случайно память о молодом Пушкине связана с набережной Одессы. В 1905 году одесситы показали себя храбрецами: весь мир знает о роковой лестнице в потемкинские дни.

Немцы привели в Одессу румын: за пушечное мясо вшивый Антонеску получил от Гитлера Одессу. Вот что пишут немецкие газеты:

«Одесса не имеет истории... Удалены памятники... Умиротворению города сильно мешали катакомбы, служившие идеальным убежищем для партизан. Там скрывались также отряды саботажников... Единственным иностранным элементом в Одессе являются германские солдаты, ибо румыны чувствуют себя как дома. Румыны всячески подчеркивают тот факт, что Одесса — главный город Заднестровской губернии... Главные улицы носят имена руководящих личностей Румынии и держав оси. Одна из самых красивых улиц называется улицей Адольфа Гитлера. В витринах рядом с портретами короля Михаила и маршала Антонеску выставлены портреты фюрера и дуче. Перед спектаклем помимо румынского гимна исполняется «Германия превыше всего». На главных улицах видны вывески румынских фирм... Пока в порту не видно ни одного судна... Набережные пусты... Единственное платежное

средство — квитанция германских кредитных касс» («Дейче украине цейтунг», 26 июля).

«Завоеванные или вновь приобретенные Румынией области будут прежде всего заселены румынами» («Ревалер цейтунг», 23 июля).

«Населению Заднестровья запрещено заниматься политической деятельностью. Записи актов гражданского состояния производятся на румынском или немецком языках... Персонал железных дорог будет вскоре заменен румынами... На уклоняющихся от участия в введении нового порядка налагаются принудительные работы. Рабочий день продолжается до 20 часов» («Дейче альгемейне цейтунг», 25 июля).

Конечно, румыны не должны забываться: лучшую улицу получил Гитлер. Румынам приходится подпевать: «Германия превыше всего». Но нам нет дела до взаимоотношений между немецкими барами и румынской челядью. Читая гнусные сообщения, мы думаем о другом: Одесса, наша Одесса, Одесса Пушкина, Одесса броненосца «Потемкин» обращена в губернский город вшивой, невежественной и воровской Румынии! Какую улицу лакеи назвали подлым именем тирольского шпика? Может быть, Пушкинскую? Оказывается, румынская шпана чувствует себя в Одессе «как дома»: принимает немецких гостей. А одесситов румыны выкуривают из родного города. Кто в Одессе говорил по-румынски, кроме контрабандистов и шпионов? И вот одесситы обязаны говорить по-румынски, по-румынски жениться, по-румынски хоронить своих. Шулера из Бухареста пооткрывали лавочки: продают немцам краденое добро за «квитанции германских кредитных касс». А еще не вымершие одесситы должны работать двадцать часов в день.

Отважные одесситы вели борьбу с захватчиками. Их задушили румыны в катакомбах: пустили ядовитые газы. Но живы дети Одессы. Они ждут часа, чтобы отомстить румынским босякам за все обиды. В рядах Красной Армии немало доблестных сынов Одессы. Прочитав сообщения немецкой печати о «губернском городе Заднестровья», они скажут: «Смерть немцам! — это немцы пригнали в наш город презренных румын». За лютую обиду одесситы отплатят немцам.

9 августа 1942 года

Киев

Год тому назад немцы осквернили Киев. По Крещатику шли колонны пьяных эсэсовцев. Горел Подол. Раздавались короткие залпы: немцы расстреливали «неблагонадежных».

Передо мной немецкий журнал с фотографиями. Развалины домов. Босая девчонка. Изможденный старик. Четыре немецких солдата скалят зубы. Снова развалины, флаг со свастикой, и на углу улицы надпись: «Фон Эйхгорнштрассе». Эта улица — Крещатик. Немцы ее переименовали в память своей первой оккупации Киева: генерал фон Эйхгорн прославился жестокостью и был убит народным мстителем.

Красавец Крещатик загажен. Редакция немецкой газеты. Казино венгерских офицеров. Развалины. Магазин для гарнизона. Деревья обломаны. По мостовой шагают патрули.

Другие улицы тоже переименованы. Имеются улицы Гитлера, Геринга, генерала Листа и даже Немецкая улица...

Генеральный комиссар Кох поселился в Липках. Там же находятся немецкий штаб, немецкая разведка, гестапо, венгерский штаб, румынский штаб.

Два ресторана. Один только для немцев. Другой для немцев и вассалов. В городе много венгров и румын. Подвыпив, мадьяры подрались на базаре с румынами из-за Трансильвании. Мадьяры начали стрелять и убили двух девочек-киевлянок.

В здании Совнаркома помещается «Центральное торговое общество для Востока». Там сидят колбасники, которым поручено содрать с Украины семь шкур и восьмую.

На Крещатике открылись два комиссионных магазина. В них продают кегли, мороженицы и веера. Ничего другого купить нельзя. За каравай киевляне отдают башмаки или штаны.

Открыты три публичных дома для немцев. Один из них на улице Короленко. Два дома терпимости для солдат, цена — две марки, третий для унтер-офицеров и офицеров, цена — пять марок.

На Львовской улице помещается «Бюро по вербовке добровольцев для работы в Германии». Киевляне получают повестку: «Явиться в 8 часов утра с вещами». На Львовскую идут, как в острог. Каждый день отправляют эшелоны с рабами в Германию.

Год тому назад на кладбище в Бабьем Яру расстреляли пятьдесят пять тысяч киевлян. Расстреливали из пулеметов. С тех пор не проходит дня без казней. На стенах города можно прочитать: «За акт саботажа германскими военными властями расстреляны 300 преступников». Этих «преступников» взяли наугад после того, как неизвестные перерезали ночью телефонные провода. В Дарнице недавно повесили двух женщин «за укрывательство красноармейца».

Венгр Киш Иштван описывает в дневнике Киев: «Разрушенные дома, разбитая мебель, все это ценностью в миллионы пенге. И все это идет нам на топку. На Днепре затонувшие пароходы, мост взорван. Жизни нет».

Я вспоминаю живой Киев, веселую толпу на Крещатике, сады, золото сентябрьских деревьев, Днепр с Владимирской горки —

пристань, пароходы, гудки заводов, детский смех и прекрасные, чуть изумленные глаза девушки. Где она? Расстреляна в Бабьем Яру или чистит свинарню прусского колбасника?

Немцы захватили Киев, но они не поставили на колени древний город. Раздраженно пишет колонизатор в «Кракауер цейтунг»: «Спокойствие киевлян невозможно побороть, оно сделало их нечувствительными к любым средствам принуждения». Мы знаем, что это значит — морят голодом, пытают в гестапо, отбирают дочерей и шлют их в Германию, расстреливают, вешают. Почему «спокоен» Киев? Киев ждет. Ждет среди развалин, среди запустения, среди немецких окриков и венгерской ругани, среди обид и виселиц.

Киев слушает: что на Волге? Что на Тереке? Что на Неве?

Слушай, Киев! Велика наша вина: мы впустили в твои стены немцев. Эту вину мы искупим. Мы мстим за тебя, Киев. Этим мы дышим, этим живем. Ты слышишь грозу над Волгой? Это убивают немцев защитники Сталинграда. Слушай, Киев! Немцев убивают на Тереке. Немцев убивают на Неве. Мы тебе обещаем, Киев, клянемся тебе: настанет час, и мы перебьем немцев на Днепре.

27 сентября 1942 года

В Витебске

Боец Захар С. получил письмо от своей жены, которая была в Витебске под игом немцев. Ее спас старший сын Александр, партизан Белоруссии. Вот что пишет жена Захара:

«Ты просишь рассказать об отце. Я с ним встречалась много раз, помочь ему я не могла, я сама жила не лучше. Жили они в гетто, в развалинах дома. Один раз он пришел ко мне. Выглядел он ужасно, опухший, оборванный (у них все отобрали). Последнее свидание с ним не состоялось — мы должны были встретиться в воскресенье, а в субботу его расстреляли. Моя мама осталась в Витебске. Я была три раза у Степана, спасибо ему — он сшил Алеку бурки. Где он теперь, не знаю. 16 февраля поселку дали два часа сроку — освободить все дома. Потом немцы всех расстреляли. Многие наши друзья, которые остались, погибли: зубной врач Лукаревич, доктор Маркович, сестры, наши молодые акушерки, всех не перечтешь. Все они погибли после ужасной жизни, многие умерли от голода еще до расстрела. Расстреливали на Туловской, за новой больницей. Были вырыты большие ямы. Привозили на автомашинах, ставили перед ямой и приказывали раздеться. Потом строчили из пулемета. Кого убивали сразу, кто падал в обморок, кого ранили — всех тотчас скидывали в яму. Очевидцы рассказывали, что там

земля после три дня стонала. Засыпали чуть-чуть, даже ноги были видны. Вот тебе вкратце о судьбе шести тысяч несчастных. Город весь сгорел, за исключением одной части Ленинской. В садике перед каланчой виселица, там каждую неделю вешают по нескольку человек. Страшная картина.

За голову нашего сына Александра немцы обещали 12 тысяч рублей. Однажды его вели вместе с другими партизанами на расстрел, вели по морозу, голых, босиком. Немцы сидели на лошадях, а рук им не связали. Довели до оврага, а они, сговорившись, рванулись в лес.

Вот, мой дорогой, сколько мы пережили ужасных дней. Алек тебя ни на день не забывает, он все понимает. Бывало, в дни безвыходного горя он обнимает меня и говорит: «Мама, давай сцепимся и утопимся». А потом тут же спохватится и скажет: «Нет, мама, нельзя — вдруг папа придет, а нас нет?»

Алек и мать его спаслись. Шесть тысяч витебчан — в ямах. Город, красивый и веселый Витебск, сгорел. Прочтите письмо жены бойца, и вы навеки запомните одну фразу: «Земля стонала». Немцы закапывали живых, живые, задыхаясь, звали близких, и казалось, что это стонет земля.

Мы знаем драму Киева, горе Пскова, муки Старого Оскола. Мы знаем судьбу сотен и сотен захваченных немцами городов. Еще один: Витебск... Вот на переднем крае наступила тишина. Ничего нет тяжелее на фронте, чем минута тишины. Тогда слышишь то, чего не слыхать среди боя. Друг, ты слышишь унылый, протяжный вздох? Это будто ветер воет, будто плачет ночная птица. Это — стонет русская земля. Она стонет под Витебском. Она стонет под Смоленском, под Харьковом, под Краснодаром. Живые зовут мертвых. Мертвые зовут живых. Родина зовет тебя. Спаси!

23 октября 1942 года

Поганые святцы

Немцы, отобрав у русских крестьян захваченных областей все добро, решили вознаградить ограбленных: они выпустили «Народный календарь, спутник сельского хозяйства». Книга написана на русском языке, издана в Берлине, составлена каким-то фоном, стыдливо укрывшим свое имя под инициалами Н. ф. М.

Немецкий составитель жаждет прикинуться истинно русским. Для этого он украсил календарь народными поговорками и перевел метры в аршины. Он обращается к «Ивану-пахарю», но выходит это нескладно — в каждом слове чувствуется карлушка-колбасник.

Календарь открывается портретами Гитлера и его подручных. О тирольском шпике сказано: «Это священное имя». Под портретом балтийского немчика Альфреда Розенберга мы читаем: «Хорошо знает и любит русский народ». Под портретом колченогого Геббельса стоит: «Талантливый писатель, руководитель всего искусства». Однако неосторожный составитель календаря привел тут же несколько русских пословиц: «Злой человек злее волка», «Свинье только рыло просунуть, и вся пролезет», «Похвальба на лучиновых ножках».

За портретами идет календарь и «памятные годовщины». Мы узнаем, что для православных немцы ввели новый религиозный праздник — 31 октября — праздник Реформации, неприсутственный день. Еще любопытней «памятные годовщины». Вот несколько цитат:

«Январь. 12-го родились Герман Геринг и Альфред Розенберг, 29-го родился А.П. Чехов. Февраль. 10-го умер А.С. Пушкин, 23-го умер Хорст Вессель, 24-го Адольф Гитлер объявляет программу, 26-го умер Т. Шевченко. Март. 3-го освобождение крестьян от крепостной зависимости, 28-го основание немецкого колониального общества Карлом Петерсом. Апрель. 3-го умер М. Ломоносов, 20-го день рождения Адольфа Гитлера».

Так немцы кощунственно поминают высокие имена Пушкина, Шевченко, Ломоносова, Чехова рядом с именем сутенера Хорста Весселя. Не смущаясь, составитель календаря ставит рядом годовщины падения крепостного права в России и основание немецкого общества для колонизации России каким-то Карлушкой Петерсом. Эти колбасники решили, что мы будем жить по их календарю, вывешивать флаги в день рождения тирольского шпика, молиться, когда Адольф «объявляет программу», и поздравлять друг друга с основанием немецкого колониального общества.

Однако и здесь желание придать календарю русский дух подвело составителя. Он снабдил памятные даты «народными приметами и поверьями». Получилось довольно поучительно. День рождения обер-хапуна Германа Геринга сопровождается поверьем: «Ведьмы скрадывают месяц». После справки о дне рождения фюрера мы читаем: «Покойники тоскуют по земле». Годовщина «основания организации гитлеровской молодежи» снабжена сочным комментарием: «На Ивана Купала кого побьют — пропало», а день рождения колченогого Геббельса украшен приметой: «На Ерофея леший бесится».

После календаря мы находим «советы сельскому хозяину». Нашим трактористам карлушка важно объясняет: «Пахать нужно культурным плугом». «Советы сельскому хозяину» — перевод старого немецкого календаря, предназначавшегося для помещиков Восточной Пруссии. Составитель поленился, ничего не изменил. Нашим крестьянам, у которых фрицы давно «организовали» по-

следнюю свинью, дается следующий совет: «Хозяйство должно содержать много свиней, лучше больших йоркширов». Прочитав эти строки, колхозник усмехнется: в захваченных областях остались свиньи одной расы — не йоркширы, а фрицы. Календарь рекомендует крестьянам разводить кур, а именно «леггорнов, род-айлендов, плимутроков». Перечислены болезни кур: отвердение зоба и понос. Забыто одно: кур больше нет, куры уничтожены новой, не обозначенной в календаре болезнью: фрицами-куроедами.

Календарь снабжен фотографиями, рисующими «счастливую жизнь» немцев. Снят, например, молодой фриц. Под немецкой мордой подпись: «Какое открытое, честное лицо! Какой ясный взор светлых голубых глаз, олицетворяющих собой светлое будущее Германии!» Что же, колхозники знают этот взгляд «светлых голубых глаз» — фриц у них в деревне повесил старика и глядел на повешенного «светлыми голубыми глазами». Насчет честного лица наши тоже не ошибутся: приходил «с честным лицом» и забрал всех кур, даже не спросил: «Это плимуты или леггорны?», а сожрав кур, орал: «Матка, яйки или капут». Имеется в календаре и такая фотография: две лошади, тележка и штатский фриц в шляпе, подписано: «Свободно и гордо ступает немецкий крестьянин по собственной земле».Русские оценят эту картинку: они видят, как подло и нахально «ступает» фриц по чужой земле. С удовольствием они прочтут пословицу, которую здесь же приводит составитель календаря: «Чужое взять — свое потерять».

Пословицы составляют основной литературный багаж составителя календаря. Конечно, он тщательно выбросил пословицы, говорящие о родине. Он цитирует: «Чужая страна прибавит ума». Он взял из «Собрания русских пословиц» две поговорки о немцах: «У немца на все струмент есть» и «Немец без шутки и с лавки не свалится». Знаем мы теперь эти струменты: виселицы. Знаем мы, как карлушка «шутит», когда он «с лавки валится»: если схватит фрица за шиворот наш партизан или разведчик, фриц орет: «Гитлер капут» — это он изволит «шутить». Но в «Собрании русских пословиц» имеются и другие пословицы, посвященные немцам, о которых фон карлушка умолчал. Хорошие пословицы, например: «Штуки-шпеки, немецки человеки», «Что русскому здорово, то немцу смерть», «У немца душа короткая», «Немец хоть добрый человек, а лучше его повесить», «Русский немцу задал перцу».

Теперь скажу всерьез, без пословиц и примет — попросту: злоба берет, когда читаешь подлую книгу. Они не только пакостят в наших избах, они хотят завалить нашу землю своими грязными бумажками. Они перенумеровали русских, повесили им на шеи бирки и потом издеваются: «Гитлер—Пушкин, Геббельс—Чехов». Наши крестьяне, разоренные, обращенные немцами в рабство, должны с умилением читать о каком-то Карле Петерсе — колонизато-

ре. У русских немцы украли все: землю, свободу, добро. А потом читай про породистых кур и гляди на нахальную морду немца с голубыми очами. Закрыть его подлые глаза, закрыть скорее! Они пишут в своем календаре: «Удобрять землю лучше всего умеренно перепревшим навозом». Скота нет. Навоза тоже нет. Есть только немцы. Ими мы удобрим нашу многострадальную землю.

25 сентября 1942 года

Суд скорый и правый

Под Сталинградом немцы схватили раненого русского. Это был гвардии младший сержант Петров. «Ти будешь отвьетить?» — кричал немец. Петров молчал. Немецкий офицер кортиком отсек Петрову ухо. Сержант молчал. Немцы отрезали Петрову нос. Гвардеец качал головой и молчал.

В псковских лесах жил старый русский крестьянин Иван Михайлович Волков. Ему было шестьдесят шесть лет. Немцы его взяли, стали допрашивать. Волков молчал. Немцы его били шомполами, резали. Старик не сказал ни слова. Тогда немцы его застрелили.

В деревне Железницы была школа. Туда пришли немцы. Они схватили Надю Столярову, ученицу первого класса. Наде было девять лет. Ее немцы не допрашивали. Ее немцы только били, и они убили ее прикладом.

В селе Семеновщина немцы бросили в колодец четырех младенцев. Матери кричали, но немцы говорили: «Нам колодец не надо, нам вода есть».

В селе Щелканово немцы привязали девяностолетнюю старуху Смирнову к седлу и погнали лошадь.

В деревне Скляево немцы поймали семнадцатилетнюю девушку. Они ее изнасиловали, потом изуродовали, отрезали груди, распороли живот.

Это — летопись каждого дня. Об этом можно писать тома и тома. Это делают не отдельные мерзавцы, это делает немецкая армия. Это входит в план немецких стратегов. Это поощряется офицерами и генералами. Это задумано в Берлине. За это отвечает вся Германия.

«Нечего щадить города и деревни, где раздастся хоть один выстрел. Нужно сровнять их с землей, захватить возможно больше граждан и расстрелять их, нужно так поступать без отдыха. Если мы хотим добиться прочного мира, нужно будет действовать радикально, заменить войну против армии полным уничтожением

враждебных народов. После окончательного разгрома на поле боя нужно начать борьбу против женщин и детей. Когда все физические силы народа иссякнут, побежденная раса исчезнет навсегда».

Эти строки написаны сорок три года тому назад, в 1899 году. Их автор — фельдмаршал Вальдерзее. У фон Клейста, у фон Бока, у Гудериана были достойные предшественники. Пусть фрицы не валят все на одного Гитлера: они полвека учились, как резать уши и топить в колодце детей. Это — наследственные людоеды. Уничтожение женщин, разгром мирных деревень, казни грудных детей для них военная наука и государственная мудрость.

Боец, ты видишь, как, обливаясь кровью, качал головой гвардии младший сержант Петров? Это твой товарищ, твой друг, твой родной брат. Боец, ты — судья. Ты должен привести приговор в исполнение. Перед тобой немец. Перед тобой один из тех, что мучили сержанта Петрова. Не медли, убей немца!

Боец, ты видишь, как билась под копытами коня старуха Смирнова? Это твоя мать, боец. Она тихо доживала свой век. Она вырастила в труде и в беде сыновей, внуков. Она любила в теплый осенний день сесть на лавочку, говорила: «Кости старые грею...» Она тебя родила, боец. Священна мать у всех народов. Боец, если нет у покойной Смирновой сына, если ее сыновей сразила вражеская пуля, на тебе лежит высокий долг: отплати за мать товарища!

Боец, ты видишь, как немцы волочат обнаженное тело русской девушки. Она хорошо пела песни. У нее были синие глаза и золотые волосы. У нее был любимый. Боец, может быть, это твоя любовь? Ее честь поругана. Ее молодая жизнь сгорела, как спичка на ветру. Ее истязали, ее убили. Боец, насильники перед тобой. Что могла сделать беззащитная девушка? Ты можешь. У тебя винтовка. У тебя граната. Отплати!

Надя Столярова решала задачи. У нее была русая косичка, а на пальцах пятна от чернил. Она была смешливой, доброй девочкой. Ее убили. Твою дочь убили, боец. Когда убивают птенцов у горлицы, даже тихая птица становится лютой. Даже лань защищает своих детей. Боец, спустишь ли ты немцу кровь ученицы первого класса Нади Столяровой?

В 1899 году они решили уничтожать народы. В 1914 году они начали репетировать. Они тогда проверяли первые виселицы. Они испытывали работу факельщиков. Они уничтожили миллионы и миллионы. Но им было мало. Карлу-колбаснику хотелось топить детей в колодце. Они нашли себе хорошего предводителя: Гитлера. Они пошли на нас. Не на армию — на народ. На деревни. На женщин, на старух, на грудных детей. Боец, закрой глаза, и ты увидишь, как качает головой полумертвый сержант Петров. Он не дрогнул. Не дрогнул старик Волков. Не дрогнула Россия. Она мол-

чит и ждет. Она ждет суда. Боец, когда ты идешь, это идет суд. Не отступи: суд идет, суд не отходит.

22 сентября 1942 года

«Новый порядок» в Курске

Прошлой весной я прочел в одной немецкой газете следующее рассуждение: «В Калуге или в Калинине мы пробыли считанные недели, и русские не могли по-настоящему увидеть, что такое новый порядок...» В Курске немцы пробыли пятнадцать месяцев. Здесь мы можем изучить достижения «нового порядка».

Курск при немцах. На тротуарах много офицеров, солдат. Воровато оглядываясь, шмыгают мадьяры — идут на базар спекулировать. По мостовой плетутся изможденные женщины с салазками. Трамвай исчез: немцы сняли рельсы и отправили их в Германию.

Повсюду указательные таблицы на немецком языке: «Солдатский дом 3».

«Убежище для военнослужащих».

«Казино».

На стенах плакаты. Вот изображен немец с ребенком на руках. Подпись: «Немецкий солдат — защитник детей». Женщина прошла и отвернулась: ее четырехлетнего мальчика искалечил пьяный фельдфебель.

Вот другой плакат: немецкий солдат показывает рукой на землю. Подпись поучительна: «Тебя ждет земля». Это — пропаганда перед весенним севом. Но куряне вздыхали: не ждет ли их могила?

На дверях некоторых домов значится: «Собственность германской армии. Русским вход воспрещен», или: «Гражданскому населению вход в этот дом воспрещается под страхом наказания смертной казнью».

Дощечки с названиями улиц — сверху по-немецки, снизу по-русски. Комендант Курска генерал-майор Марселл заявил: «Восстановить дореволюционные названия. Никакой политики». Самая большая улица в Курске Ленинская. Прежде она называлась Московской. Генерал-майор поморщился: «Московская? Это тоже политика». Повесили новую дощечку: «Гауптшрассе — Главная улица».

Комендант города Щигры, Курской области, майор Паулинг назвал лучшую улицу города Немецкой.

Немцы заполнили Курск. Здесь стоит дивизия. Здесь базы второй германской армии. Здесь кутят штабные офицеры генерал-лейтенанта фон Зальмута. Комендант решил, что в казармах немцам

«неуютно и опасно». Офицеров и солдат разместили по домам. В каждой квартире немцы.

А вот и немки. Откуда они взялись? Майор привез супругу из Гамбурга. Усмехаясь, он говорит: «Здесь спокойней...» (В начале февраля эта гретхен спешно отбыла: она предпочла английские бомбежки русскому наступлению.)

Даже мертвые немцы теснят русских. В городском парке Щигров зарыто четыре тысячи арийцев. Вместо аллей и скамеечек бесконечные шеренги прусских крестов.

Ресторан для немцев. Кино для немцев. Театр для немцев. Магазин для немцев. Вокзал для немцев. Кладбище для немцев. Для русских? Ров в Щетинке — там зарывают расстрелянных.

* * *

До прихода немцев в Курске было сто сорок тысяч жителей. При немцах осталось девяносто тысяч. Около двух тысяч немцы убили, девять тысяч отправили в Германию. Свыше десяти тысяч умерло от эпидемий.

Пятнадцать месяцев куряне жили пещерной жизнью. Зимой было запрещено ходить по улицам после пяти часов пополудни, летом — после семи часов. Люди сидели в темных домах. А под окнами горланили пьяные немцы.

В комнате, где живет заведующая хирургической больницей доктор Коровина, стены изрешечены пулями. Можно подумать, что здесь шел бой. Нет, это развлекались немецкие офицеры. Выпив несколько бутылок французского шампанского, они стали стрелять в комнату, где спала Коровина с дочкой. Обер-лейтенант острил: «Мы приглашаем фрау доктор распить с нами бутылочку...»

«Только для немцев» — эти слова стояли повсюду. Написать письмо в Щигры? Почта только для немцев. Послать телеграмму в Орел? Телеграф только для немцев. Съездить в Белгород? Нужно для этого угодить немцу в комендатуре: он выдает пропуска. Счастливец будет допущен в товарный вагон: пассажирские только для немцев.

Генерал-майор Марселл любил показывать свою эрудицию. Он ссылался на старого итальянского автора Казанову: «Русские любят кнут». Русская бомба закончила земные труды генерал-майора Марселла. Новый комендант, майор Флягг, когда к нему обращались с просьбой, неизменно отвечал: «Вы, кажется, забыли, что вы — русский?»

В учреждениях висели дощечки: «Пользоваться уборной русским запрещено». Очевидно, в этом сказалась мистика арийской расы...

* * *

Курян немцы убивали за городом — в Щетинке. Раздевали, потом расстреливали, кидали в ров. Убивали коммунистов и жен командиров, студенток пединститута и пленных красноармейцев, евреев и колхозниц. Убийствами ведали три конкурировавших учреждения: комендатура, гестапо и полевая жандармерия.

Двадцать пять заложников были убиты перед зданием мединститута. Их тела лежали на мостовой: немцы запретили родным похоронить расстрелянных.

Щигры — маленький город, но и в Щиграх палачи поработали. Когда был взорван мост, немцы расстреляли пятьдесят заложников. Зверски убили братьев Русановых. Весной на центральной площади повесили шесть девушек. Когда обреченных вели на казнь, они кричали: «Женщины, стыдно быть немецкими подстилками! Наши скоро вернутся. Мужайтесь!» Немцы стояли с фотоаппаратами и гоготали.

В селе Никольском я встретил учительницу Провалову. Ее сына застрелил немец. Почему? Потому, что немцу захотелось выстрелить. В том же селе немцы убили колхозницу Воробьеву, мальчика Васю Паренева, старика Петра Фомина. Почему? Потому, что немцы наводили «новый порядок».

Немцы хотели изнасиловать Марусю Толмачеву. Девушка сопротивлялась. Ее подвесили к дереву, потом убили. Убили тринадцатилетнего Колю Толмачева, который вступился за сестру.

В Курске было четыреста евреев. Немцы их убили. Грудных детей ударяли головой о камень: экономили патроны. Среди убитых — крупные врачи, известные за пределами города, Гильман и Шендельс. Убивали младенцев и девяностолетних стариков. Уходя из города, немцы вспомнили, что в больнице для тифозных лежит девушка-студентка — еврейка. Палачи пришли в палату. Больная не могла встать, ослабев после болезни. Ее убили здесь же. В Курске остался только один еврей — инженер Киссельман. Он лежал в тифозной больнице. Его спасла русская сиделка — сказала немцам, что он умер.

В Фатеже вели на казнь еврейскую семью. Девочка кричала: «Убивают!» Убили сначала ее. Потом положили мать на тело дочери. Убили. Скинули в яму отца и закопали.

* * *

Немцы говорили: «Новый порядок — это частная торговля и товары». В Курске открылись три комиссионных магазина. Что в них можно было купить? Веер, щипцы для сыра, вазу, люстру, мороженицу.

В ларьках торговали «кустарными изделиями» — корзинами, деревянными пуговицами, эрзац-мылом, которое не мылилось. Вот и вся «частная торговля». Пятнадцать месяцев немцы вывозили из Курска и Курской области награбленное добро — хлеб, сало, шерсть. Они не ввезли в Курск ни одной иголочки, ни одного перышка.

Был базар. Немцы покупали у крестьян яйца, картошку, зелень. У немцев карманы были набиты оккупационными марками. Эти бумажки не имеют хождения в Германии. Их назначение — придать грабежу видимость торговли.

Куряне уходили в деревни за пятьдесят, за сто километров — тащили пожитки и меняли их у крестьян на картошку. Приходилось давать взятки немецким патрулям. Немцы брали все: картошку и соль, наволочки и детские ботинки.

Комендант Курска открыл новый способ снабжения населения: немцы сдавали в аренду городскую землю. За каждый га нужно было внести немцам 140 рублей и 10 процентов картофеля. Майор Флягг ухмылялся: «Земля вам, картошка нам». А куряне голодали.

* * *

Немцы говорили: «Новый порядок — это частная инициатива и расцвет промышленности».

Генерал-майор Марселл вызвал одного из местных квислингов, инженера Томило: «Извольте наладить производство. Открыть мельницы — нашей армии нужен хлеб. Мастерские могут ремонтировать наше снаряжение».

В газете «Курские известия» было объявлено, что «трикотажная фабрика возобновила работу, желая облегчить положение курян». На фабрике принимались джемперы: за солидное вознаграждение их перевязывали. По два джемпера в день... Чем же была занята трикотажная фабрика? Она изготовляла фуфайки для немецких солдат. Шерсть брали у русских крестьян. Работали русские женщины. Фуфайки носили немцы.

А частная промышленность? В Курске открылось несколько предприятий. Вот, например, курский филиал берлинской фирмы «Адольф Филипс». Во главе стоял немец Адлер. Он набрал 25 русских рабочих. Адлер забирал на бойне кожи. Немцы ели котлеты. А выделанная курскими рабочими кожа направлялась в Берлин фирме «Адольф Филипс».

Другой немец открыл валяльное производство, обслуживающее германскую армию. Фабриканты приехали с семьями. Жили припеваючи. В начале февраля они неожиданно помрачнели, стали говорить, что скучают по родине, и, собрав пожитки, уехали.

В селе Волово немец открыл колбасную фабрику. Он привез из Германии оборудование. Свиней забирали у крестьян. Работали на фабрике голодные русские женщины. Колбасу отсылали в Германию. За исчезновение одной колбасы герр колбасник высек женщину.

* * *

В русском селе Замарайке успел обосноваться немецкий помещик. Он нанял батраков, выписал из Германии молотилку.

В селе Панино немцы снесли школу и больницу. Из строительного материала крестьяне должны были строить дома для немцев. Колонизаторы устраивались надолго. Они считали, какие доходы у них будут в 1944 году. Они не забывали даже о полушках. Забыли они об одном: о Красной Армии.

В первые месяцы немцы грабили деревню беспорядочно: солдаты забирали коров, свиней, кур. Потом командование ввело «новый порядок»: грабить стали организованно. С каждой коровы нужно было поставлять немцам 720 литров молока, с каждой курицы — 190 яиц. Крестьяне говорили: «Зимой курица несется, что ли?..» За такие размышления староста сажал в холодную избу.

Крестьяне работали «общиной» — немцам было удобней стричь стадо оптом. В некоторых селах не осталось ни одной лошади. Немцы приказывали: «Поделить землю по дворам, и пусть каждый двор сдает урожай, как полагается». Женщины тащили плуги. Староста покрикивал: «Живее — нужно государству сдать, что полагается». «Государством» этот бестия именовал немцев.

В Курске находилось «викадо» — специальное учреждение для ограбления крестьян. Викадо требовало. Комендант грозился. Старосты радели. Крестьяне снова узнали крепостное право. Им оставляли по нескольку снопов на душу — как коменданту вздумается. Остальное забирали немцы.

Немцы хотели во что бы то ни стало доказать, что «новый порядок» — это рай для крестьян. Они объявляли, что такое-то село «поддерживало партизан», забирали в селе всех коров, потом «дарили» соседнему селу пять коров и об этом писали в газетах: «Мы снабжаем скотом русские деревни». В Курске немцы «дарили» русским русские дома. В селах немцы «дарили» русским русских коров и заставляли крестьян посылать «благодарственные адреса» коменданту.

Старик в селе Никольском рассказывает: «Мне восьмой десяток пошел. А они меня заставили плести валенки из соломы. Приезжал из Щигров подлец — объяснял еще, как плести. По двенадцати пар с общины. Вот такое дерьмо делать — тьфу!..»

Колхозница из села Усиенки говорит: «Культур! Культур! Скажите пожалуйста! А какая же это культура, когда они все позабирали? Платком моим и то не побрезговали. Лохмотники проклятые!»

В большом селе Вышне-Долгов немцы устроили хлебный и мясной заводы, обслуживавшие германскую армию. Согнали женщин. Забрали муку, скот. Староста был пьяницей. Когда к селу подходила Красная Армия, староста выпил бутылку горькой, запряг коня и, стоя в розвальнях, понесся сквозь буран, восклицая: «Я — второй Гитлер».

В некоторых селах избы сожжены. За что? Вот село Мишино. Один колхозник дал русскому военнопленному ломоть хлеба. Комендант приказал сжечь пять изб. «Новый порядок!»

* * *

«Мы принесли вам светоч культуры», — заявил генерал-майор Марселл. В течение года все школы были закрыты. Наконец-то немцы разрешили открыть несколько эрзац-школ в пределах четырех начальных классов. Майор Флягг сказал: «С русских хватит и этого».

В Курске родители попытались устроить групповые занятия для детей, но комендатура запретила занятия, объявив их «незаконными сборищами».

Из библиотек изъяли почти все книги. Достаточно указать, что к запрещенным книгам были отнесены «Гаврош» Гюго и популярное изложение теории Дарвина.

В театре выступали шансонетки — для немцев. В один из кинотеатров русские имели право доступа. Там показывали фильмы, посвященные прославлению Гитлера.

Такова была культурная жизнь города, прежде имевшего несколько высших учебных заведений, прекрасный театр, два музея, богатые библиотеки.

Что принес «новый порядок» русской интеллигенции? Бухгалтер завода «Коминтерн», вместе с другими жителями Воронежа насильно эвакуированный в Курскую область, рассказывает: «В комендатуру при мне вызвали преподавателя университета. Дежурный офицер спросил его:

— Профессия?

— Астроном.

Немец рассмеялся.

— Вот как! Что же, будете чистить нужники. Правда, звезды и уборные — различные вещи, но ничего другого я вам не могу предложить.

Учительница Щигров Александра Алексеевна Козуб была направлена на земляные работы.

К ней подходит офицер:

— Почему плохо работаешь?

— Не привыкла. Кирки в руке не держала.

— Что ж ты делала?

— Я была учительницей.

— Удивительно! Где же тебя научили этому?

— Я училась в Воронежском пединституте.

— А я в Иене на философском факультете. Небось у вас философию не изучали?

— Изучали.

— Канта и Гегеля?

— Канта, Гегеля, Маркса, Энгельса.

— Ну, Маркс и Энгельс — это евреи. А вот интересно, хорошо ли ты усвоила схоластику?

Девушке стало тошно. Она угрюмо ответила:

— У меня диалектика...

Тогда изысканный офицер ударил ее с размаху по обеим щекам. Так закончился философский разговор в Щиграх. Мне рассказывала о нем честная советская учительница Козуб, которая предпочла кирку измене и правду немецкому «философу».

* * *

Закрыли школы. Закрыли театры. Закрыли библиотеки. Что они открыли? Дом терпимости на улице Невского. Открыли торжественно. Герр доктор Фогт произнес речь: «Мы несем веселье в ледяную пустыню».

Они не принесли веселья. Они принесли заразу. Перед войной в Курске совершенно исчез сифилис. Немцы заразили Курск. По немецкой статистике, среди гражданского населения регистрировалось в декаду от 70 до 80 случаев заболевания венерическими болезнями. Больных отправляли в городскую тюрьму. Свыше сотни из них немцы убили. Эти сифилитичные павианы оставили после себя не только развалины и ров в Щетинке. Они оставили страшную заразу.

* * *

Помимо венерических болезней, немцы принесли эпидемию дифтерита. Прививок не было, и смертность среди детей от дифтерита дошла до 60 %. На почве голода, скученности, грязи рос сыпняк. Я видел одного из предателей, врача Кононова, члена «городской управы». Он должен был якобы заботиться о здоровье населения. Он заботился об одном: как угодить своему начальнику, немецкому врачу Керну. До немцев Кононов пил русскую горькую. После прихода немцев он стал пить шнапс. Он говорит: «Доктор Керн был культурным немцем, хорошим врачом, отзывчивым че-

ловеком», — хозяева убежали, но лакей по привычке еще кланяется. Я спрашиваю Кононова:

— Что же вы лично сделали для жителей?

— Много. Доктор Керн мне говорил: «Зачем вы так возитесь с гражданским населением?..»

Вот он, «культурный немец» и «отзывчивый человек».

Больных не лечили. На дверях вывешивали по-немецки: «Здесь заразные. Вход военнослужащим воспрещается». Немцы хотели заражать, но не заражаться.

* * *

Военнопленные умирали на глазах у населения. Повсюду немцы расклеили плакаты: «Сдавайте теплую зимнюю одежду для русских военнопленных вашему старосте». (Старосты были и в городах — на каждой улице). Старосты сдавали теплую одежду коменданту. Комендант распределял ее между немецкими солдатами.

Страшное зрелище представляли собой лагеря: морозные грязные бараки. Надписи: «для русских», «для украинцев», «для тюркских народов», «для тифозных». Кормили жижей — картофельная кожура. Били. Заставляли рыть укрепления. Русские глядели на агонию русских и не могли им помочь. Это было моральной пыткой.

* * *

Слова молитвы «О победе христолюбивого воинства» немцы призывали заменить: «О победе германской армии». Одна старушка осмелилась сказать: «Не могу я молиться за победу немцев — у меня три сына в Красной Армии». Строптивую высекли.

В одном селе Курской области немцы устроили молебен за здравие Гитлера. На паперти Мария Дементьевна Краскова громко сказала: «Мы, люди русские, молимся за победу наших». Ее подвергли порке, потом заперли в холодный амбар. Она стояла в амбаре и молилась за победу Красной Армии.

* * *

В Курске немцы нашли несколько квислингов. Бургомистром был назначен некто Смялковский, воспитанник духовной семинарии Киева. Он получил от немцев дом, блокноты с фирмой «Бургомистр города Курска» и даже автомобиль. Он оставил дом и блокноты и на машине уехал в Льгов.

Городская управа заседала раз в месяц под портретом Гитлера. Тирольский шпик был изображен в красках с подписью: «Адольф Гитлер, освободитель». В присутствии немцев члены городской управы стояли.

* * *

Немцы закрыли все учебные заведения. Но в Щиграх они открыли «курсы для полицейских». Они учили стрелять, арестовывать, реквизировать, вешать. Передо мной своеобразный документ — послание курсантов третьего выпуска коменданту Паулингу: «В полном сознании громадной ответственности за выполнение возложенных на нас обязанностей мы говорим вам, господин комендант, спасибо...»

Передо мной и автор этого послания, некто Колосков. Он прикидывается ребенком, твердит о своей «безмозглости». В его глазах злоба и страх. «Победоносная германская армия», убегая, оставила Колоскова. Курсантов учили пытать и расстреливать русских. Летать их не научили. Напрасно они попытались бежать по сугробам...

Тихо в комнате. Тихо и душно. Темная животная тоска идет от согнутой спины изменника. Нет ничего страшнее предательства: оно убивает человека до смерти. Передо мной живой труп, тряпичная кукла, грошовый паяц. Я говорю: «Вы понимаете, что вы предали Россию?» Он шевелит губами: «Да».

* * *

Смазливая девушка. Выщипанные брови. Карминовые губы. Прежде она была студенткой Курского пединститута. Ее соблазнили подачки немецких офицеров, танцы, французское шампанское. Ее соотечественники пятнадцать месяцев мужественно сражались. Люди отдавали свою жизнь, чтобы освободить Курск. А она услаждала палачей своего народа. Она сейчас сидит у себя в комнате и плачет. Позднее раскаяние. Измена, как ржа, разъела ее сердце. На улице праздник, люди смеются, обнимают бойцов. А она сидит в темной комнате и плачет. Она стала отверженной — для себя самой, и нет кары тяжелее.

* * *

Двадцать тысяч юношей и девушек немцы вывезли из Курской области в Германию. Девять тысяч они вывезли из Курска. Что сулил «новый порядок» этим злосчастным?

Илья Урютов был рабочим на металлургическом заводе. Весной его отправили в Германию, в Брауншвейг. Там его вместе с 800 другими русскими поместили в лагерь. Рабы работали на заводе, жили в лагере. В день давали по 200 граммов хлеба и литр баланды. Охраняли лагерь эсэсовцы. За малейшую «провинность» они избивали русских. Многих покалечили. Из 800 за пять месяцев 250 умерли — от голода, от болезней, от побоев. Урютов заболел эпилепсией — ему повезло: его отправили домой. Молодой человек, он стал дряхлым стариком.

Уборщица Пенькова спасла своего сына: напоила его перед медицинским осмотром табачным настоем. Но дочь Пеньковой семнадцатилетнюю Тамару немцы взяли. Она рассказывает: «Везли нас, конечно, в телятниках под охраной. Привезли в город Линц, в Австрию. Там приходят немцы и немки — осматривают, ощупывают, как скот. Там было две тысячи девчат и парней. За невыполнение нормы — по сто двадцать розог. А кормили так: бурда на репе, и все. Я, конечно, комсомолка, и мне эта жизнь не подходит. Не могу я их эсэсовцам кланяться. Со мной двоюродная сестра была. Я говорю: «Убежим». Подобрали компанию. Четыре девушки и трое парней. Мы шли до Бреста восемнадцать суток. Пока по немецкой земле шли, обходили деревни. А поляки нас кормили, как могли. В Бресте мы отдали все вещи, даже валенки, одному немцу. Он нам пропуск в Курск дал...»

Немногим повезло, как веселой и смелой Тамаре. Другие еще томятся в немецком рабстве. Мы знаем теперь, что такое «новый порядок». Он существовал много тысяч лет тому назад. Тогда его называли «торговлей рабами».

* * *

Упорно и мужественно куряне ждали пятнадцать месяцев дня освобождения. Немцы издавали две газетки. Они старались убедить курян в немецкой победе. Но иногда с неба падали листовки. Их подбирали дети, несли домой, и вот город обходила радостная весть: «наши держатся», «немцев отогнали от Москвы», «заводы работают на Урале...» У штабных офицеров были приемники. Уходя из дома, немцы выключали аппараты. Но русские научились их включать. Слушали Москву, и снова надежда раздувала сердца.

С декабря немцы приуныли. За их лицами следили тысячи глаз: уныние немцев было надеждой курян. В сентябре, в октябре, в ноябре герр обер-лейтенант каждый день говорил пятнадцатилетней Варе: «Сталинград капут». В декабре он примолк. В январе Варя стала пытать офицера: «Ну, как Сталинград? Капут?» Офицер молчал. Однажды вместо ответа он отпустил девочке пощечину. Варя рассказывает: «Господи, как я обрадовалась! Побежала к маме, говорю: Кончено их дело. Капут немцам. Видишь, как он мне залепил? Значит, у них со Сталинградом ничего не вышло...»

Куряне не только ждали. Куряне боролись с захватчиками. Железнодорожники взрывали немецкие паровозы. Девушки переправляли оружие. Партизаны убивали немцев.

Вот рабочий Бабкин. Он был во главе отряда. Мягкое русское лицо. А этот добряк отравил немцам немало крови. Он подготовлял взрывы на вокзале, отвозил в Фатеж оружие, помогал пленным перейти линию фронта. Он рассказывает: «Везу я оружие. Вдруг не-

мец. Я, конечно, соли прихватил — будто еду менять. Бумажка у меня с печатью, сам черт не разберет. Но немцу что печать, он на соль уставился: «Дай». Я ему бы рад всю отдать, нельзя —заподозрит. Торговался — на тебе стакан. Обошлось. А вот вы нашего попа навестите, замечательный поп...»

Священнику Павлу Говорову шестьдесят семь лет. Русский человек, он любит родину. Он был связан с партизанами. Он прятал у себя наших летчиков, переодевал их, помогал им перебраться через фронт.

Комсомолка Зоя Емельянова — студентка пединститута. Это серьезная, смелая женщина. Ее муж — командир Красной Армии. Когда немцы вошли в Курск, у Зои родился ребенок. Но это не помешало ей войти в партизанский отряд. Она доставляла партизанам оружие. Она говорит: «Я знала, что наши вернутся. Твердо знала, как то, что я — я». Большая сила в ее глазах. Это сила верности.

Доктор Коровина — немолодая женщина. Беспартийная. Она работала в хирургической больнице. Там лежали раненые русские — командиры и бойцы. Коровина разговаривала с ними, проверяла их душевное состояние, потом спрашивала: «К нашим хотите?» Она помогала уйти из-под стражи. Каждый день рисковала жизнью, но знала: помогаю братьям обрести свободу. Это сознание ее поддерживало в самые горькие минуты. Сейчас она радуется, как ребенок: «Наши в Курске!» Значит, не напрасно она ждала. Не напрасно связалась с партизанами.

Когда мы говорим о слезах радости, с которыми встречает Красную Армию население освобожденных городов, это может показаться формулой. Но доктор Коровина плакала от радости. И Бабкин. И старый священник Говоров. И комсомолка Зоя. И тысячи, тысячи людей. Эти слезы как жемчуг: они красят. Кто пережил такие часы, поймет все без слов.

* * *

Немцы, уходя из Курска, сожгли или взорвали все большие дома. Прекрасные здания мединститута и пединститута, собор, гордость города — новый цирк, дом обкома — бывшее дворянское собрание, все школы города, все многоэтажные жилые дома, театр, — все это уничтожено немцами.

Даже в Щиграх не осталось ни одного большого дома: немцы, отступая, сожгли все. В деревне Тимирязевка была новая хорошая школа. Немцы устроили там лазарет. В школе лежали раненые немцы — восемнадцать человек. Убегая, немцы взорвали школу со своими ранеными. Они верны себе до последней минуты.

Они начали убираться из Курска заблаговременно — после разгрома у Касторного. Уехали немецкие дамы из «Казино», которые

били по щекам русских уборщиц. Уехали господа промышленники. Уехали штабные офицеры. Но Красная Армия подошла к леску, где находились немецкие укрепления, раньше, чем рассчитывали немцы. Дома они сожгли, но на вокзале они оставили девятнадцать паровозов и около тысячи вагонов с добром. Они подвесили к мосту авиабомбы, а взорвать мост не успели.

В домах были спрятаны немецкие автоматчики. Шли уличные бои. Погиб любимец бойцов полковник Перекальский — он шел в боевых порядках. Наконец город был очищен от врага. Торжественно куряне похоронили полковника Перекальского — в сквере перед театром. Был митинг. Генерал-лейтенант Черняховский сказал: «Куряне, ваш прекрасный город немцы осквернили. Теперь Курск снова стал советским...» И лились слезы радости. Курск возрождался к жизни.

Древний русский город, он сиял в одиннадцатом веке. Во время нашествия Батыя Курск был предан огню и мечу. Двести лет спустя он снова отстроился. Он был русской крепостью, оплотом против набегов южных кочевников. Потом он стал мирным и тихим городом, с большими тенистыми садами, с молодежью, которая училась, мечтала, росла в его садах. И вот Курск снова подвергся нашествию варваров. Пепел, щебень, мусор, железный лом, скелет города — вот что принес курянам «новый порядок».

А жизнь начинается. Уже вышел крохотный номер «Курской правды» — в полевой типографии. Городскую типографию немцы взорвали. Уже восстановлена работа электростанции. Уже пекут хлеб в пекарнях. А на могиле героев — цветы среди снега...

Части Красной Армии прошли на запад. Но люди не забудут трагедии Курска. Теперь каждый боец знает, что такое немецкая оккупация. В Можайске, в Ельце, в Калинине были кратковременные налеты. Здесь было долгое рабство — почти пятьсот дней немецкой неволи. Здесь немцы успели насадить «новый порядок». Здесь они убивали с расстановкой. Здесь они заражали планомерно. Здесь они издевались по плану — по декадам, по месяцам, по семестрам. Мы жадно смотрим на запад. Мы знаем теперь, что творится в Гомеле, в Брянске, в Киеве. Мы все знаем. В ком есть толика любви к своей стране, к своему народу, до смерти не простит немцам Курска. Нет с ними у нас жизни. Нет нам жизни, пока мы их не уничтожим. Мы соберем все документы, все фотографии, все рассказы очевидцев. Мы устроим страшный музей «нового порядка» — память о злобных дикарях двадцатого века. Пусть помнят люди и пусть помнят народы: это было.

Мы идем судить преступников. И последнему из них мы напомним: это тебе за «новый порядок».

Судьба одной семьи

То, что я хочу рассказать, не выдумка писателя: это отчет о судьбе семьи Павлова, проживавшей в Гжатске и в Гжатском районе. Я не прибавил от себя ничего: рядом с человеческой трагедией воображение молчит. Это не рассказ, а протокол. Это обвинительный акт Германии.

* * *

В деревне Бородулино Гжатского района умирает столетний старик Павел Иванович Павлов. Три дня он не ест, даже воды не пьет: ждет смерти. Немцы все забрали, и старик не может перед смертью надеть чистую рубашку. Он увидел, как русские вернулись в Бородулино, он дотянул до этого часа. Теперь он может умереть. Он смотрит по сторонам: как выкорчеванный лес, его семья. Остался старик, и ему страшно одному.

Снег сердобольно прикрывал раны земли. Теперь снег сошел. Кругом опаленная земля. Где были села — трубы и головешки. Где проходили улицы Гжатска — почерневшие кирпичи, железные бруски, щебень.

Шеренгами выстроились кресты немецких кладбищ. Но нет крестов над могилами замученных немцами женщин. Не счесть убитых и угнанных в неволю. Среди бутылок из-под шампанского и консервных жестянок видишь детский башмачок или разодранную шаль — свидетелей большой драмы.

Длинную жизнь прожил Павлов. Он был ребенком, когда громыхали орудия Севастополя. Он помнит освобождение крестьян. Разве тогда он мог подумать, что через восемьдесят лет увидит новых крепостников? Никогда в Бородулино не заглядывали чужеземцы. Павлов иногда бывал в Гжатске на ярмарке. Он покупал детям гостинцы и молился в Казанском соборе. Он не знает, что Казанский собор немцы взорвали. Он не знает, что на базарной площади не осталось ни одного дома. Но старику страшно: стряслось горе. Когда-то он говорил дочкам: «Семья вместе, так и душа на месте». Теперь немцы раскидали семью, и душа старика рвется прочь.

Павлов поздно женился. Ему было пятьдесят семь лет, когда у него родилась младшая дочь, Лена. Давно Павлов овдовел. Но приезжали в Бородулино дочки, внучата, правнуки. Старик глядел на детвору и вспоминал давние годы, проказы на речке, посиделки, зеленую весну Смоленщины. Умирая, он думает: где его семья?

Старшей дочери Феодосии Павловне сейчас должно быть пятьдесят три года. Жива ли она? Давно, еще до революции, Феся повстречалась с Кузьмой Ивановичем Оленевым. Поженились. Отвое-

вал Оленев, вернулся домой в Гжатск. Он был скромным человеком — пастухом, пас городское стадо. В 1918 году ему дали маленький домик на окраине города. Это место называется Ленинградской мызой. Кухонька, а за ней комната. Жили Оленевы бедно, но чисто. Самовар всегда блестел, уютно тикали ходики, на стенах висели школьные аттестаты детей и фотографии в рамках. У Оленевых было четверо детей. Малограмотный пастух говорил: «Пусть учатся пострелы...»

Вот кончил десятилетку старший — Ваня. Торжественно Оленев говорил: «Мой-то — киномеханик!» Феодосия Павловна написала отцу в Бородулино: «Ваня теперь в кинотеатре». Старик никогда не видал кино, но одобрял внука: «Значит, доучился...»

Женился Ваня. Невесту нашел он в селе Мишино, привез в Гжатск. Жили хорошо. Пошли дети, да как пошли — вот уже пятый в пеленках. Иван Кузьмич был на военной службе, и война его застала далеко от Гжатска. А жена с пятью детьми уехала к матери в Мишино.

Второй сын — Миша был шофером. Он катал пастуха в машине. Отец говорил: «Хорошо, только слишком скоро...» В Карманове Миша познакомился со своей суженой. Вскоре справили свадьбу. Когда напали немцы, сыну Михаила было два года. Михаил Кузьмич ушел на войну. Немцы подходили к Гжатску. Жена Миши взяла ребенка и пошла на восток. Шли по дороге тысячи людей, шли молча — о чем тут говорить? А ребенок плакал... Что стало с молодой женщиной? Дошла ли она или ее убили немцы? Никто не знает о ее судьбе.

Третий сын — Шура был общим любимцем. К началу войны ему было пятнадцать лет. Он должен был перейти в седьмой класс. Учился он замечательно — считался первым в школе. Учительница Мария Ивановна говорила Феодосии Павловне: «Ваш Шура будет изобретателем». Ростом Шура не вышел, был маленький, веснушчатый, с чубом и острыми, пытливыми глазами. Все мастерил что-то — то сидит с лупой, то чертит машину.

На год моложе Шуры была сестренка Лида, рослая, крепкая, красивая.

Так жили Оленевы, и дед в Бородулино радовался: вот ведь какие внуки, а правнуки внуков переплюнут...

В ветреный осенний день на улицах Гжатска показались солдаты в серо-зеленых шинелях. Два немца пришли в комнату Оленевых, легли на кровать и закричали: «Матка, яйки!..»

Много волнений пережили до этого дня Оленевы. От Вани были письма, а Миша пропал. Проходили через Гжатск наши, рассказали Оленевым, что возле Ельни Михаил вез командира, и попали они в кольцо. «Может, прорвались с партизанами?» — утешала себя Феодосия Павловна. А Кузьма Иванович молчал.

Потеряли Мишу. Жена его ушла с ребенком, и Оленевы не знали, что с ней. Жена Вани и дети в Мишине, но туда не проехать, не пройти — немцы никого не выпускают из города. Что со стариком в Бородулино? А здесь еще немцы в доме буянят, требуют: то молока им достань, то постирай, то самовар поставь.

Простыл Кузьма Иванович и не мог поправиться, сильно кашлял. А Феодосия Павловна давно хворала острым ревматизмом, не могла ходить. Но немцы кричали: «Шнель!» — и Феодосия Павловна торопилась — боялась за детей.

Чуяло ее сердце: в субботу пришли и увели Шуру. Она рыдала, а Шура говорил: «Мама, не убивайся...» Старый Оленев пошел в полицию, стоит, кланяется: «Отпустите мальчика». Вышел офицер, говорит через переводчика: «Ты, дед , иди к себе. Мы это дело рассмотрим — причастен ли твой сын к партизанам или не причастен...» В воскресенье утром прибежала к Оленевым знакомая, говорит: «На улице слышно, как Шура кричит, — очень его мучают...» Не могла ходить Феодосия Павловна, но тут не пошла — побежала. Просит: «Отпустите его, он еще маленький». Немец смотрит на нее и смеется.

У Шуры нашли «улики»: карманную лампочку с запасной батарейкой, карту Германии, вырванную из атласа, и фотографии братьев в военной форме. Его взяли вместе с соседом, молодым педагогом Дешиным. Они дружили: Шура был развит не по годам. Немцы секли Дешина и Шуру. На улице было слышно, как мальчик кричал: «Звери!..»

В понедельник, чуть рассвело, старый Оленев стоял у входа в полицию. Долго он ждал. Наконец офицер вышел в сени. Переводчик прочитал по бумажке: «Петр Дешин и Александр Оленев расстреляны за связь с партизанами». Офицер кивал головой и улыбался. Оленев хотел что-то сказать, но не смог. Он молча стоял. Немцы его выкинули на улицу.

Остались Оленевы с дочкой Лидой. Девочка работала на парниках. Феодосия Павловна говорила: «Боюсь, Лиду угонят...» Пережили суровую зиму. Настала весна. Немцы радовались, пили шнапс и кричали старой Феодосии Павловне: «Матка, танцуй!..» А двадцать пятого мая пришли полицейские и увезли Оленевых на станцию. «Куда везете?» — спрашивал шестидесятилетний Кузьма Иванович. «Сначала в Барановичи, а там посмотрим». Феодосия Павловна вздыхала: «Не доеду я, и муж не доедет». Немцы спокойно отвечали: «Ничего, если умрете, дочка будет работать». Посадили в телятник и повезли на запад.

На вокзале Феодосия Павловна плача говорила своей сестре: «Лена, уморят нас в Германии. Ты, когда вернутся русские, расскажи про Шуру, скажи, как Шуру замучили...»

Елена Павловна сидит передо мной и рассказывает о горе сестры. Она рассказывает и о своем горе. Елена Павловна на десять лет моложе Феодосии Павловны. Девчонкой она приехала в Гжатск к старшей сестре. Познакомилась с рабочим Сергеем Дмитриевичем Дмитриевым. Вышла замуж, жили неплохо. Был у них единственный сын — Витя.

Перед войной Сергей Дмитриевич заболел тяжелой желудочной болезнью. За один год из сорокалетнего крепкого мужчины он превратился в инвалида. Витя говорил: «Я теперь работник...»

Сначала немцы отобрали корову, а коровы в Гжатске были основой благополучия. Это не простые, но породистые швицкие коровы, которые дают очень много молока. Жители прятали коров, как умели. Но разве спрячешь животное?.. Забрали корову и у Дмитриевых.

В доме поселился фельдфебель. По словам Елены Павловны, он был маленький, чернявый и злой. Как только Елена Павловна выходила из дому, фельдфебель начинал «развлекаться»: он бил по щекам больного Сергея Дмитриевича. Он бил его часами: эта «забава» немцу не приедалась. Вите было четырнадцать лет, но на вид ему нельзя было дать больше десяти. Мальчик тихо говорил матери: «Снова папку били. Хоть бы партизаны пришли!..»

Как-то вечером ворвались в дом два пьяных немца. Это были сопляки. Они стали кричать: «Матка, идем спать». Елена Павловна укоризненно сказала: «Сколько тебе лет?» Один показал по пальцам: двадцать. «И не стыдно тебе? Я старая женщина, мне сорок два года...» Немец засмеялся: «Ганц эгаль» (это неважно). Они стали сдирать платье с Елены Павловны. Она вырвалась и полуголая выбежала на улицу. Бежала и думала: «Сейчас застрелят», — и говорила себе: «Пускай, а на позор не пойду».

Настали грозные дни: под напором Красной Армии немцы начали отходить. Слух о том, что немцы угоняют детей, облетел город. Металась вдова Столярова. Ее муж работал на почте, его знали все. Немцы его посадили в концлагерь, там он умер от сыпняка. У Столяровых был один ребенок — тринадцатилетний мальчик. Столярова пыталась его спрятать. Она его зарыла в снег, потом испугалась, что мальчик замерзнет. Она прикрыла Витю сеном. Но пришла соседка, рассказывает: «На Московской они штыками сено тычут...» Пришли и забрали мальчика Столяровой.

Пришли на Бельскую к Людмиле Качевской, забрали всех четырех детей — два мальчика были у Качевской и две девочки. Пошли дальше — у Петровой взяли сына Митю. У Беспаловой угнали дочку четырнадцати лет. У Казакина двух мальчиков — Николаю было шестнадцать лет, Юре — четырнадцать.

Елена Павловна видела, как надвигается беда, и не могла ничего сделать. Она повторяла про себя: «Хоть бы наши поспели!..» А фельдфебель собирал все добро Дмитриевых и на прощание утешал

себя: бил по щекам больного Сергея Дмитриевича. Потом пришли солдаты и схватили Витю. Немец кричал: «Матка, прочь!» Елена Павловна обнимала единственного сына, а немцы подгоняли его прикладами.

Потом немцы начали жечь дома. Они заходили в дом, выбивали стекла, обливали горючим стены, и дом вспыхивал, как спичка. Горели дома со старыми тюфяками, хранившими отпечаток человеческого тела, с дедовской мебелью, с фотографиями бабушек, внучат, родственников, друзей. Горели платья в шкафах. Горели детские игрушки. Горела жизнь. Горел за домом дом, за улицей улица.

Воздух потрясали раскаты. Это немцы взрывали большие здания. Они взорвали школу, где учились Оленевы. Они взорвали клуб, где Иван Кузьмич работал киномехаником. Они взорвали церковь с зелеными куполами, где когда-то венчалась Феодосия Павловна. Они взорвали больницу, где лечили Лиду. Они сожгли и взорвали город.

Они жгли за деревней деревню. Они пришли в Мишино. Там жила жена Ивана Кузьмича Оленева с пятью детьми. Немцы сожгли ее дом, сожгли все село. Женщина и дети остались в яме среди снега. Они пробовали отогреться у головешек своего дома. Потом пришла холодная ночь, и дети заплакали.

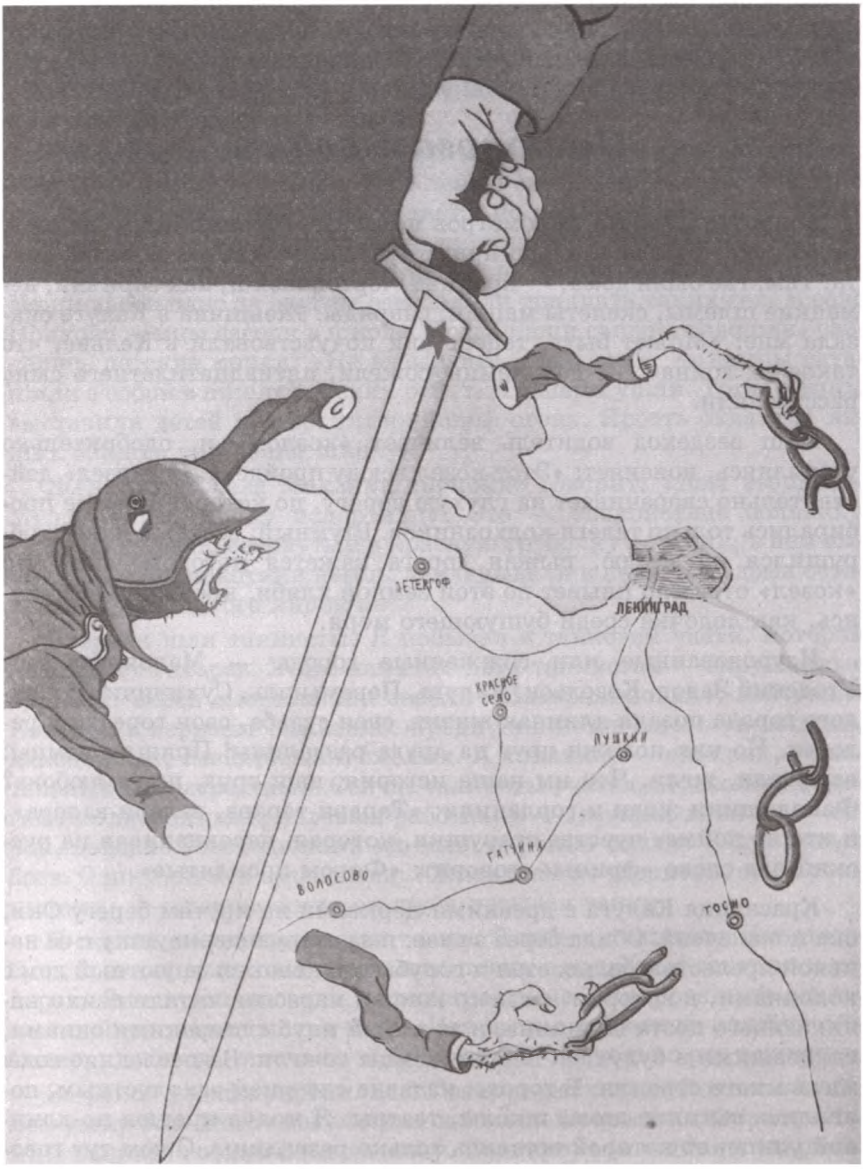
А по дорогам на запад немцы гнали рабов: юношей и девушек, подростков, двенадцатилетних детей. Отстававших немцы били плетьми. Старший лейтенант Петр Петрович Казакин вошел с одним из первых отрядов в Гжатск. Он побежал к жене: «Катя!..» Потом посмотрел вокруг и все понял: Колю и Юру немцы угнали.

Вдова Столярова работает на почте. Ее спрашивают: «Писем нет?» Ждет письма от мужа Качевская: ее муж воюет, а детей угнали немцы. Не ждет писем Столярова: ее муж умер в немецком лагере, а сына увели немцы. Если придет письмо от Ивана Кузьмича Оленева, куда его доставить? Миша пропал без вести, Шуру расстреляли, родителей и Лиду угнали в Германию. А где был дом — только мусор и зола.

В селе Бородулино умирает столетний Павлов. Старик тяжело умирает, молчит. Кажется, что он все думает, думает: хочет понять. Где Шура? Расстреляли его немцы. А Лиду увезли и Витю угнали. Погиб Миша. Дети Ванюши остались без крова. Пропала жена Миши с сыном. Разбита семья. Разорено гнездо.

6 апреля 1943 года

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

По дорогам войны

Я проехал триста километров по земле, отвоеванной у немцев. Зимой снег сострадательно прикрывал раны. Теперь повязка снята. Там, где были дома, — крапива, чертополох и, как сорняки, немецкие шлемы, скелеты машин, снаряды. Женщина в Калуге сказала мне: «Может быть, теперь они почувствовали в Кельне, что такое их война». Ее дом немцы сожгли, пятнадцатилетнего сына расстреляли.

Наш вездеход водитель величает «козлом» и, одобрительно ухмыляясь, поясняет: «Этот козел всюду пройдет». И «козел» действительно сворачивает на глухую дорогу, по которой прежде пробирались только телеги колхозников. Шумный, веселый ливень обрушился на землю, рыжая дорога кажется потоком лавы. Но «козел» отважно плывет по этой земной хляби, кренясь и вздымаясь, как лодочка среди бушующего моря.

Изуродованные или сожженные города — Малоярославец, Угодский Завод, Козельск, Калуга, Перемышль, Сухиничи. У каждого города позади длинная жизнь, своя судьба, свои горести и радости. Но как похожи друг на друга развалины! Пришли немцы: взрывали, жгли. Что им наша история, наш труд, наша любовь? Факельщики жгли и горланили: «Тарари-тарара, валери-валера», и кто не поймет чувства старушки, которая, переиначивая на русский лад слово «фрицы», говорит: «Фирсы проклятые».

Красавица Калуга с древними церквами на крутом берегу Оки, она покалечена. Обида берет за все: и за старую церквушку с ее наивной прелестью белых стен и голубых луковок, и за уютный дом с колоннами, в котором когда-то юноши нараспев читали стихи начинающего поэта Пушкина, и за новый клуб с широкими окнами, глядевшими в будущее. Все это немцы сожгли. За последние годы здесь много строили. В городе, издавна слывшем захолустным, появились высокие дома, школы, театры. Я молча прошел по длинной улице, от которой остались только развалины. О чем тут гово-

рить? Мы знаем, с каким трудом строили наши города, и мы молчим: здесь нужно не говорить — истреблять.

Сожжены сотни сел. В редких уцелевших домах живут по три, по четыре семьи. Старики, вспоминая месяцы ига, спрашивают: «Гитлер где?» Сожженные немецкие танки, гильзы, железо, и среди мира смерти буйно цветут цветы, желтые, розовые, фиолетовые. Кажется, никогда я не видел столько цветов. На опушках лесов обугленные, обезглавленные минами березы, а глубже, в пуще, обычный зеленый покой, и неизменная кукушка пророчит девушке в гимнастерке долгую жизнь.

Вот район, освобожденный от немцев в марте и в начале апреля. Бои здесь были упорными. Еще лежал снег, мешая идти вперед, а лед на реках был уже тонким, танки по нему не проходили. Здесь мало леса. В селах двухэтажные кирпичные дома. Немцы их превратили в доты. А села большие — по триста—четыреста домов. Наши части одно за другим освободили тридцать таких сел. В селе Попково немцы засели в школе. Когда наши саперы подошли, раздались детские крики: «Не взрывайте, здесь мы», — немцы затащили с собой в школу русских ребят. И саперы ушли. Тогда немцы выставили детей под артиллерийский огонь. Ярость охватила наших бойцов, они взяли школу.

Женщина в селе Маклаки спокойно говорит: «Дом взорвали. Мужа увели. Дочку испортили». Это — спокойствие большого горя. Аккуратно свернутый в красную трубочку пакетик, в нем аммонал. Такие пакетики немцы закладывали в печь, и от дома оставалась груда битого кирпича.

Впереди шли танкисты. Я побывал в танковой части, которой командует Токарев. Жива память о двух танкистах — окруженные врагами, перед смертью они запели «Интернационал»: лейтенант Ковачук и сержант Зинченко. Среди танкистов много украинцев, находчивых, смешливых и смелых. А командир — сибиряк, решительный и бесстрашный. Сейчас танкисты учатся, отдыхают, помогают колхозникам в полевых работах, и —девушки дивятся — герой, недавно освободивший их село, скромно пашет. Ждут новых боев. Один танкист сказал мне: «Лошадкам не терпится, стучат копытами» — «лошадками» он шутя называл танки.

Я сказал, что впереди шли танки. Я забыл о саперах. Когда-нибудь поэт напишет замечательную поэму о мужестве советских саперов. Они прошли сотни километров по заминированной земле, каждый вытащил тысячи мин. «Как же вы ни разу не ошиблись?» Сапер, улыбаясь, отвечает: «Сапер ошибается только раз в жизни».

За рекой немцы укрепились. Генерал-лейтенант Рокоссовский, командир большого спокойствия и большой страсти, говорит: «Немцы напрасно обижаются на зиму. Конечно, зима по ним ударила,

но зима их спасла. Не немецкие солдаты, а русские снега остановили преследование отступавшей германской армии».

Я видал гвардейцев, их дивизия — это ополченцы Ленинградского района города Москвы. Год тому назад они были мирными людьми. Пришлось променять перо на винтовку, токарный станок на станковый пулемет и колбы на гранаты. Они это сделали. Они сделали и большее: они полюбили победу не как далекую мечту, не как историческую справедливость, не как статую из мрамора, но как сестру — обветренную, задымленную и запыленную, в поту и в крови.

Недавно пять разведчиков нашли в лесу заржавленный волчий капкан. Они, смеясь, рассказывают: «Фрица в капкан поймали. Ефрейтор, а оказался закапканенный». Сказываются отвага и смекалка русского человека. Немцы боятся темноты, леса, ночных шорохов, природы. Они не знают языка птиц, не умеют различать следы. В Сибири жили охотники за пушным зверем, а жители Лейпцига только торговали мехами.

За рекой немцы. А там дальше — за немцами — партизанский район. Оттуда приходят и прилетают. Партизаны рассказывают о больших боях. Против немцев они двинули немецкие танки, бронепоезд. Привезли недавно пленного ефрейтора. Попав в плен к партизанам, немец изумился. Ему говорили, что партизаны — это бородатые бандиты, которые закусывают водку котлетами из немцев. А ефрейтор увидел бритых людей, хорошо вооруженных, и они не только не съели ефрейтора, но даже дали ему творогу со сметаной, и ефрейтор сказал: «Майн готт, за четыре месяца впервые я хорошо покушал». Этот ефрейтор ручной, он даже пас в партизанском районе колхозное стадо. Он рассказывает, что немцы боятся партизан: «У нас полковник заболел животом. Вызвали врача. А врач говорит: «Не поеду! Меня по дороге партизаны застрелят». Его повезли силой. Он приехал и говорит полковнику: «Я теперь сам болен. Вы меня и лечите».

Партизаны дали мне крохотные газеты и листовки, напечатанные на оберточной бумаге или на листках из школьных тетрадок. Они написаны и напечатаны партизанами. Простые суровые слова: «Дорогие братья и сестры! Подымайтесь на врага! Бейте всюду фашистских гадов! Не давайте пощады предателям родины! Вступайте в партизанские отряды!»

Пленные немцы угрюмо лопочут: «Гитлер капут». Что им еще сказать — ведь они в плену. Вот ефрейтор Иоганн Гальтман. Он крестьянин. Боец его спрашивает через переводчика: «Хозяйство у тебя большое?» Немец отвечает: «Куда там — всего-навсего один француз». Пленный француз для него — лошадь. И, услышав ответ ефрейтора, бойцы сердито отплевываются: «Разве это люди?»

Бойцы теперь не очень-то верят причитаниям пленных немцев, но одно бесспорно: немцы приуныли. Была у них солдатская песня — для судетских немцев, для эльзасских сепаратистов, для немецких колонистов в Венгрии, в Югославии, в Румынии: «Вир воллен гайм инс райх» — «Мы хотим жить в Германской империи». Теперь они переделали эту песенку: «Вир воллен гайм, унс райхт» — «Мы хотим домой, с нас хватит». Увы, они хвастают — с них еще мало. Приунывшие, они и обороняются, и ходят в атаку. Нужно нанести им еще немало серьезных ударов. Тогда они перестанут петь: «Мы хотим домой», тогда они молча побегут домой. Молча или хрюкая: один разведчик, который привел пленного немца, мне сказал: «Он всю дорогу, извиняюсь, с перепугу хрюкал...»

Был на переднем крае шумный день. Бурю вызвал скромный диктор радиоустановки. Напротив стоят немцы 211-й дивизии, сформированной в Кельне и составленной из уроженцев Рейнской области. Диктор начал: «Солдаты, уроженцы Кельна! Свыше тысячи английских самолетов бомбили вчера Кельн...» Немцы открыли ураганный огонь: они не смогли отстоять Кельн, но они решили уничтожить диктора. А когда снова воцарилась тишина, раздался тот же спокойный голос: «Солдаты, уроженцы Эссена! Вчера крупные соединения английских бомбардировщиков...»

Горячее солнце. Сухие дороги. Сухие, горячие глаза людей.

6 июля 1942 года

«Каштанка»

Мы часто употребляем слова условно, не задумываясь, подходят ли они к случаю. Так гитлеровцев иногда называют «собаками». А вот передо мной Жучка, мохнатая лайка с добрыми карими глазами. Она спасла немало раненых бойцов. Нет в ней ничего общего с жестокими и низкими существами, которые приползли на нашу землю, и обладай Жучка даром речи, она, наверно, сказала бы своему вожатому: «Не зови ты немцев собаками».

Издавна собаку окрестили четвероногим другом. Она помогала и пастуху, и охотнику, и пограничнику.

Ум собаки и терпение ее воспитателя делают чудеса. Все знают, как собаки-водолазы спасают тонущих или как сенбернары выручают путников, замерзающих в горах.

Кто зимой не видел на фронте нартовых собак? Это русские лайки, пушистые, ласковые, выносливые. Они спасли тысячи и тысячи жизней. В лесу по глубокому снегу четыре лайки быстро, но

осторожно везут лодочку с раненым. Машины не могут проехать, лошади не проходят, а собаки совершают по нескольку рейсов в день.

Помню одну упряжку. Лайки замечательно работали, только иногда Шарик ворчал на Красавчика — они были в ссоре, но знали, что теперь не до драки, и ворчали вполголоса. В лодочке лежал раненый лейтенант, любимец роты: осколок мины разбил колено. Один из бойцов подошел к псам, погладил их и серьезно сказал: «Молодцы, что довезли...»

На одном участке Западного фронта отряд нартовых собак перевез за месяц 1239 раненых и доставил на передний край 327 тонн боеприпасов. Передо мной записка, нацарапанная наспех карандашом: «Наша часть, наступая, несет потери. В церкви скопилось много раненых. Вывезти не на чем. Если можно, сейчас же пришлите нартовых собак. Положение серьезное. Командир медсанбата». Собаки поспели вовремя и вывезли раненых.

Собаки выручали и в заносы и в распутицу. Теперь собаки тащат упряжки на колесах. Они пробираются по лесу между кустами. Их не пугают ни мины, ни пули. Я знаю лайку Мушку. Осколок мины оторвал у нее ухо, но она продолжает работать. Это обстрелянная собака. При сильном огне она не идет, но ползет. Другие собаки явно уважают Мушку и следуют ее примеру. Мушка вывезла много раненых. Недавно один боец отдал ей свой кусок мяса и задумчиво сказал: «Как будто она... А может, и не она — похожая... Вот такая меня спасла возле Ржева...»

Есть собаки по природе приветливые, общительные, они незаменимые помощники санитара. Было это возле Сухиничей. Шотландская овчарка Боб в белом халатике ползла по поляне. Короткая пауза между атакой и контратакой. Раненые попрятались в ямах или в воронках. Боб отыскал шестнадцать раненых. Найдя человека среди снега, Боб ложится рядом и громко, взволнованно дышит: я здесь. Боб ждет, не возьмет ли раненый перевязку: на спине у собаки походная аптечка. И Бобу не терпится — скорей бы взять в зубы брендель (кусок кожи, подвешенный к ошейнику, — знак того, что собака нашла раненого) и поползти к санитару: иди сюда... Боб нашел семнадцатого — лейтенанта Яковлева. Когда собака поползла за санитаром, начался обстрел из минометов. Осколок оторвал у Боба сустав передней лапы. Он все же дополз до хозяина, не выпуская изо рта бренделя, торопил: скорей за мной!..

Есть и другие собаки, с характером угрюмым, недоверчивым. Эти превосходно охотятся за «кукушками». Барс открыл трех немецких автоматчиков, четвертый застрелил Барса, но тем самым выдал себя и был снят снайпером.

Видал я и другого охотника за «кукушками» — Аякса. Это крупная, отнюдь не приветливая овчарка. Аякс не выносит немец-

кой формы, серо-зеленая шинель приводит его в ярость. Кроме того, Аякс считает, что человеку не подобает сидеть на дереве. Для него самое большое удовольствие прочесать лес.

Я не знаю, можно ли перевоспитать молодых гитлеровцев. Сомневаюсь. Но немецкую собаку наши перевоспитали. Ее взяли вместе со штабными бумагами. Она занималась низким делом: искала партизан. Теперь этот пес, прозванный Фрицем, ищет «кукушек».

В январе гвардейский стрелковый полк оказался в тылу у врага — под Вереей. Проволочная связь часто рвалась, радиоустановки были разбиты. Связь поддерживали четырнадцать собак. Собаки ползли по открытой местности под ураганным минометным огнем. Здесь погибла овчарка Аста, она несла из батальона на командный пункт полка донесение: «Огонь по березовой роще». Аста, раненная, доползла до своего вожатого Жаркова. Положение было восстановлено. В тот самый день был ранен Жарков.

Однажды собака Тор принесла следующее донесение: «Залегли. Не можем поднять головы — сильный обстрел». Тор понес назад приказ: «Людей поднять. Вести наступление». Два часа спустя гвардейцы вошли в Верею. Комиссар полка Орлов говорит: «Собаки нас выручили под Вереей...»

Как не вспомнить рыжего эрдельтерьера Каштанку? Раненная в голову, с разорванным ухом, истекая кровью, Каштанка подползла к вожатому: доставила в батальон донесение. Ее забинтовали и отослали назад: другой связи не было. Две недели, забинтованная, она поддерживала связь с резервом. Было это возле Наро-Фоминска. Там Каштанка и погибла от снаряда. Многие бойцы ее помнят.

Связная собака предана долгу, ее не остановят ни пуля, ни птица в кустах, ни река, ни смерть: она спешит с донесением. Она пробегает, а под огнем, маскируясь, проползает два-три километра. Красноармеец Козубовский добился, что его собака поддерживает связь между двумя пунктами, расположенными на линии огня и отстоящими один от другого на шесть километров.

Когда наши защищали высоту Крест, эрдель Фрея проделала тридцать три рейса — семьдесят километров. В последний раз Фрея принесла донесение смертельно раненная: осколок мины раздробил ей челюсть.

Что добавить к этому простому рассказу? На войне люди больше, чем когда-либо, ценят верность. Мы все помним прекрасный рассказ Чехова «Каштанка». Теперь Каштанка спасает раненого хозяина.

25 мая 1942 года

Так зреет победа

Что нужно для победы? Одни скажут — тщательная подготовка операции, другие — превосходство вооружения, третьи — отвага. Для победы нужно все: и пот сталеваров Челябинска, и мужество бронебойщика, и карты генштаба, истерзанные цветными карандашами. Всего важнее для победы человеческое сознание, зрелость чувств, накал воли. Я говорю об этом на клочке родной земли, только что отвоеванной у немцев. Направо, налево трупы фрицев. В предсмертной судороге они цеплялись за чужую, враждебную им землю. У одного в руке горсточка земли. Магистр права или просто колбасник, он шел за добычей, за мехами, за пшеницей, за золотом. Он получил щепотку земли.

Атака должна была начаться в тринадцать ноль-ноль. А в двенадцать двадцать бойцы прорвали оборону. Младший лейтенант Рашевский, командир роты, двинул своих бойцов до срока. Еще длилась артиллерийская подготовка. Немцы сидели в блиндажах. Они твердо верили, что между последним снарядом и русским «ура» пройдет пять минут: добегут до пулеметов. Лейтенант Рашевский проявил инициативу и настиг немцев врасплох. Так начался разгром 87-й немецкой дивизии и очищение от немцев северного берега Волги. Может быть, наши далекие друзья задумаются над примером лейтенанта Рашевского и спросят себя: что лучше — выступить за час раньше до назначенного срока или опоздать на год?

В шестнадцать часов был очищен от немцев весь северный берег Волги, освобождены двадцать пять населенных пунктов, захвачены трофеи. 87-я немецкая дивизия считалась жемчужиной германской армии. Ее называли «зеленое сердце» — эти колбасники любят воровать под нежную музыку. Солдаты «зеленого сердца» валяются мертвые на черной топи или плывут вниз по Волге. Те, что спаслись, оставили в штабе полковое знамя, а на берегу Волги штаны: через реку они переправлялись налегке.

27 августа генерал Штутниц передал командование 87-й дивизией генералу Рихтеру. В прощальном приказе генерал Штутниц писал: «Наша славная дивизия промаршировала через Бельгию в Париж и на Луару, а потом через Вязьму и Гжатск в Ржев. Я уверен, что воинский дух дивизии будет жить и приведет нас к скорой победе». Где этот «воинский дух»? Тряпка со свастикой, кипа документов да портки «завоевателей Парижа», оставленные на берегу Волги. Здесь они не маршировали, а драпали. Прошел всего месяц со дня патетического приказа генерала Штутница, а его дивизии уже нет, раки жрут утопленных фрицев, черви заняты закопанными. Унтер-офицер Курт Декер, эстет и обжора, который

восхищенно вспоминает о страсбургских паштетах и шампанском, вздохнув, говорит: «Мы должны были сохранить предмостное укрепление для дальнейших операций». Мне остается ему ответить: «Благодарите бога, что вы сохранили штаны».

Часть, которая освободила северный берег Волги, была необстрелянной. В ней много узбеков, казахов, татар. Против нее находились опытные, старые солдаты Гитлера. Накануне атаки на холме состоялся митинг. Оттуда хорошо виден Ржев. Этого города больше нет, но он жив в сознании каждого бойца. Узбеки и татары говорили на своих языках, русские на русском, но был у них один общий язык: ненависть. Она кинула вперед бойцов лейтенанта Рашевского до срока. Она заставила пехотинцев обогнать танки. Она помогала минометчикам тащить по болоту минометы.

Вот узбек Абдысамет Юльчиев. У него смуглое тонкое лицо библейского отрока. Далеко, в его солнечном краю, осталась девушка по имени Зведа. И Юльчиев кричал: «Вперед! Алдиге! За родину! За Зведу!» Пулеметчик, он схватился за гранаты и стал потрошить немецкие блиндажи. Вот татарин Бибаев. У него четверо детей в Казани. Его немолодое лицо изборождено годами. Он командовал отделением. Окружили немецких автоматчиков: «Мы из них сделали лепешку». «Маленько их пощекотали», — говорит татарин Абрагим Багаутдинов. Его отделение захватило штаб полка с сотней секретных приказов и с полковым знаменем: паук на тряпке. Казах Мухамедар Джантлесов командовал минометным взводом, уничтожил полсотни фрицев. Он с улыбкой добавляет: «Я лично два» — эти два ему особенно дороги, он их прикончил не минами, и с признательностью смотрит Джантлесов на свои крепкие жилистые руки. Вот Иван Андреевич Шумский. У него в захваченном немцами селе родители, жена, сестры: «Стариков жалко. Вот где у меня скребет...» Его лицо было мягким, даже добродушным, обычное русское лицо с чертами расплывчатыми и нежными, как русский пейзаж. Теперь это лицо неузнаваемо: «Скребет... Я только тогда отхожу, когда бью фрицев...» Я слушаю его в темном блиндаже и думаю: так вызревает победа.

Старший лейтенант Доровиков, получив четыре ранения, оставался в строю, отвечал: «Потом... Дойти до Волги...» Лейтенант Рашевский, раненный, продолжал командовать ротой. Огнем из винтовки он уложил тридцать немцев. Дрались отчаянно, исступленно: год испытаний не прошел зря.

Прекрасно боевое братство народов нашей страны. Гитлер гонит вперед рабов или наемников, а узбеки рвутся к Ржеву, как будто перед ними плодоносные сады Ферганы. Русские бойцы мне говорили об узбеке Каракулове: «Хлеба не умел попросить. Тихий... А в бою смелее всех...» Можно под Парижем проиграть Францию —

об этом знают солдаты 87-й дивизии. Можно на Волге отстоять Амударью. Об этом теперь узнали солдаты той же битой дивизии.

Минные поля немцев были хорошо оборудованы на триста — четыреста метров в глубину. Мины не остановили бойцов. Вот передний край врага. Несмотря на артиллерийскую подготовку, дзоты и блиндажи еще оставались серьезной преградой. Восемь месяцев немцы укрепляли этот рубеж. Все было решено в четыре часа. Улыбаясь, говорит полковник Гавалевский: «Конечно, следовало бы объявить лейтенанту Рашевскому выговор, но я его представил к награде».

Один пленный ефрейтор сказал мне: «Это бои не за развалины Ржева, а за зиму». Фриц кое-что понял. Слово «зима» он произносит с суеверным страхом. Конечно, немцы боятся зимних холодов, но еще сильнее они боятся зимних операций. Тот же фриц мне пояснил: «Всем известно, что зимой русские наступают». Ему кажется, что война длится по меньшей мере десять лет, и каждый год с немцами в декабре приключается неприятность. А ночи уже холодные, под утро седина покрывает траву, как напоминание о близком снеге. Фрицы ежатся и не только от холода.

Ржев останется доблестной страницей в истории России. Здесь была проверена огнем сила нашего государства. Здесь слова «взаимная выручка» чертились кровью лучших. «За юг!» — кричали бойцы, идя на штурм ржевских кварталов и очищая от немцев северный берег Волги.

Защита Сталинграда жива здесь, среди тверских болот.

В госпитале лежал немолодой боец с тяжелой рваной раной. «40,2» — значилось над его койкой. «Прогнали за Волгу», — сказал ему комиссар, и к ночи температура спала. Мы дошли в нашей ненависти до предела. Мы не можем жить, пока живы немцы. «От них трава вянет, а сердце сохнет», — сказал мне боец Илья Горев. Да, сердце у нас теперь сухое, как земля в засуху.

9 октября 1942 года

Ожесточение

Когда-то мы думали об осени как о времени мудрости и покоя. Мы увидели другую осень, все в ней — тревога. Беспокойной кажется яркая листва, золото и кровь лесов. Томит холодное блистательное солнце, а по ночам даже ракеты не способны скрыть мотовства рассыпанных звезд. Разор в природе, тоска, ожесточение.

Разорена страна, едешь, и вместо сел — надписи на карте; не разобрать, где стояли избы. Издали Торжок или Старица похожи на

город, но города нет, вместо домов обгоревшие фасады. В редких деревнях, где уцелели дома, пусто и неуютно.

В одной деревне, освобожденной от немцев, остались памятники загадочной для нас цивилизации. Вокруг избы, где жили офицеры, посажены березки, а среди деревьев игрушечная виселица: на ней фрицы, забавляясь, вешали кошек — людей не было, людей немцы угнали.

Судя по карте, здесь была деревня. Трудно в это поверить. Немецкие блиндажи. Воронки. Свист снарядов. Резкий ветер кружится на месте. Бойцы курят и однозвучно говорят: «Перелет... недолет...» У них красные глаза — сколько ночей длится эта битва? Когда на минуту воцаряется тишина, всем не по себе.

Как загадочны среди этого пейзажа колхозница, девочка с жидкой косицей и белая собачонка! Ищут в земле мешок картошки и самовар. Женщина сгибается от свиста, собачка распласталась на земле, а девочка спокойно рассказывает: «Здесь колодец был. Главный немец приказал из колодца блиндаж сделать; пугливый гад, когда наши подошли, он выскочил и на велосипед, как был, в трусах, но его стукнули, а велосипед вон там — попорченный...» Ей жаль велосипеда. Я спрашиваю: «Ты откуда?» Она коротко отвечает: «Тася. Пионерка».

С бугра виден военный городок. Два больших корпуса. Немецкие бомбардировщики пикируют на западе. Дым. Артиллерийская гроза растет. Перед Ржевом — маленький лесок. Немцы сегодня атакуют: танки, пехота.

В блиндаже связист, пытаясь покрыть грохот, упрямо повторяет: «Долина... Долина... здесь Дунай...» Потом к телефону подходит полковник и кричит: «Положение восстановлено».

Немцы пытались отрезать наши части, занимающие окраины города. Они бросили в бой две новые дивизии — 110-ю пехотную и 5-ю танковую. Вот пленные, они пробыли на этом фронте всего несколько часов. На опушке рощи трупы немцев и двадцать один подбитый танк. Это счет за второе октября. Генерал-полковник Модель хотел, видимо, отпраздновать годовщину похода на Москву, фейерверк влетел немцам в копейку.

Огромное зарево: горит Ржев, вернее, то, что осталось от Ржева. Кварталы — условные понятия. Там, где были дома, — блиндажи, окопы. Я спросил пленного фельдфебеля: «Почему вы так держитесь за развалины небольшого города?» Он ответил: «Господи, бог ты мой, это только называется Ржев, а на самом деле это — ворота. Так дело может дойти и до Берлина...»

Немцы держатся за Ржев как за предмостное укрепление. Они еще не отказались от планов наступления — на потерянный Зубцов. Для немцев Ржев связан с прошлогодней мечтой о Москве. Ржев для них также барьер — позади Вязьма, Смоленск, Белорус-

сия. Не смолкает суровая музыка боя. Труп немца. Неотправленное письмо обер-ефрейтора Роберта Клопфа своему брату: «Это нужно пережить самому, чтобы понять, что такое настоящая война. Здесь идет жесточайшая битва. Вопрос стоит — быть или не быть». Для ефрейтора вопрос решен: он лежит под кровавым огрызком ущербной луны. Будет решен вопрос и для проклятой Германии.

Легкораненые не хотят уходить с поля боя. У них невидящие глаза, как будто их разбудили среди ночи и не дали очнуться. Они еще дышат грозным воздухом битвы. Один показывает на зарево и говорит: «Пойду туда...»

Гвардии генерал-майор Чанчибадзе, горячий и неистовый, как лето Грузии, отдает приказ: «Мертвых похоронить. Раненых отправить в тыл. Остальные — вперед». В темном блиндаже раздают ордена гвардейцам. У всех изможденные, но твердые, как бы из камня высеченные лица. Что сделали немцы с нашим народом? Были благодушные мечтатели, парни, делившиеся с пленными последней щепоткой махорки, были любители баяна и гуманисты, на всех языках Союза твердившие о братстве, был народ ржи и васильков, теплого дерева и ласки. Другой теперь народ. Закаменели лица, блестят при свете коптилки сухие глаза. Не прикрепив орденов к груди, гвардейцы спешат на юг: Ленин и звезда у них в сердце.

А рядом под минами женщины копают картошку. Они тоже устали, замучились, но они упрямо повторяют: «Бить гада!.. Нужно будет, и мы пойдем...» Недалеко от Ржева я зашел ночью в избу, чтобы отогреться. Со мной в машине ехал американский журналист Стоу. Старая колхозница, услыхав чужую речь, всполошилась: «Батюшки, уж не хриц ли?» (она говорила «хриц» вместо «фриц»). Я объяснил, что это американец. Она рассказала тогда о своей судьбе: «Сына убили возле Воронежа. А дочку немцы загубили. Вот внучек остался. Из Ржева...» На койке спал мальчик, тревожно спал, что-то приговаривая во сне. Колхозница обратилась к американцу: «Не погляжу, что старая, сама пойду на хрица, боязно мне, а пойду. Вас-то мы заждались...» Стоу, видавший виды, побывавший на фронтах Испании и Китая, Норвегии и Греции, отвернулся: он не выдержал взгляда русской женщины.

Донбасс, Дон, Кубань — каленым железом прижигал враг наше сердце. Может быть, немцы ждали стона, жалоб? Бойцы молчат. Они устали, намучились, многое претерпели, но враг не дождался вздоха. Родилось ожесточение, такое ожесточение, что на сухих губах трещины, что руки жадно сжимают оружие, что каждая граната, каждая пуля говорит за всех: «Убей! Убей! Убей!»

Короткие рассказы. Связист Кузнецов, рабочий из Уфы, устанавливал связь через Волгу: «Течение быстрое, я камень взял, что-

бы не отнесло, а на воде пузыри — фрицы строчат... Вышел, — холодно, а во мне все горит. Вдруг фриц «хальт» — с автоматом. Я его стукнул...» У колхозника Петра Колесникова в Горьковском крае жена, две дочки; он коротко говорит: «Провод клал. Фриц, другой. К черту, кувырнулись». Башкир Галиахпатов учился на агронома. Он только что прикончил четырех немцев. Он хотел возделывать родимую землю, он научился ее защищать. Когда на узбека Казбекова бросились немцы, он одного задушил. Боец Ештанов убил четырех фрицев — трех оружием, четвертого ударом головы. Минометчик, парень из Новосибирска, говорит: «Мы его так тряхнем, что он свою фрау забудет». А другие молчат. Чем сильнее ненависть, тем меньше у нее слов. Любовь тоже может дойти до немоты. Давно, среди голых Кастильских гор, я писал:

Нет у верности другого языка,
Кроме острого граненого штыка.

Я думаю об этом, глядя на исступленное бледное лицо чкаловского сталевара Даниила Алексеевича Прыткова. Я просидел с ним вечер в блиндаже. Я мало узнал об его прошлом, но в моих ушах звучит: «Я заколол офицера отечественным штыком».

Прытков ненавидит немцев, и он их презирает, у него к ним гадливость. Он контужен, плохо слышит, чересчур тихо он говорит подполковнику Самосенко: «Товарищ начальник, дайте мне отечественный автомат. У меня немецких шестнадцать штук было — роздал. Противно мне из них стрелять». Он не хочет пить воду из немецкой фляги: «Потерплю. Противно...» Он говорит: «Вижу, тринадцать фрицев звездочки считают. Сидят в яме и курят. Я их из отечественного автомата... Один, здоровый, на меня прыгнул, я его отечественным прикладом...» Слово «отечественный» для него имеет особый смысл, он говорит не по словарю, по сердцу, и в его словах слышится большая отечественная ненависть.

Рассказ Прыткова кажется фантастичным: полтора дня он ходил по ржевскому лесу и убивал немцев. Он снимал планшеты, кресты, брал оружие и шел дальше. Ему говорили: «Хватит. Иди назад». Он отвечал: «А наступать кто будет?» В нем огромное нетерпение — нетерпение России. Контуженный, он подносит часы к уху, качает головой: «Не слышу», потом добавляет: «Ничего, там услышу...»

Что сделал Даниил Прытков? Можно разбить его эпопею на ряд изумительных эпизодов. Можно рассказать, как на Прыткова кинулись четыре немца. Он выхватил у немецкого офицера кинжал и прикончил его: «Этого не отечественным, немецким оружием». Он полз с гранатами и подавил четыре вражеских пулемета. Он пошел вперед и вышиб немцев из окраинного дома военного городка. Он

сделал это по своей инициативе: в трехстах шагах от Прыткова был немецкий склад боеприпасов, его защищали автоматчики. Прытков не мог ждать («А наступать кто будет?») — и он овладел складом.

У Прыткова на Урале старая мать, Евдокия Даниловна. Он говорит: «Трудно ей...» Ненависть не падает с неба, ненависть нужно выстрадать. Был у Прыткова друг, любимый человек, политрук Ведерников. «Убили гады моего комиссара», — срывается голос, рука тянется к автомату.

Он пришел из леса — «держите», и лег спать, измученный, а старшина записывал: 5 железных крестов, 1 медаль, 4 снайперских значка, 4 парабеллума, 1 автомат, 2 снайперские винтовки...

Этот сын уральского казака, наверно, был когда-то обыкновенным мальчиком, учил таблицу умножения, играл в городки, вырос, научился мастерству, нравился девушкам, ходил в кино, жил, как миллионы юношей. Теперь его лицо стало вдохновенным, строгое и отрешенное. Он оглох от контузии, но он все время как будто прислушивается к музыке боя. Он торопится, говорит подполковнику Самосенко: «Пойду туда» — и показывает на Ржев. Напрасно добрый подполковник журит его: «Отдохни еще денек». Прытков не хочет: «А наступать кто будет?..»

Прыткову кажется, что некому наступать. Но вот сейчас наши бойцы перешли в контратаку. Еще один квартал очищен от немцев. Не остановят бойцов ни мины, ни пули. Есть кому наступать — наступает Россия, и угрюмо смотрят бойцы на Волгу — они помнят про Сталинград.

А Ржев все еще горит. Зарево пожара в утреннем свете кажется свечой, которую забыли погасить.

Мы тебя благословляем, великое ожесточение второго года!

8 октября 1942 года

Наша звезда

Кто видел Касторное, его не забудет. Луна обливает ядовитой зеленью снег. Тысячи и тысячи немцев. Одни разорваны снарядами, другие расплющены танками, третьи, похожие на восковые фигуры паноптикума, скошены милосердной пулей. Метет. Снег засыпает трупы, рядом показываются оголенные ветром другие. Их не сочтешь. Здесь нашли конец завоеватели, мечтавшие о соболях, о золоте, о скипетре мира. Полковник обнажил желтые резцы старой крысы. Рыжий фельдфебель прижал к груди флягу. Чудом уцелевшее пенсне дрожит на носу лейтенанта; а тела у лейтенанта нет:

прошел танк. Немцы истоптаны, нашинкованы, нарублены. Они мечтали о «колоссальном» — любимое немецкое слово. Что же, Касторное — это колоссальный некрополь. Полтора года этого зрелища жаждала наша страна. Мы слушали рассказы о виселицах, о лагерях смерти, о городах, растоптанных немцами. Мы слушали молча, а сердце билось, и порой трудно было дышать. И вот — возмездие. Здесь лежат жадные померанские фермеры, возжаждавшие русского чернозема. Здесь лежат эсэсовцы, кричавшие о «народе господ». Здесь лежат пивовары, колбасники, химики, мастера заплечных дел. Здесь лежат немцы, прошедшие от Каунаса до Воронежа; они несли смерть в сумке, как вечную ручку, как зажигалку или перочинный ножик. Но смерть поднялась на них, подобная древнему бурану. Смерть их взяла, и они застыли в последней судороге, ощеренные, жалкие среди чужой им земли. Куски мяса, похожие на части раздавленных машин.

Долина смерти. Офицеры орали: «Скорей», водители впивались в руль, тысячи машин топтались, пытаясь прорваться на запад. Их искрошила наша авиация. Брошенные чемоданы с этикетками европейских гостиниц. Автомобили всех марок — «опель», «рено», «бьюики», «фиаты». Легковые машины, прежде мчавшие французских молодоженов на Ривьеру. Грузовики, некогда развозившие датские сливки и голландские сыры. Зенитки — сложные механизмы, превращенные в рухлядь. Эрзац-валенки из соломы и элегантный кортик полковника. Губные гармоники, компасы, пишущие машинки, куски алюминия, клочки туловищ, железные диски, руки без тел, пражские сосиски, портфели, шлемы, кресты, бинокли и голые розовые пятки, которые торчат из-под снега, как страшная поросль.

Это началось в Воронеже... Чудесный город, обращенный немцами в новую Помпею. Еще взлетали его дома, заминированные генералом фон Блюмом. Еще немцы твердили об «эластичной обороне». Они шагали, подгоняемые восточным ветром. И вдруг метель закружилась. С севера сорвались русские танки, автоматчики, пехота — через Волово, через Торбуны. Касторное рисовалось немцам узловой станцией, этапом, где можно согреться: французский ром, русская печь. Касторное стало для немцев роковым тупиком.

Те, что вырвались, понеслись на запад. Немцы нумеруют дороги. Дорога к Курску у них помечена цифрой 13. Для суеверных — дурное предзнаменование. Уцелевшие не забудут дороги 13. Вторая немецкая армия оказалась не много удачливее шестой. Командир 82-й дивизии генерал Бенц кричал в бессилии: «Скорей!» Он выскакивал из разбитой машины. Бежал по сугробам. Смерть его настигла, как простого фрица. Адъютант Бенца, капитан Циглер, опытный разведчик, «работавший» в Сиаме, в Индии и Китае, мах-

нул белым платочком — прощай, Бенц, здравствуй, плен! Он сидит в жарко натопленной избе, блаженно улыбается и рисует план дальнейшего отступления немцев: «К концу марта наша армия, вероятно, достигнет линии Днепра...» Я помню, как эти господа еще прошлым летом цедили: «К сентябрю мы достигнем линии Волги». Слово «достигнуть» несколько изменило свое значение.

Солдаты и офицеры 13-го германского корпуса, которые вышли живыми из Касторного, по дороге номер 13 бежали к Курску. Их настигала карающая десница Красной Армии. Штабной офицер Отто Зинскер рассказывает о своем пути. Зинскер, как и Циглер, — разведчик. Специальностью Зинскера была Россия. Он хорошо изъясняется по-русски. Я не сомневаюсь, что он мечтал о карьере вице-губернатора Воронежской или Курской губернии. В его планы неожиданно вмешалось наше наступление. «До 17 января наш штаб — генерала Штрома — спокойно находился в тылу — в Касторном. Вдруг мы узнали, что русские прорвали фронт южнее Воронежа. Связь была нарушена. Меня послали, чтобы найти новое место для штаба. Я приехал из Кшени, мне говорят: «Мы отступаем». 27 января командир нашего корпуса генерал Штром связался с командующим второй армией генерал-лейтенантом фон Зальмутом, который находился в Курске. Штром сообщил — наши отступают, царит паника; просил о помощи. Фон Зальмут ответил: «Защищайте Касторное, помощи оказать не могу. Приказываю расстреливать паникеров». Штром: «Расстреливать некому — офицеры покинули свои части». Тогда фон Зальмут посоветовал: «Пытайтесь пробиться в Курск». У нас не было больше машин — двести автомобилей нашего штаба остались в Касторном. Мы шли пешком. Рядом со мной шел генерал Штром. Мы обходили деревни, приходилось идти по сугробам. Еды не было. За три дня мы потеряли половину людей. Генерал Штром вызвал меня ночью, — он сидел в стоге сена. Генерал мне сказал: «Надо раздобыть еду. У нас одна лошадь. Говорят, что на дороге разбитый грузовик с продовольствием. Поезжайте на лошади». Машины я не нашел. Вернувшись, я не нашел и генерала. Я шел пять дней по снегу, полузамерзший я пришел в избу, сел около печки и сказал хозяйке: «Зовите русских — сдаюсь». Знание русского языка пригодилось этому солидному разведчику...

А в Курске царила паника. Принеслись мадьяры. Они меняли лошадь на фунт хлеба и кидали винтовки. Немецкий комендант запретил жителям пускать в дома венгерских солдат. Гонведы ходили по улицам. Просили милостыню и проклинали немцев. Потом показались разбитые части 13-го немецкого корпуса. Они кричали: «Русские близко!.. Русские бьют всех!.. Скорее отсюда...» Эти битые фрицы разложили курский гарнизон. Напрасно генерал Шнайдер, которому была поручена защита немецких позиций на

восток от Курска, грозил и уговаривал. А Красная Армия наступала. На севере была перерезана железная дорога, потом шоссе Курск—Орел. Наши части взяли Фатеж. Лыжники огибали Курск с севера, угрожая дороге на Льгов. Побросав в Курске десятки составов с продовольствием, с боеприпасами, с машинами, немцы кинулись на запад.

В нашем наступлении прежде всего поражает ритм. Я видел, как шли вперед наши части в неимоверный холод, под красным диском обледеневшего солнца, шевеля деревянными рукавицами и отдыхая на твердом снегу. Я видел, как они шли сквозь метель, когда заносы глотали машины, когда дороги, расчищенные утром, к полдню исчезали. Люди будто плавали по кипящим волнам снежного океана, люди и салазки.

Сорок километров по снежной степи за день — вот наше наступление. Безлюдные пространства оживлены, как проспекты столицы. Ночь напролет крестьянки борются с заносами. Несутся вперед лыжники. Ворчат танки. Базы далеко позади. Трудно догнать дивизию, отвечают: «На марше». Карандаши штабистов едва поспевают за неуклюжими валенками пехоты. Всеми овладело священное нетерпение.

Солдат не инженер, не техник. Солдат — это и техник, и художник; он прежде всего человек. Он знает, что значит душа. В наш век бетона трудно снарядами подавить огневые точки. Сердце воина может быть и неприступным дотом в открытом поле, и жалкой хибаркой в доте. Мы видим, что стало с психикой фрицев. А Красная Армия уверовала в близкую победу. Наступление стало необходимым, как воздух, как вода.

Возле Юдина наши части прорвали оборону врага. Пехотинцы шли вперед. Немецкие минометчики слева и справа открыли огонь. Но наступавшие шли вперед, как будто немцы стреляли не по ним. И это так подействовало на немецких минометчиков, что они подняли руки.

Я разговаривал с молодым командиром батальона, двадцатилетним капитаном Тищенко. Он рассказал мне о силе уверенности. В Касторном Тищенко оказался один среди семидесяти фрицев. Тищенко не растерялся, он подошел к фрицу и сказал: «Молодец, что сдаешься...» И семьдесят фрицев, ошеломленные, подняли руки.

Генерал-лейтенант Пухов мне сказал: «Самое трудное — создать армию». Может быть, для немцев наше наступление показалось чудом. Оно не было чудом для нашего Верховного Главнокомандующего, для наших генералов и офицеров, которые в самые горькие дни минувшего лета создавали армию, способную наступать и побеждать. Повсюду слышишь одно крылатое слово: «Научились». Русский народ никогда не считал зазорным фартук подмастерья, школьную парту, учение. Нам не дали фору: мы обгоняем в пути.

Вероятно, немецкий генерал Шнайдер, которому Гитлер приказал держать Курск, изумился бы, увидав тридцатишестилетнего генерала Черняховского. Танкист Черняховский продвигался в познании, как танк — пренебрегая препятствиями.

Прочтите короткие описания боев за тот или другой город. Можно усомниться в географии: наши части берут города с запада, или с юга, или с севера, но не с востока. Они идут по тылам противника. Немцы напрасно лопочут о «линии оборонительного фронта», — их фронт прорван нашими частями. Доезжаешь до последнего пункта, указанного в сводке Совинформбюро, и узнаешь, что лыжники или пехота уже прорвались на пятьдесят километров вперед.

Мы всегда брали смелостью. Мы берем теперь и смекалкой. Капитан Тищенко с горсткой бойцов, зная, что немцы подслушивают его приказы, кричал: «Полк соседа налево! Два батальона на правый фланг!» И немцы побежали. Немцы укрепили Фатеж. Тогда лейтенант Барзенов переоделся в вольную одежду и с документом старосты пробрался в город. Он изучил систему немецкой обороны, связался с партизанами. Фатеж был взят без лишних жертв. На другом участке фронта немцы в течение года строили оборону. Они занимали левый высокий берег реки: отвесная обледеневшая стена. Наши бойцы смастерили тридцать лестниц и взобрались на левый берег.

Наступление живет не только на картах, не только на территории, — оно живет и в сердце каждого бойца. У Волова наш танк окружили немцы. Они вывели из строя трех танкистов. Четвертый, старший сержант Котлярев, отбил немцев ручными гранатами. Он уложил сотню фрицев. Раненный, он не пошел в госпиталь, ворчал: «Сейчас не до этого», — он ведь наступал. В тот же день он был вторично ранен. Может быть, накануне Котлярев, проходя через село Мишино, видел русскую женщину Глазкову, ребенка которой немцы бросили в колодец? Есть огонь, который не залить водой: он ищет другой влаги — крови.

Четыреста немцев пытались совладать с пулеметчиком Хаджи Бабаевым. Он не дрогнул: бил немцев. Но вот вышли патроны. Бабаев с винтовкой стал пробивать себе путь; он бил немцев штыком и прикладом. Немецкая пуля его тяжело ранила. Бабаев все же дополз до дома и оттуда продолжал стрелять. Немцы не сумели его взять. Они подожгли дом. Умирая, Хаджи Бабаев видел много немецких трупов.

В темной избе я встретил раненого бойца Неймарка. У него была седая щетина и добрые глаза немолодого человека. До войны он был бухгалтером в Чернигове. Теперь он занят одним: убивает немцев. Наверно, два года тому назад он не решился бы убить и цыпленка. Он мне сказал: «Прежде, когда приключалась беда, у нас

острили: «еврейское счастье». А вот у меня действительно еврейское счастье — осколок мины оторвал три пальца на правой руке, но два остались, и остались те, что нужны, — могу продолжать». Раненный, он думал об одном: о наступлении.

Старшина Корявцев прошел в тыл к немцам. Он попал в ледяную воду, мокрый, дрался с немцами. Командир приказал: «Иди к нашим — простынешь». Корявцев ответил: «Мне и не холодно — меня ярость обогревает». Вот что значит наше наступление — гнев народа. Двадцать месяцев нестерпимой тоски, великая ярость России.

Ночью из штаба дивизии передают в батальоны, в роты магические слова: «В последний час». Тогда каждый боец слышит шаги миллионов. Украинцы повторяют: «Оце тоби, проклятий нимець, за мий Киев». Радостно улыбаются кубанцы, и белорус шепчет: «Теперь уж скоро...»

Бои на запад от Курска и в Орловской области носят ожесточенный характер. Немцы подбрасывают резервные части. Я видел пленных из новых егерских батальонов, сформированных осенью в Восточной Пруссии. Их привезли на транспортных самолетах. Фрицы из 40-го отдельного полка напоминают фрицев первых дней войны. Эти еще не знают, что такое Россия. Они отчаянно контратакуют. Взятые в плен, они кусаются, царапаются. Смешно было бы говорить о разложении германской армии. Наша уверенность в победе построена не на просветлении немецких олухов, но на мощи Красной Армии. Немец огрызается. Конечно, это не тот оскал: зубы зверя поредели. Но у него есть еще зубы.

Далеко впереди наши части. Вот уже много недель они живут за счет трофеев: в Касторном, в Щиграх, в Курске, в Золотухине, в Фатеже немцы оставили огромные склады. Здесь и наша мука, и французские сардины, и голландский сыр, и повидло из Киева, и сигареты из Сербии. Боец закусывает литовской полендвицей, а запивает сухарь бургундским вином... Сербы, французы, греки могут вздохнуть свободней: они теперь начинают кормить не своих тюремщиков, но своих освободителей.

Война — наука. Мы сдали экзамен. Мы не зарекаемся: мы будем и впредь учиться. Но теперь мы можем сказать: на наших победах будут учиться народы. Война не только наука, — это искусство, вдохновение. Помимо образования, требуется талант. Наступление еще раз показало, до чего талантлив наш народ. Разве десять лет тому назад наша молодежь думала о плане Шлиффена, о танках, о клещах? Мы жили другим. Но воевать — так воевать! И народ Пушкина, Мусоргского, Менделеева, Павлова, народ Ленина создал плеяду блистательных полководцев. У немцев еще больше порядка, технической выучки, аккуратности. Но куда этим колбасникам и пивоварам до русской фантазии, выдумки, широты ума

и сердца! Да, война не только наука, и не только искусство, — война нечто большее. Это очень трудное, горькое, страшное дело, но оно глубоко человечно. Победа зависит от сердца. Мы говорили это в дни наших поражений — мы знали, что победы впереди. Мы говорим это и теперь. Мы наступаем, потому что с нами человечность, правда, мудрость седоволосой истории и доброта той белокурой девочки, которая машет сейчас ручонкой красной звезде, повторяя: «Наши! Наши!»

Я гляжу сейчас на черное небо. Луна уже спряталась. Снег хрустит. По снегу идут и идут полки. А в небе большая мохнатая звезда. Я думаю о другой звезде. Ее не видно. Она на ушанках. Она светит миру: наша гордость, наша армия, наша звезда.

21 февраля 1943 года

РОССИЯ

Узнал фашистский стервятник,
что у нас — не ягнятник!
ИСТРЕБЛЕНИЕ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ

О патриотизме

Нелегко вырастить плодовое дерево: много оно требует труда и забот. А чертополох невзыскателен. Гитлер, создавая свою «гитлеровскую молодежь», потворствовал самым низким инстинктам человека. Он не воспитывал, — он натаскивал, науськивал. Нельзя назвать патриотизмом мироощущение немца гитлеровской формации. Патриотизм обозначает любовь к своей стране, к своему народу. Как всякая большая любовь, патриотизм расширяет сознание. Подлинный патриот любит весь мир. Нельзя, открыв величие родной земли, возненавидеть вселенную. Безлюбые люди — плохие патриоты. А лжепатриотизм фашистов покоится на презрении к другим народам, он суживает мир до пределов одного языка, одного типа людей, одной масти.

Давно, еще до первой мировой войны, будучи подростком, я попал в Германию. Я восхищенно глядел на чудеса немецкой техники. Как-то я оказался в небольшом загородном ресторане. Был воскресный день. В беседке сидели немцы, сняв пиджаки, пили пиво и, привставая, что-то пели. Я прислушался, слова песни были: «Германия превыше всего». В ту самую минуту я понял, что, несмотря на опрятность берлинских улиц, несмотря на все достижения немецкой полиграфии или механики, Германия не «превыше всего», что в ее самоутверждении есть страшные низины человеческого духа.

Гитлер нашел подходящую почву для своей «расовой теории». Он легко внушил молодым немцам (сыновьям тех самых, что пели в беседке), будто они, и только они, — люди, а кругом «низшие расы», «недочеловеки». Приказчику из сигарного магазина было лестно почувствовать себя «сверхчеловеком», влезть на ходули и оттуда пренебрежительно взглянуть на мир. Что Париж? Магдебург лучше. Что Оксфордский университет? Прусская казарма почтенней. Что Лев Толстой? Автор порнографических романов Ганс Эверс пишет куда занятней.

Горизонт самого просвещенного немца, воспитанника современной Германии, определяется границами «рейха». Один немецкий офицер, человек с высшим образованием, разговорился со мной в Париже. Он был не только оккупантом, но и туристом: осматривал город. Меня он принял за француза, и он поставил мне забавный вопрос: «Как вы ухитряетесь придавать вашей отсталой стране видимость культурной страны?» Этому начитанному дикарю не приходило в голову, что он оказался в действительно культурной стране.

Гитлеровцы презирают французов, называя их «негроидами» и утверждая, что французы — это «метисы». По соображениям тактики гитлеровцы льстят мусульманам, однако в Испании они возмущенно отмахиваются от андалузцев, и слово «мавр» в устах немца звучит как оскорбление: андалузцев гитлеровцы осуждают за «примесь арабской крови». Союз с Японией не мешает немцам демонстрировать свое презрение к «монгольской расе».

В оценках культуры славянских народов гитлеровцы исходят из общего утверждения, что «славяне—низшая раса». Пражский университет — старейший университет Европы. Это не мешает немецким фашистам уверять, что «чехи — дикари». Музыка поляка Шопена для гитлеровского журнала «кудахтанье глупой курицы». Гитлер (человек глубоко невежественный и не способный прочитать книгу в сто страниц) говорит, что Лев Толстой «русский ублюдок».

«Расовая теория» прикидывается наукой: немцы любят научную терминологию. Шарлатан в Германии, придумав «теорию», с помощью которой можно выиграть миллион в рулетку, пытается украсить свои выкладки ссылками на высшую математику. Немецкий народ, как и другие европейские народы, создался в итоге длительного скрещивания представителей разных племен, в частности среднеевропейских славян, заселявших некогда большую часть Пруссии. В книгах, изданных гитлеровцами, можно найти фотографии «лучших представителей северной германской расы». Однако ни уродливый Гитлер, ни колченогий Геббельс, ни тучный Геринг никак не похожи на «образцовых германцев».

Немцы всегда дорожили видимостью. Поэтому их не смутили фашисты, заменившие антологию мировой литературы, книги Шекспира, Сервантеса, Гюго изображениями идеальных производителей германской расы. В Германии продавали скверные папиросы в изумительных металлических коробках. Как-то табачный фабрикант мне рассказал, что упаковка обходится ему дороже табака. Не так ли немцы, воспитанные Гитлером, ставят выше всего форму человеческого черепа, не интересуясь тем, что в этом черепе помещается?

Все знают, что гитлеровцы уничтожают национальную культуру других народов. Но необходимо отметить, что они обкорнали,

принизили национальную культуру немецкого народа. Миллионы сердец освещала поэзия Гейне. Ее романтическая ирония была солью в стране, приученной к пресному хлебу. Гитлеровцы нашли, что череп Гейне неустановленного образца, и новое поколение Германии не знает даже имени Гейне. Так Гитлер, присоединив к «рейху» польскую Познань или французскую Лотарингию, отлучил немцев от источника немецкой поэзии.

Ограничив понятие национальной культуры рамками языка или условным определением «расы», Гитлер способствовал национальному одичанию Германии. Изгнание из университетов ученых, оказавших огромное влияние на развитие немецкой науки, во главе со знаменитым математиком Эйнштейном резко сказалось на понижении культурного уровня страны. Почему Германия должна была расстаться со многими из ее передовых умов? Да потому, что, согласно «расовой теории», они оказались не чистокровными германцами.

Наука была заменена лженаукой. Новые профессора, люди по большей части невежественные, придумывали «чисто арийскую физику» или «строго германскую математику». Фашистский профессор Эрвин Гек заявил: «Математика — это проявление северного арийского духа, его воля к господству над миром».

Гитлеровцы удалили из немецких музеев произведения новой французской живописи и тем самым надели шоры на глаза молодых художников Германии. Современная архитектура в гитлеровской Германии отменена как «вредный американизм». Гитлеровские архитекторы рабски копируют старое немецкое зодчество, причем фашистам не приходит в голову, что, имитируя готический собор, трудно построить хороший вокзал. Немецкая литература не знала большого классического романа, ее как бы поглощала поэзия: Гете, Шиллер, Гейне, Рильке. Немецкие писатели двадцатого века учились на иноязычном романе: на «Лавке древностей» Диккенса, на «Отверженных» Гюго, на «Отце Горио» Бальзака, на «Войне и мире» Толстого. Какие учителя оставлены писателями современной Германии? Графоман Геббельс...

Советский патриотизм — естественное продолжение русского патриотизма. Русским всегда было чуждо пренебрежение к другим народам. Петра не унизило то, что он учился корабельному делу в Голландии. От этого он не перестал быть Великим. В восемнадцатом веке Франция шла впереди других народов, и книги Вольтера, попадая в русские захолустья, рождали первых вольнодумцев. Молодые русские патриоты, сражавшиеся против Наполеона, нашли в Париже еще теплую золу Французской революции. Они увлеклись идеей свободы; так подготовлялось восстание против царского самодержавия 14 декабря 1825 года.

Гений Пушкина, столь органически русский, столь связанный всеми корнями с русской историей, с русской природой, с русской речью, был в то же время всечеловеческим гением. Пушкин страстно любил чужеземных поэтов: Шекспира, Шенье, Байрона, Мицкевича; Герцен и Белинский воспитывались на Гегеле. Живопись Италии была откровением не только для большого русского художника Иванова, но и для его друга, великого Гоголя.

Мечников учился у Пастера, как у Мечникова учились многие ученые Запада.

Опыт рабочего движения Франции, Германии, Англии помог русской искре стать пламенем.

Русский народ учился у других народов Европы, и он учил своих учителей. Русский роман преобразил всю мировую литературу: вне Толстого и Достоевского нельзя себе представить творческий путь любого французского или немецкого писателя. Русская музыка обошла самые глухие углы мира. Имена Менделеева, Лобачевского, Павлова известны каждому студенту Кембриджа или Сорбонны. Не было события в новейшей истории, настолько видоизменившего путь и лицо человечества, как русская революция.

В самые тяжелые времена русский народ не отчаивался в судьбе своей родины, горячо любил ее, отважно ее защищал — без злобы к другим народам, без дешевого зазнайства, без мнимо горделивых, а по существу рабских выкриков: «Мы превыше всего».

Наша советская родина досталась нам нелегко: ее мы оплатили кровью лучших, ожесточенным трудом целого поколения. Сколько нужно было распахать целины, застроить пустырей, преодолеть косности и суеверия! Мы не закрывали глаза на трудности. Мы знали и знаем, что многие деревья приносят плоды пятьдесят лет спустя после того, как они посажены.

Мы не ждали чудес, но верили в человеческую волю. И страна менялась у нас на глазах. Как дети радуются обновке, мы радовались всему — и помидорам под Архангельском, и постановке «Гамлета» в колхозном театре. Мы видели, как растут наши города. Но пуще всего мы радовались росту человека. Легко воспитать десять тысяч избранных за счет других, противопоставить просвещенной знати многомиллионное невежество. Мы хотели другого: света для всех. Мы были пионерами, а путь прогресса не шоссе с верстовыми столбами — его приходится прокладывать среди девственного леса. Перед нами был свет, и, порой сбиваясь с пути, мы неизменно выходили на верную дорогу.

Советский патриотизм освещен большой внутренней радостью, наш народ справедливо гордится своей исторической миссией. Советский патриотизм в то же время прост, органичен, как привязан-

ность птицы к воздуху, рыбы к воде: мы любим ту стихию, вне которой нам не жить.

Каждый русский писатель самозабвенно любит русский язык. Но разве эта любовь мешала и мешает писателям понять красоту, силу других языков? Мы знаем, какую роль сыграл Кавказ в русской поэзии — от Пушкина и Лермонтова до Маяковского. Фашист ненавидит человека, у которого волосы другого цвета, который говорит на другом языке. Нас радует многообразие мира. Мы гордимся многообразием нашей родины.

В дни сурового испытания народы нашей родины показали, что такое подлинное родство. Весть о первом убитом ребенке Белоруссии пробудила сибирские села. Русские и украинцы, армяне и грузины, евреи и узбеки — все народы нашей страны сражаются, чтобы освободить плененные советские города. Сыновья Украины показывают чудеса храбрости в далекой Карелии, и забайкальские дивизии бьются за родную Украину.

Старший брат в советской семье, русский народ достиг уважения других народов не самоутверждением, но самоотверженностью: он шел впереди, он идет впереди других по той дороге, где человека встречают не только цветы, но и пули. Вот почему таким почетом окружены русский пород и русский язык. Мы говорили в мирное время: это язык Пушкина и язык Ленина. Мы скажем теперь: это язык боя.

Когда мы говорим: «Россия», мы этим не выделяем того или иного народа. Слово «Россия» теперь не название государства, а нечто глубоко внутреннее, связывающее нас с нашей историей, вторую отечественную войну с первой, молодого красноармейца с Суворовым, колыбели детей с могилами предков.

Поэт советской эпохи Маяковский писал: «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли — Москва». Любовь к Парижу не заставила его отступиться от родной Москвы, но любовь к Москве помогла поэту полюбить и оценить Париж. Наш патриотизм помогает нам любить другие, далекие народы, понимать чужую культуру.

Для нас наши боевые товарищи — это не только армии, это и народы, достойные почета, дружбы. Мы ценим древности Англии и юношеский размах Америки. Мы знаем, что века государственной культуры помогли англичанам отстоять свой остров от фашизма и на самолет Гесса ответить тысячей самолетов над Кельном. Для нас Париж — это не Лаваль, потому что мы помним про Вальми, мы не забыли и Гюго. Мы восхищались и восхищаемся доблестной историей французского народа, и мы не отвернемся от него теперь, когда он попал в беду. Читая про то, как Гитлер сносит с земли чешские города и убивает чешскую интеллигенцию, мы испытываем беспредельный гнев: мы знаем, что такое Прага, этот очаг славян-

ской культуры. Наш патриотизм раздувает в нас любовь к человечеству и к человеку.

Для фашистов нет ни дружбы народов, ни боевого союза. Гитлеровцы презирают своих «союзников». Они швыряют им ордена, как кидают собаке кость, и за это вассальные народы должны проливать свою кровь. Румынский фашист готов перегрызть горло венгерскому. Муссолини, получив пинок от Гитлера, спешит дать затрещину Павеличу. Рядовой фашист ненавидит иноплеменного фашиста. Это—пауки в банке, которые хотят пожрать друг друга. Звериной злобе фашизма, его притеснению народов и людей, его унылой казарменной сущности мы противопоставляем свободный мир, сложный и разнообразный, где все языки смогут прославлять жизнь, творчество, труд, любовь.

Мы не переносим нашей ненависти к фашизму на расы, на народы, на языки. Я знаю, что девять десятых немецкой молодежи отравлены ядом фашизма, который поражает организм, как сифилис. Но никакие злодеяния Гитлера не заставят меня забыть о скромном домике в Веймаре, где жил и работал Гете. Я люблю итальянский народ, и, беседуя с пленными итальянскими солдатами, я всякий раз радуюсь: фашизм в Италии не сумел проникнуть в сердце народа, он остался накожной болезнью, отвратительной экземой. И мне обидно, что жалкий комедиант Муссолини говорит на том языке, на котором говорили Петрарка и Гарибальди.

Мы знаем, что строй народа не случайность. Не случайно новая глава истории человечества открылась на осенней петроградской ночи. Гитлер родился в Тироле, этот проходимец пришел в Германию как иностранец. Но не случайно ему удалось превратить Германию в кочевую разбойную страну и сделать из миллионов немцев солдат кровожадной мародерской армии. Читая рассказы Мопассана, мы видим, как вели себя пруссаки во Франции семьдесят лет тому назад. Я видел солдат императорской Германии в той же Франции в 1915 году. Мы можем смело сказать, что у гитлеровцев были отцы и деды. Германия, кичливо кричавшая: «Я превыше всего», оказалась в обозе истории. По пути прогресса народы идут не гурьбой, а караваном. Честь и слава тому народу, который первым вышел в путь!

Не случайно фашистские армии узнали первое поражение на русской, на советской земле — под древней Тверью — Калининым и под юным Сталиногорском. Вот почему слово «Москва» теперь, как ветер, вдохновляет боевые знамена Англии и Америки. Вот почему слово «Москва» позволяет выше поднять голову измученным народам Европы—французам и чехам, сербам и полякам. Когда мы называем Красную Армию «освободительницей», мы думаем прежде всего о наших плененных городах, об Украине и Белоруссии, о древних Новгороде и Пскове. Но за каждым шагом Красной Армии

следят миллионы исстрадавшихся людей на другом конце Европы. Имена героев, бойцов и командиров Красной Армии повторяют и рыбаки Бретани, и пастухи Греции. Гитлеровцы хотели завоевать весь мир, и в этой войне Германия потеряла свое лицо, свою душу, — Германия потеряла Германию. Мы вышли в бой, чтобы отстоять свой дом, свою землю, и в этой справедливой войне мы обрели любовь, признание всех народов мира. Такова сила, таково волшебство подлинного патриотизма.

14 июля 1942 года

Судьба России

Я получил письмо от командира Казанцева. Он пишет:

«Нужно поднять в русском народе такую ненависть к немцам, чтобы наш русский человек бил немцев всем, чем может, чтобы женщины, старики, дети вооружились топорами, косами, камнями и при встрече с немцами убивали их. Все наши столетние завоевания, все созданное нашими предками и современниками может оказаться в руках врага. Мы, наше поколение, несем ответственность за судьбу России. Ведь — представьте себе на минуту — если бы врагу удалось осуществить свое подлое дело покорения нашего народа, тогда следующее поколение, те, которым теперь пять или десять лет, плевали бы нам в глаза за то, что мы оказались не на высоте и не сумели отстоять величайшую державу мира...»

Священная тревога чувствуется в словах командира Казанцева: тревога за судьбу России. Оказавшись в глубокой шахте, чувствуешь, что такое воздух. Когда мать больна, чувствуешь всю силу любви к ней. В эти суровые дни мы поняли, что враг грозит России, и одна мысль одушевляет нас: отстоим родину!

Кропотливо, год за годом, дом за домом, строили люди Россию. Строили стены Кремля, палаты и бойницы. Строили на северных реках просторные избы. Строили городские ворота, башни, крепости. Строили дома, каменные и деревянные, церкви с золотыми куполами, дворцы с колоннами, арки и мосты.

Русь отбивалась от ханов, отбивалась от немцев, крепла, росла, хорошела. Великая держава вышла к двум океанам, к Черному и к Белому морям, она поднялась на крышу мира — Памир, своим дыханием она растопила льды Арктики.

По Двине, по Сухоне, по Онеге плыли еще теплые стволы деревьев. Из них сколачивали корабли, ими укрепляли шахты. Русская земля богата черным золотом: есть уголь и в Донбассе, и в Сибири. Там, где некогда язычники поклонялись божественному

огню, возникли грандиозные нефтяные промыслы. В Сибири охотники били пушного зверя. Плавали в Волге огромные рыбины. Вологодские кружевницы плели затейливые кружева, и мастера Дагестана ковали кинжалы. Снегом хлопка покрывались плодоносные земли Средней Азии. В Абхазии зацвели апельсинные рощи, и впервые красные помидоры загорелись на огородах Архангельска. Вспыхнули электрические лампочки в избах Печоры, в саклях Кавказа, в белых хатах Украины. Заводы изготовляли станки и телескопы, автомобили и хронометры. В неистощимой земле находили монеты Киевского княжества и новые жилы золота. В стране было все — северные олени и тигры, кедры и магнолии, горы Кавказа и бескрайние степи, тундра и виноградники Крыма, многомиллионные города и заповедники природы—безлюдные чащи.

Россия стала частью света, материком. В ней жили, работали, горевали и радовались дети многих народов. Великая держава, она не подчинялась никому. Она выбрала свой путь, она первая в мире провозгласила права труда и братства.

Мы любим ее громко, торжественно, как мощное государство. И мы любим ее просто, задушевно, по-семейному, как свою избу. Мы любим ее достоинства и ее недостатки, ее славу и ее обиды.

Идет бой за Россию, за державу, сколоченную трудом поколений и окропленную кровью поколений, за державу, которая родилась на светлых водах Днепра, о молодости которой говорил вечевой колокол Новгорода, которую бережно строили — от Ивана Калиты до наших дней. Идет бой за свет русской культуры, за язык Пушкина, за украинскую песню, за наши книги, за наши музеи, за наши школы. Сколько нужно было веков напряжения, чтобы избяная, лесная Русь создала гранитный Ленинград! Только великий народ мог построить Адмиралтейство. Только великий народ мог родить Льва Толстого. Только великий народ мог двадцать пятого октября открыть новую эру. Нам досталась в наследство единственная, прекрасная, трижды любимая страна. В нее вторгся алчный немец. Он хочет убить Россию. Мы видим опасность, и мы сознаем всю глубину нашей ответственности. Внуки или будут прославлять подвиги героев 1942 года, или они проклянут нас, изнывая в немецком плену.

Может быть, наша ненависть остыла? Может быть, мы забыли развалины Киева, поруганную Одессу, сожженный Смоленск, изуродованный Новгород? Теперь нашу ненависть снова накалили добела: немцы залили кровью города Донбасса и тихие казацкие станицы. Враг грозит Сталинграду. Враг рвется на Кубань. Суровые дни требуют от нас двойного мужества, двойной решимости. Если ты сражаешься сейчас у Дона за золотые нивы, за сады, в которых уже тяжелеют яблоки, помни — враг должен ступать только по не-

мецким трупам, враг должен шагать только к своей смерти, врага нужно остановить. Если на твоем участке между раскатами орудий водворяется тишина, прислушайся к ней, и ты услышишь, как учащенно бьется сердце разгневанной России, — сейчас решается ее судьба на годы, может быть, на века. Бойцы, перед вами девушка на виселице, и немец с петлей в руке — немец замахнулся на Россию. Бойцы, в ваших руках будущее родины.

28 июля 1942 года

Испытание огнем

Немец Рихард Громмель, в прошлом студент, потом ефрейтор германской армии, в майский день, когда кругом цвели курослепы и пели жаворонки, записал в своем дневнике: «Вокруг нас весна, торжество жизни, а мы чувствуем себя мертвыми. Дело не только в опасности, мы свыклись с мыслью, что каждый из нас может ежечасно умереть, дело в другом — никто из нас не знает, зачем эта смерть? Мы еще говорим о Германии, о фюрере, о воинской чести, но для нас это — слова, мы знаем, что наша смерть бессмысленна и неотвратима. Мы умираем от какой-то эпидемии, которую зовут «войной». Когда я был в школе, нам много говорили о войне, и война тогда казалась мне веселой игрой с хлопушками и с орденами, а на самом деле — вонь и смерть, вот и все! Мне противно теперь думать о Гильде. Может быть, она сошлась с другим, может быть, просто спокойно сидит у окна и шьет. Я даже не завидую ее спокойствию, для меня она чужая, не жена, а феномен, живучее насекомое. Я скажу больше —Германия для меня теперь не существует, да и для моих товарищей, я в этом убежден. Во-первых, убежать туда нельзя, во-вторых, убежать вообще нельзя — нельзя уйти от себя, а мы уже не люди, но оружие, как в газетах пишут, «материальная часть». Вонь и смерть, несмотря на цветение и прочие весенние штучки! Баб кругом нет, угнали или разбежались. А водки тоже нет. Только рыжая гнусная физиономия Гайнца. Боже, как я ненавижу товарищей!..»

Рихард Громмель образно выразил тот процесс гниения, который начался в душе немецкого солдата. Война — тяжелое испытание, война проверяет огнем душу народа и душу каждого человека. Под военной выправкой у немцев оказалась гнилая душонка. Они сызмальства готовились к войне, как к грандиозному параду, и война потрясла их своей ненарядностью, своей жестокой простотой. Они много и часто говорили о смерти, казалось, они с ней сроднились, но они были подготовлены к убийству, а не к самопожерт-

вованию. Они десять лет слышали простуженный лай своего фюрера, в котором были и лесть и науськивание: «Вы — раса избранных. Вы — народ господ. Мир принадлежит только вам». Слушать это им было приятно. Приятно было каждому из них, как представителю «избранной расы», пить шампанское в парижском шантане. Но настали тяжелые дни. «Народ господ», попав в Россию, встретил неожиданное для него сопротивление. Здесь-то гитлеровские питомцы усомнились: «За что мы умираем?» Слова оказались легковесными, как картонные гири атлета-шулера.

Война предстала перед ними как бессмысленная судьба, как эпидемия тифа или испанки. Безлюбые люди, они озлобились на своих близких, на жен, на товарищей, на родину. Здесь — начало расплаты, здесь — первое появление исторической справедливости. Люди, заставившие плакать миллионы жен — полек, француженок, чешек, русских,—теперь называют своих собственных жен «насекомыми». Люди, во имя вздорного племенного отбора истреблявшие философов, поэтов, тружеников других наций, признаются в том, что они ненавидят своих товарищей. Люди, уничтожившие пол-Европы с единой целью — создать сверхвеликую Германию, теперь ворчат, что для них не существует и Германия. Так мстит за себя попранное человеческое начало.

Солдаты смерти умирают не только от пуль или снарядов, они умирают от внутренней пустоты, от лжи своих начальников, от злобы, жадной и всепоглощающей. Они откармливали эту злобу, как гадюку, рассчитывая, что змея ужалит других, но вот гадюка обвила тело самой Германии и жалит ее сердце...

Война никогда не казалась нам праздником, ее бутафория не обрамляла наши детские сны. Мы знали другие походы: юноши, как на штурм, шли в тайгу, они не разрушали города, они строили, они осаждали науку, стремясь овладеть тайной слова, числа, формулы, они завоевывали Арктику и прорывались в стратосферу. Оглядываясь назад в прошлое, мы сперва увидели Пушкина и Толстого. Потом мы поняли, что Суворов и Кутузов позволили Пушкину стать Пушкиным. Мы гордились не силой, но правдой, и, думая о жизни других государств, мы говорили себе: может быть, нам трудно, но мы хотим жить справедливо. И вот враг напал на нас. В ответ мы не начали бряцать оружием. Прошлым летом суровым было лицо России, освещенное отсветами пожаров, сжаты были ее уста, и в напряженной, глубоко человечной тишине шли среди золотых нив эшелоны на запад.

Есть в войне все, как и в жизни человека: и веселье, и тоска, и горечь потери, и радость победы. Никто не скажет: «Война — это низкое дело» или: «Война— это высокое дело», — война войне рознь. Зачем пришел немец Рихард Громмель в Смоленщину? Он сам этого не знает. Ему сказали, что Германии нужно «жизненное пространст-

во». Это было для него и для его сотоварищей абстракцией. Они заменяли «жизненное пространство» поживой, «трофеями», насильно захваченными женщинами, попойками среди могил.

Против Рихарда Громмеля пошел Иван Шелопутов, двадцатилетний разведчик. Он родом из Орла. Его город немцы разорили, как разоряет кукушка чужое гнездо. Там осталась его мать, Пелагея Васильевна, с больной дочерью. Пелагея Васильевна была верующей, ходила в церковь, а ее дочь, комсомолка, читала, как священное писание, роман Островского и говорила: «Вот так нужно жить...» Иван только теперь понял, как он любит своих. Он думал не раз: «Что стало с сестренкой? Оля мечтала быть героиней, не пошла на войну потому, что бедняжка хромая, а с немцами она жить не сможет, убьют ее, повесят...» Ивану было жаль свою мать: немцы обидят старуху. Он не думал о своей жизни. Я знаю, что он работал на заводе, на фрезерном станке, увлекался математикой — поздно ночью сидел над тетрадкой. Наверно, были у него и большая мечта, и любимая девушка. Немцы развороти ли его жизнь. Он убил Рихарда Громмеля и принес в штаб замаранную кровью записную книжку. Он не спрашивал и не спросит, зачем он на войне. Он хочет спасти своих, хочет отстоять жизнь свою и своего народа. Он воюет, как он дышит, потому что человек должен дышать.

Все знают тишину перед боем, сосредоточенность, молчаливость за час до атаки. Жизнь каждого — это большой дом, необозримый надел. Часто в такую минуту, перед опасностью, видишь, как много ты в жизни еще не сделал, сколько прекрасного не заметил в своем большом доме, в необозримом наделе. Эти мысли не принижают бойца, они его укрепляют. Война расширила и углубила наш мир. Все, что мы смутно чувствовали, стало ясным, четко обрисованным, начертанным в самом сердце.

На войне каждый боец еще острее почувствовал свою любовь к близким, к семье. Он вспомнил рассказы отца про «германа», про гражданскую войну, и отец ему стал ближе. Он понял печаль матери, выходившей его в трудные годы. Когда он уезжал на войну, мать не выдержала — расплакалась. За эти слезы сын должен отплатить врагу: почему не дали старой женщине мирно прожить свой век?

Боец идет по селу — это где-то под Вязьмой. Белобрысая девчонка смущенно улыбается. И боец вспоминает свою дочку. Он сам из Сибири, там деревни другие, и деревья там другие, но его девочка так же сконфуженно прыснет в ручку, если чужой ее спросит: «Как тебя зовут?» В Сибири спокойно, а здесь побывали немцы. Как еще уцелели эти люди? Вот ту избу сожгли... И боец чувствует, что на нем судьба его детей. Еще недавно он был беспечным, знал — сам проживу и детей накормлю. А теперь от его отваги зависит жизнь близких.

Патриотизм начинается с самого простого: с дерева около дома, с переулочка, сбегающего вниз к речке, с запаха антоновских яблок или степной полыни. Война помогла каждому советскому человеку понять красоту его родных мест. Северянин вспоминает леса вокруг Двины или Сухоны, стволы, уплывающие вниз по течению, розовые ночи июня и смешное слово «дроля», которым он звал любимую. Украинец видит задумчивые тополя вдоль дороги, золотое молчание летнего полдня, когда жизнь кажется такой богатой, такой полной, что останавливается время и только благодушное ворчание шмеля вмешивается в торжественную тишину. Грузин благословляет воздух гор, раскаленный камень и нечаянную радость серебряного ручья, вкус ледяной воды, терпкое вино, булькающее в бурдюке, простые слова дружбы и эхо, повторившее его последние слова: «До свиданья...» Ленинградец бредит туманами родного города, широтой Невы, державной, как Россия, вздыбленными конями из бронзы и яркой зеленью Летнего сада, городом, где что ни дом — то страница истории. Москвич видит кривые переулочки, замысловатые, как воспоминания, а потом он выходит на широкие улицы новой Москвы, а там дальше Кремль, древние башни, слава Руси и красные звезды будущего.

Ручей впадает в реку, Волга знает путь к морю. Любовь к дому, к селу, к краю становится любовью к родине. Разве можно понять силу любви, не проверив ее на страшном огне? Поняли теперь родину, Россию, Советский Союз. Поняли это до конца, когда враг занес на родину свою низкую руку. Прошлой осенью кто не почувствовал самого простого: «Без нее мне не жить!»

Мы знаем, что правда с нами, но теперь мы радуемся и силе, потому что, как Кутузов помог Пушкину стать великим поэтом, сила Красной Армии поможет вашей родине жить не силой, но правдой. Мы теперь твердо знаем нашу силу. Она перед нами на каждой географической карте; четыре буквы, и первое С — на хребте Карпат, а Р — у Тихого океана. Это не область, не страна, это доподлинный мир, и украинец из Буковины может, придя во Владивосток, сказать: «Это — мое», а березы Карелии встретят девушку из Приморского края как свою сестру. Если сын батрака из Сибири стал академиком, если о горняке Стаханове пишут в Америке, если украинская колхозница управляет областью, — это потому, что наши прадеды и деды пóтом, кровью, тихими трудами и ратными подвигами, победными войнами и тремя революциями создали великую державу. Мы знаем, что случилось с Польшей, с Югославией, с Чехословакией. Мы знаем, какая судьба ожидала бы отдельную Белоруссию, Украину, Урал или Сибирь. Наша сила спасла нашу правду, как наша правда дала нам силу.

В огне испытаний мы еще раз прочувствовали силу нашей правды. Мы жили не в уютном, прибранном доме, мы жили на стройке,

но эта стройка прекрасней и благородней всех дворцов. Мы не кичливы, мы знаем, как много в нас было косного, чиновничьего, бестолкового. На войне за один год мы многому научились. Когда мы вернемся к станкам, к тракторам, к книгам, мы будем другими, лучшими, умнее мы будем работать, честнее жить. Но мы на войне увидали, что в основе нашей жизни лежит глубокая правда. Нам не только отвратительны, нам смешны отчеты о барышах какого-нибудь Геринга, для которого война, увечья, смерть — это миллионные доходы. Какой советский человек согласился бы жить в обществе, где снаряд — это смерть для одного и богатство для другого? Нам кажутся дикими рассуждения гитлеровцев о том, что немец «выше по крови» итальянца, а итальянец «выше» славянина. Человека, который стал бы у нас измерять величие народа длиной черепа или особенностями скелета, посадили бы в сумасшедший дом. Фашизм донесся до нас, как чумной воздух: мы услышали миазмы гниения и увидали, что такое вопиющая несправедливость Германии, ее национальная нетерпимость, суеверия, казни, пытки, и мы вдвойне горды нашим обществом. Если теперь профессора Оксфорда, ученые Америки, писатели Франции с восхищением смотрят на Красную Армию как на силу, способную справиться с фашизмом, то это не только потому, что в Советском Союзе сто девяносто миллионов, это еще потому, что сто девяносто миллионов — граждане Советского Союза.

Почему заживо сгнил Рихард Громмель еще до того, как его застрелил советский боец? Потому что в войне, затеянной Гитлером, нет души. Существуют «полицейские романы». Схема несложна: преступник совершает диковинные преступления, полицейский преследует преступника. Оба стреляют, убивают, рискуют своей жизнью, но читатель чувствует, что для них смерть — элемент профессии, и только. И преступник, и сыщик способны на смелые поступки, но никто не назовет их героями. Они могут отдаваться своему делу с душой, но в их деле нет души. История быстро забывает имена талантливых преступников и блистательных авантюристов, она сохраняет другие имена: людей, погибших за великую идею, за свой народ и за человечество, за новое, лучшее общество. Вооружение Красной Армии может напоминать вооружение германской армии. Стратегия двух сторон может обнаруживать точки соприкосновения. Но нет ничего общего между красноармейцем и солдатом гитлеровской армии: герой и преступник, мужественный человек, отстаивающий родину, и профессионал-убийца. Два несовместимых мира.

Мы знаем, с какими мыслями умер немец Рихард Громмель. Этому мы можем противопоставить замечательный рассказ о героической смерти пяти моряков, защитников Севастополя, которые, обнявшись и сказав друг другу последнее «прости», повязались

гранатами и собой преградили путь вражеским танкам. Теперь, услыхав о преодолении смерти, я подумаю не о высокой работе ученых, которые заняты продлением человеческой жизни, но о пяти веселых, горячо любивших жизнь краснофлотцах. Это ли не преодоление смерти? Это ли не бессмертие? Подвиг пятерых не только остановил одну из атак противника, он внес новую жизнь в сердца миллионов, он расширил, укрепил душу России, он останется и в дни жестоких боев этого года, он останется и после победы — в более пышном цветении наших полей, в более чистом звучании девического хора.

27 июня 1942 года

Семья Дедовых

Боец Митрофан Дедов переслал мне письмо от своих родителей и сестры из колхоза Иркутской области:

«Добрый день или вечер, здравствуй, любезный сын и братец Митроша! Шлем тебе чистосердечный привет и желаем успехов над злейшим врагом. Первым долгом сообщаем тебе, что Филя наш героически погиб в борьбе против немцев. Проявив мужество, он был тяжело ранен и 3 мая умер в госпитале. Похоронен на кладбище в селе Рыбацкое. Когда пришло извещение, что Филя погиб, папу вызвали, он пришел домой и сильно заплакал. Мама спрашивает, о чем ты плачешь, он не говорит, а потом сказал, и мы плакали два дня. Теперь мы его не увидим и не услышим. Он нас веселил, писал: «Хорошо живу». Митроша, ты за Филю отомсти, ты отомсти за своего братца. Будь героем, Митроша, пишут тебе отец и мать и сестра Маруся. Ты сражайся, Митроша, как Чапаев. И читали мы про ученицу Зою. Она пошла против немцев, и ее поймали и спросили: «Где Сталин?» Она сказала: «Сталин на своем посту, и я на своем посту». И умерла. Маруся тебе пишет, Митроша, надеюсь я, что возьмут меня на фронт, хочу отомстить за нашего Филю и защитить дорогую родину. Отец и мать просят у тебя прощенья, если не суждено тебя увидеть, и говорят тебе, дорогой Митроша: любезный наш сын, сражайся, как смелый русский человек, но не допусти немца, чтобы не было на сердце такого камня. Остаемся живы и здоровы и того желаем тебе».

Если станет тебе тошно, прочти это письмо сибирских крестьян. В нем все величье русской души. Преклоняется наш народ перед горем матери, потерявшей сына. Понимает он тоску отца, когда он узнал, что погиб его любимый Филя. Но нет чувства крепче, чем любовь к родной земле, и вот родители благословляют второго

сына на подвиг, на смертный бой с захватчиками. Можно ли победить народ, в котором миллионы Дедовых?

7 августа 1942 года

Величие Ленинграда

Год тому назад берлинское радио передало: «Немецкие войска проникли в Ленинград». В ту ночь немки сладко спали в перинах. Им снилось, как их мужья грабят вторую столицу России. А их мужья в ту ночь умирали с руганью на сухих, растрескавшихся губах.

Карлушка-колбасник не прогарцевал на немецкой кобыле по Невскому. Теперь «Кенигсберг альгемейне цейтунг» пишет: «Непрерывно палят все орудия Ленинграда и Кронштадта. Это испытание немецких нервов». Вешатели жалуются, убийцы исполняют романс «Жалоба девы». У кровожадных колбасников оказались нервы кисейных барышень. Они думали громить из своих орудий Ленинград. Они не знали, что им придется отведать ленинградских снарядов. Кенигсбергская газета возмущена: «Немецким солдатам приходится под Ленинградом иметь дело с ожесточенными мужиками». Эти чистокровные колбасники недовольны: их лупят «мужики»!

Они возмущены, что мы «ожесточились». Может быть, они думали, что мы раскиснем от их мин, что мы расчувствуемся от их бомб, что мы захнычем?

Мы действительно ожесточились. Мы помним зиму Ленинграда. Мы видим раны великого города. Расплата впереди. Пока что кенигсбергские самцы получают задаток под Ленинградом, а кенигсбергские самки получили первую повестку у себя дома.

Военный корреспондент «Кракауер цейтунг» тоже недоволен защитниками Ленинграда. Он пишет: «К нашим позициям катится вал огня и дыма; из развалин домов вылезают советские солдаты, их число растет, они атакуют позиции полицейской дивизии СС, кричат «ура», многие из них даже поют. Это трудные минуты для СС». Бедные полицейские овечки — несчастные СС. Они любят другие звуки: стоны детей, хрип повешенных, фокстрот в парижских кабачках и залпы пробок от шампанского. У них нежные уши, они не выносят грохота русских пушек. Они не одобряют наших песен, они не терпят русского «ура». Они с вожделением смотрят на Ленинград, но город неприступен.

Некто Зейберт пишет в «Фелькишер беобахтер»: «Только 30 километров отделяют финских солдат от колоссального и бессмыс-

ленного города, построенного чужеземцами-русскими на берегу этого северного моря». Колбасник сосчитал километры, это он может. Он не измерил другого — силы русского сердца. Не километры отделяют презренных лахтарей от Ленинграда, но советские бойцы. Напрасно они пялят свои рыбьи глаза на великий город.

Лахтарь лает в газете «Аян суунта»: «Мы с нетерпением ожидаем завершения осады города Петра. Пока Ленинград будет находиться в руках русских, он останется для нас угрозой. Этот город должен быть завоеван раз и навсегда». У моськи визгливый голос, но где немец сломал зубы, там не пролезть лахтарю. Эти наглецы хотят ни больше ни меньше, как завоевать город Петра, город Пушкина, город Ленина. Самое большее, на что их хватит, — облаять город-великан. Оказывается, Ленинград для финнов — «угроза». Может быть, солнце тоже «угроза» для сычей или для летучей мыши? Если финнам не нравится, что Ленинград слишком близко от них, мы можем их отодвинуть.

Немецкие наемники начинают понимать, что им не справиться с Россией. Лахтарь из «Аян суунта» скулит: «Красноармейцы сражаются против нас с неожиданной яростью. Русская стойкость показывает глубину восточной души. Советские юноши почему-то убеждены, что они должны умирать за Россию».

Слепцы с рыбьими глазами, они не способны увидать величия нашего города. Нашу ярость они называют «неожиданной». Интересно, чего они ждали? Может быть, что мы скажем финнам: «Садитесь, миляги, нам на шею»? Может быть, они думали, что мы примем Карлушку-колбасника с почестями, что мы проведем его кобылу к Зимнему дворцу?

Лахтарь удивляется, почему советские юноши готовы умереть за Россию. Он ведь — лахтарь — умирает не за свою родину, а за Германию. Он жалкий наемник, ему не понять мужества наших бойцов, которые отстаивают родную землю. Но мы не хотим умирать. Мы готовы принять смерть, если нужно, мы не побоимся, не отступим, но мы хотим жить. Мы хотим, чтобы жил Ленинград, чтобы снова зажглись яркие огни на Невском проспекте, чтобы восстали разрушенные дома, чтобы детвора заполнила веселым гомоном Летний сад. Мы хотим, чтобы жила Россия, чтобы мирно наливались соком гроздья Кавказа, чтобы, как светляки, реяли огоньки волжских пароходов. Мы хотим, чтобы наши девушки смеялись. Мы хотим, чтобы наши матери спокойно спали. Мы хотим жить.

Ленинград воспели Пушкин, Гоголь, Достоевский. Это самый прекрасный город мира. Если этот город хоть раз приснится — его не забудешь. Это самый мудрый город. Его история полна извилин, как мозг. Только тупой колбасник мог назвать его «бессмысленным городом». Мы не станем спорить с немцем. Немцу мы ответим

свинцом — за наш Ленинград, за нашу гордость, за гордость России.

4 октября 1942 года

Россия

После артиллерийской подготовки немцы пошли в атаку. Они думали, что в рощице не осталось живой души. Тогда закричал Жамбул Тулаев: «Ни шагу назад!» Семь бойцов. Пулеметчики выбыли из строя. Тулаев лег за пулемет. Немецкие автоматчики просочились во фланг. «Ни шагу», — кричал Тулаев. Атака была отбита. Жамбул Тулаев — бурят. До войны он был искусным охотником. Далеко до дома Тулаева, далеко от Старой Руссы до Байкала. Но Жамбул Тулаев защищает свою родину.

Гавриил Хандогин родом из Красноярского края. Бродил по тайге с ружьем, — бывало, приносил домой по двадцать белок. Жил хорошо человек: жил, как ему нравилось. Напали на Россию немцы. На Волхове осколок мины ранил Хандогина: оторвал указательный палец на правой руке. Что же, Хандогин приспособился. Недавно он убил сто шестнадцатого немца. Он говорит: «Ох и зол я на них!..»

Абдулла Сифербеков — лезгин. Он уложил много немцев. Он говорит: «Наш народ любит оружие, умеет стрелять. Я с детства бил кабанов. Когда кабана подстрелишь, он кидается — злой, но немцы хуже кабанов; немца мы не трогали, немец на нас пошел. Я их бью лучше, чем кабанов. Нужно их всех перебить — это и дитя понимает».

Иосиф Катус — белорус. Был механиком. Когда напали немцы, сменил отвертку на ручной пулемет. Недавно он ходил в атаку. Немцы открыли сильный минометный огонь. Катус крикнул: «Вперед, друзья!» Он расстрелял немецкого офицера и десяток солдат. Вдохновленные его примером, пошли другие. Когда командир поздравил Катуса, смельчак ответил: «Беларусь...»

Донской казак сержант Александр Сазонов, бросая в немцев одну гранату за другой, приговаривал: «Это вам за Ростов, это за Новочеркасск». Казак Петр Астахов еще недавно выращивал резвых дончаков, теперь он уничтожает немецкие танки: он уже подбил две машины. Казак Яков Рябов говорит: «Мы их зарубаем. Не умеючи и свинью не убьешь, а немца нужно бить умеючи». Об умении Рябова могли бы рассказать немцы, но мертвые молчат.

Минометчик Николай Анжинов — калмык. Он защищает славный город Ленина. На его счету несколько десятков убитых не-

мцев. Таджика Тэшабоя Алимова прозвали «грозой фашистов»: он перешел реку и, захватив вражеский пулемет, начал давать очереди по удирающим немцам. Чуваш Тарханов — артиллерист-зенитчик. У него верный глаз, и он не пропустит «юнкерса».

Боец Илья Шнеер до войны был переводчиком. Окруженный немцами, Шнеер расстрелял все патроны, гранатой взорвал себя и семерых немцев. За три недели до смерти Шнеер прислал мне письмо. Он писал: «Евреи сражаются рука об руку с русскими, с украинцами, с казахами. У меня четверо детей. Пусть будут лучше сиротами, но пусть живут в свободной России...»

Широка и привольна Сибирь. Нет шире сердца, чем у сибиряка, шире и смелее. В маленьком городке Алтая живет семья Героя Советского Союза полковника Батракова.

Полковник пишет своей жене: «Ты говоришь, что тебе не нравится самое упоминание о смерти. Кому оно нравится? Но если это ради родины, что значит одна или несколько жизней...»

Отважно дрался у синего моря Григорий Коваленко, сержант по званию, герой по сердцу. Он говорил друзьям: «Мать сгибла. Хату герман спалыв. Бить гадов хочу». Веселый хлопец из Полтавщины, когда немцы подошли близко, он врос в скалу и стал скалой. В машины с немецкой пехотой Коваленко кидал связки гранат. Он не пропустил немцев.

Младшему сержанту Федору Чистякову двадцать лет. Он сын ленинградского рабочего и сам работал на заводе слесарем: потомственный питерский рабочий. Отец Федора Чистякова погиб в боях с немцами. Сын поклялся отомстить за отца. Немцы пошли в атаку. Чистяков лег за пулемет, он косил немцев. Когда кончились пулеметные ленты, Чистяков взялся за автомат. Когда опустели диски, он пустил в ход гранаты. Он говорит: «Если бы немцы не отступили, я бы их руками задушил...»

Сколько разных людей, сколько разных судеб! Но одно чувство роднит всех: убить немца. Люди говорят на разных языках, но есть одно слово, которое все понимают: Россия. Одна мать, одна родина. Когда немцы топчут нивы Кубани, гнев раздувает сердце Сибири. Когда немцы жгут белые хаты Украины, казахи и калмыки целятся в мерзких факельщиков. Разные у людей глаза, но во всех глазах один огонь: ненависть. О мести шумит сибирская тайга, яростью наливаются гроздья Кахетии, немецкой крови просит сухая полынная степь.

Видал ли ты могучее ветвистое дерево? Оно было крохотным деревцом. Ему много лет. Ему больше лет, чем тебе. Его сердцевину опоясали круги: каждый круг — год, и кругов не счесть. Великое дерево наша Россия. Она началась с разобщенных племен, с первых ратных подвигов, с первых рукописных книг. Она стала великой державой. Волга начинается, как ручеек. В колыбели — мла-

денец. Он может стать Пушкиным. Государство создается веками. Без него человеку не жить. В мирное время есть у кого тайга и ружье, у кого стамеска, у кого плуг, у кого книга. Когда настает время великих испытаний, нет больше личной судьбы — только судьба России.

В далеком тылу женщины говорят: «Придут немцы, мы их встретим цепами». Старики в тоске смотрят на охотничьи ружья, на ножи, на камни. Народ готов на все, лишь бы спасти Россию.

Настали решающие недели. Немцы идут вперед по своим трупам. Немцы истекают кровью. Их можно остановить. Их нужно остановить. Великая беда грозит России.

14 августа 1942 года

Кавказ

Кавказ — это слово звучит, как волшебство. С древнейших времен люди, завороженные, смотрели на горы Кавказа. На Арарате, по преданию, остановился ковчег: здесь заново началась жизнь. К суровой вершине Кавказа был прикован первый революционер — Прометей, вырвавший из рук небожителей огонь. Горный воздух — это трудный воздух: он слишком чист для непривычных легких. Кавказ был заповедником свободных сердец. Край вина, которое горячит, и край студеной горной воды. За свободу здесь отдавали жизнь. О свободе писал прозрачные стихи гуманист древности Шота Руставели. О свободе пели песни, сухие и горькие, женщины Армении. Свободу защищали бойницы сванов, и дагестанский кинжал не держала рука раба.

Степь протяжна, как эпическая поэма, есть в степи — разбег, разгон. Лес загадочен, как жизнь. Горы — это большие и неудержимые страсти. Кавказ — это прежде всего горы. Это изумление человека, который видит, что облака пасутся под ним, как отара овец. Это мгновенный переход от зноя к стуже, от духоты долины к ветрам перевала. Человек в горах один на один с миром. Он бесстрашен. Его караулят тьма и враг. Он может позвать, он знает, что ему не изменят ни друг, ни эхо. С вершины он видит петли дорог и синий дымок аула. Ему мерещится: это жизнь. Он мудр с отрочества, и в старости он легко седлает коня.

В культуре древней Грузии нас поражает сочетание цветистости и суровости, фантазии и простоты, нежности и мужества. На тончайших миниатюрах мы видим жизнь, подобную заколдованному саду, и строки старых поэтов сродни фонтану. Но этот сад защища-

ли бесстрашные люди, и девушки умели слушать не только журчание фонтана, а и тревожный зов горного потока.

Любовь русской поэзии к Кавказу — это любовь к свободе. Среди скал и людей Кавказа первые русские романтики учились неистовству. К Кавказу припадали, как к ключу вдохновения. Пушкин и Лермонтов, Маяковский, Пастернак, Тихонов. Кавказ был для них не декорацией, не пейзажем, но школой отваги и непримиримости.

Нас потрясает на Кавказе простота нравов, гостеприимство и культ дома, ласковость и в то же время суровая догма чести, необычайный демократизм и уважение к старшим. Когда молодые русские поэты впервые пришли в саклю Сулеймана Стальского, старый ашуг их принял, как житель далекого края столичных гостей и как Данте — учеников. В Тбилиси, в саду над Курой, я слышал, как академик и два водовоза до ночи толковали о жизни, а перед ними светляками роились огни дивного города. Я не забуду гортанного голоса старого и вечно юного Аветика Исаакяна, который читал: «И ты—голубая хрустальная святость большой путеводной звезды». Звезда народа — ее видели в годы порабощения и горя, звезда вела к свободе.

Не случайна связь народов Кавказа с русским народом: любовь к свободе, жажда правды, общая судьба связали их навеки. Нет кавказца, который не считал бы Пушкина своим, и нет русского, который без волнения слушал бы сказания и песни Кавказа. Вся Россия гордится Кавказом — как высотами культуры и как выражением своих сокровенных чувств.

Далеко от хрустальных вод Севана до Москвы, но Армения знает, что свобода Москвы — это свобода армян. 7 ноября прошлого года на Красной площади был парад. Его принимал великий полководец. Мимо Сталина проехал танк Михаила Багдасаряна. Несколько дней спустя этот танк столкнулся с немецкими танками. Михаил Багдасарян очистил от немцев русское село. С отрогов Алагеза пришли два брата, Арам и Гурген Берсегян. Они пришли в степь, к Дону. Тридцать три немецких танка двигались на хутор. Арам и Гурген кидали в танки бутылки. Герои погибли, но танки не прошли. В лесах Карелии воевал и погиб отважный лейтенант Саркис Казарян.

Москву защищал артиллерист генерал Леселидзе. В боях за Севастополь отличился Михаил Гахокидзе. Он кидал в немцев гранаты. Не стало гранат — стрелял. Кончились патроны — начал колоть немцев штыком. Под стенами древнего русского города Ржева грузин Чанчибадзе отдал приказ: «Мертвых похоронить. Живые, вперед!»

Поэт Азербайджана писал: «О братья, будем в этот час несокрушимее скалы!» Азербайджанец Гусейн Алиев один вступил в бой с

несколькими самолетами врага. Семнадцать ран было на теле Алиева, но его сердце было несокрушимее скалы. Он сбил врагов и победил.

На далеком Севере бьет немцев снайпер лезгин Алиев. В Смоленщине яростно сражается осетин Мамиев. Свыше сотни немцев истребил у Мурманска ингуш Аюп Манкиев. Кавказ умеет любить, он умеет и ненавидеть.

Идут жестокие бои. Гитлер, обломав зубы о развалины Сталинграда, хочет отыграться. Он захватил Нальчик. Он грозит Владикавказу и Грозному. Он видит во сне Баку и вожделенное Закавказье.

За Кавказ теперь сражаются русские и украинцы, белорусы и узбеки. За свою гордость — за Кавказ — сражается вся Россия. Немцы уже залили кровью аулы Кабарды. Они уже терзают женщин в селах Осетии. Они осквернили честь сакли. Они оскорбили народы Кавказа.

Что для немцев Кавказ? Добыча. Нефть. Вольфрам. Дадим ли мы поганым пивоварам взобраться на Казбек? Позволим ли мы фрицам пировать в садах Кахетии? Нет, не стерпит этого наше сердце! Мы должны остановить немцев. Мы должны прогнать их прочь. Нет ничего гнуснее, чем немец на Кавказе: рыжий, с квадратной головой, с пивным животом, с рыбьими глазами. Блудливый фриц, он оскверняет девушек, чистых, как горный снег. Немец-автомат Фридрих Шмидт пришел, чтобы повесить бирки на шеи горцев, чтобы обратить в арестантские роты колыбель свободы.

Мы остановили год тому назад немцев у порога Москвы. Мы не пустили их в Ленинград. Когда немцы проникли в Сталинград, гнев и возмущение вдохнули новую силу в сердца защитников города, и немцев остановили — на улицах, среди развалин. За Москву умирали дети Армении и Грузии, Азербайджана и Дагестана. Неужели мы не остановим немцев на Кавказе? Для храброго нет ничего невозможного. Аграма Петросьяна немцы взяли хитростью — переодевшись красноармейцами. Немцы его пытали, вырезали на щеках звезды, выдергивали волосы. Петросьян молчал. Ему сказали: «Рой себе могилу». Тогда Петросьян лопатой ударил немца. Он схватил гранаты и бросил их в палачей. Один немецкий офицер ранил Петросьяна в руку и в голову. Петросьян кинулся на офицера и задушил его. Он взял бутылку с горючим и пополз к своим. По дороге он взорвал склад боеприпасов и был в третий раз ранен. Но он дополз. Его поддерживала такая ненависть к врагу, такая любовь к отчизне, что он не мог умереть, и он не умер.

Защитники Кавказа, на вас смотрит вся страна. Вспомните ноябрь 1941-го. Тогда немцы были сильнее. Тогда некоторым каза-

лось: не быть Москве, не быть России. Но защитники Москвы сражались, как Аграм Петросьян. Мы все в долгу перед Кавказом. Настали дни, когда Кавказ говорит: «Защитите». Не горы должны встать перед немцами — люди. И люди не отступят. Люди станут горами.

Шумит поток. Слушай — он говорит: не отдадим! Дождь звенит: не отдадим! Ветер всю ночь шумит: не отдадим! И эхо отвечает: не отдадим! Это не эхо — это Россия: не отдадим Кавказа!

14 ноября 1942 года

Узбеки

Странно видеть этих смуглых юношей, с лицами, обожженными солнцем юга, среди болот и лесов нашего сурового Севера. Но ласково говорят узбеки: «Наша земля». Они сражаются за древний русский город Ржев, и для них это — родной город.

Лицо узбека кажется совершенным, как бы отточенным резцом безупречного ваятеля. Два узбека ведут пленного фрица. У немца маленькая квадратная голова, глаза, как слизь, лицо золотушного борова. А рядом два красавца. Невольно вспоминаешь цветистые рассуждения создателей расовой теории о «красоте нордического племени».

Я видел русскую деревню возле Волги, освобожденную узбеками. В Ферганской долине жили мирные люди. Они любили труд, дружескую беседу, звездное небо. Они не бряцали оружием. Но вот настал грозный час, и узбеки смело пошли в бой. Рядом с другими народами нашей родины они защищают жизнь, дыхание, хлеб, мечту, свободу.

«Сердце льва — сердце узбека», — сказал народный поэт Ислам Шаир. Сердце льва у бойца Ураима Хакимова. Он ехал на мотоцикле. Его остановил командир: «Доставьте меня вот в тот лес...» Они помчались дальше. Вдруг Ураим Хакимов заметил: «Фрицы!» — и он дал по врагу пулеметную очередь. Тогда командир схватил Ураима Хакимова: это был переодетый немец. Но узбек не оробел, он совладал с фрицем и доставил его в штаб. На груди Ураима Хакимова орден Красного Знамени и письмо от любимой девушки. Ее зовут Угулджан. Она пишет: «Горжусь тобой, горжусь, жду и буду ждать».

Прекрасны женщины солнечного Узбекистана. Вот идет по дороге Угулджан. У нее глаза газели, тонкий стан, а в ее руке кувшин с ледяной водой. На Волге храбрые сыновья Узбекистана защищают своих любимых. Прекрасны имена женщин далекого

края: Ханина, Халима, Лайля, Гюльнар, Саодат. За их честь сражаются воины-узбеки.

Среди защитников Ленинграда много узбеков. В боях прославился лейтенант Молкодулов. Его взвод перебил двести фрицев. Молкодулов говорит: «У меня теперь одно желание — убить немца». Боец Таштамиров смело сражается за нашу северную столицу. Он говорит: «Не отдадим Ленинград проклятым немцам. Мы, узбеки, — друзья русских. Наша дружба тверда, как скалы моего родного Памира».

Почетное оружие вручили панфиловцы узбеку Мамадали Мадаминову: он истребил восемьдесят четыре немца. Благоговейно он взял в руки винтовку и сказал друзьям: «Клянусь над святыми могилами, что каждая моя пуля дойдет до немца». Старики и дети в цветущем Узбекистане знают: если немец не грабит их кишлаки, это потому, что далеко на западе русские и украинцы, казахи и татары отражают атаки злого врага. А русские женщины в Москве скажут спасибо Мамадали Мадаминову: восемьдесят четыре убийцы гниют в земле, не смогут они больше убивать русских детей.

Далеко на севере против лахтарей дерутся два закадычных друга: командир снайперского расчета Ахад Ахмедов и наводчик Анатолий Асосков. Ахад Ахмедов — узбек, преподаватель физико-математических наук. Анатолий Асосков — москвич, рабочий. Прямой наводкой громят друзья финские дзоты. Что знал до войны москвич Асосков об Узбекистане? Теперь он знает, что сердце узбека — это сердце льва.

Зелена Фергана, зелена, как рай. Соком радости наливаются тяжелые гроздья. Сказочное богатство сулит снег хлопковых полей. Край жизни, горячее солнце и студеная вода, круглые дыни, яблоки, овцы, как облака. Все там создано для счастья. Нет, не видать презренным фрицам садов Ташкента! Узбеки идут в атаку с криком: «Ватан учун!»— «За родину!» А родина у нас одна — от Карпат до Ферганы. Не мачеха она, а родная мать. Когда молодой Куранбай Хажмуратов уходил на войну, мать ему сказала: «Не робей, Куранбай. Не дай нас в обиду». Это говорила старая узбечка — и это говорила родина, мать, Россия.

20 октября 1942 года

Казахи

Один фриц мне сказал: «Против нас были страшные солдаты — их не мог остановить никакой огонь, они бежали прямо на нас. По-

том мне сказали, что это — казахи. Я не знал прежде, что существует такой народ...» Фрицы многого не знали. Им говорили, что Россия — большая страна, но им не говорили, что в этой большой стране живут большие люди.

В степях Востока, привыкшие к нестерпимому зною и к суровому холоду, издавна жили отважные люди. Акыны пели старины о героях Казахстана, о славных батырах. Нет ничего для батыра дороже чести. Против семи тысяч врагов пошел Ер-Таргын, пошел с шестиаршинным мечом, восклицая: «Только честь мне дорога!»

Разве не реял образ Таргына над двадцатью восемью героями, защищавшими Москву?

Один из панфиловцев, девятнадцатилетний Султан Ходжиков, пишет своей любимой в Алма-Ату: «Нет, не отдам тебя, моя любовь, Эсфир, на поругание немцу! Умру, но не отойду. Я отправил на тот свет десяток бесчестных и с ними их полковника. Это мое признание тебе в любви, Эсфир. Твой Султан». Одиннадцать немцев, а среди них полковник, — какая девушка не обрадуется такому признанию?

Двадцать пять лет тому назад Амангельды, батыр-большевик, сражался за счастье казахского народа. Амангельды говорил: «Зайцу стыдно встретиться с трусливым человеком». Когда Амангельды повели на расстрел, он плюнул в лицо палачу, а потом обнял своего друга, русского матроса.

Ожил после Октябрьской революции Казахстан, расцвели его сады, восколосились поля. Казахам есть что защищать. Гвардеец Урамалиев девять лет был председателем цветущего колхоза «Таш пашат». Недавно он встал в ряды бойцов. За три недели он застрелил двадцать четыре немца. Он говорит: «Это им только задаток, а платеж впереди».

Казах Амирбек Ильясов, тяжело раненный, нашел в себе силы, чтобы поджечь немецкий танк бутылкой с горючим. Маленький казах с большим сердцем! Да, фрицы теперь узнали, что такое казахи. Двадцать девять немцев убил казах Увалиев. Двадцать девять раз кричали «ура» бойцы.

Два казаха, пулеметчики Истаев и Балапанов, отрезали немецкую пехоту от танков. Они подпустили немцев на полтораста метров, а потом начали работать. Трупы немцев покрыли дорогу, и Балапанов сказал Истаеву: «Правду говорят, что труп врага хорошо пахнет».

Боец Торунсабаев на берегах омраченного Дона защищает родной Казахстан. Был тяжелый день: наши пошли в атаку, чтобы занять новый рубеж, но немецкая пуля сразила командира. Настала минута замешательства. Тогда Торунсабаев выбежал вперед и крикнул: «За родину!» Потом он повторил эти слова по-казахски: «Отан ушин!» Он повел взвод на немцев. Враг дрогнул, а Торунса-

баев, когда кончился бой, просто сказал: «Мое дело маленькое — бить немца. А мы все вместе — большая сила».

Казах Ирисов повел бойцов. Они блокировали четыре вражеских дзота. Ирисов, раненный, вынес с поля боя сраженного пулей командира. «Иди в санчасть», — сказали Ирисову. Он ответил: «Нет. Иду воевать». Когда Ошим Коскабаев уезжал на фронт, его провожал весь кишлак. Отец Ошима, бородатый казах, говорил: «Помни, Ошим, какая у нас земля. Добрая земля, всего много — пшеница, хлопок, арбузы. Это, Ошим, твоя земля. Смотри, не отдай ее немцу». Ошим стал пулеметчиком. Был трудный день, немцы пошли в контратаку. Мин больше нет. Ошим крикнул: «Бей немца!» — и побежал навстречу врагам с винтовкой в руке. За ним ринулись товарищи. Штыком пырнул Ошим немецкого офицера. Четыре раза в тот день ходил Ошим врукопашную. Он переколол много немцев. Ошима ранило, товарищи говорили: «Коскабаев, надо идти в госпиталь». Ошим отвечал: «Не надо в госпиталь. Надо бить немца». И он остался в строю. Так воюют джигиты!

Защитник Ленинграда казах Дяган Коквалин шел в атаку. Осколком снаряда разбило винтовку. Дяган не смутился: он пошел на врага с гранатами. Казахи привыкли носиться на коне по степи, но если нужно, они ползут, они бегут, они карабкаются на горы, они вязнут в болотах: ничто их не остановит.

Верность проверяют огнем. Сгорает на огне солома, и закаляется на огне сталь. Жалка «Новая Европа» Гитлера — каторга, где один раб ненавидит другого, где венгр душит румына и где пруссак измывается над швабом. Мы раздуем огонь. От их верности не останется даже слов. Когда им придется отвечать за содеянное, немец зарежет немца. Трижды сильной стала на огне войны наша родина, Советский Союз, Россия. Казахи сражаются рядом с русскими. Мы вместе горюем, вместе деремся, вместе будем радоваться первому утру победы.

18 октября 1942 года

Евреи

Немцы пытали еврейских девушек, закапывали в землю старых евреев. Гитлер думал сделать из евреев мишень. Евреи показали ему, что мишень стреляет. Евреи были учеными и рабочими, музыкантами и грузчиками, врачами и колхозниками. Евреи стали солдатами. Они никому не передоверят своего права на месть.

Фальковичу шел пятый десяток. Он был филологом, провел жизнь у письменного стола. На таких немцы облизываются: поймать и повесить. Не тут-то было. Фалькович пошел добровольцем на фронт. Отрезанный от своей части, он набрал восемнадцать бойцов. Они встретили роту немцев. Фалькович скомандовал: «В бой!» Восемнадцать смельчаков взяли в плен тридцать пять фрицев. Филолог своими руками убил восемь немцев.

Год тому назад немцы шли на Москву. Хаим Дыскин — сын крымских колхозников. Он учился в литературном институте. Когда началась война, Дыскину было семнадцать лет. Он пошел на фронт добровольцем. У Можайска он увидел немецкие танки. Артиллерист Дыскин прямой наводкой разбил головной танк. Немцы выбежали из машины. Дыскин сам себе скомандовал: «Огонь по фашистам!» Раненный, он остался у орудия. Он был вторично ранен. Истекая кровью, он продолжал один отбивать атаку. Четырнадцать ран на теле, золотая звезда на груди героя, пять подбитых немецких танков — вот история семнадцатилетнего Хаима.

Может быть, немцы думали, что евреи не ходят на лыжах? Лейзер Наперник зимой в селе Хлуднево истребил несколько десятков немцев. Тяжело раненный, он упал на снег. Немцы подбежали. Тогда Наперник приподнялся, и в немцев полетели гранаты. Полумертвый, он еще сражался против сотни немцев. Последней гранатой он взорвал себя.

Может быть, немцы думали, что евреи не моряки? Герой Советского Союза капитан подводной лодки «Малютка» Израиль Фисанович показал фрицам, как еврей топит арийских бандитов. Немцы скинули на подводную лодку триста двадцать девять бомб, но лодка вернулась на свою базу. Она потопила четыре немецких транспорта. Рыбы радовались. Но вряд ли радовались породистые немецкие адмиралы.

Кто в Ленинграде не знает о подвиге радиста Рувима Спринцона? Он передал в эфир: «Огонь по мне!» Три дня держались четыре радиста, отрезанные от наших: еврей, русские, украинец. Рувим Спринцон совершал вылазки, бил из автомата врагов. Немцы узнали: одно дело терзать в Гомеле беззащитных старух, другое — столкнуться в поле с Рувимом Спринцоном.

Под Ленинградом Лев Шпайер сжег немецкий танк, уничтожил десяток автоматчиков. Немцы думали, что их священное право вспарывать животы безоружных еврейских женщин. Лев Шпайер проткнул русским штыком ненасытное брюхо трех грабителей. Шпайер погиб в бою. Бойцы написали письмо его родителям: «Дорогие и любимые родители Льва Шпайера! Ваш сын был героем нашего фронта. Он знал, что за его спиной гордость русского наро-

да — Ленинград. Мы вспомним немцам Леву, нашего командира-героя. Мы за него отомстим».

У Сталинграда немецкие танки пошли в атаку. В окопе сидел Давид Кац. Он бросил в головной танк бутылку с горючим. Танк вспыхнул. Второй танк хотел повернуть. Но Кац крикнул: «Бросьте эти шутки!» — и кинул гранату под гусеницы. Танк остановился, но пулемет еще строчил по нашим. Тогда Кац заткнул дуло пулемета штыком. Раненный, он продолжал сражаться — ведь он защищал Сталинград. Только после вторичного ранения Давид Кац позволил отвести его на медпункт. Как здесь не вспомнить старую легенду о великане Голиафе и о маленьком Давиде с пращой?

Когда-то евреи мечтали об обетованной земле. Теперь у еврея есть обетованная земля: передний край. Там он может отомстить немцам за женщин, за стариков, за детей.

Велика любовь евреев к России: это любовь к духу и к плоти, к высоким идеям и к родным городам, к стране, которая стала мессией, и к земле, в которой похоронены деды. «За родину!» — кричал московский рабочий Лейзер Наперник, бросая в немцев гранаты. С этими словами он умер, верный сын России.

1 ноября 1942 года

Значение России

Для человеческой жизни двадцать пять лет — немалый срок. Путиловцы, в осеннюю ночь проходившие по улицам встревоженного Петрограда, стали седоволосыми. На фронте сражаются сверстники Октября. Но для истории двадцать пять лет — короткая минута. Медленно отстаивается вино цивилизации. Столетия отделяют Праксителя от глыбы камня с едва намеченным образом и Рафаэля — от детских каракулей в катакомбах Рима. Настанет пора, и река времени, которая сейчас бурлит, подобная горному потоку, отразит на своей зеркальной поверхности классические сцены счастья. Мы не можем разглядеть дворцы и статуи будущего. Но мы можем уже теперь взглянуть глазами потомков на основные черты нашего века. Мы можем уже теперь сказать, что грядущий историк начнет описание Великой Октябрьской революции с утверждения, что она спасла Россию и позволила ей осуществить свою историческую миссию.

В 1917 году Россия была обескровлена. Невежество и бесчестность правителей довели народ до отчаяния. Октябрь вдохнул веру в Россию. Революция помогла народу отразить покушение чужеземцев на единство и независимость нашей страны.

Не победи четверть века тому назад революция, не было бы России: ее расклевали бы. Может быть, матросы «Авроры» и не думали об исторической судьбе государства. Они начинали летопись. Это была первая страница, но не первого тома. Теперь мы можем сказать, что моряки Балтфлота и рабочие Петрограда продолжали великое дело строителей и собирателей Руси.

В огне испытаний проверяется крепость и сердца человека, и державы. Мужественно сражаются за Ленинград грузины, армяне, азербайджанцы, на берегу Терека украинцы самоотверженно защищают Кавказ. Под ударами солдат Брусилова расползлась Австро-Венгрия. Гитлер надеялся, что Советское государство распадется под натиском немецких танков. Но дружная семья в беде становится еще дружней. Против нас сражаются представители десяти наций. Что объединяет их, кроме дубинки прусского фельдфебеля? «Новый порядок» Гитлера — это арестантские роты, где десять народов сближает одно: кандалы. Наше государство, столь разноплеменное, едино: это волшебство подлинной гармонии.

Так Октябрьская революция дважды спасла Россию: в 1917 и в 1941 годах. Если бы не было Октября, не было бы рабочих, способных на пустыре в одну неделю поставить завод, не было бы узбеков, которые у Ржева бьют немцев, не было бы защитников Сталинграда.

В жизни человека бывают события, которые помогают ему проявить свои душевные качества — талант, щедрость сердца, отвагу. Тогда окружающие видят, что он не зря рос, учился, мечтал. Октябрьская революция — утверждение сущности России, выражение глубочайших, различных и, казалось бы, несовместимых, чаяний народа.

Славянофилы видели миссию России в ее противопоставлении Западу, в культе самобытности, в традициях старой, допетровской Руси. Западникам миссия России представлялась в тесном сотрудничестве с передовыми умами Европы, в продолжении дела Петра, в приобщении страны к материальному и духовному прогрессу. Пушкин понимал пафос петербургского гранита. Мусоргский напряженно прислушивался к строю народной мелодии. Одни восторгались былинами, другие — одами вольности. Делили историю, и люди, восхищенные великодержавностью России, не понимали роли Разина. Делили даже города: любовь к Петербургу как бы исключала любовь к Москве. Октябрьская революция показала внутреннее единство России.

Мы теперь знаем, что привязанность к прошлому не исключает любви к прогрессу. На груди у коммуниста изображение Александра Невского. Советский Союз — страна передовых идей, первый эшелон человечества с любовью лелеет свои особенности. Совет-

ская Россия неразрывно связана с демократиями Запада, и Советская Россия стала оплотом славянских народов, терзаемых немечиной. Кремль—это слово приобрело новое значение, но красные звезды над Кремлем не мешают нам любоваться изумительными памятниками русского зодчества. Мы восторгаемся и героями двенадцатого года, отстоявшими Россию от французских штыков, и декабристами, которые принесли в Россию идеи революционной Франции. В Октябрьской революции нашли свое выражение традиции России. Это было многим не ясно четверть века тому назад. Теперь это понятно всем, и теперь невозможно отделить судьбу Октябрьской революции от судьбы России.

Идеей русской истории был народ. Как крестьянин избу, русский народ сколотил величайшую державу. Народ отстаивал Россию от недругов, народ был Мининым и партизанами. Народ, в лице Ломоносова, создал первый университет. Герцен в изгнании утешал себя мыслью о русском народе. Вспоминая немецкую поговорку «Есть в Пруссии король», Герцен говорил: «У меня есть в России народ». До 1812 года Европа плохо знала Россию. Они встретились впервые на Бородинском поле, и Европу поразила душевная сила русского народа. Европейцы почувствовали, какое сердце бьется под грубой овчиной.

У старой крестьянки, как у дивной музы, искал вдохновения Пушкин. Народ защищал Севастополь, и народ на Малаховом кургане позволил молодому офицеру стать автором «Войны и мира». Народ был содержанием всей жизни России. После Октября народ нашел форму: он стал самой Россией.

Основное свойство русского народа — гуманизм, от древних подвижников до нигилистов, от апокрифа хождения по мукам до Толстого, Чехова и Горького, от Великого Новгорода до защитников Ленинграда. Октябрьская революция выдвинула вперед обыкновенного человека. Мы не склонны самообольщаться, мы знаем, сколько у нас пережитков прошлого — равнодушия и бездушия. Но впервые в основу государства положены не только арифметические права и обязанности гражданина, а высокий принцип товарищества. Если Красная Армия отбросила немцев от Москвы, если мир потрясен эпопеей Сталинграда, дело не в материальной части, а в душевной силе бойца. Человек оправдал оказанное ему доверие.

Русский народ издавна почитал труд, благоговейно относился к страде и даже героизм солдата называл воинскими трудами. Государство, построенное на возвеличении труда, — это тот Китеж, который искал народ. Мы не враги машин, но мы и не рабы машин. Машина для нас вещь, созданная умом и руками человека. Стремясь облегчить труд, мы не хотим освободиться от труда, для нас это все равно что освободиться от жизни. Труд для нас не прокля-

тие, а творчество. В песнях, в сказках русский народ презирал как безделье, так и суррогат работы — торгашество или витийство, и мы вправе сказать, что Октябрь родился не только как результат индустриального роста России, но и как осуществление вековой мечты русского народа.

О правде тосковал народ, о правде строгой и человечной, не только о справедливости с весами в руках, но и о той правде, что не взвешивает, не отмеривает. Задолго до Октября мир почувствовал значение России. О нем говорили и великие русские писатели, и самоотверженные русские революционеры. В Октябре истерзанная, голодная, нищая Россия показала миру свое душевное богатство.

Одно слово теперь повторяют люди в пяти частях света: «Сталинград». Необычайное мужество защитников этого города выходит из рамок военной науки. Оно напоминает миру об историческом событии, имевшем место четверть века тому назад. Сталинград — это не доты и не орудия, это — люди, выросшие в Советской республике. Есть справедливость в том, что название этого города говорит о человеке, который провел молодое государство через штормы по морю, испещренному рифами.

Октябрь, родившись в громе орудий, провозгласил братство. Но миролюбие не означает слабости. Когда в Европе появилось зло, именуемое фашизмом, когда это зло слилось с разбойными традициями рейха и овладело совершенной техникой Германии, Россия, верная себе, выступила против зла. Мир знает, что, когда другие еще надеялись откупиться и отмолчаться, Советский Союз бескорыстно помог далекому испанскому народу. Мы защищали тогда право испанского народа жить по-своему, не подчиняясь тирании Гитлера. Теперь свыше пятисот дней, в тяжелых боях, мы защищаем нашу землю и нашу независимость. Тем самым мы отстаиваем свободу всего мира, и, затаив дыхание, следят за подвигами Красной Армии французы и сербы, чехи и норвежцы.

Наше мужество позволило нашим друзьям спокойно подготовить военные операции. Победа англичан в Египте была бы невозможна без подвигов гвардейцев генерала Родимцева, и успехи американцев в Алжире тесно связаны с потерями германско-итальянских войск в России. Один англичанин справедливо сказал, что, если бы не было Советской России, не было бы теперь Англии. Наша страна стала сердцем боевого союза трех великих государств. На Сталинграде свободолюбивые народы учатся не только стойкости, но и непримиримости. Священный пламень ненависти к поработителям не погасает в груди России, и этот пламень теперь зажигает сердца наших далеких друзей.

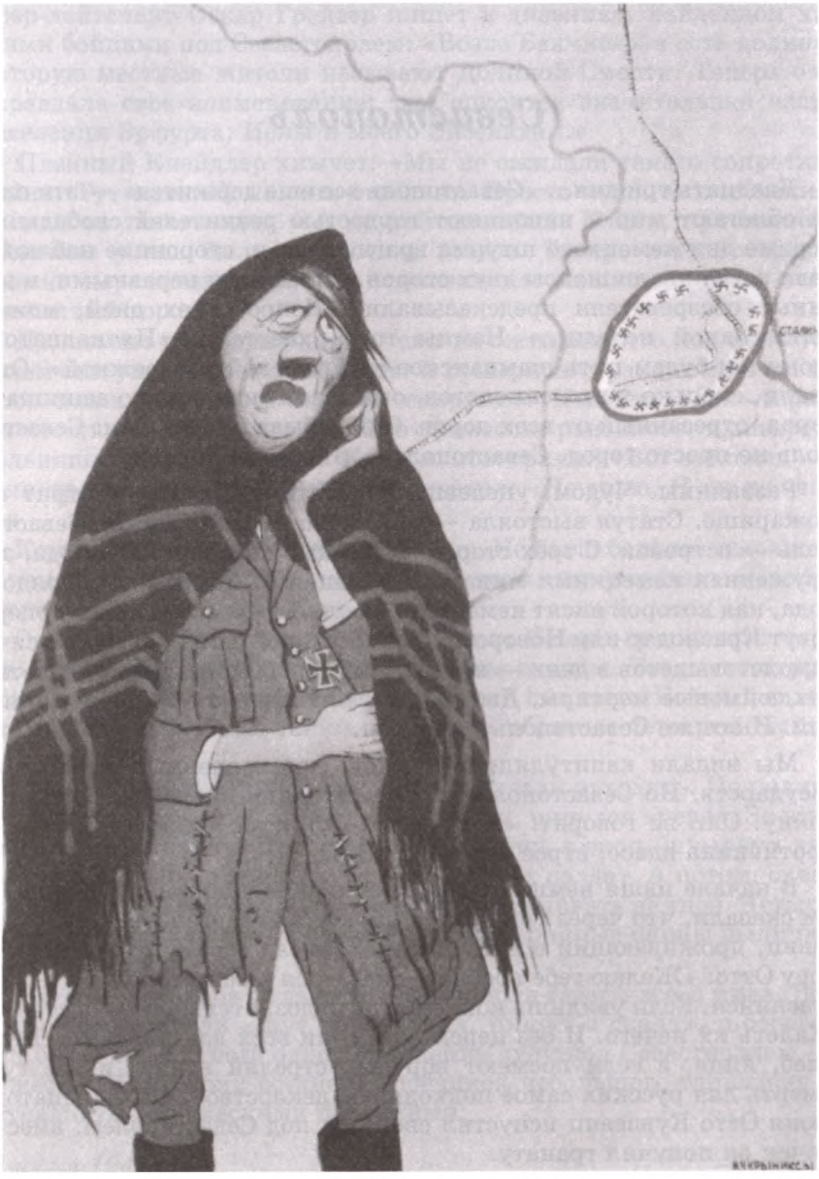
Посягнув на Россию, немцы посягнули не только на мощную державу, они посягнули на нечто большее: на то значение, которое отметило нашу родину среди других больших и малых государств. Когда-то, обращаясь к противникам России, Тютчев говорил:

О край родной! Такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей.

Мы одолеем.

12 ноября 1942 года

ТРУДНЫЙ ПУТЬ

Севастополь

Двадцать три дня... «Севастополь все еще держится» — эти слова облетают мир и наполняют гордостью ревнителей свободы. В первые дни немецкого штурма враги, друзья, сторонние наблюдатели взвешивали шансы двух сторон. Силы были неравными, и военные обозреватели предсказывали: «Вопрос трех дней, может быть, одной недели...» Немцы тогда хвастали: «Пятнадцатого июня мы будем пить шампанское на Графской набережной». Они знали, сколько у них самолетов, они знали, как трудно защищать город, отрезанный от всех дорог. Они забывали об одном: Севастополь не просто город. Севастополь — это слава России.

Развалины. Чудом, уцелевший памятник Ленину смотрит на пожарище. Статуя выстояла — как душа нашей родины. Севастополь — островок. С трех сторон — немцы, с четвертой — вода, запруженная немецкими минами, кипящая от немецких снарядов, вода, над которой висят немецкие самолеты. Севастопольцы теперь зовут Краснодар или Новороссийск «Большой землей». Две тысячи самолетовылетов в день — немцы бомбят и бомбят. Двадцатичетырехдюймовые мортиры. Двенадцать, пятнадцать вражеских дивизий. И все же Севастополь держится.

Мы видали капитуляцию городов, прославленных крепостей, государств. Но Севастополь не сдается. Наши бойцы не играют в войну. Они не говорят: «Я сдаюсь», когда на шахматном поле у противника вдвое, втрое больше фигур.

В начале июня немцы, разнежившись на солнце, ухмылялись: им сказали, что через три дня они будут в Севастополе. Курт Кунзевиц, проживающий в Брауншвейге, писал своему брату, ефрейтору Отто: «Желаю тебе поскорее оказаться в Севастополе, а там не стесняйся. Если увидишь кого-нибудь подозрительного — к стенке! Жалеть их нечего. И без церемоний гони всех вон из домов. Бери хлеб, яйца, а если посмеют ворчать, стреляй в них, и все тут. Смерть для русских самое подходящее лекарство». Одиннадцатого июня Отто Кунзевиц испустил свой дух под Севастополем: вместо яичек он получил гранату.

Смерть оказалась хорошим успокоительным лекарством для многих немцев. Супруга обер-фельдфебеля Людвига Рейхерда пишет мужу: «Мне снилось, что я тебя искала возле Севастополя и не могла найти — повсюду могилы, могилы. Какой кошмар!..» Симферополь забит искалеченными немцами. Ялта пахнет карболкой. Обер-лейтенант Оскар Грейзер пишет в дневнике, найденном нашими бойцами под Севастополем: «Возле Бахчисарая есть долина, которую местные жители называют Долиной Смерти. Теперь она оправдала свое наименование: там покоится значительная часть населения Эрфурта, Иены и моего Эйзенаха...»

Пленный Кнейдлер хнычет: «Мы не ожидали такого сопротивления. Тут каждый камень стреляет. Просто чудо, как я вышел живым из такого ада...» А другой пленный, Клейн, признается: «Вначале у нас было настроение боевое. Теперь наши солдаты ужасно нервничают. Многие сомневаются: можно ли взять этот проклятый город!..»

Да, немцы разнервничались: они не ожидали, что под Севастополем они увидят севастопольцев. В суеверном страхе немцы называют наших моряков «черной смертью». Недавно один моряк уничтожил тридцать немцев. Его принесли, раненного, в лазарет. Тельняшка была красной. Кругом повторяли: «Вот молодец — один против тридцати!..» Моряк ответил: «Не знаю. Я их не считал — я их бил».

Командир батареи защищал высоту. Не было больше снарядов. А немецкие танки обтекали холм. И командир передал: «Прошу открыть огонь по мне».

Одна рота отбила три танковые атаки. Немцы пошли в четвертую. Головной танк прорвался к нашим окопам. Тогда политрук Ткаченко, с гранатами на поясе, бросился под танк. Бойцы усилили огонь, и остальные танки повернули обратно: четвертая атака была отбита.

Немцы заняли наши окопы. Бойцы начали отходить. Но политрук Гакохидзе, с винтовкой и с гранатами, ринулся вперед. За ним побежали три бойца. Политрук, ворвавшись в окоп, швырнул две гранаты, заколол немецкого офицера и трех солдат. А потом, схватив ручной пулемет, он начал в упор расстреливать немцев. Четыре героя уничтожили семьдесят немцев. Потерянные окопы были отвоеваны.

«Чудо», — говорят о защите Севастополя газеты всего мира. Военные обозреватели ищут объяснения, пишут о скалах, о береговых батареях. Но есть одно объяснение чуду под Севастополем — мужество. В истории останется поединок небольшого гарнизона с пятнадцатью вражескими дивизиями.

30 июня 1942 года

Отобьем!

Наш народ закалился за год войны. Он узнал горечь осеннего отступления. Он узнал гордость зимних побед. Он понял, что разбить немцев нелегко, и он понял, что немцев можно разбить.

Нас постигла военная неудача: немецкие танки прорвались к степям Средней России. Над родиной снова сгрудились грозовые тучи. Народ, переживший победы у Ростова, у Калинина, у Можайска, не хочет тешить себя иллюзиями. Он видит опасность, и он говорит: отобьем!

Опасность велика. Колосятся пышные нивы черноземного края. Захолустные города стали крупными промышленными центрами. Как кровеносная артерия, магистраль соединяет Москву с Ростовом. Враг грозит пожрать хлеб, захватить заводы, перерезать артерию.

Немецкие солдаты приободрились: перед ними невытоптанные нивы, несожженные села, неразграбленные города. Крысы ползут на восток: их ведет голод. Немецкие танкисты уже приготовили мешки для добычи. Немецкие палачи уже сколачивают новые виселицы.

Мы отобьем немцев. Мы отбили их в самые страшные месяцы осени. Тогда враг был сильней. Он шел вперед, уверенный в своей победе: он помнил о Седане, о Дюнкерке, о Крите. Теперь враг не тот: на его щеке клеймо декабрьского разгрома.

Прошлой осенью на нас шли кадровые дивизии Гитлера, цвет германской армии, молодые головорезы. Эти сгнили в русской земле. Теперь на нас идут пестрые дивизии, сорокалетние, подростки, разноплеменные наемники. Мы устояли перед лучшими полками Гитлера, неужели мы не устоим перед его новыми частями? Нет, наши бойцы не осрамят знамен гвардии! Нет, наши бойцы не потревожат сна героев, погибших за Москву! Мы должны остановить немцев, и мы их остановим.

Гитлер хотел наступать весной. Защитники Севастополя вырвали у Гитлера драгоценный месяц — июнь. Гитлер начал свой весенний поход в июле. Он поздно начал. Мы должны его заставить рано кончить. Мы должны отбить немцев.

Прошлой осенью у нас было куда меньше танков, чем у немцев. Немецкие бомбардировщики тогда нагло прорезали наше небо. Трещали немецкие автоматы. Теперь не то. Конечно, враг накопил танки для прорыва. Но разве мало у нас замечательных танков? Теперь наши истребители гонят немцев с неба. Теперь наши бомбардировщики жгут немецкие танки. Теперь у нас много автоматов, бронебойных ружей, минометов. Теперь мы обязаны отбить немцев. И мы их отобьем.

Прошлой осенью многие бойцы не знали, кто перед ними. Они думали, что гитлеровцы — это люди. Теперь нет человека, который

не знал бы, что такое гитлеровец. Мы увидели виселицу Волоколамска. Мы увидели пепелище Истры. Мы увидели девушек с отрезанными грудями и детей, распиленных на куски.

Настали грозные дни. Это возврат немецкой лихорадки. Но второй приступ слабее первого. Мы выдержали первый. Мы должны выдержать второй. Если есть среди нас малодушный, скажем ему: не срами своей матери! Один боец, заколебавшись, может погубить роту. Одна рота может погубить полк. Немец видит перед собой непроходимую стену: это наша армия. Немец ищет в стене слабое место. Он хочет пройти. Мы его не пустим. Мы его остановим. Мы его отгоним от захваченных городов — их свежие раны еще дымятся.

По всем фронтам, как пропуск, пройдут крылатые слова: «На выручку!» Не за тот или иной город началась битва — за Россию. Опять на нее занес свою гнусную руку Гитлер. Друзья, вы отбили немца в трудные дни декабря, когда он подошел к пригородам Москвы. Отбейте его теперь! Битва только-только разгорается, и слышно в грозовой ночи:

— Отобьем!

8 июля 1942 года

Отечество в опасности

14 июля парижский народ взял зловонную Бастилию. Разрушив тюрьму, люди танцевали: они радовались свободе. Легко было взять Бастилию. Труднее было отстоять свободу от хищных соседей. Пруссаки и австрийцы вторглись во Францию. Молодой республике грозила смерть. Тогда патриоты обратились к народу с бессмертными словами:

— Отечество в опасности!

Солдаты республики при Вальми разбили врага и отстояли свободу своей родины.

Полтораста лет спустя пруссаки снова вторглись во Францию. Что делали французы? Они безмятежно ждали событий. Они подсчитывали, сколько квадратных километров у Германии, с одной стороны, у союзников, с другой стороны, и они благодушно повторяли: «Мы сильнее». Никто не напомнил французскому народу в те роковые дни, что отечество в опасности. Немцы вошли в Париж, и ужасы Бастилии померкли перед ужасами немецких тюрем.

Год тому назад, в июльское утро, Сталин сказал советскому народу: отечество в опасности! С тех пор прошло много дней. Мы узнали превратности войны. Мы пережили поражения и победы. Мы отстояли Москву. Мы побили немцев, но мы их не добили. Нако-

пив силы, немцы снова двинулись на восток. Глядя на карту, мы сейчас чувствуем священную тревогу: отечество в опасности!

Немцы подошли к Богучару. Они рвутся дальше — к солнечному сплетению страны — к Сталинграду. Они грозят Ростову. Они зарятся на Кубань, на Северный Кавказ. Преступно не видеть угрозы и преступно растеряться от угрозы. Красная Армия найдет в себе силы преградить путь жадному врагу.

Немцы грозят не тому или иному городу, не тому или иному краю. Угроза нависла над всей страной. На берегах Дона, в южной степи, сибиряк защищает Сибирь и уралец — Урал. Казах сражается за свою степь и армянин — за свои горы. Немецкий клинок впился в южные просторы России. Бойцы Красной Армии выбьют клинок, отгонят немцев.

Нет десяти фронтов, есть один фронт. Можно на Волхове отстаивать Дон. Можно под Гжатском драться за Сталинград. Бойцы, в ваших руках судьба родины, в руках каждого стрелка, каждого наводчика, каждого танкиста! Немцы торопятся. Немцы теперь воюют по минутной стрелке. Не пропустим драгоценного времени! Вспомним прекрасные слова Петра Великого: «Промедление смерти подобно».

Победа не валяется на земле. Победа не падает с неба. Победу нужно высечь из камня, вырвать из тверди. Часто человек бывает малодушным перед ничтожной болезнью, перед житейской неприятностью. Но теперь идет вопрос о жизни и смерти. Кто выдаст свою дочь насильникам? Кто отдаст своего брата палачам? Кто даст дом матери немецким факельщикам? Кто даст Россию немцам?

Отечество в опасности, друзья! Все на немца!

14 июля 1942 года

Трудный путь

Гигантская битва в донских степях не затихает ни на час. Мы с горечью видим, как на отдельных участках фронта наши части отходят под натиском неприятеля. Мы с радостью следим за нашими частями, которые стойко отражают атаки немцев, переходят в контратаки и отбивают у врага потерянную территорию.

На войне нужно уметь все пережить. Слабое сердце легко переходит от отчаянья к благодушию и от благодушия к отчаянью. Но на войне земля становится блиндажом, и даже самое слабое сердце на войне закаляется, как сталь. Может быть, наивные люди в далеком тылу зимой думали, что германская армия уже уничтожена. Бойцы, гнавшие немцев от Калинина и от Можайска, знали, что

далек и труден путь к победе. Может быть, теперь в далеком тылу некоторые неврастеники думают, что немцы победили. Бойцы знают, что даже самые блестящие успехи немцев не приблизили их к победе: против них — Красная Армия, которая сражается и которая победит.

3 октября 1941 года Гитлер сказал, что Красная Армия уничтожена и что через несколько недель война будет закончена. Два месяца спустя Красная Армия перешла в наступление. На войне нельзя шаманить: криками «победа» не победишь. Победу нельзя вытянуть из мешочка: война не лотерея. Победу строят. Победу добывают. Победу берут с боя, как дот, как высоту.

По сравнению с битвами на нашем фронте бои в Африке небольшие сражения, но и в них нелегко добиться решающих успехов. Немцы однажды уже переходили через границу Египта. Они однажды уже присматривались к гостиницам Каира. Вскоре после этого они оказались за Бенгази. Англичане ослабили напряжение и в течение нескольких недель потеряли Ливию. Две недели тому назад немцы говорили: «Скоро мы будем в Александрии». Англичане собрались с духом и остановили танки Роммеля.

Плохого солдата неудачи валят на землю. Хороший солдат на каждой неудаче учится. Старые фронтовики, пережившие осеннее отступление, многому научились. Молодые бойцы, недавно получившие свое боевое крещение, выйдут из битв сильными и умудренными.

Год тому назад немцы были много сильнее нас. Немецкие командиры тогда обладали большим боевым опытом. Немецкие солдаты тогда слепо верили в победу: они не знали дотоле поражений. Мы отступали, но мы отступали с боем. Мы нашли в себе достаточно силы, чтобы в последний, двенадцатый час в пригородах священной Москвы остановить врага и нанести ему жестокий удар.

Теперь мы ведем бой в лучших условиях. Правда, нам еще не хватает порядка, точности, железной дисциплины. Но наша армия хорошо вооружена. Наши командиры и бойцы приобрели известный опыт. Немецкие солдаты растеряли на дорогах отступления долю своей спеси. Наши бойцы увидели, что у немца имеется не только чванливая морда, но и жалкий зад. Теперь мы должны остановить немцев, и мы их остановим.

Прошлым летом мы воевали по немецкому календарю. Мы говорили: «Немцы решили закончить войну в три недели. Немцы заявили, что будут в Москве 15 августа. Немцы говорят, что они возьмут Ленинград 1 сентября». Теперь немцы молчат о датах. Теперь немецкие газеты пишут о новой зимней кампании. Они не взяли нас с нахрапу. Они не возьмут нас и в тяжелом, долгом бою.

Хорошие танки КВ. Прекрасные противотанковые ружья Симонова. Отменные у нас штурмовики. Но решит победу человек, его

стойкость, его ум, инициатива, дисциплина. Мы должны победить, потому что не сравняться презренному фрицу, насильнику и вору, с советскими людьми. Но победа не дастся легко, не придет сама собой. Говорят, что каждый — своего счастья кузнец. Скажем: каждый — кузнец счастья родины, каждый — кузнец победы.

Долго уже длится эта проклятая война. Кто из нас забудет тот день, когда на нас напали немцы? Жили мы до войны каждый своей жизнью, были у нас и радости и горести. Но кто теперь не улыбнется, вспомнив огорчения довоенных дней? Немцы оторвали нас от любимого дела, от родного дома, от жены, от детей. Немцы осквернили нашу землю, раскидали семьи, разорили наше гнездо. Мы хотим как можно скорее покончить с народным горем. Идут часы истории, от нас зависит, как они пойдут.

Трудно сейчас бойцам в донских степях: Гитлер бросил против них десятки танковых дивизий. Но смелость не только берет города, смелость крошит танки.

16 июля 1942 года

Угроза

Немцы двинули на нас свои танки. Но Гитлер боится, что его танки разобьются о нашу стойкость. Гитлер хочет сломить нашу волю ложью. Старый волк снова вытащил овечью маску и напяливает ее на свою кровавую морду. Но наш народ недаром выстрадал этот год: он узнал, что такое немецкий «порядок».

Немцы говорят нам: «Мы не против России. Мы только против советского строя». У себя дома они откровенней. Немецкая газета «Франкфуртер цейтунг» пишет: «Советский Союз — это та же Россия. Ленин воспринял традиции Петра. Комиссары Красной Армии не случайно ссылаются на Суворова и Кутузова. Речь идет не о политике, но о геополитике: Германия не может допустить существования России в какой бы то ни было форме...» Когда вор забирается в дом, он может, конечно, рассказывать, что ему не нравятся обои в квартире или что он обижен вкусами хозяев, но все знают, что вор пришел за шубой или за мукой. Немцы с нами не ведут политических дискуссий, немцы нас грабят. Они выпустили географическую карту «будущей Европы». Одессу и Крым они отдают румынам. Николаев и Донбасс они швыряют мадьярам. Ленинград должны получить финны. Все остальное немцы намереваются взять себе. Россия по их замыслу лишается даже имени. Она будет немецкой колонией под кличкой «Остланд» — «Восточная страна». Немцам важен не наш строй, а наша земля. Они напали на нас

не потому, что им не понравились наши идеи, а потому, что им понравились наша пшеница, наша руда и наша нефть.

Немцы ограбили всю Европу. Тогда они не говорили о политическом строе: они просто грабили. В Югославии, в Голландии, в Бельгии были монархии. Немцы сели на место королей. В Чехословакии и во Франции были демократические республики. Немцы сели на место президентов. Немцы идут войной не только против нашего строя — против нашей родины. Они хотят взять Россию и управлять ею, как своей вотчиной.

Немцы уверяют, что они воюют против коммунистов. У себя они пишут: «Все русские — большевики» («Данцигер форпост»). Немцы хотят уничтожить всех, кто не будет плясать под их дудку. Каждый день в Чехословакии казнят сотни чехов. Кого там казнят? Только коммунистов? Нет, людей разных партий, профессоров и крестьян, писателей и рабочих, учителей и ремесленников. В Югославии немцы убили свыше трехсот православных священников. В Бельгии немцы арестовали двести католических ксендзов. Может быть, священники и ксендзы тоже коммунисты? Кого убивают немцы у нас? Всех.

Они не спрашивают — коммунист ты или беспартийный. Если ты, старик, вовремя не уступил дорогу немецкому хаму, если ты, мать, не отдала детских валенок жадному фрицу, — к стенке! В Москве, в Русаковской больнице, я видел много детей — десятилетних, восьмилетних, изуродованных немецкими палачами. Может быть, шестилетняя Зоя, в которую немец выстрелил потому, что она его разбудила, тоже была коммунисткой? Немецкие звери пришли к нам не для того, чтобы с нами спорить. Они не хотят нас переубедить, они хотят нас убить.

Немцы говорят, что они защищают религию. У них есть одна религия: грабь! У них есть один бог: тирольский шпик. Они воздают ему почести, как божеству. Немецкий генерал Вейганг в докладной записке требует «искоренения в России христианства как несоответствующей религии». Они говорят о церкви в надежде, что какая-нибудь женщина поверит им и перекрестится, а они тем временем стащат у нее одеяло.

Немцы говорят украинцам: «Мы только против русских». Немцы говорят татарам: «Мы против славян». Немцы говорят грузинам: «Мы против славян и татар». Они всех хотят обмануть. Они никого не обманут. Немцы признают людей только одной расы: немецкой. Все другие народы для них «унтерменш» — «недочеловеки». Немцы пишут о русских: «Это неполноценный народ» («Шварце кор»). Немцы пишут об украинцах: «Народность, пригодная для земледелия, но не способная к самоуправлению» («Паризер цейтунг»). Немцы пишут о татарах: «Это типичные проводники, которых можно купить за одну марку» («Дейче цейтунг ин

Остланд»). Немцы пишут о грузинах: «Сильно смешанное племя, само тяготеющее к чужеземному игу» («Остфронт»). Немцы пишут о казахах: «Кочевники, которых напрасно приобщили к завоеваниям цивилизации» («Националь цейтунг»). Немцы хотят натравить один советский народ на другой, чтобы легче завладеть нашей родиной. Для всех народов у них готовы кандалы. Для всех народов они сколачивают виселицы.

Сильней всего немцы ненавидят русских. Они ненавидят в советской семье старшего брата. Они знают, что без русского народа не было бы России. Они знают, что без русского народа не было бы Советского Союза. Они ненавидят русских за то, что по-русски писал Толстой, за то, что по-русски говорил Ленин, за то, что на русском языке раздается команда командира Красной Армии: «По немцам огонь!»

Немцы пишут в своих листовках, что они воюют только против евреев. Кого они думают обмануть? Все у нас знают, что в Истре жили русские, что в селах Орловской области, разграбленных немцами, не было ни одного еврея, что евреев у нас в стране немного, и на каждого замученного немцами еврея приходится пятьдесят замученных немцами русских, украинцев, белорусов. Почему немцы говорят о евреях? Они рассчитывают, что какой-нибудь наивный человек им поверит, подумает: «Я-то не еврей, я русский, мне ничего не будет». Немцы прикидывают: «Он поверит и пустит нас в свой дом, а мы этот дом как следует почистим, поедим, попьем и на прощанье убьем хозяина».

Немцы говорят колхозникам: «Мы не хотим обижать крестьян. Мы только против городских дармоедов, а крестьян мы любим». Но кто поверит немецкой лжи? Колхозники Московской, Тульской, Калининской областей могут рассказать, как немцы любят крестьян. Немцы любят колхозников, как кошка любит мышку. Немцы любят колхозников, как паук любит муху. Недавно немцы сообщили, что из Голландии они переселяют три миллиона голландских крестьян на Украину. Три миллиона немцев вместо этого поедут в Голландию. А чтобы освободилось для переселенцев место, три миллиона украинцев немцы убьют. Для них человек — это машина: положил в товарный вагон и вези на другой край света. Даже дерево нельзя пересадить куда придется: дерево засохнет. А немцы хотят расселять крестьян по их немецкому велению. Пошлют сибиряков в Ливию, а грузин в Норвегию. Они пишут в «Брюсселер цейтунг»: «Русский, украинский или польский крестьянин может работать под присмотром немецких руководителей в любой стране мира, так как он вынослив и привык веками работать на чужой земле». Они хотят отнять у наших колхозников землю. Они нашептывают: «Мы не возьмем земли, мы даже дадим вам приусадебный кусочек». Но какой «кусочек» дали они колхозни-

кам Белоруссии? Два аршина на могилу. Они берут у крестьян все — от скота до катушки ниток. Они посылают колхозниц в публичные дома или на каторжные работы.

Немцы говорят рабочим: «Мы за рабочих, мы за расцвет труда». Да, они за расцвет рабского труда под немецким кнутом. Они распродали советские заводы немецким фабрикантам. Они вывозят советских рабочих в Германию. Там русские рабочие живут, как каторжники. Они не имеют права выходить на улицу. Они едят суп из гнилой селедки. Они обязаны носить на руке позорную повязку с буквой «О» — «Остланд», чтобы каждый немец видел, что это — русский, что он может его оскорбить, ударить, убить. Они хотят, чтобы советские рабочие стали рабами — вот их немецкий «социализм».

Немцы говорят интеллигентам: «Мы против русского простонародья. Мы за интеллигенцию». Но интеллигенты знают, что их ждет под немцами. Когда чешский учитель вспоминает о чешской грамматике, его расстреливают: он — «саботажник». Когда французский ученый пишет о Жанне д'Арк, его казнят: он — «диверсант». Интеллигенция не может жить без национальной культуры, а немцы не признают другой культуры, кроме немецкой. Они закрыли русские школы. Они сожгли белорусские библиотеки. Они уничтожили украинские музеи. Они привезли в Киев и в Минск, в Курск и в Смоленск своих немецких писарей, своих немецких костоправов, своих немецких инженеров. А советский интеллигент умирай с голоду, если его не прикончила немецкая пуля.

Есть у нас благодушные люди, которые думают, что с Россией ничего не может случиться, что Россия слишком большая, что немцы ее никогда не смогут захватить, а если и захватят, то посидят денек и потом уйдут. Но нашей родине грозит смертельная опасность. Мы должны помнить об этом днем и ночью. Мы должны говорить об этом неустанно. Теперь не время серенад, теперь время набата. Французы убаюкивали себя иллюзиями. Они говорили: «Никто никогда не правил Францией. В 1871 году немцы вошли в Париж на три дня, а потом ушли...» Вот уже два года, как немцы сидят в Париже. Они довели Францию до голода, до позорного прозябания, до полусмерти. Немцы не уйдут из Парижа. Немцев придется оттуда вышибать, и это будет нелегким делом. Немцы не собираются уходить из Киева, из Харькова, из Минска, из Орла. Их придется оттуда выбивать. Каждый советский гражданин должен помнить: немцы хотят завладеть Россией, править ею, мучить ее, жить за ее счет. Фриц лезет вперед, потому что ему сказали, что он и его фрицево отродье будут жить припеваючи на русском горбу. Фрица нельзя остановить словом. Его можно остановить только железом.

Зимой Красная Армия освободила от немцев много русских городов и сел. Сотни тысяч людей тогда благословляли наших бойцов. Теперь немцам удалось захватить много городов и сел. Теперь

немцы воздвигают новые виселицы. Узнали пытку Валуйки и Старый Оскол, Богучар и Миллерово. Каждый километр, захваченный немцами, — это слезы русских матерей, это сожженные хаты, вытоптанные нивы. Что может остановить немцев? Стойкость, стойкость и еще раз стойкость. Опасность придала силы Красной Армии. Бойцы подтянулись, стали суровее, строже. Приказ командира теперь не только приказ командира — это приказ России. Он прост: держись и победи!

17 июля 1942 года

Остановить!

Нас постигло еще одно испытание: многострадальный Ростов снова попал в лапы немецких грабителей. Горе этого города разжигает нашу ненависть. Сегодня с особенной страстью мы повторяем: немцы должны быть уничтожены.

Мы знаем, что немцы дорого заплатили за Дон. Солдат Франц Грабе пишет своей жене: «Мы не успеваем хоронить наших мертвых, приказано ставить кресты с номерами, но мы это обходим, и начальство не настаивает, потому что стоит страшный смрад...» Они идут по трупам. Трупами они устлали свой путь от Тима до Дона и от Валуек до Ростова.

Гитлер бросает в бой все новые и новые дивизии. Это игра сумасшедшего. За последние месяцы Гитлер перебросил из Франции на Дон четырнадцать пехотных и две танковые дивизии. Это значит, что во Франции, если не считать полицейских и охранных частей, осталось десять боеспособных немецких дивизий. Это значит, что Гитлер должен бросать на Дон солдат, еще вчера охранявших побережье Атлантики. Это значит, что у Гитлера иссякают силы. Это значит, что немцев можно остановить.

Немцы рвутся вперед. Они торопятся. За их спиной — призрак расплаты. Немцев нужно остановить. А немецкую дворню пора высечь. Довольно макаронщики топтали русскую землю. Все знают, что итальянцы — мастера бегать: пора им об этом напомнить. Пора добить вшивых румын: довольно они грабили нашу землю. Много румын уже лежит в земле, пора отправить туда уцелевших. Пришли к нам пьяные венгры. Один венгерский журналист утверждает, что он произвел раскопки и убедился, будто вся Россия некогда принадлежала мадьярам. Этих пьяных нахалов следует убрать. Они раскапывают. Мы их закопаем. Но главное нельзя ни на минуту забывать о немцах. Нужно думать не о мертвых — о живых: о тех, что лезут дальше. Их необходимо остановить. Их необходимо перебить.

Боец не видит всего фронта, он не знает, что происходит в ста километрах от его участка. Он знает одно: ему поручили защищать вот эту переправу, вот этот дом, вот эту дорогу, вот эту лужайку. И для него все должно быть сосредоточено на одном доме, на одной переправе, на одной дороге, на одной лужайке. Вот этот дом сейчас для тебя — родина. Тебе доверили его защищать, и ты защищаешь не маленький домик, но великую Россию. От того, устоишь ли ты или не устоишь, зависит судьба родины, потому что гибель страны складывается из малодушья каждого, потому что победа — это отвага миллионов.

Прошлой осенью герои говорили: «Ни шагу назад». Они тогда не знали, что немцев можно гнать. Теперь каждый боец должен понять, что перед ним — битый фриц. Этот фриц храбрый, пока ему не дают по зубам. Но этот фриц умеет убегать, как заяц. Если ему дать поблажку, он сожрет весь мир, истопчет землю от края до края. Если его осадить, он сначала остановится, а потом побежит.

Боец Юга, стой, и ты остановишь немца. Стой, и от тебя отступит смерть. Товарищу скажи: «Стой!» Другу скажи: «Не уйдем!» Родине ответь: «Я здесь — на посту!» Бей немца! Немец, убитый на правом берегу Дона, не перейдет на левый берег. Немец, утопленный в Дону, не полезет на Кубань. Бей, как можешь и где можешь! Стой и бей! Бей и стой!

29 июля 1942 года

На рубеже

Боец, помни, кто перед тобой.

Перед тобой злые люди, чужие люди, немцы. Они пришли, чтобы ограбить твой дом, чтобы обидеть твою мать, чтобы обесчестить твою жену, чтобы убить твоих детей. Они пришли, чтобы надругаться над твоим языком, над твоими думами, над твоей любовью.

Боец, помни, кто позади тебя.

Позади тебя беззащитные дети, старики, женщины. Они думают о тебе с великой надеждой, на тебя они уповают. Если ты не выстоишь, если ты дрогнешь, если ты уйдешь с поста, — ты откроешь путь немцу к русским городам, к русским селам, к русским девушкам, к русским детям. За минуту твоего малодушья ответят тысячи русских людей. Ты станешь изменником. Ты побежишь назад, чтобы спасти свою жизнь, но от тебя отшатнутся живые. Тебя проклянут матери. Они закроют глаза своим детям и скажут: «Это русский, который выдал немцу Россию».

Армия — живая стена. В стене важен каждый кирпич. Немец ищет в стене брешь. Немец убегает от героев. Немец останавливает-

ся перед стойкими. Немец лезет вперед, когда видит малодушных. Великая ответственность лежит на твоих плечах. Если ты дрогнешь, ты погубишь своих товарищей. Если ты дрогнешь, ты выдашь немцам русское село.

Каждый теперь отвечает за судьбу родины. Боец, если ты выстоишь в эти суровые дни немецкого наступления, ты спасешь Россию. Если ты дрогнешь, не будет ни России, ни твоих близких, ни тебя — немцы все возьмут, всех убьют, наша Россия станет чужой, немецкой провинцией.

Боец, ты получил от деда и отца великую страну. Что ты оставишь твоему сыну — Россию или стойло в немецком хлеву? Наполеон был умнее Гитлера. Наполеон был сильнее Гитлера. Русские разбили Наполеона. Четверть века тому назад на Россию шли немцы. Тогда у русских не было снарядов, тогда у русских не было патронов. Но русские тогда выстояли. Теперь у тебя хорошее оружие. Теперь у тебя самолеты и танки. Теперь у тебя такая артиллерия, что немцы, услышав ее, теряют голову. Теперь ты можешь разбить немцев. Если ты теперь не выстоишь, вина на тебе. Тогда, значит, не жить русскому народу.

Немец сейчас воюет из последних сил. На юге России должна решиться судьба и наша и немцев. Если мы их сегодня остановим, мы их завтра начнем гнать. Немец все поставил на карту. Если ты выстоишь, немец проиграет. Если ты дрогнешь, пропала Россия.

Если ты отступишь на шаг, враг пройдет вперед версту. Если ты отойдешь на версту, враг шагнет на целую милю. Враг зашел далеко. Боец, подумай о карте нашей страны. За твоей спиной хлебородный край. За твоей спиной кровь войны — нефть. Если ты дрогнешь, ты отнимешь хлеб у женщин. Ты отнимешь горючее у танкистов и летчиков. Ты отнимешь оружие у твоих товарищей. Ты выдашь страну немцу.

Стойкость — вот противотанковый ров. Стойкость — вот живой дот. Стойкость решает все. Если немец идет вперед, — значит, ты его пропустил. Осенью бойцы разбили немцев у Ростова. Зимой бойцы разбили немцев под Москвой. Тогда им было труднее: у них было меньше танков, меньше минометов, меньше автоматов. Немец тогда был сильнее. Но бойцы тогда выстояли. Неужели напрасно погибли двадцать восемь героев? Неужели напрасно умирали русские люди у Калинина, у Ельца, у Тихвина? Боец, ты не осрамишь своего знамени. Боец, ты не предашь родины. Ты выстоишь.

Позади тебя живая Россия. Зреют колосья нашего урожая. Дышат трубы наших заводов. Но теперь важен каждый шаг. Но теперь важен каждый час. Можно спасти родину — здесь, на этом рубеже.

1 августа 1942 года

Стой и победи!

Лейтенант Аросев, небритый, с глазами, красными от бессонных ночей, повторял: «Убьют так убьют — я смерти не боюсь...» Скрипели жалостно телеги беженцев, и в золоте заката бледнел пожар села. Политрук Савченко внимательно поглядел на Аросева, покачал головой и ответил: «Умереть легко, нам другое нужно — победить».

На войне каждый храбрый солдат должен быть готов к смерти, но он сражается не для того, чтобы умереть, а для того, чтобы победить. Он сражается для того, чтобы жить. Он защищает свою жизнь, жизнь близких, жизнь родины.

Малодушие — это вовсе не бóльшая любовь к жизни, нежели отвага. Разве заяц привязан к жизни сильнее, чем лев? Малодушие не помогает зайцу, оно только подгоняет охотничью собаку. Когда рядовой француз решил спасти себя любой ценой, он все потерял. Он погиб под немецкой бомбой или в немецком плену. Мнимо благоразумные французы говорили тогда, что они хотят «оградить Париж от разрушений». Они впустили в Париж немцев. Немцы разграбили город, обратили его жителей в рабство, увезли добро и произведения искусства, снесли памятники, сделали из Парижа базу своей военной промышленности, и тогда Париж узнал новые воздушные бомбардировки. Когда хочешь жить, ничем не рискуя, когда боишься чем-либо пожертвовать, теряешь все. Это верно и для народов и для людей.

Вот уже больше года, как воюет Россия. Люди стосковались по родным местам, по семьям, по близким. Кто не вспомнит ненароком май прошлого года, дом, работу, любимых? Эти воспоминания укрепляют наше сердце.

Есть у нас в армии юноши, принесшие на фронт свою первую любовь, чистую, как глубокое утро. Целомудренная и страстная любовь укрепляет отвагу юного солдата. Он впервые чувствует: «Я — мужчина, я должен оградить ее, мою любимую, от низких и грязных немцев». Он знает, что где-то, далеко от фронта, девичье сердце учащенно бьется, когда раздается хриплый голос репродуктора: «От Советского Информбюро».

Есть у нас в армии отцы. Много писали о материнской любви, мало написано о любви отца: она стыдливей, она прикрыта мужской стойкостью, ее не сразу разглядишь. Но вот на фронте отцовская любовь делает чудеса. Бойцы знают, что где-то ребятишки доверчиво спрашивают маму: «Папа скоро вернется? Папа побьет немцев?» Для них война — это игра. Они безгранично верят в отца: отец все может. Если отец пошел, чтобы побить немца, отец его побьет. И на плечах бойца ответственность за детские игры, за спо-

койное дыхание трехлетнего малыша в детской кроватке, за жизнь, за тепло, за целость семьи.

А сколько людей на фронте вдруг поняли, как они любят свою мать?

Сколько бойцов в тревожном полусне вспоминают имя жены, ее ласковое прозвище?..

Жить хотел наш народ, и он принял бой за жизнь. Жить хочет наш пород — и не опустит он оружия, пока не высвободит живую жизнь из опасности. Родина — это нечто живое: как мать, как жена, как ребенок. Так издавна говорили о Руси, потом о Расеюшке — родной и любимой.

Мы хотим жить, и это чувство воодушевляет бойца, когда он, не колеблясь, идет навстречу смерти. Не гибели ищет он — жизни. Убивают многих на войне — это знает каждый, но общая любовь к жизни цементом скрепляет взвод, роту, полк, армию. За жизнь товарища! — скажет боец, и, как эхо, ответят ему миллионы: за жизнь родины!

Придет день, и мирный розовый рассвет подымется над степью Дона, над лесами Смоленщины, над зелеными сырыми лугами Валдая. Зарастут рубцы на земле. Люди вернутся от танков, от гранат, от винтовок к косам, топорам, сетям. Расцветет наша родина, легко вздохнут люди, и могилы героев предстанут пред всеми, как вехи на пути к жизни. А живые бойцы, прошедшие через все испытания, обновят, очистят, украсят жизнь, и не будет тогда выше и почетней звания: «Это идет фронтовик».

«Стой и победи!» — говорит родина каждому из нас. Ты пришел на передний край не для того, чтобы умереть, но для того, чтобы убить врага. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. Если ты не убьешь немца, немец придет в твой город, в твое село, обесчестит твою любовь, замучает твоих детей, сожжет твой дом.

Ты должен быть готов к смерти — на то война. Но ты должен думать не о смерти — о победе. В руках командира — судьба сотен и тысяч людей. Он должен быть смелым не только на поле боя, он должен быть смелым перед боем и после боя: он должен смело организовать победу, смело продумать план сражения, смело решать и смело приказывать. Может быть, иной боец подумает: «Но я-то отвечаю только за себя». Неправда — каждый боец отвечает за своих товарищей, за свой полк, за родину. На войне каждый человек несет огромную ответственность.

Завтрашний день — это союзник смелых и враг малодушных: потерянное сегодня трудно наверстать завтра. Мы должны полагаться только на себя: если мы не спасем себя, никто нас не спасет. За столом победителя всегда тесно — нет отбоя от друзей, но пусто в зачумленном доме побежденного.

Если герой погиб, преградив путь врагу, мы не скажем: «Он умер», мы скажем: «Он победил» — он многих спас от смерти. Есть смерть обидная, ненужная, и есть смерть, которая и не смерть, а победа: когда человек своей смертью попирает смерть. «Мы не хотим умирать», — говорят храбрые казаки, защищая землю дедов от поганого немца. «Мы не хотим умирать, мы хотим победить», — говорят они и убивают немцев, рубают их, крошат, топчут конями. Россия хочет жить, вся Россия от края до края, от вольной Сибири до Карпат, от стыдливых берез на берегу Онеги до магнолий Кавказа. Россия говорит каждому из своих солдат: «Я хочу, чтобы ты жил. Стой и победи!»

8 августа 1942 года

Помни!

Каждый день приносит нам новые испытания. Кровью обливается сердце России. Враг топчет нивы Кубани. Он слышит запах нефти. Он видит отроги Кавказа. Он уничтожает наши города, наши здравницы. Он рвется к низовьям Волги. Он рвется к мощным нефтяным промыслам. Узнали горе станицы Кубани. Как высказать такую обиду? Не писать хочется — стрелять. Одно чувство объединяет весь наш народ: ненависть. Эту ненависть немцам не вытоптать, не засыпать, не унять. Она с каждым днем разгорается. Она требует выхода: остановить врага, уничтожить, отплатить за все.

Были на карте России зеленые леса, синие реки, рыжие горы. Теперь карта кажется залитой кровью. Можно все стерпеть — чуму, голод, смерть. Нельзя стерпеть немцев. Нельзя стерпеть этих олухов с рыбьими глазами, которые презрительно фыркают на все русское и которые проползли от Карпат до Кавказа по нашей земле. Не жить нам, пока живы эти серо-зеленые гады.

Забудем про все на свете, кроме одного: немцы на нашей земле. Пусть эта мысль жжет наше сердце, гложет нас изнутри, не дает ни минуты отдыха. Ты сел обедать? Помни: русский хлеб едят немцы и немки, а наши дети умирают от голоду. Помни: немцы кормят наших пленных помоями, отрубями, тухлятиной. Ты глядишь на зеленую лужайку? Много у нас цветов — и ромашка, и колокольчики, и гвоздика. Когда-то девушки срывали цветы... Помни: девушек обижает немец. Непотребный, грязный, брезгливый, он издевается над девичьей честью и над девичьим стыдом. Ты получил письмо от матери из далекого мирного села? Помни: прошлой весной мирно жила Белоруссия. Помни: этой весной мирно жила Кубань. Нет теперь тыла, нет покоя. Если мы не перебьем немцев, они

пойдут дальше, они дойдут и до твоего села. Ты задремал? Помни: ночь под немцами — это ночь без сна, это ночь пыток, это ночь великого молчания — они не позволят и вскрикнуть.

Нет сейчас ни книг, ни любви, ни звезд, ничего, кроме одной мысли: убить немцев. Перебить их всех. Закопать. Тогда уснем. Тогда вспомним про жизнь, про книги, про девушек, про счастье. А теперь — сражаться, как одержимые. Жить, как фанатики. Мы не скажем «доброе утро» или «спокойной ночи». Мы скажем утром: «Убей немца» и ночью: «Убей немца». Немцы заслонили от нас жизнь. Мы хотим жить. И мы должны убить немцев.

Не будем надеяться ни на реки, ни на горы. Будем надеяться только на себя. Немцы переходили через горы. Они переплывали через моря. Фермопилы их не остановили. Критское море их не остановило. Их остановили люди — не в горах и не на берегу широкой реки — на подмосковных огородах.

Если кто-нибудь тебе скажет, что немец победит, плюнь ему в глаза: это трус, это человек, рожденный для рабства, это не человек — это немецкая пешка. Немец не может победить. Как бы ни было нам тяжко, на все пойдет наш народ, лишь бы не жить под немцем. Под немцем нельзя жить, под немцем можно только умереть. В Белоруссии девчата идут на немцев с топорами. А у Красной Армии не топоры — у нее танки, лучшие танки в мире, у нее минометы, автоматы, замечательная артиллерия. Мы их перебьем, это всякий понимает. Но нужно их перебить скорее, не то они разорят всю Россию, замучают еще миллионы людей. Нужно спасать жизнь. Дети хотят жить — наши дети. Родина хочет жить — наша родина.

Партизаны, взрывайте немецкие поезда! На тихих участках, снайперы, бейте немецкого зверя! На фронтах, где наши подразделения наступают, бойцы, вперед! Прогрызая оборону врага, вы не только освобождаете родимые деревни, вы убиваете немцев. Немец, убитый под Ленинградом, не полезет на Грозный. Немец, убитый в Воронеже, не покажется на Черном море. Есть только один способ отомстить за Кубань: убить немца, того, что перед тобой. Есть только один способ выручить бойцов Юга: убить немца — в Карелии, в Смоленщине, под Новгородом или у Ржева. Бойцы Юга, держитесь! Каждый выигранный день — это глоток воздуха России. Каждый выигранный день — это столько-то воинских эшелонов. Каждый выигранный день — это тысячи немецких трупов. Немцы гордятся своими заводами, но и на этих заводах нельзя изготовить немцев. Вместо убитого немца не скоро вырастет другой. Есть только один способ спасти Россию — перебить немцев.

13 августа 1942 года

Пора!

Один трус сказал мне: «Напрасно говорили зимой, что миф о непобедимости германской армии развеян. Ведь немцы снова идут вперед...»

Никто никогда не говорил, что немцы не могут побеждать. Мы говорили, что немцев можно победить. Зимой это увидели все, и прежде всего сами немцы. Лавры — это лавры, а синяки — это синяки. Только трус может теперь назвать армию Гитлера «непобедимой». Она одержала на юге ряд побед, но от этого она не стала непобедимой. Мы знаем, что немцев можно бить: мы это изучили на практике.

Наши бойцы остановили немцев возле Воронежа. Если немцы прошли к Ростову, то вовсе не потому, что немцы — вездеходы. Они прошли потому, что нашли брешь в нашей обороне.

Наши бойцы не пропускают немцев в Сталинград. Вот уже много недель, как немцы тщетно пытаются прорваться к Волге! Что их останавливает? Горы? Доты? Нет, люди.

Где прошлогодние немцы, нахальные и веселые, с лихо, набекрень заломленными пилотками, танкисты в майках, беззаботные «организаторы» свиней и кур, нафиксатуаренные к московскому параду? Немцы теперь наступают угрюмо. Их не веселят «трофейные» вина Кавказа. Они ждут ответных ударов, и грех не ударить по этим психующим фрицам.

Немецкие газеты много говорят о русском урожае. Они пишут о пшенице, о рисе, о цитрусах. Одна из них философствует: «На благодатной кубанской земле мигом все всходит». Немецкие газеты не говорят только об одних молниеносных всходах: о немецких крестах. Они дружно поднялись — от Воронежа до Пятигорска. Ефрейтор Рудольф Каговиц пишет своему брату: «На всем пути от Армавира мы видели немецкие могилы. Это очень печальное зрелище...» Как для кого. Когда мы погоним немцев назад, это зрелище будет веселить наших бойцов. Немецкие кресты — вот урожай Гитлера.

Немцы нагнали к нам всю свою челядь. У нас теперь воюют девяносто вассальных дивизий. Но ведь солдат солдату рознь. Найдется ли трус, чтобы назвать «непобедимыми» итальянцев? Их били все, включая эфиопов, вооруженных охотничьими ружьями. Неужели мы не расколотим этих шарманщиков с петушиными перьями? Неужели мы не протрезвим венгерских пьяниц, окунув их в воды Дона? Неужели не перебьем вшивое воинство Антонеску? Барин отощал, его теперь возят слуги. Без своих вассалов Гитлер не смог бы добраться до Кубани. Нужно быть справедливым: ударить и по барину и по слугам.

Немцы зашли далеко от своих баз. Они говорят: «Мы прорвались». Скоро им придется сказать: «Мы зарвались». Тысячи километров должны покрывать немецкие эшелоны по враждебной стране. То и дело взрываются немецкие поезда: партизаны научились закладывать мины. Прошлым летом партизаны убивали немцев в розницу, теперь они их убивают оптом. Легко немецкому артиллеристу пустить свой снаряд, но нелегко было привезти этот снаряд из Бреславля в Пятигорск. Немцы разбрелись, распылились среди необъятных просторов России. Дело идет к хорошей русской метле.

Прошлым летом немцы окружали наши крупные части. Пора им напомнить, что слово «окружение» существует и по-немецки и по-русски. Каждый немец в России — в окружении: он окружен русскими. Он окружен, и он должен быть уничтожен.

Прошлым летом немцы наступали по всему фронту. Взяв Смоленск, они тотчас двинулись на Киев. Они одновременно шли на Одессу и на Ленинград. Захватив Киев, они начали поход на Москву. Теперь они наступают только на юге. Им пришлось даже у Воронежа перейти к обороне. Каждый день бойцы на разных фронтах наносят немцам серьезные удары. Прошлым летом немцы были куда сильнее, но они все же старались выпрямить, укоротить фронт. Теперь у них солдат меньше, а фронт стал куда длиннее: диагональ от Западной Двины до Кумы, от Ленинграда до Пятигорска. Немцы любят разыскивать прорехи в нашей обороне. Пора им показать, что мы не слепые — у немцев немало и прорех и прорух.

Когда немцам хорошо, они стараются скромничать. Когда немцам становится туго, они начинают врать. Прошлой осенью немцы шли на Москву. Германское командование знало, что силы немцев на исходе, что наступление выдыхается. Гитлер решил подбодрить своих солдат и объявил, что «Красная Армия уничтожена». Два месяца спустя немцы удирали во все лопатки от «уничтоженной» Красной Армии. В июле этого года немцы прибеднялись. Они быстро двигались вперед, но они расписывали, с каким трудом они продвигаются. Теперь их продвижение замедлилось. Наше сопротивление окрепло. И немецкие газеты, пытаясь воодушевить фрицев, пишут: «Красная Армия уничтожена». Это — хороший признак. Значит, они уже идут через силу. Значит, пора их остановить и погнать.

Мы не боимся правды. Мы знаем, что мы потеряли за эти месяцы. Мы знаем, как тяжелы колосья Кубани. Вы видим, как горит нефть Майкопа. Мы помним, что немцы разорили цветущие области, обратили в рабство миллионы наших соотечественников. Трудно нам было после зимних побед снова отведать горечь отступления. Трудно и тошно. Но горе разъело старые раны, и весь наш народ не может дольше терпеть. Он горит одним: отплатить немцам полной мерой.

Немцы еще наступают. Пора остановить врага! Позади великая река Волга. Позади нефть Грозного. Позади сады Черноморского побережья. Немцев нельзя пропустить дальше.

Боец, с тобой идет в бой не только твоя рота. С тобой идет вся армия, весь народ. С тобой идут погибшие герои, солдаты, преграждавшие путь врагу прошлым летом и гнавшие врага прошлой зимой. С тобой идут в бой двадцать восемь гвардейцев. С тобой идут хрупкая девушка «Таня» и суровые моряки Севастополя. С тобой идут великие мертвецы. Ты их не осрамишь. С тобой идут твои прадеды, сколотившие Россию. С тобой идут солдаты двенадцатого года, прогнавшие непобедимого Наполеона. С тобой идут буденновцы и чапаевцы, голодные, босые и победившие наперекор всему. С тобой идут твои дети, твоя мать, твоя жена. Они тебя благословляют. Ты отвоюешь матери тихую старость, жене — радость встречи, детям — счастье. Боец, с тобой идет Россия. Она идет рядом. Прислушайся к ее крылатым шагам. Она тебя приободрит задушевным словом в минуту боя. Она поддержит тебя, если ты дрогнешь. Она обнимет тебя, если ты победишь.

23 августа 1942 года

Ненависть и презрение

Немцы продолжают на юге наступать. Они знают, что август на исходе. Они страшатся новой зимы. Они делают все, чтобы сломить наше сопротивление. Они рвутся к Грозному — к нашей нефти. Они приблизились к Волге, они грозят Сталинграду. Здесь каждый километр стоит сотни. Здесь нельзя отходить.

Удачи на юге подбодрили немцев. Они повеселели на кубанских харчах. Они лихо поплевывают: они хотят прикинуться бесстрашными. Но на душе у них смутно: за бочками вина им мерещатся кресты, за победными сводками — снежные сугробы.

Палачи не бывают героями. Нет мужества у грабителей. Немцы наступают, но мы ни на минуту не должны забывать, что немцы — трусы.

Солдат Иозеф пишет своей сестре Сабине: «Совсем недавно несколько русских женщин закололи навозными вилами двух немецких солдат». Немка Лила Павличек пишет из Бремена своему мужу Францу: «Позавчера был налет англичан. Это такой ужас! Я слегла. Весь вчерашний день у меня был понос». Такие не пойдут с вилами на солдат, такие восторженно мяукают от «трофейных» посылок и воют от первой сирены.

Мужья не лучше. Танк старшего лейтенанта Макшанцева шел на двенадцать немецких танков. Макшанцев снарядами зажег три

немецкие машины. В самом разгаре боя у нашего танка заклинило башню. Тогда Макшанцев пошел на таран. Он лбом ударил по ходовой части немецкой машины. Остальные танки немцев пошли наутек. Что сказал победитель, старший лейтенант Макшанцев? Одно: «Немцы трусы».

Они не трусы, когда они воюют против детей. Нет, тогда они «герои». Недавно рота немцев сожгла деревню Ламовы Горки, Дедовического района, Ленинградской области. Немцы вопили: «Всех перебьем». Они действительно всех перебили. Они расстреляли из пулемета Саню Михайлова, одиннадцати лет, Ваню Иванова, тринадцати лет, Васю Рыхлова, пятнадцати лет, Васю Петрова, одиннадцати лет, и Анну Теплякову, трех месяцев от роду. Они не отступили и перед стариками, они «отважно» убили Савелия Егорова, семидесяти трех лет, Василия Рыжкова, восьмидесяти пяти лет, Ивана Антонова, восьмидесяти семи лет, и Анну Рожкову, девяноста лет. Когда партизаны поймали одного из участников этого расстрела, немец валялся в ногах и вопил: «Я никого не трогал! Это Гитлер виноват, а я только чистил картошку...»

Григорий Котов огнем ручного пулемета сдержал напор немцев. Три часа он косил немцев, он опорожнил тридцать дисков и убил сто гитлеровцев. Немцы не выдержали, побежали. Что говорит Котов? Он только усмехается: «Фриц нахал до поры до времени, а если дать ему по зубам, фриц драпает как миленький...» Скажите Григорию Котову, что немцы прошли от Бретани до Кавказа, он ответит: «Значит, их не сдержали. А их можно сдержать. Против меня шло двести, а я был один...»

«Почему вы воюете?» — этот вопрос я задавал многим пленным. Немцы отвечали: «Потому что Гитлер приказал», или: «Потому что нам нужно пространство», или: «Потому что нам нельзя жить, не воюя». Кажется, скотина и та мычит человечней. Почему немцы воюют? Чтобы грабить. Вор может быть нахальным. Вор не может быть храбрым.

Политрук Кузьмин шел впереди роты. Он был дважды ранен в бою. Его хотели отправить в санбат. Он ответил: «Нет. Крови я много потерял, это правда. Но я не потерял ни капли ненависти. Пустите — хочу бить немцев!» Есть ли сила, которая удержится перед такой ненавистью? Кто жил на этой земле? Подлец Курт Шурке или Кузьмин? Чей дом позади? Чьи дети не спят, разбуженные пушками? «Грабь пространство», — хрипло кричат немцы, и в ответ раненый Кузьмин отвечает: «Друзья! Братья! Родные мои бойцы! За Россию!»

Под Сталинградом убили фельдфебеля Ганса Готтрея. На нем нашли неотправленное письмо: «Это сплошное безумие! В моей роте одиннадцать человек. Если бы русские знали, в каком мы состоянии! Жара, пожары, непрерывный огонь. Никто у нас на родине не подозревает, что такое война в России...» Немцы наступают на Ста-

линград крупными силами. Но это не та война, о которой мечтали немцы. Они решили убивать. Они не подумали, что им придется и умирать. Фельдфебель Ганс Готтрей восклицает: «Если бы русские знали!..» Мы знаем, что происходит в сердце всех этих фельдфебелей и солдат. У орла Германии клюв стервятника и сердце курицы.

Бойцы Юга должны остановить обнаглевших трусов. Бойцы Западного и Калининского фронтов должны помочь бойцам Юга. Не считать врагов: счет делу не поможет. Бывает, один удерживает сотню, бывает, сотня бежит от одного. Не рассчитывать на горы и на реки: у немцев есть и горные танки и понтоны, но русские не раз останавливали немцев среди чистого поля. Нужно понять, что у немцев много всего — и танков, и генералов, и вассалов, и автоматов, у них нет одного: русского мужества.

20 августа на Западном фронте боец Кандрашев уничтожил пять немецких танков. Среди крупных военных событий это прошло незамеченным, но над удачей Кандрашева стоит задуматься.

Кандрашев отрыл круговой окоп возле толстой сосны и залег. Из леса один за другим выползли немецкие танки. Кандрашев рассказывает: «Что-то у меня в груди заколотило. Хотелось сосчитать сколько, но не стал считать. Жду...» Приблизился средний немецкий танк. Кандрашев пропустил его и кинул в хвост бутылку с горючим. Из люка, как обожженные крысы, стали выскакивать немцы. Они не успели опомниться: Кандрашев подстрелил их.

К засаде подошел следующий легкий танк. Едва он миновал окоп, как Кандрашев гранатой распустил по швам гусеницу. Танк завертелся на месте, будто ему отдавили лапу. Немцы выбежали. Для каждого у Кандрашева нашлось по одной пуле.

Третий танк. Кандрашев берет бронебойное ружье. Танк закорчился. Четвертый. Пятый. Один человек — и кладбище танков.

Выстоять можно. Выстоять необходимо. Немцы хотят удушить нас, захватив Волгу. Волга в наших руках — артерия жизни. Волга в руках немцев станет веревкой на шее родины. Немцы хотят доконать нас, захватив нефть Кавказа. Они не могут остановить наши танки. Они не могут сбить наши самолеты. Они решили забрать нашу нефть. Бой идет за ключ к победе. Каждый шаг назад несет родимой земле горе и слезы. Немцы наступают, наглые и трусливые. Они лихо грабят захваченные города, и они истерически вопят под русским огнем. На немца, на презренного труса! — кричит Россия. Мы их ненавидим, и мы их презираем. Мы не растратили ненависть, не расплескали ее. Мы не потеряли нашего презрения. Нам трудно было отступать, и все же мы повторяем: трусы, трижды трусы эти проклятые захватчики. Друзья, покажите презренным немцам, что такое вечная Россия!

28 августа 1942 года

Сталинград

Не первую неделю идет битва за Сталинград. Тяжелая битва. Немцы решили захватить город, перерезать Волгу, задушить Россию. На Сталинград брошены десятки немецких дивизий. Здесь беснуется Германия, в горящей степи, перед неукротимым городом, здесь эсэсовцы, пруссаки, баварцы, фельдфебели, танкисты, солдаты, привезенные из Франции, жандармы из Голландии, летчики из Египта, ветераны и новички. Здесь сулят железные кресты и выдают деревянные.

Кровью обливается сердце каждого, когда русские отдают город. Город — это дивный лес, нужны многие годы, чтобы его вырастить. В каждом городе — клубки человеческих жизней, заводы, сложные, как мозг, улицы с их приливами и отливами, большие площади, где творится воля народа, и маленькие, уютные комнаты, где влюбленные обмениваются горячими клятвами. Каждый город — это мудрая книга, это государство, это огромная семья. Город нельзя сдать. Город нельзя бросить. Город не название, не кружок на карте, город — живое тело, близкий человек.

Защитники Сталинграда, на вас с надеждой смотрит Россия. Помните, — враг был у Москвы. Враг жег подмосковные дачи. Враг был силен, и враг торопился. Врага не пустили в Москву. Кто не пустил? Бойцы. Год тому назад враг подошел к Ленинграду. Он дышал, как разгоряченный зверь, и ленинградцы чувствовали на лице города огненное дыхание. Враг не вошел в Ленинград: врага не пустили. Тула — не Москва, не Ленинград, но Тула выстояла. Враг ее обошел, сжал. Тула удержалась. Защитники Сталинграда, вашим мужеством дышит страна. Враг близко, но враг не раз подходил к цели и не достигал ее. Немцы хорошо рассчитывают, но они часто прогадывают, они забывают в своих расчетах, что русский храбрец — это десять и это сто солдат, что каждый домишко может стать крепостью и что каждый час способен изменить положение.

Сталинград — это Волга. Кто скажет, что значит Волга для России? Нет в Европе такой реки. Она прорезает Россию. Она прорезает сердце каждого русского. Народ сложил сотни песен о «Волге-матушке». Волгу он поет и Волгой живет. Над Волгой выросли шумные города, огромные заводы, и над Волгой, в душистых садах, глядя на таинственные огни пароходов, юноши говорили о свободе, о борьбе, о любви, о вдохновении. На верховьях Волги идут суровые бои с немцами. Река расскажет героям Сталинграда о героях, которые бьются за Ржев. Волга — это богатство, слава, гордость России. Неужели презренные немцы будут купать в ней своих лошадей, в Волге, в великой русской реке?..

В старой песне поется:

Протянулася ты, степь, вплоть до Царицына.
Уж и чем же ты, степь, изукрашена?

Степь теперь изукрашена немецкими могилами, и немцы боятся оглянуться назад. «У нас своеобразная болезнь — страх пространства», — говорит пленный лейтенант. Позади них пепел. Перед ними зарево. Перед ними город, который не сдается.

У немцев теперь много слов, которыми они будут пугать друг друга до смерти. К этим словам прибавилось еще одно: Сталинград. Немецкий солдат пишет матери: «Только человек с дьявольской фантазией может представить себе на родине, что мы переживаем. Нас осталось четверо в роте. Я спрашиваю себя, сколько немецких городов должны опустеть, чтобы мы наконец-то овладели Сталинградом?» Они уже опустели, все эти ненавистные Штральзунды и Шнейдемюли, но Сталинград немцы не взяли.

Гитлер посылает в бой все новые и новые дивизии. Припадочный не остановится ни перед чем: «Еще солдат! Еще самолетов!» Когда ему говорят: «Сентябрь на дворе. Что будет с нами зимой?» — он отмахивается. Ему нужен Сталинград во что бы то ни стало. И немцы рвутся в город. Днем и ночью идут бои. Неслыханно тяжело защитникам Сталинграда, но они держатся.

Кто забудет о тридцати трех? На них шли семьдесят немецких танков. Тридцать три не дрогнули. Они уничтожали танки пулями, гранатами, бутылками. Они уничтожили двадцать семь танков. Еще раз русское сердце оказалось крепче железа. Если чужестранец нам скажет, что только чудо может спасти Сталинград, мы ответим: разве не чудо подвиг тридцати трех? Враг еще не знает, на что способен русский человек, когда он защищает свою землю.

Можно выбрать друга. Можно выбрать жену. Мать не выбирают. Мать одна. Ее любят, потому что она — мать. Под Сталинградом мы защищаем нашу мать, Россию.

Мы защищаем нашу землю. Издавна народ звал «мать сыру землю» кормилицей и поилицей. Земля — это первая радость человека и это место вечного покоя. Землю поливают потом, слезами, кровью. Землю благоговейно целуют. Боец, под твоими ногами священная земля. Не выдай ее! Не пусти на нее немца. В старину, когда русский человек божился, ему могли не поверить, но стоило ему проглотить щепотку земли, как все знали, этот не обманет. Землей клялись. Землей мы клянемся, крохотной щепоткой и необъятной страной. За Сталинград, за Волгу, за русскую землю!

6 сентября 1942 года

Бить и бить!

Вчера впервые, после недель летнего зноя, прошел над окрестностями Сталинграда небольшой дождь. Он как бы напомнил немцам о сроках. На дворе сентябрь. Среди немецких солдат имеются ветераны. Они знают, что такое зима. Гитлер торопится. Он кидает в бой новые дивизии. Он ищет развязки. Он беснуется, как прошлой осенью. Стал красным Терек от немецкой крови. Еще недавно цветущие окрестности Новороссийска превратились в немецкие кладбища. Окраины Сталинграда завалены немецкими трупами.

Немцы рвутся к Волге, как в ноябре они рвались к Москве. Советский Сталинград — это угроза их флангу. Советский Сталинград охраняет Грозный, Закавказье, Баку. Советский Сталинград — это русский часовой на берегу русской реки. На Сталинград немцы бросили огромные силы. Кажется, еще не было такой битвы. Военный корреспондент «Дейче рундшау» пишет: «Переутомленные беспрерывными боями, немецкие дивизии натолкнулись на противника, решившего сопротивляться во что бы то ни стало. Русская артиллерия, и прежде причинявшая нам немало хлопот, является основным препятствием... Русские доходят до того, что взрывают себя в дзотах. Можно представить себе, каково нашим сражаться с таким противником. Крепость Сталинград защищена не только мощными сооружениями, но и тем русско-азиатским фанатизмом, с которым мы уже не раз сталкивались. Наши серые лица покрыты грязью, а под ней морщины — следы летних боев. Немцы сражаются до предела человеческих возможностей...»

Сталинград — не крепость. Сталинград — город. Но каждый город, каждый дом становится крепостью, когда его защищают мужественные люди. Напрасно немецкий журналист говорит о «пределе человеческих возможностей». Немцы хотят взять Сталинград не храбростью, но числом. Они навалились на этот город всей массой — своей и вассальной. Это не люди, и нет у них «человеческих возможностей» — у них танки, самолеты, машины и рабы.

Когда русские сражаются, нет предела их возможностям. Они держатся, когда могут, и они держатся, когда человек больше не может выдержать. Что их удерживает на клочке земли, какая волшебная сила? Глупый немец говорит о «русско-азиатском фанатизме». На человеческом языке это называется по-другому: любовью к родине, она одна у москвичей и сибиряков.

Свыше двадцати танков шли на рубеж. Кучка гвардейцев ожидала врага. На берегу реки, среди мелкого кустарника прямо с хода бойцы оборудовали оборону. Когда головной танк подошел на двести метров, раздался первый выстрел. Враг хотел во что бы то ни стало пройти. Гвардейцы перед боем на берегу реки, когда толь-

ко-только подымалось красное утреннее солнце, дали друг другу клятву: «Друзья, не пропустим». Бронебойщики били танки, другие — немецких автоматчиков. Среди гвардейцев были отец и сын: Григорий и Иван Завьяловы. Тяжелораненый Григорий Завьялов отдал свое ружье сыну и сказал: «Бей из моего! Отомсти за отца!» Атака была отбита. Одиннадцать танков были уничтожены.

Бойцы, подымите ружья павших героев! Мстите за них! Отец говорит сыну: «За меня убей!» Родина говорит своим сыновьям, раненая наша родина: «Отомсти за меня! За меня убей!»

10 сентября 1942 года

Наступление продолжается

Каждый вечер, когда радио передает «В последний час», мы как бы слышим смутный гул шагов. Это идет Красная Армия. Это идет История.

Еще месяц тому назад Гитлер заявил: «Сталинград будет взят». Немцы удивлялись скромности бесноватого фюрера: он не обещал им ни Баку, ни мира. Он обещал всего-навсего Сталинград. Берлинские олухи не сомневались, что Сталинград у фюрера в кармане. Что они теперь думают? Берлин передает: «Германское командование сохраняет полное спокойствие». Легко понять удивление фрицев: почему фюрер вдруг объявил во всеуслышание, что он «спокоен»? Наиболее догадливые говорят: «Если фюрер кричит, что он спокоен, значит, начался солидный зимний драп. Фюрер всегда говорит о своем спокойствии, когда его отпаивают валерьянкой».

Мы знали, что мы не отдадим Сталинграда. И мы не отдали Сталинграда. Гвардейцы генерала Родимцева удостоились высшего счастья: они видят начало расплаты. Немцы три месяца терзали героический город. Они бросили на него свои отборные дивизии. Они бросили на него свои самолеты. Они кричали: «Мы почти взяли Сталинград». И вот мы присутствуем при первом явлении исторической справедливости: Сталинград выстоял. Сталинград отвечает.

Еще недавно мир глядел на защитников Сталинграда с восхищением и с недоумением; люди спрашивали себя: уж не бесцельная ли это отвага? Но стойкость защитников города была первым камнем победы. Почему немцев гонят на Дону и в калмыцкой степи? Почему наши наступающие армии прошли полтораста километров? Потому что герои Сталинграда отчаянно защищали каждый метр земли. Немцы говорили, что они окружили защитников города. Герои Сталинграда держались. Они держались, когда переправы на Волге находились под непрерывным огнем врага. Они держались, когда, казалось, нельзя было удержаться. Они выстояли победу. Кто теперь окружен?

Прошлой осенью немцы глядели на Москву в бинокли. Эти бинокли они побросали, удирая. В этом году биноклей не было: немцы находились в нескольких сотнях шагов от цели. Немцы «почти взяли» Сталинград. Они его не взяли и не могли взять: это «почти» было стеной из человеческих грудей, и стена не дрогнула.

Мы знаем, что немцы глубоко врезались в нашу страну. Другой народ не выдержал бы такого испытания. Но Россия — это Россия. Ее не берут. Немцы были близко от победы, близко и бесконечно далеко: между ними и победой было русское мужество. Пятьсот шагов в Сталинграде многое решили. Эти пятьсот шагов — наша стойкость. Мы вторично выдержали. И теперь мы наступаем. Может быть, потерять Ростов и Кубань было еще горше, чем потерять Орел, Калугу и Калинин. Но немцы заплатят теперь дороже, чем прошлой зимой. Об этом говорит смутный гул шагов: наступление продолжается.

Под Москвой Гитлер вопил: «Красная Армия уничтожена». Этот припадочный ефрейтор столько говорил о конце России, что сам поверил в свою ложь. Он очнулся в декабре. В этом году неисправимый кликуша кричал: «Военная мощь России сломлена». Пробуждение началось уже в ноябре. Слов нет, далеко от Берлина до Калача. Они долго шли. Куда они пришли? Одни — в лагеря для пленных, другие — в могилу.

24 ноября военный корреспондент «Берлинер берзенцейтунг», подчеркивая «всемирное значение битвы за Сталинград», писал: «Русские так упорно обороняли город потому, что желали сохранить предмостное укрепление для зимних атак. Они хотели клещеобразным ударом сжать нашу сталинградскую группировку». Немецкий журналист писал об этом, как о древней истории: он ведь наслушался непогрешимого фюрера; и он был убежден, что угроза русского наступления миновала. Что теперь думает этот жизнерадостный фриц? Скорей всего он занят не стратегией, а планами своего отъезда или отлета.

Немцы подавлены нашим наступлением. Они говорят друг другу: «Зима началась». Один фриц пишет: «Как только ударят морозы, ударят русские». Этот фриц оптимист: морозы еще не ударили, а русские уже ударили, и хорошо ударили. Это только начало. Снова великое слово «вперед» облетает бойцов. Снова плетутся зимние фрицы по мокрому снегу. Прошлой зимой немцы отдыхали в Ливии. Теперь у немцев не будет ни одного спокойного места. Теперь у немцев не будет ни одного спокойного дня.

Берлин сегодня передает по радио (привожу дословно запись): «Германская армия в нынешнем году знакома с зимними условиями войны в России и готова к ним. Пройдет зима, опять защебечут птицы, зазеленеет молодая трава, зажурчат ручейки, и германская армия сурово двинется в атаку». Рано берлинская птичка зачирикала — теперь то-

лько конец ноября. Слов нет, весной трава зазеленеет. Но зазеленеет она на немецких могилах. Ручейков фрицы не услышат. Перед смертью их уши заполнят музыка боя и далекое глухое «ура».

Вперед! — повторяют бойцы. Страна, гордая Красной Армией, считает трофеи. Солдатам не до счета: солдаты наступают.

27 ноября 1942 года

Заветное слово

Унтер-офицер 670-го пехотного полка Вильгельм Шусслер писал 26 октября своим родителям: «Сталинград — это большой город, он превратился в сплошную груду развалин. Я не преувеличу, если скажу, что там не сохранился в целости ни один каменный дом. Деревянные домики рухнули, как карточные, уже после первых налетов... Среди развалин, из которых выступают одни только трубы, живут женщины и дети. Они ютятся в щелях, в которых пытаются найти защиту от артиллерии и от бомбежек... Это — величайшая беда, которую я когда-либо видел. Мы должны благодарить нашего бога за то, что он избавил нас от всего этого и что мы родились немцами... С русскими, впрочем, нельзя говорить другим языком. Таким образом, борьба здесь приближается к своему победоносному концу. Скоро экстренное сообщение возвестит вам о падении этой твердыни».

Лейтенант Хэннес сообщал родителям: «С раннего утра мы штурмуем Сталинград. Фюрер сказал, что Сталинград должен пасть, и мы говорим: «Он падет».

Еще два трупа. Еще два грязных листка на столе. Экстренное сообщение поступило: не от германского командования, а от Советского Информбюро. Шусслеры напрасно ждали. Хэннес напрасно штурмовал. Гитлер напрасно хвастал. Сталинград не пал. Сталинград наступает. Наступают русские с севера, с юга, с запада. Берлинское радио передает: «О военной обстановке в Сталинграде мы можем сказать только одно — наступила зима».

В Сталинграде оттепель, дождь, грязь. Зима там еще не наступила. Немцы говорят: «зима», чтобы не сказать: «беда». О военной обстановке в Сталинграде мы можем сказать только одно — для немцев наступила расплата.

Германия в смятении: ее фальшивая звезда померкла. На разбойников нашлась управа, и разбойники вздыхают: «Нам не везет». Началось с марафонского бега фон Роммеля. Потом как-то неожиданно в Африке оказались американцы. Потом вместо сообщения о падении Сталинграда немцы прочитали о «тяжелых

оборонительных боях в излучине Дона». Потом ни с того ни с сего, казалось бы, давно приручённые французы стали бунтовать. Вместо французского флота немцы нашли в Тулоне дым взрывов и огонь ненависти. Немцы начали разворачивать газеты с неприязнью: опять какой-нибудь сюрприз? «Сюрприз» не заставил себя долго ждать: он назывался Великими Луками. О чем может еще сообщить колченогий расстроенным фрицам? О бомбах в четыре тонны каждая, которые уничтожают города «союзной» Италии, или о том, что Гитлеру пришлось послать в Италию немецкие дивизии, дабы образумить чересчур ветреную «союзницу»?

Мы знаем: это только начало. В дверь Германии стучится рука Немезиды. Они долго сеяли ветер. У них не хватит жнецов, чтобы пожать бурю.

Под Ржевом валяются мертвые немцы. Это, конечно, ефрейторы, и, конечно, их карманы полны письменностью. Вот Артур Вольф. Накануне смерти он получил объемистое послание из Лейпцига от Германского акционерного общества по сооружению гражданских построек. Ефрейтору Артуру Вольфу предлагали построить дом в рассрочку. В Лейпциге? О, нет! «В Крыму или в плодородной Курской области». Ему посылали фотографии, схемы, проекты. Его спрашивали, сколько га он хотел бы получить «для сада, огорода и специальных культур». Ефрейтору Генриху Генделю писала его гретхен из Киевщины: «Я живу здесь, как помещица...» Вокруг Ржева мы почистили. Почистим и в Киевщине.

Ненависть переполнила сердце мира. Проклятие стране разбоя! Они вытоптали пол-Европы. Тысячу дней они безнаказанно жрали чужой хлеб, лакали чужое вино и потешались над горем разоренных. Тысячу дней и тысячу ночей они расстреливали, вешали, пытали, уверенные в своей силе. Теперь они смущенно оглядываются по сторонам. Их пугают тени убитых. Их страшат виселицы. Их лихорадит: не от зимы — от грядущей расплаты. Вот уже удирают из Норвегии в нейтральную Швецию фрицы с хорошим нюхом. Вот уже какой-то нахальный колбасник хнычет во «Франкфуртер цейтунг»: «Не мы затеяли эту страшную войну». Они, может быть, забыли 22 июня? Мы не забыли и не забудем. Проклятие земле злодея! Они поставили статуи победы. Аллею статуй. Победы оптом. Они еще будут грызть камень статуй. Эти людоеды еще будут грызть друг друга. Они еще завоют: «Почему мы родились немцами?» Чехи вспомнят Лидице: «Стереть с лица земли». Тулон скажет: «На дно». Украина ответит: «Киев».

У нас было много слов до войны, громких и нежных. У нас будет еще больше слов после победы: такой большой, такой многообразной станет жизнь. Но теперь у нас мало слов. Но теперь у нас осталось одно слово, самое заветное, самое дорогое. В нем все наше сер-

дце. В нем вся наша тоска. В нем и вся наша надежда. Короткое слово: вперед!

4 декабря 1942 года

На пороге

Минувший год был для нас трудный. Зеленые степи Дона были тем игральным сукном, на которое отчаянный игрок бросает последние кредитки. Кого только не пригнал к нам бесноватый! Здесь были и седовласые «гренадеры» кайзера, и немецкие сопляки. Здесь были «незаменимые специалисты», рабочие и техники, взятые с военных заводов. Здесь были даже солдаты «с примесью двадцати пяти процентов неарийской крови» — в погоне за мясом Гитлер забыл о крови. Один фриц-дворняжка скорбно пишет: «Мне предоставили возможность заработать на поле брани недостающую арийскую бабушку. Но возможно, что за бабушку мне придется заплатить своей жизнью...» Мы увидали французские танки, чешские орудия, бельгийские винтовки. Мы воевали в те трудные месяцы одни. Мы выстояли.

Весна человечества в этом году пришлась на позднюю осень. Сталинград казался немцам хорошим привалом на пути к победе. Сталинград стал перевалом: Германия катится под гору. Прошлогодние неудачи немцы пытались объяснить неожиданно ранней зимой, незнакомством с русскими условиями, оплошностью того или иного германского генерала. В этом году зима поздняя, фрицы у нас не новички, и командует ими не очередной козел отпущения, но сам фюрер.

Немка Эрна Краус писала своему мужу: «Дети просят, чтобы ты прислал к новому году победу нашего оружия. Я буду скромной и попрошу тебя прислать мне мыло и, если это не затруднительно, мех для жакетки, как у Бетти». В придонской степи, среди тысяч и тысяч немецких трупов, лежит майор Краус. Рядом с ним валяются бутылки из-под французского коньяка и затоптанное немецкое знамя. У Эрны не будет жакетки, и у Германии не будет победы.

В сентябре немцам еще казалось, что они идут к триумфу. В аулах Кавказа старые фрицы озабоченно спрашивали, далеко ли до Баку, а молодые наспех обгладывали кур, говоря, что им некогда — они торопятся в Индию. Гитлер, который уже снялся возле Эйфелевой башни и перед Парфеноном, мечтал быть увековеченным на фоне египетских пирамид. Ноябрь многое изменил. Узнав о наступлении англичан, немцы пытались усмехаться: «Обычная африканская кадриль». Они ошиблись: это было немецким галопом. Неуди-

вительно, что итальянская газета «Реджиме фашиста» пишет: «Фельдмаршал Роммель показал себя блестящим стратегом, неуклонно уклоняясь от всякого контакта с наступающим противником». Кому, как не итальянцам, разбираться в беге? Проснувшись в одно отнюдь не прекрасное для Германии утро, немцы узнали, что Америка переплыла в Африку. Заметалась Италия. Франция подняла голову. В Европе люди стали поговаривать о свободе.

Газета «Мюнхнер нейхсте нахрихтен» пытается успокоить своих читателей: «Длинные зимние ночи всегда отрицательно действовали на уверенность немцев в своих силах... Немцы видят привидения там, где они наталкиваются на трудности. Тяжело переносить неизвестность, в которой мы живем уже два месяца, ибо сегодня нам говорят одно, а завтра совсем противоположное...» Ночи скоро станут короче, но уверенность немцев не возрастет. В новогоднюю ночь Германия, которая стала бояться привидений, увидит свою судьбу. К ней придут повешенные из Волоколамска. К ней придут расстрелянные из Нанта. К ней придут дети Лидице. Немец пишет, что «тяжело переносить неизвестность». Мы можем облегчить это бремя. Мы можем сказать немцам, что нам известен вердикт истории: Германия, поднявшая меч, погибнет от меча.

Даже немецкие остолопы начинают понимать, что им говорят сегодня одно, а завтра другое. Еще недавно я читал в берлинской газете: «Клещи, охват, окружение — чисто немецкие понятия». Что думают об этих хвастливых словах фрицы, изнывающие на маленьком треугольнике под Сталинградом? Впрочем, вряд ли им до стратегии: они мечтают о манне небесной. Но их не накормят ни транспортные самолеты, ни ложь Геббельса.

27 ноября командующий 6-й немецкой армией объявил своим солдатам, что они окружены. Он обещал окруженным «помощь фюрера». Где же эта помощь? Незадачливые спасители поспешно отходят от Котельникова. «Это случилось так неожиданно», — лопочет пленный немецкий майор Курт Кюлер. Вздор: все человечество ждало этого дня долгие годы. Правда должна была взять верх, и правда берет верх.

Когда часы пробьют двенадцать, встанут немцы и немки. Они еще подымут бокалы с последними каплями французского вина. Они еще попробуют улыбнуться. Но как похожа на оскал эта улыбка! А лозы Франции уже налились соком гнева. Немцам и немкам послышатся роковые слова: «Суд идет». Это идет Красная Армия. Ничего, если вместо судебных мантий на судьях маскировочные халаты. Закон у нас в сердце. Мы пишем приговор черным по белому — немецкой кровью на снегу. Прислушиваясь к шуму российской битвы, дрожат ободранные шакалы и облезшие гиены Германии.

Нет в нашем наступлении веселого задора. Сурово мы смотрим вперед. Новый год рождается в грохоте боя. Нас ждут в новом году

большие битвы и большие испытания. Германия знает, что она стала ненавистью мира, и Германия будет отчаянно сопротивляться. Немцы заставят вассалов послать новые дивизии. Немцы навербуют в оккупированных странах новые легионы. Немцы укрепят каждый город, каждое село. Страх перед расплатой придает им смелость. Мы знаем, что впереди еще много жертв. Но нас ведет великое чувство. Нас ждут Украина и Белоруссия. Нас ждут истерзанные русские города. Измученная Европа ждет наших союзников. Когда-то в детстве мы читали о самоотверженных врачах, которые в пургу или в самум, глубокой ночью спешили к постели больного. Когда дело идет о жизни близкого, тяжел бой часов. Каждый день — это тысячи спасенных жизней. Да, немцы будут защищаться, контратаковать, но есть страсть, которая сильнее брони. Одно дело мать, которая защищает ребенка, другое — вор, который не хочет расстаться с поживой.

Из солдатской фляжки мы хлебнули студеной воды ненависти. Она обжигает рот крепче спирта. Проклятая Германия вмешалась в наши дни. Европа мечтала о полете в стратосферу, теперь она должна жить, как крот, в бомбоубежищах, в землянках. По воле бесноватого и ему присных настало затемнение века. Мы ненавидим немцев не только за то, что они низко и подло убивают наших детей. Мы их ненавидим и за то, что мы должны их убивать, что из всех слов, которыми богат человек, нам сейчас осталось одно: «убей». Мы ненавидим немцев за то, что они обворовали жизнь. Они оставили из ее ароматов только запахи войны — пожарища, перегоревшего бензина и крови. Они оставили из всех цветов пестрой жизни один защитный. Мы строили города, растили сады, мы писали поэмы, мы нянчились с детьми. Немцы нас оторвали от всего. Они объявили наши нивы, вишенники Украины, виноградники Бургундии, фиорды Норвегии анонимным «пространством». Они сделали из всей Европы поле боя, дзоты и доты. Они отняли у молодости лучшие годы. Они разорвали объятия. Они разорили гнезда. Теперь настает год возмездия. Мы не хотим их терзать. Мы хотим их уничтожить. Мы хотим покончить с позором века: это наша страсть, наша клятва, наш обет.

Россия — передний край свободы. Коптилка в блиндаже может быть названа маяком, факелом, путеводной звездой. Боец, лежа у пулемета, как бы живет во весь рост. Разведчик, который бесшумно крадется по снегу, как бы говорит в полный голос. Мы долго сражались одни. Теперь до нас доходят первые залпы наших боевых друзей. Мы видим волю Англии. Мы видим, как идет из Америки пополнение свободы. Время! — говорит мир.

Победу нельзя выиграть, ее нужно добыть. У победы натруженные руки и окровавленные ноги. Но, встречая Новый год, мы говорим себе и нашим боевым друзьям: он должен стать годом победы.

Прежде под Новый год желали здоровья, удачи в работе, достатка. Теперь изменилось значение многих слов. Под Витебском немцы закопали людей живыми в землю. Эти люди были здоровыми. Здоровыми были дети Смоленска и Ковентри, заложники Парижа, сербские девушки. Великое дело труд. Но разве немцы не уничтожили виноградники Шампани, голландские плотины, русские города? О каком достатке говорить? Богатая Франция мечтает о кормовой репе. Нет, теперь одно желают друг другу и люди и народы: победы.

Прежде мы встречали Новый год с близкими, друзьями. Странно подумать, что были на свете залитые светом улицы, клубы, вечеринки, сверкающие огнями елки. Теперь тускло светится коптилка. Может быть, ее мерцание напомнит фронтовику милые глаза. В ночь под Новый год он вспомнит семью. Он увидит и другой свет: это светятся глаза России. Она нас родила. Для нее пойдем и на смерть: освободим родину. Мы слышим чудесные слова: «В последний час... Наступление продолжается...»

1 января 1943 года

Путь

1 января 1943 года немецкая газета «Ангриф» писала: «О величии наших побед можно убедиться в бюро путешествий. Еще несколько лет тому назад путь от Берлина до восточной границы был коротким, билет стоил всего 5 марок 20 пфеннигов. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, сколько километров должен проделать курьерский поезд, чтобы довезти путешественника из Берлина в Сталинград. Служащий бюро путешествий любезно вам ответит, что из Берлина до Нальчика 2387 километров и билет стоит 62 марки».

Из Нальчика «туристы» удирали пешком: бюро путешествий не предвидело столь поспешного перемещения почтенных клиентов. Под Сталинградом фрицы не мечтают больше о «курьерском» Сталинград — Берлин. Один из них, Франц Шикер, записал в дневнике: «Если бы мы знали, что есть один шанс на сто пробраться за Дон, мы бы ожили. Но это настоящий «котел», и нас ждет неизбежная смерть». Другой, унтер-офицер Эрнст Кох, пишет приятелю: «Мы здесь, как колбаса, которую варят в котле». Окружение фрицы называют «котлом». Теперь они узнали, что такое попасть в котел. Колбасникам пришлось перейти на положение колбасы.

Вассалы Гитлера тоже узнали удары Красной Армии. Лихо грабили Одессу румыны. Еще недавно газета «Тимпул» печатала статьи президента румынской академии наук Симиенеску, который уверял, что «потомки древних дакорумын обитают на всем про-

странстве от Тиссы до Волги». Но вот заговорили русские орудия, показались Т-34, и «потомки древних дакорумын» драпанули. Когда наши войска окружили 5-ю румынскую дивизию, соотечественник академика Симиенеску генерал Стонеску устроил совет: румыны обсуждали, что им делать. Некоторые предлагали вступить в драку с немцами и, «сражаясь против немцев, пробиться с боем в Бухарест». Где их «великая Румыния от Тиссы до Волги»? Битые полковники мечтали об одном: о Бухаресте. Но дакорумынам пришлось пойти на самый банальный выход: сдаться в плен.

На этот раз не произошло ничего непредвиденного, и Гитлер не может свалить вину на ранние морозы. Зима в этом году пришла с запозданием. Немцы тщательно готовились к зимней кампании. С весны они начали взламывать сундуки Европы. Они обстригли народы, как стригут овец. Они создали мощные укрепления: сгоняли наших колхозниц и заставляли их рыть рвы, строить дзоты. По-прежнему девять десятых немецкой армии сражаются в России. Командует германскими армиями несменяемый главнокомандующий: Гитлер. Что он может сказать в свое оправдание? Он глухо бормочет «о местных успехах русских». Он уверяет фрицев, что окруженные под Сталинградом немецкие дивизии «оставлены в тылу у противника». Что думают окруженные фрицы — эта «колбаса в котле», слушая по радио подобные утешения?

Мы знаем силу немецкой армии, выучку ее офицеров, механическую дисциплину ее солдат. Если немецкая армия отдает территорию, которую она с таким трудом завоевала, значит, она не может ее удержать, значит, ее гонит более сильная армия.

Пушкиным рождаются и Пушкиным становятся. Если бы Пушкин не впитал в себя всего богатства человеческой культуры, если бы он не учился на греческой литературе, на классиках Франции, на стихах Державина, на русском эпосе, он не стал бы Пушкиным. В 1917 году мы не умели управлять государством. В 1927 году мы не умели изготовлять самолеты. В 1941 году мы не умели воевать. У нас была военная подготовка, хорошие кадры, идеалы, мужество, выносливость. Но у нас не было боевого опыта. Мы жили до того мирной жизнью. На нас напали профессиональные вояки: война для немцев была единственным содержанием жизни. Нам пришлось учиться воевать воюя. Теперь на Дону мы видим первые плоды науки. Наши части окружают крупные части противника. Наши танки идут по его тылам.

У немцев есть много военных достижений: они хорошо вооружены, они давно воюют, они привыкли беспрекословно повиноваться. Но на войне, кроме вооружения и солдатских добродетелей, нужно обладать еще одним оружием: идеалом, возвышенной целью, которая закаляет сердца и которая ведет даже тишайших людей на приступ. Нет у немцев идеалов, нет у них возвышенных целей. Они сражаются

во имя грабежа, и неудивительно, что, когда наконец-то на них двинулась хорошо вооруженная, дисциплинированная, обстрелянная и преисполненная великих идеалов армия, они начали отступать.

Каждый советский воин знает, за что он воюет. Под Сталинградом танкисты-гвардейцы части подполковника Ионова за полчаса до боя прочитали дневник немца Фридриха Шмидта, истязавшего русских девушек. Командир орудия Коробков на ходу слушал последние строки. Он сказал: «Сейчас мы с ними сосчитаемся...» Вскоре после этого тысяча немцев заплатила за Фридриха Шмидта. Экипаж Пилецкого, получив 42 попадания, из них два сквозных, не оставил поле боя. Раненые танкисты продолжали уничтожать немцев, кровь замученных сестер застилала собственную кровь. Тяжелораненый старшина Кравченко продолжал ремонтировать танк: он помнил об Украине. Что может сдержать Красную Армию, когда позади полтора года горя, когда впереди Украина, Белоруссия, родные, победа?

Гвардии капитан Ковальский мне пишет: «По старинному казацкому преданию, чужеземный конь, попивший воды из Дона, вздуется. Немцы попили донской воды. Они не вздуются, они лопнут».

Красная Армия идет вперед, потому что она — армия-освободительница. Вот письмо рабочего Сталинградского тракторного завода Ф.Т. Назарова, освобожденного из плена нашими бойцами: «3 ноября я попал в плен к немцам. Они нас направили на станцию Чир. Там три тысячи гражданских пленных были в лагере, оцепленные проволокой. Под дождем, потом на морозе, без крыши мерзли старики, женщины, дети. Иногда дети, замерзая, подходили к палаткам немецких солдат, но палачи их отгоняли прикладами. 8 ноября всех послали на земляные работы. А.В. Киселенко сказал, что он не может работать по старости лет. Его забили палками. Потом нас повезли в Калач. Один немец убил много людей, говоря, что они плохо работают. Он просил коменданта: «Дай еще». Ему выдавали людей, а он расстреливал. Комендант избивал палкой женщин. Это было в шести километрах от Калача, в Березовике. Работали, кроме женщин, дети, даже девятилетняя девочка». Уцелевших женщин, детей видели красноармейцы. Что могло после этого их удержать? Есть гнев, который пробивает любую броню, прогрызает любую оборону.

Мы долго ждали этого часа. Мы мечтали о нем, увидев впервые пепел Истры. Нам были суждены еще горшие испытания. Но и в дни безрадостного лета мы знали, что придет час возмездия. Теперь мы подходим к вратам судилища. Впереди еще много испытаний. Но то, что происходит на Кавказе, на Дону, под Сталинградом, — начало возмездия.

10 января 1943 года

Облава

«Для германца война — это охота. Мы окружаем русских и потом выкуриваем их. Дорогая Эльза, это очень весело» — так писал в августе унтер-офицер Конрад Шиллер. Теперь он валяется мертвый в снегу. «Охотники» превратились в зверей.

Остатки двадцати двух вражеских дивизий агонизируют под Сталинградом. Немцы пришли к Волге, соблазненные рассказами о поживе. Им грезились соболя, сказочные колосья, огромные осетры, молочные реки и кисельные берега. Они долго шли. Они пришли к смерти.

В конце ноября немецкое командование еще скрывало от своих солдат катастрофу. Отпускники еще уезжали в Германию. Отъехав на двадцать километров, они возвращались и, перепуганные, бубнили: «Мы с передовой попали на передовую».

Генерал-лейтенант фон Габленц писал своей супруге: «Дорогая Вита! Как всегда, когда я задумываюсь, я больше всего вспоминаю тебя. Мы переживаем здесь большой кризис, и, как всегда, неизвестно, чем это кончится. Положение в общем и целом настолько критическое, что, по моему скромному разумению, дело похоже на то, что было год тому назад под Москвой».

Фон Габленц не делился с фрицами своими опасениями: фрицы не Вита. О происшедшем солдаты узнали по супу. Когда фриц услышал зловоние, шедшее от миски, он взволнованно залопотал: «Что это?» Офицеры объяснили: «Конина». Но солдат Бернгард Шульце ответил: «Во-первых, это не конина, а собака. Конину едят господа офицеры. Во-вторых, теперь все ясно — мы попали в котел...»

Германское командование возлагало надежды на транспортную авиацию. На аэродроме в Морозовском находилось свыше двухсот Ю-52. Они подбрасывали осажденным боеприпасы и горючее. На аэродроме в Тацинской находились самолеты для перевозки продовольствия. Каждая машина брала две тонны хлеба. Немецкие летчики уютно расположились в Тацинской. Пленный летчик Пауль Шен, облизываясь, вспоминает: «Мы пили водку, играли в карты. Командование открыло в Тацинской публичный дом с пятнадцатью девушками...» Потом его голос становится грустным: «Но каждый день мы недосчитывались многих. Ваши истребители и ваши зенитчики работали великолепно. Мы боялись вылетать. Один летчик кричал, что у него болят зубы, и он не может лететь. Но зубы у него не болели. У него болело сердце — и он предчувствовал, что его собьют...» Каждый день падали, как камни, десятки Ю-52. Все тоньше и тоньше становились ломтики хлеба, выдаваемые фрицам. Потом части Красной Армии захватили аэродромы в Морозовском и в Тацинской.

Немецкие генералы поддерживали своих подчиненных рассказами о дивизиях, которые фюрер послал на выручку окруженных. В начале декабря генерал фон Паулюс объявил, что семь немецких дивизий движутся от Котельникова на Сталинград. Фрицы ждали и не дождались. Тогда командование заявило, что окружение будет прорвано не позднее 22 декабря: «К нам едет танковая армия генерала Гоодта. Рождество мы будем справлять с ними». Но вот подошло 23 декабря, фон Паулюс объявил, что генерал Гоодт не пришел и не придет: фюрер направил генерала Гоодта на Средний Дон, где русским удалось прорвать фронт. Генерал фон Паулюс пояснил, что ждать придется долго — может быть, два месяца, может быть, и три.

Настал сочельник. Нельзя сказать, чтобы он был для окруженных веселым. Правда, по случаю праздника каждый фриц получил вместо ста — триста граммов хлеба. Но вместо подарков командир 230-го полка 76-й пехотной дивизии, подполковник Гайнце, преподнес фрицам рождественский приказ. Подполковник сообщал, что с каждым днем увеличивается число перебежчиков. Подполковник грозил суровыми карами. Сглотнув праздничные триста граммов хлеба, фрицы слушали и вздыхали. Может быть, они вспоминали недавнее прошлое? Фрицы 71-й дивизии пожаловали к Сталинграду из Реймса. Еще весной они лакали шампанское. Фрицы 371-й дивизии приехали из Безансона. Эти могли вспоминать монбельярскую колбасу.

Шли дни. Шли недели. Немцев гнали от Среднего Дона к Северскому Донцу, от Котельникова к Сальской степи. Хотя среди окруженных было чрезвычайно мало румын, чванливые немцы хотели взвалить вину на своих «союзников». Лейтенант Курт Гофман писал в дневнике: «Румыны бегут без оглядки. Их офицеры своевременно смылись под предлогом совещания. Они попрошайничают. И с таким сбродом мы должны победить!» Румыны из 1-й кавалерийской дивизии бродили, как беспризорные. Немцы сожрали румынских коней, а румынских конников загнали в немецкие пехотные полки. Но от этого дела фон Паулюса не улучшились.

Настала зима. Как известно, зимой многие немцы замерзают по вине природы. Под Сталинградом фрицы стали замерзать сознательно — по своей вине. Из осажденного лагеря вывозили раненых, и фрицы, замерзая, надеялись на спасение. 4 января генерал Иенеке, командующий 371-й пехотной дивизией, подписал следующий приказ: «Обмораживания второй и третьей степени увеличиваются с угрожающей быстротой. Во многих случаях установлено, что они связаны с умышленным самоувечением. В нашем положении долгом каждого солдата является защита себя не только от русских, но и от холода, поскольку это хотя бы в малейшей степени зависит от него... В дальнейшем обмораживание второй степени и легкие

случаи обмораживания третьей степени должны подвергаться лечению в частях. Прием в госпитали и эвакуация из крепости будут производиться исключительно по заключению армейского врача. Во всех случаях обмораживания нужно тщательно выяснить, не надлежит ли предать обмороженного суду... Мне доподлинно известно, что из боевого состава выбывает от 20 до 30 процентов солдат в результате обморожения. Мы находимся в окружении, и естественно, что командование не может нас снабдить теплым обмундированием и строительным материалом. Настоящий приказ довести до сведения, а потом уничтожить». Приказ генерала Иенеке был обнаружен на замерзшем немце. Мы предоставляем генералу судить, случайно ли замерз этот фриц или предумышленно.

Все туже становится немцам с транспортными самолетами. 28 декабря летчик обер-фельдфебель Оскар Пауст еще пьянствовал в монмартрском кабачке. У него была тихая профессия: он возил немецких офицеров из Берлина в Париж и назад. Вдруг бедного Оскара отправили в Сальск. Вечером обер-лейтенант Дитморски сказал ему: «Вы сейчас полетите в окруженную группировку с хлебом». Напрасно Оскар Пауст докладывал, что он не привык к ночным полетам, ему говорили: «Скорее!» Что же, он привез хлеб, но не фрицам, а русским: он сделал вынужденную посадку.

Немцы отощали. Недавно из окруженной территории выбралась колхозница Евдокия Сучкова. Она рассказывает: «Немцы мою кошку съели». Фрицы больше не прислушиваются к гудению самолетов. Их интересует мяукание. Сверхчеловеки, мечтавшие о завоевании Европы, перешли на кошатину.

Пленный Бернгард Шульце говорит: «Ефрейтор Альбрехт был силачом, а теперь он не может поднять винтовку...»

Голодных фрицев пожирают голодные вши. Конрад Лассан объявляет: «В последний раз я был в бане в Данциге...»

Части Красной Армии не дают окруженным покоя. Они врезаются в лагерь осажденных. Они сжимают кольцо. Идет облава на немецкого волка.

«Мы бы капитулировали, но нам не позволяют», — говорят солдаты. Окруженная под Сталинградом немецкая группировка — это как бы макет гитлеровской Германии. Германия тоже не сдается: она отвыкла от мыслей и привыкла к тупому повиновению. Ее нужно окружить, а окружив, взять. Ее можно взять не посулами, но оружием, и только оружием.

Немцы в окружении остаются немцами. Они заставляют умирающих военнопленных подносить на передний край боеприпасы. Они выгнали из хат русских женщин и детей. «Нас ненавидят за то, что мы родились немцами», — пишет лейтенант Курт Гофман. Нет, мы их ненавидим за то, что они сделали. Есть русская поговорка: «Не за то волка бьют, что он сер, а за то, что он овцу съел».

Десятки тысяч немцев еще сопротивляются в Сталинграде. Гитлер обрек их на верную смерть. Гибель этих людей поучительна. Они умирают далеко от своей родины. Они пришли к Сталинграду как завоеватели, как грабители, как палачи. Они все уничтожали на своем пути. Им казалось, что они подошли к торжеству. Им казалось, что в их жадных руках богатства мира. Теперь они охотятся за кошками и мечтают о воронах. Но уже ничто не спасет ни окруженную армию, ни Гитлера. Слишком долго волки рыскали по нашей земле. Слишком много горя изведал наш народ. Теперь началась облава.

17 января 1943 года

Путь свободен

Прошлой осенью немецкая газета «Берлинер берзенцейтунг» писала: «Мы возьмем Петербург, как мы взяли Париж». Немецкие колбасники самообольщались. Разве они взяли Париж? Они вошли в Париж, как входит приезжий в гостиницу: предатели распахнули перед ними двери. Немецкие колбасники ошиблись: Ленинград не гостиница для фрицев. Обер-лейтенанты тогда гадали, где они разместятся. Одни говорили: в Зимнем дворце, другие: в «Астории». Их разместили в земле.

Ленинград больше чем город: это гордость России. В нем дерево стало гранитом. В нем Русь стала Россией. Я не знаю другого столь прекрасного города. Только великий народ мог его создать. Все в нем едино — камень и вода, туманы и метели, поэзия и труд. Есть ли на свете человек, который не слыхал о Невском проспекте? Как огромный корабль, который пересекает ночь, вошел Ленинград в историю. Понимали ли презренные эсэсовцы, на что они посягнули?

Ленинград не знал ноги завоевателей. Из Петербурга русские диктовали мирные условия сраженному Берлину. В Петербург приезжали немецкие колбасники, немецкие цирюльники, немецкие костоправы. Они кормились с русского стола. Но когда в 1918 году двинулись на Петроград немецкие генералы, их остановили питерские рабочие. Так в боях за неукротимый город четверть века тому назад родилась Красная Армия.

В немецком военном учебнике сказано: «Ленинград не защищен никакими естественными преградами». Глупцы, они не знали, что Ленинград защищен самой верной преградой: любовью России.

Кого только не посылал Гитлер на приступ непобедимого города? Под Ленинградом побывали и горные егеря, и эсэсовские дивизии, и полицейские отряды, и телохранители Гитлера, и «Голубая

дивизия» испанцев, и финны — все босяки Европы, все «асы» Германии. Свыше года Красная Армия отбивала атаки врага. Знают ли немецкие вдовы, что такое Синявино?

За Ленинград сражались все народы России: русский Василий Никулин, украинец Петр Хоменко, грузин Джикия, узбек Рахманов, еврей Спринцон, татарин Гинатулин. Об их подвигах когда-нибудь напишут тома. Сейчас мы коротко скажем: они отстояли Ленинград.

Я расскажу об одном безвестном герое. Сыну банщика из города Пушкин, Жене Олейникову, было восемь лет. Женя бросил «лимонку» в машину, где сидел немецкий генерал. Немецкий солдат схватил мальчика и головой ударил его о дерево, размозжив череп. Отца и мать Жени немцы расстреляли, дом сожгли. Но великое чувство, которое заставило восьмилетнего мальчика швырнуть гранату, палачи не сожгли и не смогли сжечь. Любовь к родине вдохновляла защитников Ленинграда. Трижды раненный, Петр Хоменко в рукопашном уложил одиннадцать немцев. Семь летчиков приняли бой против семидесяти самолетов противника. Под Ленинградом немцы узнали, что такое гнев России.

Немцы терзали прекрасный город бомбами и снарядами. Они хотели взять его измором. Прошлая зима была для жителей Ленинграда страшной. Не было света, не было воды, не было дров, не было хлеба. Старшина Степан Лебедев показал мне письмо от своего двенадцатилетнего сына. Мальчик писал: «Папа, ты, наверно, знаешь, что зима у нас была очень тяжелая. Я тебе пишу всю чистую правду, что мамочка умерла 14 февраля. Она очень ослабла, последние дни не могла даже подняться. Папа, я ее похоронил. Я достал салазки и отвез, а один боец мне помог, мы до ночи вырыли могилу, и я пометил. Папа, ты обо мне не беспокойся, у нас теперь полегчало, я крепкий, учусь дома, как ты приказал, и работаю. Мы помогаем на ремонте машин. А Ленинград они не взяли и не возьмут. Ты, папа, счастливый, что можешь бить их, ты отомсти за мамочку...» Я переписал это письмо. А потом я заглянул в глаза старшины Степана Лебедева. Они горели суровым огнем. И я понял: это — глаза России. Мы не забудем муки, пережитые Ленинградом. Мы скажем о них, когда настанет час суда.

Немцы не взяли Ленинград измором. Под бомбами, под снарядами старики и женщины работали. Они подносили оружье фронту. Ленинград был фронтом, и фронт был Ленинградом.

Россия пришла на выручку. В прошлую зиму по льду шли грузовики: везли городу хлеб. Летом смелые моряки охраняли путь через Ладогу. Летчики проносили ценный груз под вражескими орудиями. Настала вторая осень осады. Героически рабочие проложили по льду колею. Немцы накинули петлю на шею Ленинграда. Но Россия не дала им стянуть узел. И вот настал торжественный

час: Красная Армия рассекла петлю. Каждый метр был немцами укреплен, любая пядь была фортом. Вчера несколько слов потрясли мир: путь на Ленинград свободен.

Наше наступление похоже на великую очистительную бурю. С каждым днем она растет и крепнет. Она охватывает новые фронты. Она ломит немецкую силу. Что-то треснуло в сердце вчерашних завоевателей.

20 января 1943 года

Эпилог

В Сталинграде наши войска выкурили из норы последних фрицев. Коллекция военнопленных обогатилась еще несколькими генералами. После долгих месяцев боя впервые над Сталинградом воцарилась благословенная тишина. Давно Седан стал нарицательным именем: судьба армии Наполеона III, окруженной пруссаками, приводилась как пример бесславного поражения. Пусть немцы больше не говорят о Седане. Пусть теперь они повторяют: «Сталинград». Поражение 6-й немецкой армии назидательней Седана.

Они шли к Волге, самодовольные, опьяненные топотом своих шагов. Они свезли под Сталинград многообразную технику. Они кричали: «У нас множество танков! У нас шестиствольные минометы! У нас лучшие в мире бомбардировщики!» Главнокомандующий германской армией, ефрейтор, больной манией величия, 30 сентября развязно рявкнул: «Я говорю, что Сталинград будет в ближайшие дни взят моими солдатами». Он может сейчас поглядеть на Сталинград — его генералы один за другим сдаются в плен. Мощная техника Германии не помогла фрицам. Железо не воюет. Железом воюют. У наших солдат в груди священный огонь, и теперь мы считаем сотнями, тысячами захваченные трофеи: самолеты, танки, орудия, минометы. Берлин от горя не поумнел, а поглупел. Вот как берлинское радио золотит горькую пилюлю: «Наше военное руководство в Сталинграде, перед тем как сдаться русским, уничтожило все документы. Этим наши герои приготовили себе еще один камень для памятника». Хорош будет этот памятник битым фрицам! Может быть, на его цоколе они напишут: «Сдаваясь в плен, отважно сожгли приказы о реквизиции и наиболее пикантные дневники». Бумаги было легче уничтожить, чем орудия.

Чувствуя, что сожженные бумаги мало утешают немцев, берлинское радио сообщает: «В северной части Сталинграда наши войска сражаются еще более стойко». Это немцы говорили по радио 2 февра-

ля. А в это время в северной части Сталинграда фрицы всех званий деловито спрашивали красноармейцев: «Битте, где здесь плен?»

Осенью Гитлер во что бы то ни стало хотел взять Сталинград. Он мечтал об этом напряженно, навязчиво: победа ему была нужна, как опора, как стена. Он уперся в стену, и стена рухнула. Он кричал на своих генералов: «Взять Сталинград!» Он швырял ордена. Он грозил непослушным. Он пригнал к Волге свои лучшие дивизии. Он потратил на Сталинград сотни и сотни тысяч немцев. Он не хотел признать себя побежденным. Сталинград стал для бесноватого ефрейтора вопросом престижа. Он завел свою отборную армию в капкан. Он кричал: «Вы триумфаторы». Пусть полюбуется теперь на своих «триумфаторов»: они жалки и ничтожны, эти пойманные в западню мелкие хищники, воры с крестами на груди. Боец глядит на пленных генералов и усмехается: «Довоевались!»

Немцы называют окружение «котлом». Что же, большой Сталинградский котел откипел. Но немцам теперь приходится привыкать к окружениям: котлов и котелков довольно много, в каждом из них варятся фрицы. Мы теперь тоже кое к чему привыкли: мы привыкли бить немцев оптом, и это дело мы доведем до конца.

3 февраля 1943 года

Харьков

За двадцать месяцев войны мы закалились. Мы привыкли не только к бомбам или к минам — мы привыкли к испытаниям. Войну начали юноши, полные розовых иллюзий. Войну кончат суровые солдаты, разучившиеся удивляться. Мы знаем, что пережил Харьков под немцами. Мы видим повешенных на балконах, папки гестапо, слезы поруганных девушек. Мы освободили Харьков, и вот он снова под пятой немцев. Они мстят жителям за свои поражения. Они мстят им за слезы радости. Они мстят им за месяц свободы.

Еще сильнее наша ненависть к немцам. Еще строже наши лица. Еще суше наши слова. Мы поклялись, что мы уничтожим немецкую армию, и мы ее уничтожим.

Гитлер после Сталинграда думал об одном: как восстановить свой престиж, как подпереть зашатавшийся трон? Он собрал на коротком участке фронта крупные силы и начал контрнаступление. Гитлер кинул свои дивизии, взятые на Западе. Он добился успеха. С горем мы оставили наш город. Но Гитлер не взял реванша за Сталинград. Он не нашел в Харькове двадцати русских дивизий. Он не

взял в плен наших генералов и бойцов. Он взял руины многострадального города. Это вряд ли очень весело для Гитлера. Недаром его шутенок Геббельс позавчера объявил немцам: «В эту зиму мы понесли немалые потери не только в завоеванной территории, но в вооружении и, что самое главное, в людях... Мы должны быть готовыми к новым тяжким испытаниям. Мы еще не перевалили через гору». Они и не перевалят через гору. Они взяли Харьков, но они не могут воскресить своих дивизий, погибших под Харьковом, — «Адольфа Гитлера» или «Великой Германии».

Что они взяли вместе с развалинами домов? Трупы своих соотечественников.

Наш главнокомандующий маршал Сталин неизменно говорит правду армии и народу. В горькие дни отступления он вдохнул в нас бодрость. В дни наших побед он напомнил нам, что враг еще не разбит, что немец еще силен, что раненый зверь способен причинить много зла.

Мы знаем, что потеряли немцы в Сталинграде. Мы помним о Миллерове, о Ростове, об окруженных или разбитых немецких дивизиях. Теперь не весна 1942 года. Теперь весна после Сталинграда, после белого платочка Паулюса, после Касторного. Мы уничтожили десятки лучших дивизий Германии. Мертвые не пойдут на Дон. Призраки не способны повторить «похода на Кавказ».

Где Муссолини чествует своих последних мушкетеров? Не в Баку, в Риме. Чудом уцелевшие мадьяры пьют валерьянку в Будапеште. На свете стало мало румын — Антонеску... и обчелся. Кем заменит Гитлер своих вассалов? Кем он заменит мертвые дивизии? Гитлер латает свой кафтан. Он тащит дивизии из Франции. Но что с ним будет, когда Франция перестанет служить домом отдыха для битых фрицев, когда она станет полем боя?

Нелегко нам было отдать Харьков. Насторожились города и села, едва вздохнувшие после долгого рабства. Отстоять их — вот первая задача нашей армии. Не дать в обиду ни одной женщины, ни одного ребенка. Отплатить за Харьков — такова вторая задача. Наш ответ один в дни хороших сводок и в дни плохих: смерть немцам! Мы смотрим вперед не на одну версту. Мы видим перед собой не один час. Мы знаем: эта война — жестокая и страшная война. Это война за нашу жизнь. Мы знаем также: каковы бы ни были горести дня — мы должны победить, и мы победим.

16 марта 1943 года

СВЕТ В БЛИНДАЖЕ

Июнь

Это было год тому назад. Короткая июньская ночь казалась Москве обычной. Люди, засыпая, мечтали о летних каникулах, о горах Кавказа, о синем море Балаклавы. Это была ночь на воскресенье, и в клубах молодежь танцевала. На подмосковных дачах влюбленные говорили о том, о чем говорят влюбленные всех стран и всех времен. Москва поздно проснулась. Люди завтракали, когда в густой медовый полдень лета вмешался взволнованный голос диктора. Мы узнали, какой ночью была та ночь. Война... Это слово прозвучало непривычно, как первый крик сирены. Прошел год. Это слово стало жизнью.

Люди с большим сердцем отдают самое дорогое не задумываясь. Большие народы не мерят своих жертв. Россия все дала, чтобы только отстоять свою свободу. Кто расскажет, как тяжело было взорвать Днепрогэс — гордость советского народа? О Днепрогэсе писали газеты всего мира, но мы знаем тысячи и тысячи других жертв. В украинском селе колхозница Мария Глущенко сожгла свою хату, чтобы хата не досталась немцам. Это был простой дом, но для семьи, которая в нем жила, это был свой дом, это был мир. Рука Марии Глущенко не дрогнула...

Человек, сызмальства привыкший к избытку, не знает цены вещам. В старой, дореволюционной России богатство было достоянием немногих. Можно ли понять, что такое домны Магнитки, не вспомнив о курной избе? Лапти были не только обувью, лапти были символом. Миллионы и миллионы вместо подписи покорно ставили крестик. Посаженные деревья только-только начали приносить плоды. Мы жертвовали не наследство, не шальную, приблудную деньгу, но добро, оплаченное потом героического поколения. Крым дышал запахом пороха и муската: сухая земля впитала вино. В Витебске горели склады с сукном. Люди жертвовали всем.

Прошлым летом и осенью Россия кочевала. Кто видел караваны беженцев, их не забудет. Люди молча шли на восток. Украинские крестьяне гнали волов, шли старухи из Минска, из Гомеля, по не-

пролазной грязи шагали горожанки в туфлях на высоких каблуках, женщины уносили грудных детей. Переезжали заводы. Снимались с места города, как корабли. Среди снега, в степи, устанавливали машины харьковских заводов. В далекой пустыне работал Камерный театр. Ученые дописывали книги в теплушках. Киевляне распылились среди сел Средней Азии. Башкирия приютила школы Украины. Сколько за этими словами скрыто горя, разъединенных семей, суровой жизни на бивуаке, самоотверженного труда!

Немецкие бомбы искалечили Новгород. Немецкие снаряды калечат Ленинград. Гитлеровцы мечтали умертвить нерв нашего сопротивления — самосознание русского народа. Для этого они уничтожали наши реликвии от кабинета Толстого до музея в Бородине. Они хотели оскорбить Россию, превратив Одессу в захолустный город Румынии и посадив наместником «Остланда» балтийского проходимца Розенберга.

В Пушкине, в аллее, которую любил молодой лицеист, на деревьях висели русские люди — пожилой человек с бородой, девушка. Многие паломники знали эту аллею, в нашей памяти она связывалась с юностью Пушкина, с юностью России. Немцы превратили ее в аллею виселиц.

Долго после конца мировой войны земля вокруг Вердена оставалась бесплодной: снаряды снесли верхний слой почвы, не росла и трава. Во многих советских семьях теперь зияние: нет мужа, сына или брата. Это горе простое и непоправимое. О нем никто не расскажет: наши женщины стойко работают, и глаза у них сухие.

Передо мной письмо матери. Ее сын, Игорь Азаров, боец разведывательного батальона, погиб смертью героя. Мать пишет товарищам своего сына:

«Дорогие ребята! Товарищи моего сына и теперь мои товарищи!

Я получила извещение вашего батальона о том, что мой сын, мой родной единственный мальчик, убит. Мне очень тяжело. Мне трудно пережить горе, которое свалилось на меня, больного человека, но я постараюсь держать себя так, чтобы своей работой принести пользу своей родине и отомстить проклятым, трижды проклятым гадам, напавшим на наш Союз, исковеркавшим столько человеческих жизней и убившим моего сына. Сына, которого вы знали, я одна, женщина, с трудностями растила, воспитывала и учила. Мой сын, как огонек будущего, светил мне в тяжелой моей жизни.

Я прошу вас написать мне, где похоронен мой сын, и отметить его могилу.

Вы теперь, ребята, все мои сыновья. Не забывайте меня. Если кому что нужно, я все для вас сделаю. Я вас люблю так, как любила сына.

Напишите мне, как погиб мой сын, я вас очень прошу об этом. Если у него были при себе письма, перешлите мне, если это возможно. Я знаю, что в комсомольском билете он носил фотографию одной девушки. Если она сохранилась, передайте ее мне и, если есть, напишите ее адрес.

Желаю вам, ребята, бить проклятых нечистей и много удачи в боевых делах.

М. Азарова».

В этих словах вся скорбь матери и все величье русского сердца. Как Азарова отдала родине сына, все советские люди отдали родине самое дорогое: близких и себя, силы, чувства, кровь.

В День флага во многих странах Америки и на Британских островах реяли пестрые флаги. Были украшены флагами города Советского Союза, от Мурманска до Владивостока. Но я думаю сейчас об одном флаге: о флаге свободы над истерзанным Севастополем, где обреченные люди в кромешном аду на крохотном плацдарме отбиваются от десяти немецких дивизий и от пятисот немецких самолетов. В истории войны Севастополь — эпизод, одна страница эпопеи. Но нет сейчас имени, которое больше бы говорило о советском мужестве, о самопожертвовании нашего народа, нежели это — Севастополь.

Год жертв позади, год испытаний. Я был на заседании Верховного Совета. Я видел Сталина. Была на его лице решимость, уверенность в победе и боль за родной народ. Отовсюду приехали депутаты. Среди них много людей, которых я знал прежде. Они очень переменились. За сколько десятилетий будет зачтен такой год?.. Сурово люди жали друг другу руки. Война закалила Россию, и никогда Россия не была такой крепкой, как теперь.

Воюет поколение, которое мечтало не о войне. Оно верило в братство народов. Оно с волнением читало романы Барбюса и Ремарка, оно болело за лишения немецкого народа. Нелегко было молодым понять, кто перед ними. Мать Азарова справедливо пишет: «Гады». Год тому назад в коротенькую ночь серо-зеленые солдаты, как змеи, ползли среди некошеной травы. Наши бойцы сначала верили, что перед ними обманутые люди, которых можно образумить словом. А гады ползли, вырывали у девушек груди, вешали. И теперь ненависть к врагу, как уголь, жжет сердце России. Недавно в трамвае ехал боец-снайпер. Товарищ сказал про него: «Он застрелил семьдесят немцев». И тогда старая женщина, седенькая, мор-

щинистая, подошла к снайперу и с необычайной лаской сказала: «Спасибо!..»

Нелегко человеку почувствовать, что такое воздух: для этого нужно очутиться в глубокой шахте, пережить удушье. Русский народ не знал прежде национального гнета: никто никогда не унижал русского за то, что он — русский. Гитлеровцы издеваются над русскими обычаями, над русской стариной, над русской речью. И мы чувствуем, как поднимается в нас национальное достоинство. Россия теперь узнала, что такое взыскательный, всепоглощающий патриотизм. Гитлер разбудил страшную для него силу: гнев России.

Жизнь до войны была трудной и легкой. Трудной потому, что приходилось преодолевать косность и отсталость дореволюционной России. Легкой потому, что все дороги были открыты перед юношей. Подростки спрашивали себя: кем я стану? Летчиком? Инженером? Писателем? Молодое поколение было баловнем родины. Юноши шли по дороге жизни, как по шоссе. Прошел год. И вот наши дети стали суровыми солдатами, они идут с бутылками на танки и таранят вражеские самолеты.

Год тому назад немцы считали, через сколько дней они будут в Москве. Удар был сильным. Сурово прозвучал в раннее июльское утро голос Сталина: он предостерегал наш народ от гибельного благодушия. Немцы двигались на восток. В газетах наших друзей замелькали черные предсказания. Были и среди нас дрогнувшие духом. Но Сталин не дрогнул. Не дрогнул и народ. Седьмого ноября Гитлер хотел принимать парад в Москве на Красной площади. Гитлер принимал парад немецких мертвецов на всех полях, от Вислы до Оки, от Немана до Волги.

А на Красной площади защитники Москвы салютовали Сталину и нашему знамени.

Мы многое потеряли за этот год: мир, уют, города, близких. Мы многое за этот год обрели: ясность взгляда, плодотворную ненависть, огонь патриотизма, завершенность, зрелость каждого человека. Год тому назад мы были мирным народом. На нас напали профессиональные захватчики, люди, рожденные и воспитанные для механических убийств, — страна, где танки паслись, как в других странах паслись овцы, где женщины рожали не детей, но танкистов. И год тому назад мы пережили страшные недели: враг мчался вперед. Но напрасно Гитлер обещал немцам весной развязку. Когда-то немцы в три недели пожрали Францию. Теперь они семь месяцев осаждают Севастополь и вот уже две недели как его штурмуют, — крохотный клочок земли, русский островок среди моря серо-зеленых шинелей.

Один немецкий офицер, сидя в Гжатске, записал: «Когда мне говорят, что между нами и Москвой меньше двухсот километров, мне хочется ответить: между нами и Москвой память о зиме».

Между ними и победой этот год: непроходимая пропасть. Они могут вспомнить июнь 1941 года как первую смертельную рану. Они тогда бодро неслись вперед, подгоняемые голодом и честолюбием. Они не знали, что несутся навстречу смерти. Они начали. Кончим мы.

Среди густой травы, в селах, в городских садах, мы видим красные звезды священных могил: здесь погребены герои. В годовщину войны мы думаем о погибших: они с нами. Они продолжают жить и сражаться в каждой роте, в каждом полку. Погибшие в дни отступления вместе с живыми брали Елец, Ростов, Калугу, Можайск. Живы их подвиги, живы их имена, и, придя в дом, где жил убитый в бою товарищ, боец скажет жене: «Родная, он с нами». Он покажет на сердце: «Вот здесь». Павшие на поле брани — в сердце России. Мы их потеряли: велика наша скорбь. И мы их нашли, мы открыли величие их духа: мы знали их веселыми или грустными, бодрыми или усталыми — мы узнали их бессмертными.

Победа не падает с неба, победу надо достать из самых глубин земли, из самых глубин сердца. Когда Гитлер болтал о молниеносной войне, мы говорили о долгом и суровом испытании.

Наши испытания не кончены. Нелегко откажутся немцы от своей преступной мечты быть «герренсфольк» — «народом господ». Мы не закрываем глаза, мы знаем, что тернист путь к победе. Но мы знаем также, что это — наш путь.

Россия в гимнастерке, обветренная и обстрелянная, — это все та же бессмертная Россия, Россия Пушкина и Россия Ленина; и это новая Россия — она заглянула в глаза победе. Год тому назад мы услышали слова: «Победа будет за нами». Тогда победа была далекой: страницей истории, прозрением будущего. Теперь мы знаем победу: у нее защитные петлицы, она пахнет пылью, порохом, помятой травой. Мы подружились с ней, как с родной. Она не где-то вдали, она рядом — в твоем блиндаже, в твоем окопе, у твоей батареи. И мы теперь говорим: победа с нами!

21 июня 1942 года

Сердце человека

Когда Леонардо да Винчи сидел над чертежами летательной машины, он думал не о фугасных бомбах, но о счастье человечества. Подростком я видел первые петли французского летчика Пегу. Старшие говорили: «Гордись — человек летает, как птица!» Много лет спустя я увидел «юнкерсы» над Мадридом, над Парижем, над Москвой...

Во время Великой французской революции ученый Филипп Лабон изобрел мотор внутреннего сгорания. Он говорил: «Граждане, вы увидите самодвигающуюся колесницу, и она будет источником человеческого благоденствия, она сблизит народы». Полтораста лет спустя немецкие танки раздавили своими гусеницами правнуков Филиппа Лабона.

Машина может быть добром и злом. В конце восемнадцатого века передовые умы человечества провозгласили торжество человеческого начала. В их благородные речи вмешался гул первых станков. В руках бездушных и слепых себялюбцев машины стали орудием угнетения, и в середине прошлого столетия простодушные ткачи воевали против машин. Это было заблуждением. Машину не стоит ни наказывать, ни восхвалять: машина делает то, что ей приказывает человек.

Научный социализм воспринял высокие традиции гуманистов, он провозгласил торжество человеческого начала: не человек ради машины, машина ради человека. В рабочих кружках России пионеры революции повторяли прекрасные слова: «Человек — это звучит гордо». Социализм победил в бедной и отсталой стране. Руководители нашего молодого государства понимали значение машин: они должны помочь человеку стать человеком. Когда люди руками дробили камень, ковали железо и копали землю, они не могли приобщиться к глубине культуры и многообразию жизни. Мы строили заводы, чтобы дети могли играть в детские игры, чтобы юноши могли изучать математику и наслаждаться Пушкиным или Шекспиром, чтобы сложность мысли и тонкость чувствований стали достоянием каждого.

Леонардо да Винчи бесспорно приветствовал бы летчиков, которые спасли челюскинцев. Он признал бы своих последователей в Чкалове, Громове или Слепневе. Наши самолеты победили океан, приобщили к миру Арктику. Они несли спасение роженице в пустыне, больному ребенку в тундре. Они приблизили Владивосток к Минску. Они приблизили человека к счастью.

Слова Филиппа Лабона нашли свое подтверждение на наших полях, некогда орошенных скорбным пóтом пахаря. Соху сменил трактор, и с трактористами наша деревня стала зеленым городом. Разве могли измученные страдой дореволюционные крестьяне читать романы, устраивать спектакли и растить в избах будущих академиков?

Машина в нашем государстве была подчинена человеку. Гитлеровцы подчинили человека машине. Жадность рурских магнатов и палка прусского фельдфебеля сошлись на одном: человек не должен думать, человек должен работать и повиноваться. Все в гитлеровской Германии регламентировано: творчество и любовь, зачатья и увечья.

Гитлер обратил машину в орудие уничтожения. Люди глядели на небо с гордостью. Гитлер решил: они будут глядеть на небо с ужасом. Люди с радостью думали: мы поедем в автомобиле за город. Гитлер решил: услышав звук мотора, люди будут бежать без оглядки. Вся промышленность Германии была посвящена танкам и бомбардировщикам. Молодые немцы выросли в богомольном трепете перед смертоносными машинами. Немецкие генералы говорили своим солдатам: «Противника раскрошат бомбардировщики. Перед вами пойдут танки — они проложат путь».

Мы делали и самолеты и танки, но мы никогда не говорили нашим юношам, что машина может заменить человека. Мы говорили: машина помогает храброму и страшит труса.

Настало время проверки. Вначале немцы как бы торжествовали. Их танки исколесили всю Европу. Гусеницы раздавили Францию и оставили борозды на полях древней Эллады. «Юнкерсы» искалечили, казалось бы, неприступный Лондон. И немцы послали свои машины на Россию — к горам Кавказа, к рекам Сибири. Здесь-то приключилась заминка: машины не сломили воли человека. Есть в войне много горя, много разрушений, война — не дорога прогресса, война — страшное испытание. Но есть в войне и нечто высокое: она дает людям мудрость. Эта война принесла человечеству великий урок: реванш человека.

Сердце бойца гитлеровцы пытались подменить мотором, солдатскую выдержку — броней. Отечественная война доказала торжество человеческого духа.

Как можно остановить танк? Ответят: меткой наводкой, хорошим бронебойным ружьем. Все это так, но прежде всего, чтобы остановить танк, нужна отвага. Человек должен подпустить близко к себе железное чудовище, не растеряться, не убежать, не открыть огонь до времени. Один боец хорошо сказал: «Гитлер о храбрость спотыкается». Гитлер не споткнулся о линию Мажино, стоившую двадцать лет труда и миллиарды, он споткнулся о храбрость двадцати восьми панфиловцев.

Когда человек убегает от танка, танк растет, становится великаном, злым гением, который настигает и давит малодушного. Когда человек принимает бой, танк — это только машина, а человек — это царь природы.

Недавно батарея старшего лейтенанта Быкова отбила танковую атаку. Огибая березовую рощу, пятьдесят танков надвигались на наши боевые порядки. «Не пропустить!» — была команда Быкова. Когда машины подошли на восемьдесят метров, артиллеристы открыли огонь. «Так их!» — кричал в азарте боя Быков. Раненный, он оставался на посту. На поле боя чернели остатки двадцати шести немецких танков. Сколько над ними трудились рабы Гитлера! По замыслу немцев эти танки должны были дойти до Индии. Они погибли

у березовой рощи. И все могли видеть, что это не всесильные волшебники, не боги, но металл, подвластный воле человека, железо, лом.

Десять краснофлотцев противотанковыми ружьями уничтожили двадцать три танка. Моряк Тимохин сжег шесть танков. Эпическая оборона Севастополя была торжеством человеческой отваги. Небольшой гарнизон, без аэродромов, почти без танков, двадцать пять дней отражал атаки четырнадцати вражеских дивизий и мощной техники, которую немцы сконцентрировали на маленьком отрезке земли. История скажет, что защита Севастополя была победой советского оружия: севастопольцы дали двадцать пять дней родине, двадцать пять дней победе.

Гитлер торопится. Его голодные рабы зарятся на черноземные поля Средней России. Немецкие танки снова ринулись вперед. Их должно остановить наше мужество. Бойцы вспомнят сожженные немецкие танки у Ельца, у Калинина, у Ростова, и бойцы остановят танковые дивизии Гитлера. Что для этого нужно? Большое сердце и священные слова солдатской присяги: «Умрем, но немца не пропустим!»

Немецкие танки долго представлялись удавом, перед которым цепенела Европа. Теперь им преграждают путь люди. Конечно, у нас превосходные противотанковые орудия. Конечно, наши бойцы справедливо зовут бронебойное ружье Симонова «золотым ружьем». Конечно, наши КВ уничтожают сотни и сотни вражеских машин. Но как забыть о гранате в руке бесстрашного бойца или о бутылке с горючим орловского партизана? Что может быть проще такой бутылки? А немецкие танкисты страшатся ее не меньше снаряда. Дело в руке, которая сжимает бутылку, в руке лейтенанта Быкова, в руке краснофлотца Тимохина, — это рука смелого человека. Человек придумал мотор, и человек может уничтожить мотор: побеждает сердце.

7 июля 1942 года

Сильнее смерти

Орган эсэсовцев «Шварце кор» в передовой 9 июля рассуждает:

«Опыт научил нас считаться с упорством противника, поэтому неправильно торопиться регистрировать недели войны, километры завоеванной территории, число пленных... Прежде всего нужно примириться с особенностями большевистского человека, к которому следует подходить с новой меркой. В отдельном человеке отражается упорство всей системы, не знающей компромисса. Нам, европейцам, кажется феноменальным, что большевистские солда-

ты месяц за месяцем идут в наступление, на верную смерть и, не задумываясь, жертвуют жизнью в обороне. Капитуляций окруженных частей, крепостей, опорных пунктов — этих нормальных явлений всех прочих войн — в СССР не бывает. Пленных удается брать только в тех случаях, когда враг полностью рассеян. Откуда берется это непонятное ожесточение? Здесь действуют силы, которым нет места в мире наших обычных представлений... Нужно предполагать, что у большевистского человека есть вера, помогающая ему совершать невероятные вещи...»

Палачи Гиммлера ошеломлены: русское сопротивление им кажется нарушением всех правил игры. Они считают, что Россия должна была сдаться, как Франция, и они пожимают плечами: откуда такое упорство?.. Эсэсовцы привыкли иметь дело с малодушными или с предателями. Они негодуют: почему Севастополь не капитулировал? Почему москвичи не вышли навстречу фон Боку с ключами города? Почему Ленинград не понял «нормальных» явлений и не пустил на Невский немецких ефрейторов? Почему защитники Воронежа, вместо того чтобы сдаться в плен, истребляют немцев? Откуда это ожесточение? На помощь эсэсовцам приходит Геббельс. Он объясняет в газете «Дас рейх»: «Большевистская армия иногда сражается с почти животным упорством. Она обнаруживает презрение к смерти, которое является более чем примечательным».

Колченогий выписывает слова «презрение к смерти», не понимая всей глубины их значения. Он не в силах объяснить эсэсовцам, в чем та «вера» наших бойцов, о которой говорит «Шварце кор». Таинственной книгой за семью печатями остается душа нашего народа для немецких грабителей. Они не понимают, что ведет наших людей в бой. Скажем прямо: любовь — любовь к семье, любовь к родине, любовь к жизни. Нет силы выше, чем настоящая любовь. Данте сказал, что она движет небесными светилами. Мы скромно добавим, что она испепеляет железные чудовища, которые рвутся к нашим городам.

Я получил сегодня письмо от бойца-казаха. Я приведу его: в нем ответ на вопрос, поставленный газетой Гиммлера. Красноармеец Асхар Лекеров пишет:

«Ваша статья «Июнь» мне много напомнила. Я сидел в тесной, сырой землянке, но мне казалось, что я сижу в большом театре мира. Передо мной проходила на экране жизнь казахского народа. Страна бывших пастухов. Голод. Кочевники в голодной степи. Ныне цветущий край...

Я вспомнил июнь 1941 года. Я тогда находился в своем колхозе. До революции это место называлось Батбах, то есть болото. Из горы текла маленькая речка, ее тоже звали Батбах. Никто здесь не жил, — говорили, что нельзя жить. А сейчас на берегу этой речки новое колхозное село, около ста тридцати дворов, громадная шко-

ла-семилетка, клуб. И при каждом доме огород — бахши. А между прочим, до революции казахский народ даже не имел понятия, что такое картошка или помидоры. Четыреста гектаров посевной площади, десять тысяч овец, шестьсот коров, семьсот лошадей — вот это картина Батбаха в июне 1941 года.

Я люблю родной край, родную землю, люблю мой Батбах. Хочу купаться в речке Батбах... И я вам прямо скажу, товарищ Эренбург: я хочу жить после победы над врагом. Но когда жаркая схватка с врагом, я про все забываю. Меня волнует одна мысль: разбить, уничтожить палачей. Во мне кипит кровь. Простой маленький казах превращается в непобедимого громадного борца. После мне самому смешно...

Что такое жизнь? Это очень большой вопрос. Потому что каждый хочет жить, но смерть раз в жизни неизбежна. А тогда надо умереть, как герой, как Чапай, — тогда хотя бы наши вспомнят, что такой-то погиб в геройском бою с фашистами».

Это простодушное, глубоко человечное письмо справедливо говорит о силе нашего бойца. Что движет казахом Асхаром Лекеровым? Любовь к его краю, к пастбищам, к горной речке, к тому большому миру, который открылся для всех народов нашей родины после Октября. Бойца Асхара Лекерова ведет в бой также лютая ненависть: он знает, кто разлучил его с родными местами, с близкими; он зовет немцев палачами: это палачи нашей родины.

Родина говорит каждому бойцу: «Стой, держись — и ты победишь. Стойкие побеждают. Трусы гибнут. Родина будет жить — и ты будешь жить!» Асхар Лекеров любит жизнь, как любит жизнь каждый советский человек. Он не хочет умирать. Он ищет не смерти, но победы. И вот эта любовь к жизни позволяет нашим бойцам идти навстречу смертельной опасности. Может быть, последней мыслью бойцов, которые, обвязавшись гранатами, бросались под танки, чтобы преградить путь врагу, было: до чего чудесна жизнь!..

Асхар Лекеров пишет, что простой казах становится в священном пылу боя непобедимым и огромным. Это правда. Казах, или русский, или украинец — все они становятся одним непобедимым и огромным народом. Это позволяет нам отбивать атаки немецких танков. Это позволяет нам и теперь, в трудные дни нового испытания, сказать: наш народ непобедим.

18 июля 1942 года

Время

Военные неудачи в донских степях не должны скрыть от наших глаз величия нашего сопротивления. С шестидесятых годов прошлого столетия сначала Пруссия, потом объединенная Германия работали над созданием мощной военной машины. Немцы легко выиграли войну в 1870 году. Во время первой мировой войны против Германии сражались Россия, Великобритания, Франция, Соединенные Штаты, Япония, Италия. Германия в течение четырех лет одерживала военные победы, потом не выдержала и рухнула. Тотчас после капитуляции немцы начали готовиться к новой войне. Двадцать лет в кузницах Рура они ковали оружие для нападения. Началась вторая мировая война. Германия быстро уничтожила Польшу, завладела Скандинавией, ворвалась в Бельгию и в Голландию, поработила Францию. Англия ушла на остров. Немцы двинулись на Балканы. Их не остановили ни горы Греции, ни море. Они считались непобедимыми. Когда они напали на нас, английские и американские обозреватели спрашивали: «Сколько недель продержится Россия?»

Мы продержались тринадцать месяцев. Одни. И мы продержимся до нашей победы. Мы пережили много тяжелого, но мы нанесли врагу серьезные ранения. Против нас Гитлер двинул всех своих вассалов. Финны превратились в призрак: вся молодежь страны погибла. Опустела Румыния. Теперь Гитлер приволок из Венгрии десятки бригад, он привез из Италии свежее пушечное мясо. Как рабы в Древнем Риме, злосчастные солдаты десяти европейских государств идут под огонь в угоду Гитлеру. Заводы Германии, Бельгии, Голландии, Чехословакии изготовляют вооружение и боеприпасы для гитлеровской армии.

Весь мир говорит о стойкости и силе Красной Армии. Не только друзья — враги вынуждены признать, что красноармейцы сражаются с редкостным мужеством. Я не стану напоминать о наших зимних победах. Я только укажу, что беспримерная оборона Севастополя показала миру сущность нашего сопротивления. Сейчас наши части ведут исключительно тяжелые бои с врагом, который рвется к Сталинграду. Мы потеряли много дорогой нам земли, много городов и сел. Но наши бойцы, отходя, наносят тяжкие раны противнику, и настанет день, когда немцы, потеряв в наступательных боях десятки дивизий, дрогнут под нашим ответным ударом.

Передо мной письмо, его нашли несколько дней тому назад в Воронеже на убитом немецком солдате Дитере Фибиге. Он писал: «Мы ужасно страдаем от сорокаградусной жары. Как ты можешь себе легко представить, не все наши выдерживают, но мы надеемся, что война здесь скоро кончится...» Дитер Фибиг не дописал пи-

сьма: в Воронеже кончилась не война, но его жизнь. Не от солнца стало жарко немецким солдатам — от контратак Красной Армии.

В Баренцевом море наши лодки нападают на корабли противника. Наши летчики совершают налеты на далекий Кенигсберг. На всем фронте, от Воронежа до Мурманска, наши части в повседневных кропотливых боях точат армию неприятеля. Сильные вправе вслух говорить о своих недочетах. Война каленым железом выжигает из сердца народа слабость. Война — школа сильных. Страна дала Красной Армии прекрасное оружие. Страна дала Красной Армии миллионы отважных сыновей. Нужно выжечь из наших сердец все ненужное, все, что мешает победе, — и прежде всего беззаботность.

В мирное время беззаботность — свойство характера. На войне беззаботность — преступление. Когда-то говорили: «Гром не грянет, мужик не перекрестится». Давно нет у нас мужиков, а наши колхозники изучают биологию и химию. Но пословица еще жива. Об урожае нужно думать до сева, — о боях нужно думать в дни затишья. Плохая дорога в тылу — это плохая дорога к победе. Наступая, нужно думать об обороне; отходя, нужно думать о предстоящем наступлении. На войне тысячи случайностей, и поэтому на войне нужно все предвидеть. Война не только бои, война — это огромное хозяйство. Война требует от каждого настороженности, суровости, подобранности. Тишина на фронте чревата грядущими схватками. Не верь тишине! Если ты думаешь, что враг никогда не прорвется к этому поселку, сделай все, чтобы встретить врага перед поселком, в поселке и позади поселка. Если ты думаешь, что враг обязательно двинется дальше, сделай все, чтобы он не двинулся: на войне нет невозможного, на войне все решают находчивость и отвага.

Немцы живут по часовой стрелке. У них в мирное время дачный поезд отходил по расписанию — в 18 часов 28 минут 30 секунд. Когда мы победим, мы не станем ездить на дачу по секундам. Но теперь дело идет не об отдыхе — о войне. Каждый немец — машина, и, чтобы его разбить, нужна абсолютная точность. Если замешкается одна рота, она может погубить все, сорвать атаку, пропустить вперед врага. Будем воевать по минутной стрелке. Пустим на машину машину. Народ наш знает, что значит — опоздать: «Пошла по масло, а в печи погасло». Час промедления бывает смертельным для воинской части. Потерять час — это иногда потерять бой. Что необходимо для победы? Одни скажут — материальные ресурсы, другие — живая сила, третьи — хорошее вооружение. Для победы необходимо все. Но всего важнее для победы — время: не пропустить часа. По минутной стрелке должны жить артиллеристы. Сердце самолета — это не только мотор, это и часовой механизм. Каждый командир должен чувствовать время, как будто пе-

ред ним огромный циферблат. В этом — чудо координации, в этом и залог победы.

Беспорядок — это все равно что вражеский десант в тылу. Маленький беспорядок стоит большой жизни человека.

Связисты — регулировщики победы, от их точности зависит исход сражения. Связисту поручены нервы боя.

Командир должен знать свою часть, как свою семью. Командир должен знать свой участок, как садовник знает свой сад, — каждое дерево, каждую ямочку. От того, вовремя ли будут доставлены боеприпасы, зависит судьба подразделения. Война не только бой, война — это огромная машина. Один винтик, выпав, может остановить ход машины. Нужно все осмотреть, все проверить: на войне мелочи решают все.

Боец должен вовремя выполнить приказ, командир должен вовремя приказ отдать. Никто не вправе свалить с себя ответственность, сослаться на другого. Страшно, когда один думает, что за него решит другой; потерянный день — это брешь в обороне, и в брешь ворвется враг. Кто создает жизнь? Тот, кто дерзает. Дерзая, люди создали науку, цивилизацию, общество. На войне особенно важно уметь дерзать. Инициатива каждого — вот фундамент победы. Воюют не только автоматами или минометами — воюют головой. Наш народ — талантливый народ. О русской смекалке, находчивости, уме говорят все народы мира. Вспомним старые и все же живые слова: «Каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл». Молодой лейтенант, читая о Суворове, должен помнить: он может стать новым Суворовым. Не кинувшись в холодную воду, нельзя переплыть реку. Не рискуя, нельзя победить. Командир, продумывая план атаки, должен быть смелым, как орел, и хитрым, как змея.

Командир должен помнить, что он — душа своей части. Мы читаем в газете: «Бойцы подразделения старшего лейтенанта Клешнина ворвались в село и очистили его от немцев». Это — эпизод огромной битвы, это — деталь исторического полотна. Имя старшего лейтенанта Клешнина вошло в историю. Это имя передают по проводам все телеграфистки нашей страны. Это имя записывают стенографистки Англии, и его набирают наборщики Америки. Каждый командир должен понять всю свою ответственность, все величие своего поста. Нет у нестойкой части хорошего командира, нет у хорошего командира нестойкой части. Командир отвечает за каждого бойца: ему много дано, с него много и взыщется. Что такое рота? Это небольшое подразделение — и это целая армия. Рота может вырасти, как гора, между врагом и русским городом. Рота может стать непроходимой преградой, широчайшей рекой — в степи, там, где нет никаких преград. Рота может стать и воротами для врага: пожар начинается с искры. Успехи и неуспехи зависят от

каждого бойца, а у командира ключ к сердцу солдата. Большое дело танки, большое дело бронебойные ружья, большое дело вовремя и правильно вырытые противотанковые рвы. Но стойкая часть — это и танк, и противотанковое ружье, и глубочайший ров.

В мирное время каждый человек может быть средним человеком. На войне каждый человек обязан быть большим человеком. На войне люди растут с каждым днем. Красная Армия возмужала, выросла. Она должна вырвать из своей среды все недостатки, все недочеты. Красная Армия — это подвижник нашего времени, который вышел в бой, чтобы освободить миллионы беззащитных. Подвижник должен быть чистым, смелым и мудрым. От него зависит — жить или не жить России.

23 июля 1942 года

Русский Антей

Немцы озадачены мужеством защитников Сталинграда. Они философствуют: «Почему русские не капитулируют?» Газета «Берлинер берзенцейтунг» («Биржевая берлинская газета») пишет 6 сентября: «Поведение противника в бою не определяется никакими правилами. Советская система, создавшая стахановца, теперь создает красноармейца, который ожесточенно дерется даже в безвыходном положении. На том же исступлении построена советская военная промышленность, беспрестанно выпускающая невероятное количество вооружения. Русские сопротивляются, когда сопротивляться нет смысла. Они производят впечатление лунатиков, для которых война протекает не на реальной земле, а в мире воображаемых понятий».

Берлинские биржевики перемудрили. Каждый красноармеец знает, что война идет на земле, а не на бумаге. Война идет на нашей, русской земле. Для немцев степь — это поле сражения, и только. Мы знаем, что эта степь пахнет полынью, для нас эта степь — родная. Для немцев Сталинград — крупный населенный пункт, стратегически важный центр. А в Сталинграде живут наши родные, наши друзья. Мы гордились его домами, школами, заводами. Мы его строили в радости и в муке, как мать рожает дитя. Для немцев Волга — водный рубеж. Нужно ли говорить о том, что для нас Волга? Немцы увидели ее и равнодушно сказали: «Ага, большая река», а русские пять веков звали Волгу «матушкой».

Для немцев наши поля — «пространство». Для нас они — родина. Для немцев наши богатства — трофеи. Для нас они — наш пот,

наша кровь, наша история. Для немцев русские женщины — рабыни. Для нас они — наши жены, наша любовь, наша жизнь.

Немцы из «Биржевой газеты» удивляются: почему русские сражаются «в безвыходном положении»? Для русского нет безвыходного положения. Можно сравнивать равные величины. Можно сказать, что полк больше батальона, а батальон больше роты, можно взвесить различные снаряды, можно проверить толщину различной брони. Но нельзя сравнивать человеческое сердце с танком, человеческий мозг с минометом, человеческое мужество с бомбой.

Сержант Иван Бобрик пробрался в подбитый немецкий танк, стоявший вблизи переднего края противника. Он просидел там с телефонным аппаратом тринадцать суток: он направлял наш огонь. В танке сержант нашел пулеметное гнездо. Пулемета не было. Ночью Иван Бобрик вылез из машины: он решил найти немецкий пулемет. Он его нашел, прочистил, смазал, набрал патронов. На четырнадцатый день немцы догадались, где засел русский наблюдатель. Они двинулись на танк. Сержант их встретил пулеметным огнем. Немцы начали обстреливать танк из орудий. Иван Бобрик выбрался из машины и дошел до наших. Ночью он сказал: «Пулемета жалко», пополз к танку и принес немецкий пулемет с патронами. Иван Бобрик четырнадцать дней был в «безвыходном положении», но у него было мужество, и он нашел выход.

Радист Рувим Спринцон и три его товарища пять дней, без отдыха, без сна, без еды, окруженные врагами, направляли огонь нашей артиллерии. Когда немцы подошли вплотную к развалинам, где находилась рация, Рувим Спринцон спокойно передал: «Огонь на нас!» Казалось, выхода нет. Но немцы дрогнули под артиллерийским огнем. Рувим Сприпцон и три его товарища выбежали с автоматами, начали уничтожать немцев.

Самолет Бориса Голубева был сбит. Раненый летчик оказался в тылу противника. Четверо суток он брел к нашим. Он дошел. Его перевязали. Он попросил бумагу и написал дрожащей рукой: «Здравствуй, товарищ Сорокин. Пишет тот, кого вы потеряли 9-го числа. Задание выполнено. Машина сгорела. У меня перебита правая рука, обожжено лицо». Напускная храбрость декламирует. Но что возвышенней этих скромных слов: «Задание выполнено».

Наши наступали, но огонь противника был настолько яростным, что пехота залегла. Тогда артиллерист старшина Толстопятов крикнул своим друзьям: «А ну-ка!..» Их было двенадцать. Они прошли к проволоке, пробили проход, прорвались в расположение немцев. Старший сержант Решетов ворвался в дзот и повернул пулемет против немцев. Так двенадцать смельчаков разгромили штаб батальона. За ними пошла пехота.

Несколько наших разведчиков отправились за «языком». Заместитель политрука Куникбаев увидел трех немцев. Он посмотрел,

кто из них командир. Двух солдат Куникбаев застрелил, а немца с петличками вытащил из дзота. Прибежали другие немцы. Куникбаев дрался ногами — руки у него были заняты. Он приволок немца, и немец, очухавшись, вытащил папиросы: «Битте... битте... пожалуйста...» Куникбаев папирос не взял, ответил: «То-то, знаем сами, что биты, и еще не так бить вас будем...»

Это — будни боя, это то, о чем не пишут в сводках, это повседневное мужество наших бойцов. Могут ли понять берлинские биржевики, что такое русское сердце! Они в недоумении смотрят на дымящиеся развалины домов. Почему к этим развалинам не подходят бравые фрицы? Почему не развевается паучий флаг над Сталинградом? Но там — не только камни, там люди. И люди сражаются: это — русские люди. Любовь к родине разлилась, как река в половодье, затопила все. Уже нет отдельной судьбы человека. Есть только судьба родины. Жизнь бойца неразрывно связана с сотнями дружеских жизней, и все они — это жизнь России. Припадая к земле, русский Антей находит новые силы, и он встает, он идет на врага, Антея не сразить. Немцы дошли до Волги. Немцы хотят нас схватить за горло. Но для нас нет «безвыходного положения». У нас есть выход — один, но верный: перебить немцев. И мы их перебьем!

20 октября 1942 года

Казак и фрицы

Я получил письмо от старшины Николая Кочергина:

«Я — казак, уроженец Сталинградской области, Нижне-Чирского района, хутора Ново-Максимовской. Горько мне, что я теперь не на Дону! Но мои земляки-казаки сейчас в полном смысле слова на месте, — как говорится, казак на коне. Меня воспитал флот, но искорка к коню не гаснет — горит. Порой, глядя на торпедный катер, вспоминаю резвого, поджарого дончака....

Но родина моя не только Дон. Родина моя — и солнечный Кавказ, и Дальний Восток, и степи Украины. Моя родина и Карелия, где я сражаюсь.

Моя мать жила в маленьком городке Ворошиловградской области. Немец оккупировал город. Не знаю, осталась ли моя мать там и жива ли? Если осталась, жива не будет, — у нее мой портрет на стене в увеличенном виде. Я снят в полной форме моряка. Она не спрячет портрет и не уничтожит, на это моя мать никогда не пойдет. Ручаюсь головой, что мать, если попадет к ним, не смутится.

Мой родной уголок в донских степях немец занял...

Была у меня девушка замечательная — в хуторе, недалеко от Клетской. Учительницей была. Где она теперь, не знаю. У меня нет связи ни с кем из родных и друзей. Не одинок я лишь в кругу товарищей. У меня боевые друзья, у них на счету много уложенных фрицев.

Хочу вам еще сказать, что у меня на Дону осталась племянница Нина. Я знаю немца. Эта заразная падаль вырывает крошку из рук матери. У него, у черта, нет, что ли, детей, а если есть, то какие у него чувства? Если бы я знал, что стало с Ниной?

Я — разведчик. Мне часто приходилось иметь дело с этими «героями» — фрицами. Они себя называют «победителями Нарвика», а они — трусы. Наши бойцы не такие. Если немец ведет разведку усиленной ротой, наши бойцы зря не палят, они подпустят немца на пятнадцать метров и бьют наверняка. Немец — трус, как заяц. Немец боится одного шевеления наших бойцов.

Немец, говоря по-флотски, быстро скисает. Недавно мы устроили засаду, захватили почтальона и еще одного фрица. У «бравого арийца» язык отнялся, он совершенно сварился, как куренок. Потом видит, что с ним обращаются по-людски, и бахнул: «Нельзя ли у вас достать девчонку подешевле»? Мы от такого нахальства шарахнулись. А он ни черта, смотрит оловянными своими бельмами и ждет ответа. Мы ему ответили по-настоящему. Он опять струсил, заикаться стал, ноги у него отнялись. Вот такие они все — нахальства много, а в душе он трус...»

Раскусил русский казак немецкую душу: шкодлив немец и труслив. Если дать немцу волю, он не то что Европу, он и солнце с луной засунет в карман. Он гору облает, не то что человека. Он считает, что он первый в мире, — до первого тумака.

Один пленный мне заявил: «Мы, немцы, никого не боимся, кроме бога». Потом он завял и совсем другим голосом начал лопотать: «В бога я не верю, а русских очень боюсь». Другой фриц мне сказал: «Я боюсь только красной артиллерии». Третий: «Я боюсь темноты». Четвертый: «Мне страшно в лесу». Пятый: «У нас солдаты очень боялись ваших бомбардировщиков. Только услышим гудение, кричим: «Иван прилетел».

Великие чувства воодушевляют русского казака. Он горд за свою мать. Он скорбит о родном крае. Он хочет освободить любимую девушку. Он хочет защитить маленькую Нину от немецких убийц.

Кто против него? Подлец, мечтающий в плену «достать девчонку подешевле», а на воле насилующий русских девушек. Мелкая, трусливая душонка!

26 августа 1942 года

За жизнь

Есть в русской природе, в наших бурных, ошеломляющих веснах, в ширн, в бескрайних степях и непроходимых лесах пафос жизни, преодолевающей смерть. В истории России много тяжелых страниц, но и они озарены глубоко человеческим чувством. Солнцем древней Эллады залиты луга Киевской Руси, ее мудрые уставы, ее хороводы, классические пропорции ее зодчества. Когда Орда разрушила светлый дом русского народа, когда завоеватели пировали на телах русских женщин, в великой скорби нашего народа рождалась заново воля к жизни. Заря Куликова поля занималась над пленной, но живой землей. О жизни твердил вечевой колокол Новгорода. Окно, раскрытое Петром, было окном в Европу и окном в жизнь. В глухие октябрьские ночи миллионы и миллионы ринулись к счастью, к знанию, к человеческому достоинству. Революция была не только жестокими боями и суровым строительством, революция была также глобусом в руке вчерашнего кочевника, тульскими крестьянами в крымских санаториях, парками культуры, библиотеками и стадионами, бодростью, смехом, молодостью. Говорят, что характер народа сказывается в самых значительных произведениях национального гения. Поэзия Пушкина и «Война и мир» звучат как великое утверждение жизни.

Наши юноши были веселыми и пытливыми. Их отличали жажда знания, целомудренная страстность, суровая нежность. Привязанность к подлинной жизни позволяет им спокойно смотреть в глаза смерти. Это не аскеты, они любят жизнь, они любят ее так сильно, что жертвуют своей личной жизнью ради утверждения жизни.

В мирное время отвага бывает свойством человека, врожденным талантом. Можно быть хорошим ученым или отменным слесарем, боясь мышей или пауков. Но война — чрезвычайное состояние как народов, так и людей. Война исключает возможность ста или хотя бы двух выходов. Вторжение немцев — это вторжение смерти. Если мы не уничтожим немцев, немцы уничтожат нас. Не будем говорить о героях: пылающее сердце, как факел, освещает путь героя к бессмертию. Но есть ли выбор у малодушного, у шкурника, у так называемого обывателя? Нет, перед лицом смерти и он должен стать храбрецом: если он не отобьет смерть, смерть заберется к нему в дом, возьмет сначала его добро, а потом его душу.

Тысячи актов, составленных горожанами и крестьянами в освобожденных от немцев районах, рассказывают о зверстве чужеземных пришельцев. Но есть нечто страшнее расстрелов и виселиц, — это организованное, аккуратное умерщвление немцами покоренных ими народов. Гитлер убедил своих жадных и тупых верноподд-

данных, что немцам мало Германии, что пруссакам и баварцам нужна вся Европа — от Атлантики до Урала, что только люди немецкой крови способны управлять миром. Немцы называют себя «народом без пространства». Они пришли в заселенные, возделанные страны, и они очищают для себя «пространство» — сначала бомбами и массовыми казнями, а потом медленным, методичным уничтожением миллионов людей.

Немцы гонят эльзасских виноделов в северную тундру, голландских рыбаков они перебрасывают в Полтавщину. Крестьянин для них — единица статистики. Они знают, что человек не выдерживает насильственной пересадки и что поселки переселенцев быстро превращаются в кладбища. Это входит в замыслы Гитлера. Немцы мечтают «об уменьшении народонаселения России на тридцать — сорок процентов» — так пишет немецкая газетка «Ост-фронт».

Что должно стать с уцелевшими? Они превратятся в крепостных. Немцы теперь вывозят в Германию жителей Украины, Белоруссии, захваченных ими русских областей. В Германии рабы должны носить на рукаве позорную повязку с буквой «О» («остарбейтер» — «рабочий из «восточного пространства» — эту кличку немцы дали захваченной ими части Советского Союза). Молодых женщин и девушек немцы выдают похотливым чиновникам гитлеровской партии; в бумагах пишут: «Прислуга за все». Рабов кормят отбросами, и один немецкий фермер жалуется, что русские рабы съели месиво, предназначенное для свиней.

От исхода этой войны зависит не только существование нашего государства, но и существование каждого отдельного гражданина, его жизнь или смерть.

У людей, присужденных к каторге, предусмотрительно отбирают все, что может способствовать самоубийству. Есть жизнь, которая недостойна того, чтобы ее называли жизнью: прозябание в немецком плену, когда чванливый, гнусавый пруссак с плеткой в руке издевается над беззащитной жертвой. Жизнь, которая ожидает каждого уроженца нашей страны в случае победы немцев, воистину хуже смерти. Но мы думаем не о самоубийстве, а о самозащите: мы достаточно сильны, чтобы уничтожить немцев.

Любовь к жизни делает нас стойкими в часы смертельной опасности. У каждого бойца где-то остались близкие ему люди: жена, дети, старая мать, или любимая девушка, или добрый друг. Идя против смерти, боец защищает жизнь близких ему людей. Боец защищает жизнь родины, ее прошлую славу и ее надежду, ее могилы и ее колосья. Один скажет себе: «За Советский Союз», другой: «За Россию», третий: «За Алтай», четвертый: «За наше село Русский Брод», пятый: «За Наташу», — но все они чувствуют одно: в это грозное лето они защищают родину и родных от немецкой смерти.

В этом разгадка нашего сопротивления, над которым ломают себе голову иностранные обозреватели.

Недавно французские патриоты, продолжающие борьбу против захватчиков, приняли наименование «Сражающейся Франции» (France combattante). В 1939 году Франция еще была великой державой. Она находилась в состоянии войны с Германией, но она не сражалась. Она была не France combattante, но только — France belligerente. Она хотела победить, ничем не рискуя, со страховым полисом в кармане. В этом — причина ее разгрома.

Россия не уклонилась от боя. Когда враг напал на наши мирные города, народ возмутился. Он пошел на все жертвы. Тринадцать месяцев мы одни сражаемся против Германии и ее вассалов. В этой войне мы многое потеряли, но мы сохранили главное: единство, волю, решимость.

Перед нами сильный и упорный враг. Может быть, наивные люди в глубоком тылу еще недавно думали, что немцы побиты. Немцы получили зимой только первый суровый урок. В декабре они наспех примерили свое грядущее поражение. Тогда дороги у Клина, у Ельца, у Калуги были загромождены брошенными немецкими танками, орудиями, грузовиками. Но немцы работали полгода, чтобы пополнить материальную часть своей армии. На немцев работали заводы всех захваченных ими стран. Теперь Гитлер бросил тысячи новых танков на наши южные степи. Из Франции, из Бельгии, из Италии, из Польши, из Венгрии Гитлер вывез миллионы рабочих, и все немцы, способные держать винтовку, отправлены на советско-германский фронт. Враг грозит Сталинграду. Он рвется на Кубань.

Старший лейтенант Морозов пишет мне: «Мы излечились от сладостных иллюзий, что «немецкий народ проснется и поймет». Невелика ему честь, если он «проснется», увидев свое поражение. Немецкие олухи еще верят своему бесноватому фюреру. Конечно, зима оставила в сердце немца горький привкус, но гитлеровский солдат не способен задуматься ни над целями войны, ни над будущим Германии. Он воспитан для того, чтобы не думать. Это автомат. Его нельзя переубедить, слово над ним не имеет власти, он чувствителен только к доводам силы, к снарядам и пулям. Что движет им, кроме слепого повиновения? Голод и страх.

Для немецкого солдата война — заработок: он зарабатывает грабежом хлеб для себя и для своего выводка. Он не считает, что он грабит; даже штанишки, снятые с убитого им русского ребенка, он в письме к жене именует «трофейными». Теперь немцы прорвались в еще не разграбленные ими цветущие земли Дона. Они ожили от разбоя. Голод, алчность, азарт разбойника ведут в атаку немецкую орду.

Но будет парадоксом сказать, что страх придает немцам смелость. Как-то зимой три бойца провели мимо меня пленного немца. Немец обратился ко мне с неожиданной просьбой: «Нельзя ли удвоить конвой?» — и в ответ на мое недоумение пояснил: «Я боюсь эксцессов со стороны женщин». Этот танкист, разоривший десятки сел от Луары до Подмосковья, испугался баб: он знал, что он наделал. Немцы знают, что они наделали не только у нас — в десяти странах Европы. Они боятся и наших колхозниц, и парижанок, и норвежских рыбаков, и пастухов Эпира, и крови Сербии, и пепла Лидице. Немцы боятся возмездия, которое с каждым днем становится все тяжелее и неотвратимее. Они ищут победы, чтобы избежать расплаты. Они хотят взобраться на трон властителя мира, чтобы не оказаться на вульгарной скамье подсудимых. Они будут отчаянно драться до того часа, когда остановится военная машина Германии, разболтанная и поврежденная годами войны.

Можно ли сопоставить те высокие чувства, которые расширяют сердца защитников нашей родины, с низкими побуждениями немецких захватчиков? Враг идет за краденым салом. Мы защищаем колыбели наших детей. Враг идет, чтобы захватить чужую землю, какое-то «пространство». Мы защищаем самое дорогое — поля, которые нам знакомы, как лицо матери, нашу историю, наш язык, наше будущее. Мы должны победить в этой беспримерной жестокой борьбе. Нужно только понять, что враг не мешкает, что время не ждет, что теперь в смертельной опасности и жизнь нашей страны, и жизнь наших близких. Забудем обо всем, кроме одной мысли, одной страсти: спасти Россию, спасти родину.

29 июля 1942 года

Жить одним

Немцы жили войной задолго до войны. Люди глубоко штатские связывали свои начинания с предстоящей захватнической войной. Владелец парфюмерной фабрики думал не только о новой марке духов, но и о химических батальонах. Молодые спортсмены из Шпрее толковали о преодолении водных рубежей. Археологи где-нибудь в Греции проявляли неожиданный интерес к аэродромам. Учебники истории, даже математики, даже астрономии, были переписаны заново, дабы внушить немецким подросткам идею захвата мира.

Издавна люди влюблялись, страдали, радовались, сходились, но для Германии любовь стала подготовкой к мобилизации. Циркуляр верховного командования германской армии деловито одобрял

сожительство, указывая, что «каждый мальчик, родившийся в 1940 году, будет к 1960 году хорошим солдатом».

Немецкие военные жили одним: войной. Четверть века они обсуждали, применим ли план Шлиффена ко второй французской кампании. Они напоминали пойнтера на стойке.

Автоматизм каждого немца облегчил задачу правителей Германии. Если трудно из живого человека сделать винтик или гайку, нетрудно из отдельных винтиков, гаек, колесиков составить большую машину. Когда видишь гитлеровского солдата, не верится, что это человек, кажется, что он вскормлен не на материнском молоке, но на машинном масле.

Машина, подготовлявшая войну, стала машиной войны. Свыше тысячи дней эта машина кромсает людей, уничтожает города, опустошает нивы. Красная Армия расшатала немецкую машину, но машина еще держится и работает. Машина будет действовать, пока под нашими ударами она не остановится. В 1918 году немцы за три месяца до капитуляции успешно наступали. Люди могут воевать лучше или хуже. Машина идет вперед тем же ходом, пока она не становится ломом.

Мы должны уничтожить немецкую машину. Для этого мало храбрости, мало стойкости, для этого нужно упорство, скажу больше — одержимость, неистовство, исступление.

Русский человек по природе своей человечен. К нему применимо определение древних: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Его всесторонность, его широта нашли свое выражение в русской литературе, которая понятна людям самых различных культур. Узкая специализация нам претила, и торжество мастера мы связывали с гармоничным развитием человека. Для нас жизнь была не тесной комнатой, но миром, который не обойдешь и до смерти. Наши инженеры или химики увлекались яровизацией пшеницы, полетами в стратосферу, поэтикой Маяковского. Наш человек не винтик машины, и свое человеческое первородство он не продал за чечевичную похлебку лжекомфорта.

Однако теперь настали грозные дни. Войну, которую ведут против нас немцы, они называют тотальной. Немецкое государство ведет войну не только против нашего государства, но и против каждого из нас. Это — организованное и тщательно подготовленное покушение на самое существование России, всех ее народов, всех ее сыновей; у крестьянина немцы отнимают землю, у старухи лежанку, у ребенка букварь.

Мы перевели нашу промышленность на военный строй. Мы должны перевести наше дыхание на иной счет, переменить ритм сердца. Мы должны найти в себе то исступление, которое позволит нам разбить немецкую машину. Этого требует и гражданская зрелость, и простейший инстинкт самосохранения.

Прежде бывали войны, которые вели армии, а народы продолжали жить привычной жизнью. Теперь не только немцы, но и все люди захваченных немцами стран живут по указанию германского командования. Их труд направлен на наше порабощение. Французские рабы изготовляют танки, сидя в которых итальянские солдаты уничтожают казацкие станицы. Датские рабы выращивают коров для немецких офицеров, и норвежские рабы ловят треску для венгерских наемников. Есть только один способ сокрушить эту гигантскую машину: противопоставить ей ожесточенный труд нашего народа. Мы должны забыть обо всем, что не служит войне, что не ведет к победе. Придет час — мы вернемся к лирике, к усложненным чувствам, к раздумьям, к внутреннему миру человека, к воспитанию нового и лучшего поколения. Сейчас мы отстаиваем жизнь детей, плоть родины, землю. Всесторонность сейчас — это беспечность. Есть люди, которые вздыхают, прочитав сводку, а потом возвращаются к своему обособленному существованию. Между тем военная сводка относится лично к каждому из нас: от сводок зависит, будем ли мы жить. Война должна заполнить жизнь человека и в глубоком тылу. Нужно забыть о самом понятии «тыл» — тыла на такой войне нет. Рабочий у станка — тот же боец, он не штампует железо — он штурмует Германию. Колхозницы, убирающие хлеб, идут в атаку. Победа зависит не только от командиров, не только от бойцов, но от каждого гражданина.

В мирное время у рабочего могут быть подъем, паузы, срывы. Он может думать о семейном уюте, о своем гармоничном развитии, о музыке или о прогулке. Теперь он идет в строю. Работа теперь — битва. Он защищает себя, своих близких, родину.

Мы должны стать на время войны однодумами, иначе мы не побьем немцев и не отстоим всесторонней, пестрой, многозвучной жизни. Мы должны теперь отстранить все мысли, все чувства, кроме одного: уничтожить немцев. Тыл должен жить той же страстью, что и фронт. Ведь на фронте сражаются люди различных профессий. У каждого позади свое дело, свои увлечения. Людмила Павличенко изучала историю, а Федор Чегодаев любил лошадей, но на фронте они отдали себя одному: они стали образцово убивать немцев. Так должны жить люди и в тылу: если я могу помочь чем-нибудь армии, значит, мой день оправдан. Если я буду работать сегодня еще более ожесточенно, нежели вчера, оправдана моя жизнь.

Что такое в дни войны беспечность? Это неумение сосредоточить все мысли, все чувства на одном. Человек думает: «На Кубани наши отступили», но вот очередная мелочь отвлекает его от священной тревоги: он увидел людную улицу, залитую солнцем, или прочитал рассказ о мирном времени, или поиграл с ребенком, и ему начинает казаться, что все уже не так страшно, что спасение придет само собой и что спасение неминуемо. Он беззаботен, пото-

му что он рассеян. В одном из городов, недавно захваченных врагом, немцы забрали безработного гражданина, который у себя в кабинете составлял график концертов на сентябрь. Этому чудаку удалось убежать от немцев, которые вели захваченных рабов на каторжные работы. Устроитель концертов говорит: «Знай я раньше...» Он поздно понял цену беспечности.

Чтобы разбить немцев, мы должны железом выжечь благодушие, предать анафеме успокоенность, создать такой климат мужества, самоотверженности, ожесточения, чтобы даже «человек в футляре» забыл об исходящих и стал исступленным. Да, можно и бумаги составлять неистово, как будто кидаешь гранаты. Для этого нужно понять, что воюют все. Мы хотим жизни широкой, всесторонней, всеобъемлющей и поэтому мы должны воевать исступленно, отказавшись от пестроты мирного времени, превратившись в однодумов. Во имя свободы мы должны стать дисциплинированными солдатами, подчинить все свои часы приказу родины.

Убивают немцев не только на фронте. Убивают немцев все доблестные дети России. Крестьянки, собирая колосья, режут голову немцам. Работницы, которые ткут сукно для наших бойцов, ткут саван Германии. Машинисты, которые ведут тяжелые составы в Казахстане, убивают немцев — хлебом, нефтью, хлопком. Женщины, которые ухаживают за ранеными, которые окружают заботой семьи бойцов, которые стирают солдатское белье или нянчатся с сиротами, делают то же высокое дело: убивают немцев.

Забудем про все на свете, кроме одного: убить немцев. С этим начнем день, с этим его кончим. Пусть это станет страстью, обетом, ненасытным желанием. Прочь половинчатые чувства, не с ними мы отобьем смерть. В древности, когда подходила к стенам города смертельная опасность, люди били в набат или разводили костры. Кто не слышит орудий? Их голос доходит до Сибири, доходит лязг немецких танков, грохот немецких автоматов. Не костры горят — нефть Майкопа, и на Урале люди видят отсвет. Пусть каждое наше слово будет набатом, каждый взгляд — костром тревоги. Мы ценим мирную жизнь. Забудем о мирной жизни. Ни жалоб. Ни вздоха. Ни промедления. Пусть одна страсть жалит нас, жжет сердце, как уголь: убить немца, убить немцев, победить.

21 августа 1942 года

Высокое дело

Я получил письмо от старшего сержанта Тихона Ивановича Тришкина:

«Я работал слесарем на Подольском заводе. Был счастлив. Во время войны с Финляндией пошел добровольцем на фронт. По возвращении женился и радовался жизни. Но вот напали на нас проклятые немцы. Младший братишка Коля жил со мной. Коля пошел на фронт. Я ему сказал на прощание одно: «Люби народ и люби родину». Он, наверно, погиб, от него нет слуха. Меня завод не пускал на войну. Но вот подошли к Москве немцы. Я первым пошел в рабочий полк. Люба была беременна. Она заплакала. Я ей сказал: «Люблю тебя, моя Люба, но еще больше люблю родину и Сталина». Мы, рабочие-подольчане, сражались, как должны сражаться русские люди. Многие мои товарищи погибли, но мы шли вперед и освобождали родную землю от гада. Моя жена Люба писала мне: «Тиша, я родила и очень крепко болела и чуть не умерла на квартире. Ко мне никто из завкома не пришел, чтобы помочь». Я ей дал ответ: «Люба, я, пока жив, буду уничтожать немцев, буду до последней капли крови драться за родину. Люба, а ты кого-нибудь попроси, чтобы сходили в завком, оказали помощь и тебе и ребенку». Вот жена мне пишет: «Мне и дочке Тамаре не дают карточек. Я пошла к Сапожкову, а он не хочет даже разговаривать. Я ему говорю, что у меня муж проливает кровь за родину, а ты не хочешь дать ребенку карточку. Тиша, почему у людей каменное сердце?» Я ей ответил: «Люба, потерпи. Я тебе помогу». Я написал рапорт комиссару нашего полка. Комиссар написал справку. Но Сапожков даже не стал читать, говорит: «Здесь я хозяин, а не они». Мы здесь думаем об одном, как бы разбить проклятого немца, а вот сидит в тылу такой Сапожков и ничего этого не чувствует...»

Чувство любви к родине и ненависть к врагу воодушевляют людей советского тыла. «Смерть немцам», — повторяют рабочие Урала, подавая фронту оружие. «Смерть немцам», — говорят колхозницы Сибири, подавая бойцам хлеб. Дни и ночи девушки Челябинска стоят на боевом посту, и, читая о немцах, раздавленных нашими танками, они вправе сказать: «Мы приложили к этому делу наши руки».

Однако есть в нашем тылу люди, которые еще ничего не поняли. Они защищены от тревоги, от любви, от гнева непроницаемой шкурой себялюбия. Огонь, которым объята наша страна, не выгнал этих чиновных барсуков из норы. Любовью окружают люди нашей страны семьи бойцов и командиров. Я знаю узбекских крестьян, которые просили, как о высшем счастье, о праве выходить больных детей Ленинграда. Я знаю куйбышевских рабочих, которые уступали свои койки женам и детям бойцов. Жена защитника Сталинграда, дочь танкиста, мать сапера — что может быть выше этих слов? Но вот старший сержант Тришкин пишет о своей обиде. Но вот в одном городе чиновники не хотят помочь эвакуированным се-

мьям бойцов, в другом — жилищный отдел — это какой-то неприступный дот, в третьем — секретарь горсовета не думает о детях фронтовиков. Есть у нас еще слепые и глухие. Эти знают одно: номера исходящих и завитушку своей чиновной подписи. Пора им напомнить, что кровь фронтовика тяжелее канцелярских чернил.

Миллионы и миллионы советских людей в тылу горят одним желанием: облегчить, украсить жизнь жен, родителей, детей фронтовиков. Поддержать мать командира, помочь жене бойца — это высокое и благородное дело. Это значит подать патроны старшему сержанту Тихону Ивановичу Тришкину. Это значит помочь Красной Армии освободить родину.

16 октября 1942 года

Четверо

На войне дни радости сменяются днями тревоги. Как бы ни был закален, обстрелян человек, его сердце болит, когда приходится отдавать врагу клочок земли, оплаченный кровью лучших. В такие минуты человек ищет душевной опоры. Можно найти поддержку в глубоких мыслях о прошлом нашей страны. Можно найти ее и в карте — в величине нашего государства, в богатстве противников Гитлера. Но ничто так не укрепляет нас, как зрелище русского мужества. Не золото, не железо, да и не версты решают — человек.

Мы знаем силу Германии, выучку ее генералов, исполнительность ее солдат, оборудование ее заводов. Мы знаем, что немцы — в Париже, в Афинах, в Осло. Мы знаем, что немцы были на Волге и что они на Донце. Но сила Германии не может вызвать уважения: это сила машины. Взятый в отдельности, немецкий солдат малодушен и достоин презрения.

Это было в Ростовской области. Немцы отступали. Они оставили заслон в деревне Ново-Спасовка. Двадцать восемь немцев, во главе с обер-лейтенантом Гербертом Подлисом, должны были во что бы то ни стало задержать продвижение нашей части. Немцы занимали выгодное положение. У них были два пулемета, автоматические ружья, гранаты. Они замаскировались в бурьяне.

17 февраля связист Ласточкин случайно напал на засаду. Он подозвал ветфельдшера Козлова и ефрейтора Бельцова: «Немцы!..» Козлов и Бельцов повернули к бурьяну. Немцы начали стрелять, убили лошадь Козлова. Подоспели три артиллериста, гвардейцы Лазарев, Кочейкин и Заряжко. Завязался бой. Пять немцев были убиты. Тогда обер-лейтенант и двадцать два солдата подняли руки. Они сдались шестерым русским, двадцать три немца с двумя пуле-

метами, с солидными автоматами и с заячьими сердцами. Они знали, что германское командование рассчитывает на них: «задержать продвижение русских». Но много воевавшие, много грабившие и много измывавшиеся над беззащитными, они не умели одного — стоять до конца.

Может быть, им поставят памятник на берлинской «аллее побед»? Может быть, доктор Геббельс напишет статейку о «германской отваге» обер-лейтенанта с красноречивой фамилией Подлис?

Рядом с деревней Ново-Спасовка находится хутор Большой Должик. Вернее сказать — находился: немцы сожгли почти все дома. 12 февраля наши войска освободили этот хутор. Вот что рассказывает жительница хутора Екатерина Весовая:

«Прошлым летом было... Наши тогда отходили. За хутор шел бой. Около нашей хаты, вон на том бугорке, находился пулемет. Оттуда наши стреляли в немцев.

22 июля немцы вошли в хутор, целый батальон, но они никак не могли подойти к бугорку, а им нужно было выйти на дорогу. Немцы начали бить из орудия. Долго они стреляли, и все мимо. Потом снаряды стали падать ближе. Один попал в наш сарай. Но пулеметчики не уходили. Мы-то знали, что они не уйдут: они раньше говорили, что есть приказ — прикрывать. Их было трое, и девушка с ними была — санитарка, веселая, красивая. Двое стреляли, третий таскал патроны, его звали Напивков, он родом из Сталинградской области. Они не подпускали немцев к дороге.

Видим мы, снаряд прямо туда попал... Немцы подошли. Двое, которые стреляли, лежат мертвые. Напивков — раненый, и санитарка тоже тяжело ранена была.

Напивкова немецкий офицер сразу пристрелил. Мы стали кричать, чтобы они девушку не убивали, хотели ее перевязать. Но офицер нас отогнал. Мы далеко не ушли, смотрим, что дальше будет. Офицер подошел к ней близко и стал целиться. Она смотрела то на нас, то на офицера, а больше всего смотрела прямо на пистолет. Немец долго целился, но не выстрелил, опустил руку. Усмехнулся — думал, что она попросит пощады, хотел унизить. Она над ним засмеялась. Приподнялась, упираясь на левую руку, и сказала: «Мерзавцы, дайте мне пистолет». Она была вся в крови. Офицер дал ей пистолет. Она собралась с силами, поднесла пистолет к правому виску и выстрелила. Мы все плакали.

Через полчаса она умерла. Мы их похоронили на том самом месте, откуда они стреляли в немцев. Я нашла у девушки фотокарточку и вот эту бумажку...»

Я гляжу на фотографию — хорошее, открытое лицо. Анкетная справка: Бадина Вера Степановна, санинструктор, год рождения 1913, город Нью-Йорк; семья проживала в Минске.

Что добавить к рассказу Екатерины Весовой? Три пулеметчика и девушка-санитарка не подпускали к маленькому бугорку батальон немцев. Это не обер-лейтенант Герберт Подлис. Четверо знали, что приказ есть приказ. Они знали и другое: родина есть родина. Они погибли в дни отступления, но жители хутора Большой Должик знают, что четверо храбрых помогли нашим вернуться. Так бугорок на хуторе стал одной из святынь России.

Мы часто читаем слова «презрение к смерти». Они могут показаться формулой, литературой. Но вот девушка Вера. Обливаясь кровью, она смеялась над палачами: она воистину презрела смерть. Она родилась далеко от родины — за океаном, но в груди ее билось русское сердце. Она, наверно, любила жизнь: у нее ласковые глаза. О ней говорят: «веселая была»... Она не оставила своего поста, не оставила товарищей. Как она жила до грозного часа? Кто она? Не знаю. Девушка. Санитарка. Вера Бадина. И каждый невольно добавит: героиня.

«Нам трудно победить, — сказал мне один пленный немец, — потому что у вас много людей и большая территория». Он думал по-немецки: он считал. Мы скажем: нас нельзя победить, потому что четверо русских сильнее смерти. Нас нельзя победить, потому что каждая пядь нашей земли — это тот бугор, за который сражались четверо.

28 марта 1943 года

Русская мать

Мать бойца Григория Смирнова проживает в Сталинградской области. Старая женщина узнала, что сын ее отличился в боях. Она прислала ему письмо. Я приведу это письмо матери, не изменив его своеобразного чудесного языка:

«Здравствуй, сыночек мой, милый и родненький Гришенька! Шлю я тебе материнский привет и целую крепко и несколько раз. Еще шлют тебе привет Миша и Володя и также целуют тебя несколько раз.

Гришенька, сынок, я письмо твое получила, и когда стала читать и увидала тебя и твоего товарища, и стала тебя, Гриша, целовать и радоваться; и плачу, и прижимаю к своему больному сердцу, и радуюсь, что ты заслужил такую благодарность. Я очень, очень рада, что ты служишь хорошо, и бей врага до победы, гони его с нашей земли. Он и до нас добрался и нам не дает спокоя. Но наши бойцы дают ему отпор, и он улетает без оглядки. Уже несколько аэропланов наши сшибли. Чего я, Гриша, не слыхала, а под

старость пришлось мне услышать, Гриша, — стук орудия. Мне было вперед трудно и страшно, но теперь привыкла, остервенилась и говорю: было бы можно, пошла бы на врага, так он мне надоел. Но, конечно, остарела да и нет здоровья.

Гриша, Коля Глухов тоже в армии, его дома нет. А Фиростова Василия взяли, и он убежал из армии и скрывался где-то, но его нашли и дали ему смертельный отпуск. Таких негодяев надо убивать. У нас только одни военные, а ребят нет — все защищают родину. Но и наши здешние бойцы, спасибо им, нас охраняют.

Гриша, шлют тебе привет тетя Дуся и Нина. А Нина стала барышней; очень хорошая, скромная, умная девушка. Вот напиши ей письмо, если будет время. До свидания, Гриша! Целует тебя много раз твоя мать».

Писатели всех народов и всех времен описывали любовь матери. Мать не забудет, не изменит, мать ждет. Любовь к сыну — в каждой строке старой крестьянки Смирновой. Эта любовь слита с другой: с любовью к родной земле. Так воскресают образы мужества древних, так мы видим скромную, добрую женщину, с больным сердцем, которая благословляет сына на ратный подвиг.

Стало страшно старой женщине, когда она впервые услышала грохот орудий и увидела в небе самолеты. Но быстро она совладала со страхом. Она живет близ фронта, трудится, пишет письма сыну. Она нашла замечательные слова о немцах: «надоел». Правда, надоел нам немец, так надоел, так опостылел, что и старуха рвется в бой.

Когда говорят о величии русской женщины, часто вспоминают молодых героинь, сражающихся в армии, санитарок, связисток, партизанок, Зою Космодемьянскую. Крестьянка Смирнова не воюет: «остарела». Но разве не свидетельствует ее письмо о величии русской женщины, с лицом добрым и суровым, с материнской заботливостью и с подлинным самозабвением? Каждый из нас гордится русской женщиной, для каждого из нас Смирнова — родная мать. Ее старость потревожили проклятые немцы. Сын ответил матери ласковым письмом. Россия ей ответила наступлением: немцев отогнали от села, где живет Смирнова. Ей вернули покой. Но сколько старых русских женщин еще живут в смертной муке под немецким игом? За них мы воюем, за наших матерей.

9 декабря 1942 года

Дело наших рук

Между двумя боями при тусклом свете коптилки лейтенант изучает чертежи, сопровождающие статью «Уроки одного боя». Конечно, легче учиться в академии. Но выбора нет: мы должны менять части машины на ходу, учиться в блиндажах, перестроить многое в нашем сознании под сопровождение музыки боя или среди ожесточенной работы тыла.

Помню, несколько лет тому назад зашел я в одно учреждение и ушибся о стол. Секретарь меня успокоил: «Об этот стол все расшибаются». Я спросил: «Почему не переставите?» Он ответил: «Заведующий не распорядился. Переставлю — вдруг с меня спросят: «Почему это ты придумал? Что это означает?» Стоит и стоит — так спокойней...» У нас всех синяки от этого символического стола, от косности, перестраховки, равнодушия.

Человек, который, пожимая плечами, говорит: «Это меня не касается», — слепец. Все теперь касается всех.

Человеческие возможности безграничны. Можно пролежать жизнь на печи, и можно в один месяц перевернуть мир. Под Сталинградом тридцать три бойца остановили семьдесят танков. А ведь бывало, что триста тридцать бойцов убегали от семи танков. Все зависит от человека, от его мужества, от его находчивости и напряжения.

Каждый гражданин должен понять всю меру своей ответственности. Он не ребенок, который вправе сослаться на опекунов, он — творец своего будущего. В театре одни играют, другие смотрят, аплодируют или свистят. Театр военных действий — нечто иное: здесь нет зрителей. Если немцы на Кавказе — это неудача всего народа. Нужно еще ожесточенней воевать, еще ожесточенней работать.

Мне пишет старший лейтенант И.: «Моя жена нервничает, она теряет надежду, она меня спрашивает: «Когда конец?» Она хочет оправдать это любовью ко мне. Я женился незадолго до войны. Дочь родилась 26 июня прошлого года, а за два дня до этого я ушел на фронт и дочь не видал. Жена мне часто пишет: «Не видел даже дочери...» Но это не оправдание. Сейчас нужна не только такая любовь, сейчас нужно любить шире. Если бы она видела то, что видели мы в деревнях, освобожденных от немцев!..»

Легко понять грусть, тоску молодой жены, которая ждет вести от мужа. Но ее дочь жива потому, что старший лейтенант И. и его боевые друзья думают сейчас не о своей судьбе, а о судьбе родины. Их любовь воистину широка: все в ней — и привязанность к родимому дому, и чувство истории.

Пусть горе женщины обратится на врага. «Когда конец?» — спрашивает она. Это зависит не только от лейтенанта, это зависит и от его жены. Мирной жизни больше нет. Миллионы эвакуированных живут на бивуаке. Затемнены города глубокого тыла. Лишения узнали все. Враг в доме. Где же здесь сетовать? Слишком дорого стоит каждый час промедления. Врагу помогает не только наша беспечность, но и наша грусть. Пусть боль станет снопами, патронами, торфом. Пусть каждый боец знает, что в тылу день и ночь трудятся десять человек: подносят ему хлеб, одежду, вооружение, боеприпасы.

Нужно торопиться, нужно понять, что значит на войне время. Немцы живут по минутной стрелке. У одного немецкого ефрейтора в записной книжке я нашел такую запись: «Десять часов на работу, восемь на сон, час сорок минут на пропитание, час тридцать минут на передвижение и, следовательно, на серьезные мысли, сорок минут на чтение, двадцать минут на ребусы и кроссворды, четверть часа на гимнастику, три четверти часа на сношения с Гертрудой, пятьдесят минут на разные хозяйственные и непредвиденные дела. Это — средние данные, не считая воскресных дней, за месяцы январь — март 1939». Мерзкая статистика! Машина, которая прикидывается человеком! Никогда мы не станем так жить, и Гертруд на пятьдесят минут у нас нет. Но воевать мы должны по минутной стрелке, иначе мы не побьем немцев. Потерянные десять минут в ходе боя могут решить все. Каждый гражданин тыла, который теряет десять минут, помогает врагу. Мы должны опережать врага и опережать события, атакуя, предвидеть контратаку, думать летом о зиме и осенью о весне, укрепить далекий тыл, превратить в топливо каждую минуту, согреть нашим рвением города, накормить нашим потом моторы. Время не за нас и не за немцев. Время служит тому, кто понял, что такое время.

Мы должны подчинить все военной дисциплине. Немцы — автоматы. Когда они пришли в Париж, исчезли все автомобили, но немцы сразу ввели бессмысленно сложные правила перехода улиц. Они должны организовывать, даже когда им нечего организовать. Их пародия на порядок: уничтожить все автомобили и поставить десять тысяч новых светофоров. Но, чтобы побить немцев, мы должны принять железный порядок. Когда пешеход у нас переходит улицу, кажется, что это — самоубийца, который кидается под машину, на самом деле он даже не торопится, он гуляет. Это маленький пример, но над ним стоит задуматься. Я хочу быть свободным в мыслях, в чувствах, в творческой работе. Для этого я теперь откажусь от всего, стану солдатом в строю, винтом в машине.

Гражданка О. Хитрова пишет мне из Саратова: «Иногда слышишь, что теперь война, может быть, скоро всем конец, а поэтому не стоит ничего делать хорошо. Разве это правильно? По-моему,

наоборот. Раз война, надо делать все еще лучше. Если уж раньше смерти умрешь, то и до победы не доживешь... Я вот домашняя хозяйка. Сейчас четыре часа в день работаю на дорожных работах. Работаем мы мало — никто нас не торопит, никто не объясняет задания. Спрашиваем прораба, а он отвечает: «Торопиться нечего...» Я в начале войны тоже было поддалась такому настроению. Услышу утром плохую сводку — и весь день ничего не делаю, говорю: «Все из рук валится». А теперь я душой окрепла. Услышу сводку и говорю себе: а я назло им буду работать вдвое, шить буду и штаны красноармейские постираю, да и поштопаю. Не хочу умирать раньше смерти. Если у нас немецкий шпион где-нибудь рядом, пусть видит, что мы, несмотря ни на что, крепки духом и выстоим». Замечательные слова! В них вся душа, вся крепость России. Пусть они исправят и прораба, и тех, которые еще думают победить спустя рукава, и малодушных, готовых умереть до смерти.

Есть в русском сердце залежи великих чувств, о которых многие и не подозревают. Все в роте знали, что Василий Никулин — хороший парень. Не удивились, узнав, что Никулин перебил много немцев. Но кто мог предвидеть последние минуты этого скромного человека? Он крикнул товарищам: «Уходите, я их буду на себя отвлекать». Раненный, он продолжал строчить из автомата. Кончились диски. Немцы навалились на Никулина. У него нашлась еще «лимонка» — ручная граната. Тогда Никулин крикнул другу: «Уходи, я буду взрываться» — и дернул за кольцо.

Рядом с героикой боя могут показаться бледными дела тыла. Но и в них — тоже биение большого сердца. Из Алма-Аты пишут о скромной работе женщин на станциях Турксиба. Через Луговую проезжали бойцы — с фронта, на фронт, легко раненные из госпиталей. Жены железнодорожников, работницы, домашние хозяйки решили помочь бойцам. На этой узловой станции подолгу ждут поезда. Женщины кормят бойцов, дают им постели в домах, подшивают воротнички, берут грязные платки, дают чистые, делают множество того, что может сделать только заботливая женщина. Они вырывают время у сна. Отдают свои овощи, молоко, из своих простыней делают платочки. Они отдают нелишнее, но последнее, и это доходит до самого сердца бойца. Один сержант, проехавший Луговую, пишет из-под Ржева: «Милые сестренки! Спасибо за ласку. Мы бьем немцев, и я думаю, и за вас, сестренки, буду бить проклятых. Согрели вы меня своим приветом...» Фронту нужно все: и патроны, и табак, и простая человеческая ласка.

В одной старой книге я прочитал, что Тулу звали «стальной душой». Тула оправдала это прозвище. Когда враг подошел вплотную к городу, старухи и девчонки рыли рвы. Заводы эвакуировали, но осталась кучка старых рабочих. Осталось немного сырья и много упорства. Тула не сидит сложа руки. Туляки смеются над немецки-

ми бомбами. Рабочий полк давно стал частью Красной Армии, но почетное имя за ним сохранилось: «Тульский». Недавно один боец Тульского полка сделал на своей тульской винтовке сотый надрез: в честь сотни убитых врагов. Винтовке этой сорок три года, но бьет она без отказа. Дед воевал с этой винтовкой в русско-японскую войну. Винтовку он оставил сыну: пригодилась, когда пришлось бить германцев. Теперь винтовка вспомнила прошлое: внук пошел добровольцем в Тульский рабочий полк. Он уже сделал семь свежих насечек. Мать его говорит: «Тульское ружье далеко шагает».

Эти насечки — исповедь русского сердца. Огромная историческая ответственность понятна тульским рабочим. Будем биться, как тридцать три героя под Сталинградом. Будем работать, как Тула. Мы не умрем до смерти, мы увидим победу.

11 сентября 1942 года

Свет в блиндаже

Когда в июньское утро первые выстрелы вспугнули жаворонков, они прозвучали как диссонанс. Все вокруг не соответствовало этим звукам: и мирные села, и медленно дозревавшие колосья, и детвора на улицах пограничных городов, и сердце человека, еще продолжавшее мирно биться. Как изменилась наша страна! Стоят яркие осенние дни. Вокруг блиндажей березы как бы истекают кровью. Зловещая пестрота последних листьев сродни войне. А многие деревья обломаны осколками мин. Железо выело воронки. Вместо деревни — трубы. Да и лица не те, кажется, что война их заново вылепила. Была в них мягкость, как в русском пейзаже, который так легко воспеть и так трудно изобразить, — бескрайний, лиричный, едва очерченный. Такими были и люди. Теперь лица высечены из камня. В глазах суровость, уверенность. Обветренные, обгоревшие, обстрелянные солдаты.

Иногда вечером, когда первые зеленые ракеты прорезают небо, когда замолкает дневная канонада и еще не вступает в свои права ночная, фронтовик смутно припоминает прошлое. На минуту ему кажется, что где-то в тылу продолжается жизнь, которая была его жизнью. Он видит залитую огнями Москву. В окнах под лампами люди ужинают, смеются, читают увлекательные романы, дети готовят уроки, девушки прихорашиваются — сегодня ведь танцы... Уж не фейерверк ли в Парке культуры? И сразу фронтовик вспоминает: война! Она и в Москве: черны улицы, как ослепшие глаза — окна домов... Девушки на лесных заготовках. Музыканты стали саперами или минометчиками. Дети на Урале. Прожектор

впивается в черное небо. Если ты, как в сказке, пролетишь над страной, ты повсюду увидишь войну. Ты увидишь сожженные немцами города. Ты увидишь заводы в бараках, заводы, которые перешагнули тысячи километров. Ты увидишь девушек, изучавших литературу или игравших на пианино, которые с ожесточением отливают снаряды. Загляни в глаза одной в полутемном холодном цеху, и ты увидишь в этих глазах нечто родное: она тоже на войне. Ты увидишь женщин Ленинграда в Узбекистане. Ты увидишь детей Полтавщины в Сибири. Ты услышишь, как старая мать вздыхает: «Два месяца нет писем...» Ты услышишь, как трехлетний малыш упрямо трет кулачком сонные глаза и спрашивает: «Где папа?..» Ты увидишь много горя и много упорства. Воюет не только фронт, воюет вся страна. Она отрывает от сна кусочек ночи, она отрывает от рта кусок хлеба, она не веселится и не благоденствует, она живет, сжав зубы, как ты в блиндаже, покрывшись ночью, впившись в землю. Как ты, она воюет.

Мы очень много потеряли, и нет человека, который не думал бы о наших потерях. Большое горе всегда стыдливо. Молодая женщина, которая в былое время жаловалась на мелкие неурядицы, теперь молчит. Молча она перевязывает раненых. Бойцы, за которыми она ухаживала, знают одно: ее не нужно спрашивать про мужа. Мы потеряли много прекрасных людей, самоотверженных, умных и честных. Эти потери горше всего: их не возместить. Мы отстроим разрушенные города, они будут лучше прежних. Но невозвратима потеря вдохновенного юноши, который еще ничего не построил — ни дома, ни своего гнезда, но который, кажется, мог бы построить целый город.

Мы потеряли изумительные плотины, заводы, в которые вложили душу. Мы потеряли древности Новгорода. Эти реликвии России, эти камни, как бы теплые от любви поколений, простояли века. Их щадило время. Их разрушили кощунственные руки немцев.

Мы нелегко создавали жизнь. Зачастую нам не хватало ни умения, ни времени. Но эта шершавая, необтесанная жизнь была нашей. Она напоминала черновик прекрасной поэмы, весь испещренный помарками. У нас путалось в ногах темное прошлое. Нас часто знобило — от самоупоения до самоуничижения. Мы были первыми разведчиками человечества, мы пробивали путь, мы шли дремучим лесом. Когда мы строили ясли, с запада доносились дурные вести: там изготовляли те бомбардировщики, которые в одну ночь убивают сотни детей. Звериное дыхание Германии доходило до нас, и мы говорили женам: «Проходишь зиму в старом платье», — мы должны были делать истребители. Мы знали, что детям нужны игрушки, как птице крылья. Но разве могут дети играть, когда на земле живут гитлеровцы? Мы делали мало игрушек, мы делали

танки. За десять лет до войны проклятая Германия вмешалась в нашу жизнь. И все же мы строили города, школы, дома отдыха, театры.

В муках рожает женщина. Медленно растет плодовое дерево. Четверть века для человека — это полжизни. Четверть века для истории — это короткий час. Накануне войны мы увидели в наших садах первые плоды. Тогда на нас напали немцы. В один час эсэсовцы уничтожали дома, поселки, города, которые мы строили годы, отказывая себе во всем ради будущего, как мать отказывает себе во всем ради ребенка. Мы знаем, сколько мы потеряли. Это знают и немцы: они увидели наших бойцов, воодушевленных такой ненавистью, таким гневом, что перед ними отступали танки.

Мы часто думаем о наших потерях. Мы можем теперь сказать о том, что мы приобрели на этой войне. Мать не замечает, как растет ребенок. Вот он вырос, а для матери он мальчуган. Несказанно вырос наш народ за шестнадцать месяцев. Не узнать порой молодого друга, вернувшегося с фронта. Не узнать и народа: другой народ. Говорили, что думать нужно в тишине и покое. Казалось, что юноши растут в торжественных аудиториях, в книгохранилищах или в студенческих комнатушках над горой рукописей. Непохожи темные блиндажи на университет. Шумно на фронте, шумно и неспокойно. Но кто сейчас расскажет о том, как люди думают на переднем крае? Они думают напряженно, настойчиво, лихорадочно. Они думают о настоящем и прошлом. Они думают о том, почему не удалась вчерашняя операция, и о том, почему в десятилетке их многому не научили. Они думают о будущем, о той чудесной жизни, которую построят победители.

Чудодейственно, как лес в сказке, растут люди на войне. Они живут рядом со смертью, они знакомы с ней, как с соседкой, и они стали мудрыми. Они преодолели страх, а это приподымает человека, придает ему уверенность, внутреннее веселье, силу. Нет на войне промежуточных тонов, бледных красок, все доведено до конца — великое и презренное, черное и белое. Война — большое испытание и для народов и для людей. Многое на войне передумано, пересмотрено, переоценено.

В основу нашей жизни четверть века тому назад мы положили слово «товарищ». Это слово ко многому обязывает. Легко его сказать, трудно за него ответить. В понятии «гражданин» есть точность и сухость, это — арифметическая справка о сумме прав и обязанностей. Слово «товарищ» требует душевного горения. Впервые для миллионов и миллионов оно раскрылось во всей глубине на фронте. Оно стало конкретным, теплым, вязким, как кровь.

На войне мы увидели до конца силу человеческой дружбы. Сколько подвигов родило это замечательное чувство! Рядом с тобой, в одной батарее, в одном взводе — дорогой друг. Если его ранят, ты

его оторвешь от смерти. Если его убьют, ты не забудешь его и не простишь врагу. До войны другом легко называли, но друга и легко забывали. Не то после боев. Говорили прежде: «Съесть вместе пуд соли». Но что соль рядом с кровью? Что года по сравнению с одной ночью в Сталинграде? С какой радостью боец возвращается в свою часть: он вернулся домой. Он расспрашивает о каждом товарище, о каждом друге.

Дружба народов была нашим государственным принципом, она стала чувством каждого отдельного человека. В одной роте и русские, и казахи, и украинцы, и белорусы, и грузины. Мы увидели, что, говоря на разных языках, мы одно чувствуем, про одно думаем. С волнением слушают сибиряки чудесные украинские песни, и рассказ о белых ночах Архангельска доходит до сердца черноглазого сына Армении. Мы были объединены сначала историей, потом высоким началом равенства. Теперь мы объединены ночами в окопах, и нет цемента крепче.

Что легко дается, то не ценится. Только теперь наша привязанность к родине стала плотной, тяжелой, неодолимой. Ради родины люди жертвуют самым дорогим. Они и прежде были патриотами, но теперь они задумались над своими чувствами, и эти чувства стали глубже. Прежде они искали внешнего объяснения для своей любви. К чужеземному они порой относились то с необоснованным пренебрежением, то со столь же необоснованным преклонением. Теперь они знают, что родину любишь не за то или за это, а за то, что она — родина. Так скромное деревцо становится более прекрасным, нежели все рощи эдема. Можно видеть свои недостатки: от этого родину не разлюбишь, от этого только захочешь исправиться, возвысить себя и страну.

На войне нам открылась история, ожили страницы книг. Герои прошлого перешли из учебников в блиндажи. Кто не пережил двенадцатый год как близкую и понятную повесть? Какой комсомолец не возмущен развалинами кремля в Новгороде? Мы увидели, что наше молодое государство строилось не на пустом месте. Стойкость Ленинграда нас восхищает, его страдания требуют мести. Мы увидели дело Петра, построившего дивный город. Мы поняли, что без Петра не было бы Пушкина и что без Петербурга не было бы путиловцев, которые в темную осеннюю ночь открыли путь к новой эре.

Столкнувшись с варварством фашизма, мы почувствовали все то ценное и большое, что было добыто народами России четверть века тому назад. У нас сын пастуха читал Гегеля. Как он должен смотреть на немецкого «философа», который превратил философию в справочник по скотоводству? С каким омерзением мы слушаем рассказы немецких пленных, этих кретинов, которые нам рассказывают, что у них «социализм» и что они приспособили для работы вместо лошадей поляков или французов!

Ненависть может слепить. Наша ненависть — это прозрение, она помогла народу созреть, вырасти. Мы были гуманистами, ими мы и остались. Мы не потеряли нашей веры в человека. Мы только узнали, что есть подделка под людей, что гитлеровец — это эрзац человека. Было время, когда мы жалели немцев, даже посылали хлеб голодным обитателям Рура — в трудные для нас годы. Многие из нас не учитывали ни исторических традиций Германии, ни психологии немцев. Мы создали образ немца по своему подобию, и когда немцы напали на нас, наш добрый народ все еще верил, что фашисты гонят немцев, что обманутый немец скоро крикнет: «Гитлер капут». Мы действительно слышим эти слова — их говорят пленные, когда они превращаются в жалких подхалимов. Но мы знаем, что это не обманутые, а обманщики.

Война взрастила в нас не только ненависть к немцам, но и презрение. Этим чувством мы можем гордиться, ведь немцы одержали немало побед, они проникли в глубь нашей страны, и все же мы их глубоко, искренно, страстно презираем. В этом сказалась душевная зрелость нашего народа. Мы вовсе не склонны пренебрегать военной техникой или стратегией Германии. Мы можем учиться у немцев воевать. Но мы не станем учиться у них жить. Для нас они — двуногие звери, в совершенстве овладевшие военной техникой.

Мы ценили героизм испанского народа, но многим из нас трудно было понять, что полуграмотный испанский крестьянин культурнее берлинского профессора. Теперь это поняли все. Мы увидели немцев, которые ведут дневники, у которых дома пишущие машинки и патефоны, которые по внешнему виду напоминают цивилизованных европейцев и которые оскорбили бы нравственное чувство любого обитателя Сандвичевых островов. Бойцы их разжаловали в «фрицев», этим сказано все — не люди, а фрицы. Нас не обманут больше внешние признаки культуры. Мы теперь знаем, что важно не только количество и внешнее качество печатных изданий, но и содержание печатаемого, что города Германии с чистыми улицами, с хорошо оборудованными больницами, с просторными школами являются заповедниками грубого и отвратительного варварства. Конечно, мы не отрицаем значения материальной культуры, но мы теперь увидели, что без духовного богатства такая культура быстро вырождается в одичание.

Зрелость каждого фронтовика сделала нас сильными. Мы потеряли большие пространства. Второе лето принесло нам много горя. И все же можем сказать, что теперь мы сильнее, чем 22 июня 1941 года, — сильнее сознанием, разумом, сердцем. Когда мы пели «Если завтра война», мы многого не понимали. Мы очистились от беспечности, от самообольщения, от косности. Мы еще не добились победы, но мы созрели для нее.

Мы порой думаем, как трудно будет залечить раны, отстроить разрушенные города, наладить мирную жизнь. Это мысли о потерянном. Вспомним о приобретенном и скажем себе, что человек, который вернется с фронта, стоит десяти довоенных. По-другому люди будут и трудиться и жить. Мы приобрели на войне инициативу, дисциплину, внутреннюю свободу.

Прекрасно будет первое утро после победы. Мы узнаем, что мать спокойно спала. Письмоносец снова станет деталью жизни. Жена обнимет героя. Замолкнут сирены. Вечером вспыхнут яркие фонари и на улице Горького и на Невском. Наш флаг взовьется над многострадальным Киевом. Может быть, в тот день будет идти дождь или падать снег, но мы увидим солнце и синее небо. Россия, первая остановившая немцев, с высоко поднятой головой, сильная, но мирная, гордая, но не спесивая, снимет с плеча винтовку и скажет: «Теперь — жить».

10 ноября 1942 года

Личное дело

Недавно трое военных встретились с одним иностранным журналистом: ленинградец, украинец, сибиряк. Журналист спросил: «Каковы, по-вашему, цели войны?» Ответил ленинградец: «О целях войны достаточно ясно сказал товарищ Сталин. Мне хочется вам сказать про другое. Вначале война и мне представлялась только государственным делом. Но вот весной я узнал, что моя жена умерла в Ленинграде. Понятно? Теперь война — это мое личное дело. Мои цели? Убить как можно больше немцев». Украинец поглядел на журналиста и начал: «У меня в Чернигове осталась...» Он не кончил и только махнул рукой. Сибиряк молчал. Я знаю, что его два брата убиты на фронте, он поклялся за них отомстить.

«Убей немца» — эти слова давно перешли со столбцов газеты на листки писем. Их пишет мать. Их пишет наивными каракулями ребенок. Их пишет с тоской и надеждой любимая женщина, и боец, перечитывая эти слова, даже в лютый мороз чувствует на своем лице горячее дыхание.

Страшно, развернув газету, прочитать о судьбе близких людей. Сколько воинов Красной Армии, отрезанных от своих семей, смотрят на лист газеты как на письмо! Старший лейтенант Григорий Андреевич Дайнека мне пишет:

«Я прочитал корреспонденцию «На белорусской земле». У меня сердце кровью обливается. Немцы пришли в Рудобелку. Они согнали в клуб 210 жителей, и они всех сожгли. Они замучили Надю

Михайловскую, отрезали груди, выкололи глаза. Они бросили в огонь жену Самутина. Это все мои друзья. А в моей родной Карпиловке они сожгли в сарае 700 женщин и детей. Нет больше любимца народа доктора Чернецкого. Немцы его сожгли. Нет больше красавицы Елены Гапанович. Немцы ее сожгли. Мне страшно об этом писать. Там сожгли и мою любимую. Я хочу сказать, что жив наш белорусский народ. Вот мое слово — отомстим! Скажите бойцу: если не перебьем немцев, они сожгут и его любимую. Скажите ему: если трудно станет в наступлении, пусть вспомнит Елену Гапанович — и сразу станет легче. Общее наше горе и общая судьба. У меня теперь большое горе, но я не теряю бодрости. Знаю — мы идем на запад. Мы скоро придем...»

Далеко от лесов Белоруссии до Азовского моря. Но вот еще одно письмо — оно рождено дневником немца Фридриха Шмидта, который в Буденновке пытал и убивал девушек. Фридрих Шмидт 26 февраля пометил, что он бил нагайкой девушек, и добавил: «Особый интерес привлекла красотка Тамара». Мне пишет летчик Иван Ефимович Голуб: «Моя Буденновка... Там я родился, там вырос. Мне трудно писать — я очень волнуюсь. Тамара — это моя девушка, с ней я мечтал построить мою жизнь...»

Фридрих Шмидт был трусом. 13 марта он записал: «Никогда мы еще не переживали в Буденновке такого страшного дня. Русский бомбардировщик сбросил осветительные ракеты, а затем 12 бомб...» Летчик Голуб пишет: «Это были мои бомбы. Я своими руками ввинчивал взрыватели. Они не отказали. Много сотен бомб сбросил уже мой самолет. А теперь... Бомбить, бомбить и бомбить!»

Издалека можно говорить об ответственности, о грядущей судебной процедуре, о международном праве. Нам трудно ждать. Нам нельзя ждать. Совесть не мирится с ожиданием. Сердце не терпит промедления. Воин Красной Армии, ты — истец. Ты — судья. Тебя облек доверием народ. На тебя с надеждой смотрит оскорбленная Россия. Иди и суди! Иди и карай!

20 декабря 1942 года

Верность

Темна и страшна измена. Она опустошает сердце человека, она его заставляет умереть задолго до смерти. Изменник много говорит — ему страшно замолчать. Вдруг его голос срывается, наступает молчание. Оно — как могила. Глаза изменника проворны, но это — бег на месте. Трудно заглянуть в такие глаза, а если удастся,

видишь пустоту, небытие. Есть у измены запах, привкус: духота, горечь, безвыходная тоска.

Заместитель бургомистра Курска Алексей Кепов был когда-то жизнерадостным. Он изменил родине. Немцы его награждали, баловали. Они ему «подарили» чужой дом, и немецкий майор здоровался с предателем за руку. Но Кепов не радовался. С каждым днем он становился все мрачнее. Он сидел у себя и ровным почерком выписывал имена «неблагонадежных»: он выдавал немцам русских. Потом он с изумлением глядел на свою руку. Он стал избегать зеркала. Даже мед, реквизированный у крестьян, казался ему горьким. Над Курском пролетел наш самолет. Немецкий офицер спросил Кепова: «Это что за птичка?» Кепов ответил: «Русский». Потом показался «мессершмитт», и Кепов добавил: «А это наш». Тогда немец загоготал: «Врете! Это не ваш и тот не ваш». Кепов вобрал голову в плечи: еще раз он почувствовал цену измены.

В одном из сел Курской области староста прославился лютыми расправами. Он порол женщин на помосте, бил стариков. Из немецкой винтовки он стрелял в голубей. Он говорил: «Сердце у меня чешется. Вот взял бы и перестрелял всех...» Его сердце грызла измена. Он хотел уйти от себя и не мог. Когда немцы отступали, за последним грузовиком бежал человек с всклокоченной бородой и с мутными глазами. Это был староста.

Я сидел в одном доме. Меня удивили глаза хозяйки: они казались сделанными из опалового стекла, в них не было жизни. Хозяйка неохотно отвечала на мои вопросы, а спрашивал я ее только, чтобы разрядить чересчур тяжелую тишину. В углу играл пятилетний мальчуган. Я спросил хозяйку: «Немцы к вам приходили?» Она ответила: «Нет». Я сказал: «Вам повезло». Но тогда мальчик закричал: «Отто приходил», и, упрямо стуча кулаком по стулу, он долго повторял: «Отто приходил». Женщина молча вышла из комнаты. Я больше не мог сидеть в этом доме. Мне показалось, что в комнате нет воздуха. Я выбежал на улицу. Был морозный яркий день. Сотни женщин жмурились и улыбались первому красному флагу на фасаде поврежденного снарядом дома. Мир жил и радовался. Только одна высокая белокурая женщина с пустыми опаловыми глазами не находила себе места в этом мире.

Верность не только укрепляет человека, верность веселит. Палач Фридрих Шмидт, в Буденновке истязавший юношей и девушек, писал: «Они чертовски держатся». Он стоял с плетью, а его жертвы молчали. Он ждал слез и не дождался. Верность вдохновляла героев, верность согревала их последние часы.

Коле Горяинову одиннадцать лет. Немцы, выпив, сказали мальчику: «Говори: хайль Гитлер». Коля молчал. «Ну, змееныш?..» Тогда Коля ответил: «Я — советский. Я таких слов не буду говорить». Его били ремнем, а он молчал. Его поддерживала верность.

Старушка Мария Дементьевна Краскова — верующая. Немцы устроили молебен: за здравие Гитлера. На паперти Мария Дементьевна громко сказала: «Мы — люди русские, молимся за победу своей армии». Ее подвергли порке, потом заперли в холодный амбар. Она стояла в амбаре и молилась за победу Красной Армии.

Пятнадцать месяцев немецкого ига не смогли сломить миллионов сердец. Люди жили страшной жизнью. Их морили голодом, над ними измывались. Многих пытали, убивали. Но в глубине русских сердец жила большая неумирающая вера: за своих страдаем, думали они. Ждали Красную Армию, как после обвала в шахте задыхающиеся горняки ждут глотка воздуха. Кто в Курске работал с партизанами? Учительницы, рабочие, студентки-комсомолки и престарелый священник Павел Говоров, подростки и матери — народ. Они сберегли не только гордость, они сберегли и ту бодрость, которую в старину называли весельем духа.

Все теперь знают, что такое «работа в Германии»: юношей и девушек немцы насильно отсылают в свою страну. Там их продают, как рабов. Одних покупают владельцы заводов, других берут фермеры. Свободные люди нашей страны становятся невольниками, прислугой жадных и жестоких немцев. Тяжела жизнь в рабстве, но даже там, за тридевять земель от родины, отданные во власть рабовладельцев, русские сохраняют бодрость духа. Передо мной письма двух курских девушек, осторожности наперекор посланные из Германии.

«15 января 1943.

Здравствуйте, дорогие мои родные, миленькая мамочка, Ниночка, Миша и детишки Галочка и Надюша! Сегодня для нас с Таней счастливый день — получили от вас письма. Сегодня утром я стирала белье и так устала — очень много было белья, но Таня прибежала и принесла письмо, и сразу прошла вся усталость.

Дорогие мои родные, когда же это кончится? Как тяжело переносить издевательства! Милая мамочка, если бы вы знали, как тяжело! Но мы с Таней все переносим, и если перенесем, это наше счастье.

Сейчас здесь холодная зима, но на нас не обращают внимания, хоть ты ходи раздетая — им дела нет. Сволочи, сидят в теплой комнате, ничего не работают, только приказывают — сделай то и то, и приходится делать. Будь это у нас, я бы им плюнула в рожу, а здесь молчи и делай, что скажут.

Дорогая Ниночка, ты спрашиваешь, что за люди мои хозяева. Да если бы они были люди, они не люди; сидят, не работают и по десяти пар чулок на ногах. А до того, как ты мне прислала мои старые гетры, я ходила на босу ногу. Они это видели и только смеялись. Ниночка, ты себе не можешь представить, что со мной было, когда я получила посылку. Слезы полились от радости. А мои гет-

ры, когда я надела, показались мне теплее их десяти чулок, потому что это мои гетры, с моей родины, где я свободно жила, хотя и не так богато, как мои проклятые хозяева, но жила, как хотела. Ну что же, дорогая сестра, мы им все вспомним, как кончится война. Ниночка, если можно будет, пошли мне мою черную юбку, которая сшита клешем, а то мое платье уже рвется. Этим зверям все равно. Я здесь работаю во дворе, с утра до поздней ночи в их г... то у коров, то у свиней. Так и проходит жизнь. Ниночка, я этих идиотов готова разорвать на куски за все их зверские поступки. Здесь есть русские, их хозяева бьют чуть ли не каждый день. А нас с Таней пусть только попробуют. Сегодня Танина хозяйка кинулась на Таню, но Танька ей показала так, что она отлетела на два метра. Таня ей закричала: «Уйди, косая!» Не знаю, что с ней теперь будет.

Здесь такие люди, они хотят, чтобы мы ходили голые, босые и хорошо на них работали. Нам очень трудно, но придет день и не нас тогда будут карать, а их за все их проделки. Ниночка, письма мы с Таней пишем часто, а почему не доходят, не знаю. Вас интересует, как нас кормят. Кормят так — лишь бы до весны не умерли, а сами едят, что хотят.

Ниночка, ты не написала, как у вас. Нам все интересно знать. Здесь новостей никаких, кроме работы. Интересно узнать о фронте, как наши воюют? Ведь мы здесь ничего не знаем.

Желаю вам быть здоровыми. Мамочка, не беспокойся, я наберусь смелости и вернусь домой. До свидания. Целую вас всех крепко.

Клава».

«15 января 1943 года

Здравствуйте, дорогие мамочка и дядя Шура!

Такой радости, как получить ваше письмо, вы не можете себе представить. Я думала, что вас нет в живых или что вы на другой стороне фронта около своих братьев, а этого я бы очень хотела.

Мамочка, мы здесь живем оторванные от мира, ничего не знаем, ничего не слышим. Хотя бы вы что-нибудь написали — хочется знать, когда нас освободят от этой кабалы.

Мамочка, вы пишете, что послали маленькую посылку. Но я не получила. Мамочка милая, не нужно мне посылать, я знаю, что вам самим нечего кушать и носить, а я на все махнула рукой, хожу разутая, раздетая, голодная; ладно, лишь бы добраться домой.

Мамочка и дядя Шура, вы не сможете понять нашу жизнь, если бы увидели, поняли. Тяжело быть в угнетении, но вы не подумайте, что я изменилась, нет, я не могу покоряться этим негодяям. Здесь, как не подчинишься, вызывают в полицию. В общем, мамочка, я не могу писать, когда приеду, все расскажу, что мы с

Клавкой выделывали, несмотря на полицию. А пока до свидания, дорогие. Прошу вас, мамочка, живите дружно с дядей Шурой и ждите Таньку.

Ваша Таня».

Я читаю и перечитываю эти наивные полудетские письма. Какая сила духа! Мы скажем с усмешкой: такой народ Гитлер думал покорить. Две девушки, почти девочки, попали в неволю. Ими помыкают злые немки. Но девушки не сдаются. Что их подкрепляет? Верность. Прекрасные слезы пролила втихомолку Клава над старыми гетрами, присланными из родного Курска. Она вспомнила обрыв над Тускарем, сады, смех, песни. Она вспомнила родину, Россию. Она спрашивает сестру: «Как наши воюют?» Она не изменник Кепов, она — русская в немецком рабстве, и она не спутает местоимений. Она твердо знает, кто «наши». В немецкой деревне она думает о великом пути Красной Армии. И ее подруга Таня верит, что Красная Армия скоро освободит мать и дядю Шуру.

Родные двух девушек уже вздохнули свободно: они дождались желанного часа. Придет день, и две русские девушки Клава и Таня обнимут своих освободителей.

Немцы могут пороть, пытать, вешать советских людей. Немцы не могут их покорить. Они не могут выжечь из сердец верности. Душа верного веселится и в самой страшной муке. Сознание своей правоты, своего достоинства украшает обезображенные немцами наши города. «Наши» — это слово пятнадцать месяцев вдохновляло курян. И вот наши подымаются по горбатым улицам. На картинах это будет выглядеть иначе — красивее и скучнее. Из домов выбежали измученные, изголодавшиеся люди. У них нет ни флагов, ни цветов. У них только слезы радости и это великое слово: «Наши»... Солдаты устали от долгих переходов, от суровых боев. Промерзли насквозь и валенки, и рукавицы, и лица. Солдаты как будто пропахли порохом. Они подымаются на гору и на ходу слушают ласковый гул: «Наши»... Они не поют, не смеются. Но есть в этой встрече великое веселье, торжество жизни, победа добродетели. Верность помогла Курску остаться русским городом. Горсточка отступников не исказила его души. Верность вела вперед полки Красной Армии — мимо вражеских дзотов, по сугробам, через минные поля. Верность привела их сюда, и, глядя на второе рождение древнего города, хочется еще раз прославить высокую добродетель России, силу наших солдат, убранство наших женщин: верность.

5 марта 1943 года

Последняя ночь

Я получил письмо, на которое не могу ответить: его автора нет больше в живых. Он не успел отправить письмо, и товарищи приписали: «Найдено у сержанта Мальцева Якова Ильича, убитого под Сталинградом».

Яков Мальцев писал мне:

«Убедительно прошу вас обработать мое корявое послание и напечатать в газете. Старшина Лычкин Иван Георгиевич жив. Его хотели представить к высокой награде, но батальон, в котором мы находились, погиб. Завтра или послезавтра я иду в бой. Может быть, придется погибнуть. В последние минуты до боли в душе хочется, чтобы народ узнал о геройском подвиге старшины Лычкина».

Я исполняю последнее желание погибшего сержанта. Вот его рассказ о старшине Иване Лычкине:

«Это было на Северо-Западном фронте в августе 1941 года, в самые тяжкие дни отступления. Немцы превосходящими силами зашли в тыл. Впереди оказался наш батальон. Двое суток они отбивали атаки немцев. Положение было серьезным — у них не хватало снарядов, патронов, гранат. Старшине Лычкину и пяти бойцам поручили доставить боеприпасы батальону.

Мы погрузили все на пять повозок и двинулись лесом. На дороге стояли немцы, мы слышали их крики. Свернули вправо, проехали часа три, не знали, правильное ли направление, но старшина был спокоен. Спрашиваем: «Туда ли?» Он вместо ответа приказал приготовить пулемет, винтовки, гранаты. Еще час прошел — никого. Мы хотели кормить лошадей, но старшина не разрешил: «Сейчас встретим немцев. Может быть, придется здесь погибнуть, но есть задание — доставить боеприпасы. Патронов и гранат не жалеть. Если окажемся в безвыходном положении, взорвать повозки».

Шоссе, а на нем немецкий патруль. Старшина, маскируясь за кустарником, добрался до немца и бесшумно «снял» его. Мы пересекли шоссе. Снова лес, но здесь ни дорожки, ни тропинки. Пришлось прорубать кусты. Так доехали до опушки. Остановились. Недалеко была деревня Бойцово. Нам предстояло проехать триста или четыреста метров открытым полем, а там дальше снова лес. Старшина сел с пулеметом на первую повозку, и мы понеслись галопом. Казалось, в поле никого, а тут сразу — пулеметы, автоматы. Немцы стреляли со всех сторон. Мы попали в ловушку. Это было наше боевое крещение.

На полпути остановились в овраге. Заняли круговую оборону. От деревни отделились семь немцев. Старшина пустил первую очередь. Немцы упали. Из деревни открыли бешеный огонь. Мы не отвечаем. Потом все замолкло. Мы хотели было двигаться дальше, но

немцы нас опередили, они поднялись и, сжимая кольцо, стали продвигаться к нашим повозкам. Старшина приказал: «Без команды огонь не открывать». Немцы в 400 метрах. Мы молчим. Вот уже только 200 метров отделяют нас от подлецов. Мы волнуемся. Наконец слышим команду: «По собакам огонь!» Немцы не ожидали такой встречи, дрогнули, залегли. Так повторялось три раза.

Наступила ночь. Старшина дважды ходил в разведку — искал лазейку, но ничего не нашел. А утром немцы снова пошли в атаку. В тот день они нас четыре раза атаковали, но каждый раз мы отбивали их. Ночью немцы попытались нас взять врасплох, но старшина их перестрелял из пулемета.

Третий день. Взбешенные нашим сопротивлением, немцы открыли ураганный огонь — пулеметы и минометы. Убиты две лошади. Разбили одну повозку. Мы отодвинулись по лощине вниз. Миной был тяжело ранен красноармеец Купряжкин, он вскоре скончался. Немцы пошли в восьмую атаку. От сильного перегрева у старшины отказал наш единственный пулемет. Атаку мы отбили винтовочным огнем и гранатами. Глядим — в лощине три немца. Они были шагах в двадцати от нас. Старшина заколол двоих, третьего задушил руками.

Кольцо вокруг нас сжималось. Положение казалось безвыходным. Очень мучила жажда. Мы взяли немецкие автоматы. Отбиваем атаку. И вот в самую трудную минуту Васильев и Хромов отделяются от нас и с поднятыми руками идут к немцам. Две короткие очереди из автомата — старшина убил предателей. Осталось трое — старшина, Плешивцев, я.

Немцы снова открыли губительный огонь. Старшина тяжело ранен в руку, но он не двинулся с места. Правая рука цела, и старшина стреляет, приговаривая: «161... 163...» От большой потери крови он потерял сознание, но быстро пришел в себя. Он приказал Плешивцеву перегрузить все с разбитых повозок. Третьи сутки без пищи и без воды. Есть не хотелось, но вот пить — все пересохло во рту. Было тяжело, зачем скрывать, но, воодушевленные нашим старшиной, мы думали об одном: как бы доставить батальону боеприпасы.

Стемнело. Старшина снова пошел в разведку. Он долго пропадал, казалось, уже не вернется. Вдруг видим, пришел, улыбается — доволен. Мы тронулись по лощине, незаметно добрались до опушки леса, а немцы открыли огонь в противоположном направлении. Что случилось? Старшина, оказывается, нашел провод — примерно триста метров, привязал пустой ящик — со стреляными гильзами, зацепил за дерево и за повозку. Только мы тронулись, ящик покатился в другом направлении. Это обмануло немцев, они туда начали стрелять. А мы вышли из кольца.

Мы доехали до разобранного железнодорожного полотна. Тут нам преградил дорогу немецкий легкий танк. Мы остановились, ползком подошли к машине на пять метров, встали и с криком «ура» бросились вперед. Мы захватили двух немцев, исправный танк. Водить танк никто из нас не умел, но общими усилиями завели и двинулись. Так мы благополучно довели танк до расположения батальона, доставили боеприпасы. Старшина имел на своем счету исправный танк, свыше двухсот убитых немцев, двух пленных, три автомата.

Старшина Лычкин остался в части, несмотря на тяжелое ранение. Только по настоятельному требованию Героя Советского Союза майора Зайюльева он направился в госпиталь».

Это было полтора года тому назад. В горькие дни отступления такие люди, как старшина Иван Лычкин, закладывали фундамент победы. На пути германской армии встали смельчаки. Трое вышли победителями из неравного боя.

Но, думая о подвиге старшины Ивана Лычкина, я неизменно возвращаюсь мыслями к погибшему под Сталинградом сержанту Якову Мальцеву. Он молчал о себе: как будто он ничего и не сделал. Всех убитых немцев он занес на счет своего боевого друга. Рассказ о подвиге Лычкина озаряет бледное лицо Мальцева. Я не знаю, как ему было суждено умереть, но я знаю, что он погиб смертью героя. Он погиб под Сталинградом, когда на востоке едва проступала заря нашей победы. Друг Ивана Лычкина не мог погибнуть иначе.

Я думаю о том, как Мальцев писал свое письмо. Это было перед боем. Товарищи молчали, курили, каждый о чем-то напряженно думал среди предгрозовой тишины. Что томило Мальцева? Не страх, не тоска, даже не думы о близких, а наверно, были у него и дом и родные. Мальцев болел одним: вот он умрет, и никто не узнает о подвиге Ивана Лычкина. Высокое чувство — дружба воодушевляла Мальцева в последнюю ночь перед боем, в последнюю его ночь. Много в войне жестокого, темного, злого, но есть в ней такое горение духа, такое самозабвение, какого не увидишь среди мира и счастья.

10 марта 1943 года

Содержание

От редакции 3

НЕМЕЦ **5**

Оправдание ненависти 6
Им не жить 10
Их исправит могила 12
Воровство — немецкое ремесло 13
Орда на Дону 16
Скоты 19
Убей 21
Проклятое семя 22
Справедливость 23
Третья годовщина 24
Вавилон 28
Фриц-философ 30
Фриц-Нарцисс 31
Изысканный фриц 32
Фриц-биолог 35
Осенние фрицы 37
Немец 38
Гретхен 43
Негасимый огонь 47
Палач в истерике 49
Взвешено. Подсчитано. Отмерено 52

СУДЬБА ШАКАЛОВ **55**

Петушиные перья 56
Венгерский кур 59
Гад 61
Тайны мадридского двора 62
Берсальер Бизони 65
Судьба шакалов 67

ЦЕНА ИЗМЕНЫ **71**

Цена измены 72
Бывший француз 77
Анонимное общество 80

ЗАРЕВО **83**

Париж 84

116 87
Ответ Франции 91
Французы 92
Зарево 95
Эрнест Хемингуэй 97
О морали 103
Судьба Европы 105

НА НАШЕЙ ЗЕМЛЕ 111

На нашей земле 112
Твое гнездо 112
Слово матери 115
Глубокая Мокатыха 116
Одесса 117
Киев 118
В Витебске 120
Поганые святцы 121
Суд скорый и правый 124
«Новый порядок» в Курске 126
Судьба одной семьи 138

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ 143

По дорогам войны 144
«Каштанка» 147
Так зреет победа 150
Ожесточение 152
Наша звезда 156

РОССИЯ 163

О патриотизме 164
Судьба России 170
Испытание огнем 172
Семья Дедовых 177
Величие Ленинграда 178
Россия 180
Кавказ 182
Узбеки 185
Казахи 186
Евреи 188
Значение России 190

ТРУДНЫЙ ПУТЬ 195

Севастополь 196
Отобьем! 198
Отечество в опасности 199
Трудный путь 200
Угроза 202
Остановить! 206
На рубеже 207
Стой и победи! 209
Помни! 211
Пора! 213
Ненависть и презрение 215
Сталинград 218

Бить и бить! 220
Наступление продолжается 221
Заветное слово 223
На пороге 225
Путь 228
Облава 231
Путь свободен 234
Эпилог 236
Харьков 237
СВЕТ В БЛИНДАЖЕ **239**
Июнь 240
Сердце человека 244
Сильнее смерти 247
Время 250
Русский Антей 253
Казак и фрицы 255
За жизнь 257
Жить одним 260
Высокое дело 263
Четверо 265
Русская мать 267
Дело наших рук 269
Свет в блиндаже 272
Личное дело 277
Верность 278
Последняя ночь 283

Илья Григорьевич Эренбург

ВОЙНА

Апрель 1942 — март 1943

Редактор *Г. В. Булгакова*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *М. В. Федорова*
Корректор *Г. В. Казнина*

Лицензия ЛР № 020872 от 8.07.99 г.

Сдано в набор 14.12.01. Подписано в печать 01.03.02.
Формат 60x88/16. Печ. л. 18. Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л 18,81.
Гарн. Школьная. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Изд. № С/01/404. Тираж 5000 экз. Зак. 261

Воениздат, 103160, Москва, К-160

Отпечатано в типографии ОАО «Внешторгиздат»
127576, Москва, ул. Илимская, 7

Сегодня, 2 февраля, войска Донского фронта полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. Наши войска сломили сопротивление противника, окруженного севернее Сталинграда, и вынудили его сложить оружие. Раздавлен последний очаг сопротивления противника в районе Сталинграда. 2 февраля 1943 года историческое сражение под Сталинградом закончилось полной победой наших войск.

Из сообщения Совинформбюро
«В последний час»
2 февраля 1943 г.

12 февраля на Кубани наши войска в результате решительной атаки овладели городом Краснодар.

Из сообщения Совинформбюро
12 февраля 1943 г.

Западнее Гжатска наши войска продолжали наступление и заняли несколько десятков населенных пунктов.

Из сообщения Совинформбюро
9 марта 1943 г.

КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГ
РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДК
КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА

ПРЕВРАЩЕНИЕ „ФРИЦЕВ"

